

Ф. ДЖ. КОТТЭМ

ТЕМНОЕ ЭХО

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-МИСТИКА

Annotation

У яхты «Темное эхо» дурная слава. Ее владельцы гибнут при странных, загадочных обстоятельствах. Несмотря на это, богатый лондонский промышленник Магнус Станнард приобретает судно на аукционе. Он хочет восстановить яхту и совершить на ней трансатлантическое путешествие вместе со своим сыном Мартином.

Сузанна, подруга Мартина, начинает собственное расследование, пытаясь побольше узнать о первом владельце яхты — Гарри Сполдинге. Открывшиеся факты ужасают: все говорит о том, что Сполдинг вступил в сговор с темными силами...

- [Ф. Дж. Коттэм](#)
  - [ПРОЛОГ](#)
  - [МАРТИН](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Ф. Дж. Коттэм
«Темное эхо»

Моей чудесной сестре Кейт

ПРОЛОГ

Руан, сентябрь 1917 г.

Туман поднялся, когда капитан Дестен и сержант Буле стояли на ступеньках у западного входа в собор. Они пили кофе, сваренный на одной из улочек, что лабиринтом окружали величественное здание. Капитан был категоричен в своем мнении, что такого тумана никому из них еще не доводилось видеть. Плотный и вязкий, он заливал тесные переулки и проезды, скрывая детали и поглощая пространство. Дестен называл его взмученным и непроницаемым, самым худшим из всего, что ему приходилось встречать на суше, хотя бы даже в Брюгге или Антверпене. Он был осязаемым, этот туман.

Если бы люди капитана были менее опытными солдатами, то не исключено, что некоторые из них ударились бы в панику и кинулись натягивать противогазы, приняв туман за химическую атаку, предпринятую дальнобойной немецкой артиллерией. Впрочем, нынешним утром они не слышали шелеста снарядов над головой. Сегодня на германском фронте, что располагался в сорока милях к востоку, пушки молчали. К тому же им всем предстояло вскоре узнать, что угодили они вовсе не под газовую атаку.

Буле был человеком гор. Он родился и вырос в деревушке, затерянной высоко во Французских Альпах, где от отца, с которым ходил на охоту с древним кремневым ружьем, перенял искусство меткой стрельбы, прославившей его среди товарищей. Как и всякий альпийский житель, сержант умел чувствовать погоду и обладал врожденной осмотрительностью, помноженной на заработанный тяжким трудом боевой опыт. Сержант уподоблял сегодняшний туман плащу-невидимке, который иногда накрывает горы на большой высоте. Он опускается так внезапно, что инстинкт говорит человеку тут же упасть на четвереньки и, подобно перепуганному зверю, зарыться в снег. Однако в сентябре снега на ступеньках Руанского собора не бывает. К тому же, по словам Буле, наблюдаемое погодное явление вовсе не походило на знакомый серый, как гусиный пух, альпийский туман. Нет, пелена была черной, как вихрящийся мрак.

Дестен не уставал повторять своим людям, что собор не является крепостью. Да, здесь можно разместить гарнизон, однако нет никакого шанса превратить в неприступный бастион здание, которое по самой своей

природе рассчитано на всех и каждого. Богачи и бедняки, младенцы и старцы — все они были здесь желанными гостями. А в военную пору роль и символизм собора как места духовного утешения становились еще более священными.

И все же собор был укреплен насколько возможно. Дестен командовал отборным подразделением. Его люди были отлично подготовлены и бдительны. Взвод в полном списочном составе. Восемь человек со стороны западного фасада, по два снайпера на колокольне Сен-Роман по правую руку и на башне Берр — по левую. Два отделения по три человека, охранявшие северный и южный пределы, плюс два часовых у входа в подземелье. Каждый вооружен карабином и крупнокалиберным кавалерийским револьвером, которые были им выданы только потому, что предполагалось сражение в условиях тесного огневого контакта. Помимо штыка на карабине у всех имелось по тяжелому ножу. Ни одного самодовольного хвастуна или показного героя. Каждый удовлетворен своим местом и ролью. Каждый подобран индивидуально — как за благочестие, так и за боевые навыки. И каждый верит в то, что защищаемое сокровище стоит пролития крови, стоит того, чтобы за него погибнуть.

И все же, увы, нельзя превратить собор в крепость, вновь и вновь с горечью повторял Дестен, когда лежал потом в госпитале, медленно умирая от пожиравшей его гангрены. Да и как можно было предвидеть, что оборонять такое место придется от людей, которые носят форму союзника твоей страны?

Из туманной пелены вышли улыбчивые американцы. Защитники Руанского собора и хранившейся в нем реликвии узнали их по запаху, когда те еще не успели появиться. По липкому, приторному запаху жевательной резинки, вечного спутника американцев. Это было первой подсказкой. А затем французы увидели их воочию.

На пехотинцах были короткополые куртки, бриджи с гетрами и начищенные кожаные башмаки. Самозарядные винтовки «гаранд» они несли наперевес Туман, похоже, им ничуть не мешал. Американцы неторопливо приблизились и, оказавшись от французов на расстоянии, когда можно услышать шепот соседа, вскинули винтовки и с невозмутимым видом принялись методично, чуть ли не в упор расстреливать своих братьев по оружию.

«Туман скрыл не только сам факт их появления, но и звуки выстрелов, — рассказывал потом Дестен. — Лишь пули глухо цокали, рикошетируя от древней каменной кладки. Но это нам все же не помешало

открыть ответный огонь, особенно с башен собора. Наши снайперы сработали мгновенно, точно и слаженно. Бойцы возле входа быстро развернулись, чтобы помочь товарищам. Огонь был кинжальным. Конечно, мы стреляли по теням, однако сам воздух ожил от гуда и визга наших пуль. Ничто не могло уцелеть в этом бушующем шторме горячей стали, которой мы встретили людей из тумана».

И тем не менее предатели американцы продолжали надвигаться. Трудно поверить, но они шли вперед как ни в чем не бывало. В их центре высился мужчина с непокрытой головой. Белокурая, чуть ли не седая шевелюра выделялась на фоне густых завитков мрака, напоминавших пороховой дым. Он был как слабая вспышка, фантом. Бледный, улыбчивый призрак человека. Дестен вынул из кобуры кавалерийский револьвер и аккуратно прицелился в американца. Времени оставалось только на один выстрел. Капитан нажал на тугой спусковой крючок, и в запястье и локоть ударила отдача.

«Я в жизни не был более уверен в том, что прицел точен. К тому же стреляю я прекрасно, да и на таком расстоянии мой револьвер всегда давал отменные результаты. И все же... Наверное, я промахнулся. Наверное. Потому что американец вскинул винтовку и, не переставая улыбаться, прострелил мне плечо, выбив дыхание из груди и отшвырнув на каменные ступени. Сознание ускользало. Звуки, и без того приглушенные туманом, стали далекими, зыбкими, неясными. Алая пелена застила мне глаза. А затем в нос ударила пряная смесь одеколона и турецкого табака. Кто-то привстал рядом на колено и принялся нашептывать мне в ухо. Я знал, что это тот американский ренегат, неуязвимый для нашего оружия и злорадный. Английский я понимаю хорошо. А как иначе? Ведь сколько раз мне доводилось слышать во Франции английскую речь за три долгих года войны.

„Сегодня не твой день, старина“, — сказал он.

Он говорил со мной так, будто только что обыграл своего товарища по велосипедному клубу на воскресных гонках.

„Сегодня не твой день, старина“.

„Чтоб тебе в аду гореть“, — ответил я и подумал, что вот сейчас он достанет пистолет и прикончит меня. А он всего лишь рассмеялся. Мрачный и ржавый, замогильный смех из разверстой гробницы. Нечеловеческий. Этот звук шел вразрез с настроением его слов. Возможно, американец только прикидывался человеком. Мне кажется, он был таким же противоестественным, как и туман, что возвестил о его приходе. Последнее, что я помню, — это скрежет подкованных башмаков по щебню,

политому кровью моих товарищей...»

Француз осенил себя крестным знамением, и мужчины, стоявшие возле госпитальной койки, — суровая ватиканская депутация, свидетели того, как Дестен погибает от заражения крови, — последовали его примеру.

Конечно, Дестен знал, зачем пожаловали непрошеные гости.

И я тоже знал, что придет такой день, когда этот улыбчивый американец будет гореть в аду; когда он поймет, что такое проклятие и осуждение на вечные муки.

МАРТИН

Купить проклятую вещь было как раз в характере моего отца. Он в грош не ставил сомнительные репутации и не верил ничему, если не видел это собственными глазами или не мог проверить лично. Да и цена, как мне кажется, никогда не бралась при покупке в расчет, если только не была чересчур уж высокой. Или попросту могла одержать верх его ненасытная страсть к приобретательству. Редкости отца искушали. Впрочем, он был человеком без предрассудков, и сейчас, по зрелому размышлению, я уверен, что он был напроць лишен чувства раскаяния или хотя бы малейшего сожаления. Он и разбогател-то благодаря своему прославленному нахальству. С каждым проходящим днем, когда укреплялось и чванливо разбухало его состояние, инстинкты отца приобретали очередную толику силы и обоснованности. Он был самоуверен и бесстрашен, а однажды принятые решения никогда не отменял. Поучаствовать в торгах за разбитые останки злосчастной яхты было для него делом естественным, и победа на этом аукционе столь же естественно должна была остаться за ним. Однако то, что случилось далее, изумило всех. Наверное, даже моего отца. Жаль, что я не догадался тогда спросить. Боюсь, теперь шансов на это не представится. Впрочем, не знаю. Если хорошенько подумать, не исключено, что произошедшее явилось на самом деле благодеянием.

Я не унаследовал ни храбрость отца, ни его тягу к риску. А без животной необходимости делать деньги я и в этом деле не проявил никаких способностей. К семи-восьми годам я уже знал, что на роду мне написано обмануть отцовские чаяния. Природа не наделила меня его буйной и бесшабашной энергией. Я был ребенком мечтательным, рефлексирующим. Отсюда понятно, что те драгоценные часы, которые он выкраивал из своего расписания и посвящал не бизнес-завоеваниям, а единственному сыну, были для него временем разочарований. В такие минуты свою волю и желание посоперничать он мог переносить в область конкурентных игр. Делал он это охотно, со смаком и целеустремленностью. Зато я никогда не интересовался, за кем осталась победа в наших шахматных баталиях. Он мог задушить меня за шахматной доской, а я бы только дарил ему улыбку деревенского идиота. Ах, как, должно быть, это выводило его из себя...

Как-то раз, когда мне было лет одиннадцать-двенадцать, после

очередного разгромного матча то ли в скрэббл, то ли в домино, он снял пиджак, засучил рукав и выставил свою волосатую ручищу на стол. Я смотрел на выпуклую мощь и крепкие жилы его конечности, задаваясь вопросом, где именно финансовый магнат, мой отец, мог наработать себе такие мускулы, и тут он сказал: «А ну, давай руку».

Я послушно схватился за его ладонь. Она была жесткой, мозолистой и сухой. Далее состоялось очередное избиение младенцев, когда мои костяшки больно ударились о полированный дуб. Отец смерил меня взглядом — глаза у него были цвета стареющей изумрудной зелени — и заявил: «Мартин, в тебе силы не больше, чем у мотылька. И примерно столько же воли». Он поднялся, непривычно медленно и устало, вынул носовой платок из нагрудного кармашка и вытер со своей ладони следы моей слабости. «Когда ты сумеешь меня одолеть, заработаешь мое уважение, — сказал он. — И кто знает? Может быть, ты начнешь уважать самого себя».

Отец в детстве занимался боксом. Вернее сказать, драками. Его школьное детство прошло на фоне убогой нищеты, которая проявляется в башмаках с картонными подошвами и полученной от благотворительных организаций одежке. В ту пору внешний вид отца никак не свидетельствовал о высоком уме, что потом было доказано успешным получением стипендии. Нет, в школе, конечно же, его сразу стали донимать. Изводить и запугивать. Из чистой необходимости он обнаружил, что умеет работать кулаками. Если в младших классах на него просто насакивали в школьных туалетах или темных коридорах интернатовских дортуаров, то затем он прогрессировал до джемпера-безрукавки и организованных кулачных боев в кольце вопящих школьников. Его старинные трофеи, дешевенькие призовые жетоны с никелировкой, ныне являются бесценными сокровищами, священными реликвиями славного отцовского прошлого. Их даже перенесли из кабинетного шкафа в библиотеку нашего семейного дома, и теперь горничная обязана чистить и полировать их ежедневно.

Когда мне исполнилось двенадцать, отец разыскал своего бывшего воспитателя и заставил пожилого священника покинуть пансион при духовной семинарии, позабыть о благочестивом заслуженном отдыхе и заняться мною. Если бы отец мечтал, чтобы его сын вырос чемпионом кулачного боя, то вполне смог бы нанять величайшего тренера по боксу всех времен и народов. Например, Брендана Ингла из Шеффилда или Энзо Калзагу из Уэльса Или мог бы съездить в Америку, чтобы выманить Анжело Данди из Лос-Анджелеса, а то и вовсе выписать из Бостона

братьев Петронелли. Но хотя мой старик и желал выпестовать из меня боксера, это обязательно и категорически должно было происходить на тех же условиях, в которых он сам воспитывался. А коль скоро его бывший наставник был еще жив, то моим тренером и стал отец О'Хэнлон.

Священник смотрелся очень дряхлым и до невозможности блеклым в том стареньком спортивном трико, куда какой-то хитростью уговорил его залезть мой отец. Воротник обтрепался, а резинки в манжетах и на щиколотках давно лопнули. Некогда белые парусиновые туфли посерели от древности и сейчас напоминали его собственную, сухую, как пергамент, кожу. Сам отец О'Хэнлон выглядел раздосадованным и удрученным. Я старательно отработал хуки и джебы на «лапах», без особого энтузиазма помесил мешок, а на пневмогруше был и вовсе небрежен. После упражнений я присел рядом с ним на лавочку, пока на моих плечах курилось паром полотенце, которое он набросил на меня в стылом, безлюдном спортзале одним камбрийским вечером.

Морщинистая рука хлопнула меня по плечу, ощупывая мускулы.

— Да, сынок, если бы твой отец обладал хотя бы толикой твоих талантов, он бы никогда не заработал себе и пенни на рынке, — сказал затем О'Хэнлон.

Я был заинтригован таким заявлением:

— Почему, святой отец?

Он шлепнул меня по колену.

— А за ненадобностью. Потому что свое состояние он бы сделал на призовом ринге.

Однако дела никогда не бывают столь просты. Жизнь — это вовсе не кино, о котором мы все пылко и тайно грезим. Я тренировался усердно и прилежно под руководством отца О'Хэнлона. До сих пор считаю, что за его простецким внешним видом скрывался один из самых хитроумных и добросовестных тренеров, о котором только может мечтать любой боксер. Благодаря его требовательному наставничеству мне удалось выйти в национальный финал Любительской боксерской ассоциации Англии. И без ложной скромности добавлю, что это я сделал, не прибегая к подлым приемчикам «боксерских войн». Пожалуй, в финале из всех фаворитов за последние десять лет именно у меня было больше всего шансов завоевать титул чемпиона во втором среднем весе. Мой отец в тот вечер был, разумеется, возле ринга, и его рука украшала плечо очередной супруги. Отец подмигнул, а она сверкнула в мою сторону зубами, когда прозвучал гонг. И первые два раунда все шло по моему сценарию, пока я задавал трепку универсалу из Вест-Хэма по имени Уинстон Кори.

Прямой в голову от Кори в третьем раунде сломал мне переносицу и уложил навзничь. Это был первый удар, который я не увидел, и последний из тех, что я принял в честном бою. Впрочем, к счету «четыре» я вновь был на ногах. По опыту спаррингов с более крупными парнями я знал, что умею держать серьезные попадания, и поэтому испытывал скорее досаду, нежели боль. Однако кровь хлестала потоком, и схватку пришлось остановить. Короче, я проиграл. Победил Кори. Я вернулся в свой угол, к отцу О'Хэнлону, который взглянул на меня так, как если бы был Спасителем, уступившим многообещающую человеческую душу тенетам вечного проклятия.

Я, конечно, знаю, что затем бы произошло в кинематографический версии этой истории. Не в силах вынести такой позор, папаша навсегда поставил бы крест на своем побежденном сыне. Он бы бросил красотку жену на тротуаре, где она в одиночестве и на холоде поджидала бы лимузин, а сам ворвался бы в комнату победителя, расточая добродушие и громогласные поздравления. Он шлепал бы по спинам и предлагал сигары. Мужественный и благородный, он олицетворял бы собой жизнь и душу этой потной и мелкой победы.

Однако в жизни все пошло иначе. На самом деле отец подошел ко мне, пока тренер и врачи пытались остановить кровотечение и зашпинтовать мой разможенный нос. Он снял пальто и собственноручно принялся промакивать алое месиво полотенцем. Накрахмаленная белизна его сорочки окрасилась брызгами крови. Отец же, судя по всему, этого и не заметил. Его прикосновения были до того нежны и заботливы, что я чуть не расплакался от столь неожиданного проявления ласки.

— Сынок, ты отдал все, — сказал он, приподнимаясь с корточек, когда кровь наконец остановилась. — Все отдал. И проиграл лишь оттого, что он больше хотел победы.

Правда его слов была неоспоримой и ошеломляющей.

Несколько лет спустя я узнал, что мой отец предложил Уинстону Кори работу. Говоря точнее, он обеспечил ему синекуру, благодаря которой Уинстон мог тренироваться в полную силу, когда вышел на международный уровень в качестве царствующего чемпиона Англии. Этот вымышленный титул он сохранял пару лет. Упомянутый факт запечатлен в анналах истории, вернее, в той статье «Таймс», где Кори публично поблагодарил моего отца, когда вернулся с Олимпиады с серебряной медалью. Однако эта повесть вовсе не о боксерах. Не о Кори, который сломал мне нос перед тем, как превратился в профессионала и сделал себе имя, а вместе с ним и не самое маленькое состояние. Эта повесть о яхте, о

человеке, который ее приобрел, и о его сыне. Ну и конечно, в ней идет речь и о других вещах, других обстоятельствах и последствиях. Однако даже сейчас, когда я пишу эти строки, во мне остается все меньше уверенности в том, чем эти обстоятельства могли бы обернуться. Так что давайте будем просто считать, что вся обсуждаемая история касается только яхты и человека, который стал ею одержим.

По-моему, выход отца на пенсию ошеломил всех, кроме него самого. Хотя если призадуматься, он, пожалуй, и сам был этим изумлен. Со стороны его решение выглядело неожиданным и возмутительным. В моих глазах барыши, слава, власть и сопутствующее низкопоклонство перед деловыми успехами отца являли собой кипящую, жизнетворящую кровь всей его жизни. Под этим углом заявление о том, что он отходит от дел, уже не кажется актом отречения от престола, а скорее выглядит некоей формой суицида. К тому же в словах, которыми отец пытался обосновать свой поступок, читались тот же унылый стиль и хромающая логика, что характерны для предсмертного письма самоубийцы.

Единственное разумное объяснение, которое приходит мне в голову его уход можно уподобить уходу чемпиона на пике спортивной славы и успеха. Как, например, в случае Бьорна Борга. Тот вышел за корт, сунул ракетку в сумку и стянул со лба эластичную повязку, непосредственно в этот момент — когда не успел еще высохнуть пот на его двадцатилетнем челе — отдавая себе отчет в том, что пламя, питавшее пожар его соревновательной натуры, оказалось притушено и что он до конца своих дней пресытился теми усилиями, которые требовались для триумфа. Это я помню. Мне ведь тридцать два. В ту пору я был шестилетним первоклашкой и, подобно многим моим сверстникам, боготворил великого шведа. Борг проиграл французскому левше Анри Леконтю в ходе второразрядного турнира и воля к победе умерла в нем с шагом за границу корта.

Как раз это и случилось с моим отцом по достижении пятидесятилетнего возраста. Ошарашенным бизнес-журналистам он объявил, что снимает с себя все коммерческие обязательства по случаю выхода на пенсию, которую собирается проводить на борту винтажной яхты. Отец сказал, что поплывет в Америку. А в конечном итоге совершит кругосветку. Впрочем, заверил он, для первого рейса вполне хватит и Атлантики.

Вам следует вообразить себе эту картину. Новость прозвучала в золочено-кожаном интерьере банкетного зала корпорации «Станнард энтерпрайзис». Отца окружали люди, специально отобранные под задачу

сохранения и дальнейшего развития этой бизнес-империи. Но сам он уже принадлежал истории. Его долю выкупил конгломерат венчурных капиталистов, от чьих предложений он отмахивался годами. В глазах рябило от деловых костюмов в полоску и крикливых шелковых галстуков. Атмосфера была пропитана тестостероном, а в карманах сидящих в зале репортеров дрожью заходились смартфоны «Блэкберри», принимавшие входящую электронную почту. Как позднее рассказала мне отцовская секретарша, обстановка царила довольно странная. И не только потому, что она была на собрании единственной женщиной. Отец из года в год великодушно подкидывал этим людям один ценный совет за другим, и его биржевые рекомендации частенько оказывались для них очень и очень прибыльными. Вот и тогда, сказала мне Шейла, они напоминали роскошно одетых попрошаек, которых напоследок созвал король, чья щедрость при раздаче обьедков с пиршественного стола была легендарной.

Наконец до людей дошло, что он и в самом деле намерен поступить так, как обещал. Они поняли, что он не шутит. Один псевдоостроумный журналист, по-видимому знакомый с тем фактом, что Магнус Станнард обладал нулевым мореходным опытом, предложил вместо Атлантики совершить переход из Саутгемптона до Кауса. Смех в зале. Впрочем, вымученный. И замерший на устах всех и каждого, едва мой отец обвел аудиторию стальным взглядом.

— На данный момент я сумел воплотить все свои мечты до единой, — сказал он в тишине. — И вот почему вы пестрите каракулями свои блокноты, а я сижу здесь, в президиуме.

Народ напряженно замер.

Тут отец усмехнулся. Улыбка его была скромной и даже самоуничижительной.

— Впрочем, чего уж там. Если подходить прагматически, то есть смысл, пожалуй, начать с Норфолкских озер.

И они облегченно зашлись весельем. Покатались со смеху. Магнус их простил.

У отца заискрились и помягчели глаза под кустистыми бровями.

— Но, ребятки, — продолжил он. — Ребятки, послушайте. Какая к чертям радость, если все время следовать прагматизму?

Шейла сообщила мне, что прожженные акулы бизнеса повскакали со своих мест как один человек, чтобы наградить отца рукоплесканиями стоя. Чисто спонтанная, заявила она, бурная и продолжительная овация. Со слезами на глазах.

Мне не требовалось уточнять, входил ли мой родитель в число

плачущих.

Аукцион, на котором он ухнул чрезмерно большие деньги за разбитое корыто, проходил в судоремонтном доке «Буллен и Клоур», что расположен в пригороде Портсмута. Дело было промозглым и хмурым январским утром. Отец настоял, чтобы я тоже там присутствовал, хотя, разумеется, до Портсмута мы добирались отнюдь не вместе. В то время как я сидел за рулем, он парил в воздухе. И даже не попросил меня захватить его с вертодрома, а предпочел самостоятельно взять такси. Когда он прибыл — без свиты и минута в минуту, — я был уже на месте, промерзший, промокший и скучный от тупого ожидания на причале.

«Буллен и Клоур»... Когда я услышал это название в первый раз, то лично мне оно навеяло мысли о гробовщиках века эдак девятнадцатого. Впрочем, приехав туда, я обнаружил, что похоронный бизнес был прямой противоположностью тому, чем они занимались. Их фирма специализировалась на спасении имущества на море. Другими словами, благодаря их усилиям трупы потерпевших кораблекрушение посудинок восставали из морской могилы. Они поднимали затонувшие суда, буксировали брошенные яхты, ремонтировали и оставляли у себя терминально поврежденные и бесхозные плавсредства и так далее. На территории их царства из эллингов, свайных причалов и якорных стоянок можно было слышать звон громадных и таинственных цепей, стонающих под напором колоссальных волн. Чудилось, что вот-вот из-за железных корпусов и мокрых подпорных брусьев вынырнет фигура Изамбарда Брюнеля в знаменитом цилиндре и кожаных полуботинках, хлюпавших по раскисшей глине за несколько часов до катастрофического удара.^[1] Туман в тот день высосал все цвета из солнечных лучей, окрасив пейзаж «Буллена и Клоура» в сепийный колер зернистых дагерротипов блеклого викторианского столетия.

Яхта, ради которой устраивались торги, находилась в сухом доке. Точнее, даже не яхта, а один лишь корпус. Со слов отца я вывел, что на самом деле она представляла собой двухмачтовую гафельную шхуну. Вот именно что представляла — в прошедшем времени. За годы запущенности она лишилась не то что кормового кубрика, но и настила на полюте. От фок-мачты вообще ничего не осталось. Грот-мачту когда-то переломил шторм, и сейчас на ее месте виднелся только коренной остов, расщепленный в полутора футах выше чугунной обоймы у пяртнерса, так что в итоге над палубой гордо торчал огрызок высотой не более двух с половиной ярдов. Несколько утешала мысль, что такой разгром был

учинен буйством стихии, а не сознательными действиями молодцов с бензопилами.

Отец хлопнул меня по плечу. «Согласись, сразу за душу берет?» — сказал он. Туман осыпал росяным бисером широкие плечи его реглана, а дыхание уже отдавало густым зловонием первой утренней сигары. Впрочем, он был прав. Как обычно.

Причиной тому были ее обводы. Даже извлеченная из воды, яхта поражала надменной элегантностью. Корпусная обшивка покрылась пятнами, однако выглядела прочной и, по-видимому, не пострадала. Ее палуба, окантованная латунным леерным ограждением, была негромким, но убедительным гимном во славу грациозности. Она обладала столь восхитительными пропорциями, что даже в разбитом виде производила впечатление достоинства и величия. Возможно, что свою роль сыграл также пьянящий, колдовской ореол богатства того человека, который заказал постройку этой яхты и затем плавал на ее борту. Из аукционного каталога я почерпнул, что «Темным эхом» владел некий Гарри Сполдинг. И все же дело было в ее обводах. Даже несмотря на потемневшую латунь, вывороченные лючки и пустые глазницы иллюминаторов, ее с легкостью можно было вообразить под полными парусами в искрящемся море на фоне белоснежных стен Антиба или в каком-то ином, преисполненном сияющей надежды месте под зависшим над горизонтом солнцем. Да уж, такая картинка возьмет за душу, особенно когда ты стоишь на осклизлой гальке в бесцветном сумраке ремонтной верфи зимним днем. Обезглавленная и измочаленная, подвешенная над лужами на канатах и цепях, «Темное эхо» заставляла предаваться мечтам.

Собственно, торги состоялись в угрюмом зале, обшитом панелями из тика и красного дерева, которые пересекались стрельчатыми окнами, ослепшими от тумана и мороси. Здесь пахло волглой плесенью и скипидаром. И было холоднее, чем снаружи. Лишь в двух аспектах это помещение согласилось уступить натиску современных веяний. Во-первых, на одной из стен висел давно выцветший календарь с рекламой покрышек «Пирелли». Если верить ему, сейчас мы наслаждались апрельскими деньками 1968 года. Однако! А во-вторых, возле конторки аукциониста имелся телефон. Правда, старомодный: черный, громадный и, пожалуй, с бакелитовым корпусом. Я бы сказал, что и в 68-м этот аппарат уже сошел бы за антикварный курьез. За телефоном присматривал специально назначенный клерк в дешевом костюме и с напмаженными волосами. Что же касается аукциониста, то это был пожилой и суровый джентльмен. В зале сидело с полдесятка человек, и никто из них, если не считать моего

отца, не походил на потенциального покупателя. Кроме того, присутствовал некий юноша с блокнотом, который даже не удосужился снять дождевик и которого я принял за репортера из местной газетенки. В истории «Темного эха» была лишь одна крохотная деталь, имевшая отношение к Помпи.^[2] Киль шхуны был заложен в род-айлендском Ньюпорте в 1916 году, но затем живописная карьера этого судна привела его — в мертвом и умаленном виде — в здешние края. Фирма «Буллен и Клоур» была местным предприятием, так что паренек вполне мог бы поместить столбец в своей газете. Получилась бы более-менее занятная история или заметка в новостной рубрике. Штатного фотографа этот начинающий журналист с собой не привел. Наверное, подумалось мне, для них куда дешевле и драматичней воспользоваться каким-нибудь архивным снимком яхты под полными парусами.

Я оказался прав насчет присутствующих. Ни один из них не сделал попыток объявить конкурентную цену. Моему отцу пришлось упорно сражаться против претендента, который участвовал в торгах по телефону и, судя по всему, очень и очень желал приобрести яхту. Отец намного перекрыл свой же лимит, однако ему было не занимать упрямства, а карманам — глубины. Он хотел это судно и не привык уступать первое место. Словом, он выложил непомерные деньги, а когда молоточек в последний раз ударил по конторке, отец обернулся ко мне с улыбкой, где читались гораздо более сложные нюансы, нежели хорошо знакомая ухмылка триумфатора, которую я ожидал увидеть. Что-то было в ней, в этой улыбке, чему я не мог дать точного определения. Сейчас, вперяя в прошлое взор, просветленный задним числом, я берусь утверждать, что улыбку отца в то утро подпортил инстинкт, который был ему, в общем-то, чужд. Теперь мне кажется, что его победную улыбку исказила судорога мрачного предчувствия.

Очередной сюрприз последовал незамедлительно.

— Я был бы признателен, Мартин, если бы ты отвез меня к вертодрому, — сказал отец.

Я кивнул, поднялся, застегнул пальто, нащупал брелок с ключами от машины, подошел к распахнутой двери и принялся ждать у выхода, пока он дарил свои сентенции — конечно же, любезные и остроумные — парню из местной газетенки.

На стене сухого дока уже стоял какой-то мужчина и командовал бригадой рабочих со стальными тросами и краном, которые громадным брезентовым саваном закутывали дубовый и тиковый труп, обошедшийся моему отцу в кругленькую сумму. Туман над останками яхты тяжелел и

сгущался. Между мокрой галькой под ногами стропальщиков и дном дока простиралась пятидесятифутовая бездна, так что люди двигались с опаской. Бригадир носил зюйдвестку и бушлат поверх замасленной робы. Натекавшая с моря дымка потихоньку превращала его в крикливое и воинственное привидение, которое облаивало подчиненных и посасывало огрызок сигары, чей кончик светился размытым оранжевым пятнышком. Как мне кажется, он и не подозревал, что я за ним наблюдаю. Когда с заданием было покончено и его бригада побрела прочь, теряясь в серой мгле, он на минуту замер, уставившись на недвижный громадный корпус, окутанный погребальной плащаницей. После чего швырнул окурок в мутную жижу на дне дока и осенил себя крестным знамением — раздумчиво и неспешно, словно коленопреклоненный католик на заупокойной мессе.

Сей поступок показался мне несообразным после всех тех воплей и проклятий, которые сопровождали только что завершенное дело. Возможно, я был свидетелем некоей морской традиции, которая, как и все прочие морские обычаи, были для меня за семью печатями. А затем исчез и бригадир, проглоченный туманом. «Буллен, — подумал я. — Если только не Клоур». Удивляла почтительность, более уместная гробовщику и проявленная со стороны одного из боссов — охотников за морскими трофеями, — которые вот-вот поживятся за счет моего отца.

Тут подле меня возник и сам отец. Он взял меня под руку (третий по счету сюрприз за день), желая прогуляться к тому месту, где я припарковал машину. Дорожка повела нас вдоль «Темного эха», обряженного в саван. Но отец даже не взглянул на яхту. Он смотрел строго вперед, и переживаемое им беспокойство отразилось бледным подобием той улыбки, которую, как ему, наверное, мнилось, он носил с наработанной уверенностью вечного триумфатора. «А ведь отец перепуган», — подсказала мне интуиция. Он цеплялся за мою руку подобно карапузу, который, чего-то устранившись, ищет утешения в твердой родительской ладони.

К тому моменту, когда я преодолел расстояние до вертодрома, туман сгустился настолько, что взлет сделался невозможен. Даже Магнус Станнارد не был в состоянии отменить запрет авиадиспетчеров на любые рейсы.

— Отец, давай я сам тебя отвезу, — предложил я.

Мне не хотелось, чтобы первый день его отхода от дел омрачился хоть сколь-нибудь мелким поражением. Да и водитель из меня хороший. Даже он не мог бы с этим поспорить. Отец посмотрел на мой «сааб». Посмотрел

— и вздохнул.

— Пожалуй, мне следовало купить тебе машину получше. Напомни при случае, чтобы я устроил тебе «ягуар» или что-нибудь в этом духе.

— Да мне нравится моя машина. Годится и «сааб», — ответил я.

— Годится, когда ты сам швед, — возразил он, забираясь на заднее сиденье. — Годится, когда ты сам исповедуешь самоуничтожение. А шведам, как и всем прочим скандинавам, ничего другого не остается.

— Если мне не изменяет память, — сказал я, — «сааб» для меня выбрал именно ты.

Он рассмеялся. Непринужденно, без натяжки. Сегодня мы чудесно ладили. Понятное дело, я мог все испортить в любую секунду, протаранив в таком напоминающем суп тумане чей-то задний бампер. Но мы с ним ладили. Отец и сын, вдвоем. У меня зарделись щеки от удовольствия. Я испытывал прилив горделивого чувства, вцепившись в баранку, прости господи.

Ужинали мы тоже вместе. Сузанна отсутствовала по своим рабочим делам в Дублине, я ничего на тот вечер не запланировал и, стало быть, не должен был ни перед кем оправдываться. На обратном пути в Лондон отец позвонил секретарше, чтобы та извинилась за него перед очередной супругой. Похоже, отец рассматривал эсэмэски как слишком интимную форму общения. А может, слишком уж современную. Вариант позвонить жене лично, судя по всему, отпадал сам собой. Эти ранние провозвестники выглядели не очень ободряющими, и, не отрывая взгляда от полупрозрачных видов за лобовым стеклом, я сам с собой поспорил, что она продержится не дольше, чем обе ее ближайшие предшественницы.

— Я скучаю по твоей матери, — минуту спустя промолвил отец. Голос его прозвучал устало под бременем той скорби, что выходила на первый план всякий раз, когда упоминалась моя матушка. — Господи, Мартин, как же я по ней скучаю...

— И я, — последовал ответ.

Я не погрешил против истины и вел затем машину в полном молчании. Но пусть и нелегким оно было, это молчание, его никак нельзя назвать вымученным. Просто тут нечего добавить. Смерть матери оставалась ничуть не менее ужасным событием даже по прошествии доброй дюжины лет. Я не мог презирать отца за те слова, что он произнес от сердца. Однако предложить хоть что-то утешительное тоже был не в состоянии.

За ужином его настроение улучшилось. После нескольких глотков шампанского отец вроде бы начал возвращаться к своему привычному

образу.

— Что ты слышал про Гарри Сполдинга?

— Представитель «потерянного поколения» Хемингуэя.

— Как прикажешь понимать? — насупился отец.

— Не знаю. Наверное, он был чем-то вроде Дика Дайвера.

— Дик Дайвер — вымышленный персонаж Скотта Фицджеральда.

— Это мне известно. Но... Отец, ты понимаешь, что я имею в виду.

Он был одним из тех богатых американских экспатриантов, которые украшали собой Ривьеру в двадцатые годы. — Конечно, в этом вопросе я не был полнейшим профаном. В конце концов, речь шла о любимом литературном жанре Сузанны. И, словно желая это доказать, я прибавил: — В ту пору имелось множество самых разных Гарри Сполдингов. Состоятельные и беспомощные любители приятного времяпрепровождения с легкими претензиями на художественный вкус. По шаблону Джеральда Мерфи. Летом они обитали на юге Франции, а зимовать отправлялись в Церматт. Сполдинг играл в поло и выигрывал регаты на борту своей прославленной яхты.

— Смотрю, ты очень хорошо информирован.

— Все это было в каталоге сегодняшнего аукциона.

— Буллен с Клоуром не историки, Мартин. Они падальщики, старьевщики моря. Давай-ка я тебе расскажу о настоящем Гарри Сполдинге.

Мой отец отнюдь не принадлежал к числу докучливых самоучек. Он был просто очень талантливым стипендиатом, которого обучали иезуиты Амплфортского колледжа. С другой стороны, отец упустил шанс поступить в университет, в результате чего испытывал комплекс интеллектуальной ущербности, который порой заставлял его вести себя с излишней напыщенностью при обсуждении академических тем или вопросов из культурной области. Он был склонен к догматизму, ханжеству и педантичности. При всем при этом, как однажды заметила Сузанна, мой отец обладал первоклассным умом. И ей можно верить, коль скоро она сама имела больше научных верительных грамот, чем кто бы то ни был в моем окружении, и умела выносить точные суждения. Лекцию о настоящем Гарри Сполдинге, впрочем, пришлось немного отложить, потому что по ресторану тенью скользнул официант и встал возле отцовского локтя в ожидании заказа.

Мы ужинали в «Кундане» на Хорзферри-роуд. Это англо-индийское заведение, неброское и дорогое по высшему разряду. Его основная клиентура представлена высокопоставленными чиновниками, пожилыми

парламентскими «заднескамеечниками» и адвокатами с обильными гонорарами от Уайт-холла. Отец ходил сюда годами. Вряд ли за все это время их меню хоть раз обновилось. Мне вновь пришло на ум, что для человека с подобными наклонностями морской вояж и в самом деле звучит дико экстравагантно, совсем не вписывается в его характер. При этой мысли в памяти всплыло выражение отцовского лица, когда мы шли мимо закутанной в саван яхты несколькими часами ранее.

Итак, выяснилось, что Гарри Сполдинг был героем Первой мировой. Он начинал лейтенантом командиром американского пехотного взвода на поздних этапах войны на территории Франции и Фландрии. Миротлюбивый Вудро Вильсон в конечном итоге довел Америку до вступления в конфликт. Причем он на самом деле являлся убежденным пацифистом, мечтающим о послевоенной Лиге наций, чтобы уже никогда не повторилась та мясорубка, в которую он вовлек свою страну.

А вот на американских солдат куда более сильное влияние оказывали воинские идеалы и философия менее миротлюбивого предшественника Вильсона, Теодора Рузвельта. На переломе столетия, в период испано-американской войны, Рузвельт лично возглавил кавалерийскую атаку на Кубе. Он был воинственным, несговорчивым и решительным сторонником мнения, что всякий раз, когда речь заходит об интересах Америки, действует аксиома «кто силен, тот и прав». Именно Тедди Рузвельт основал громадные форты, где проходили обучение американские войска. Именно он ввел правило, что солдаты должны получать надлежащее денежное, а также вещевое довольствие в форме самых лучших ботинок и самых теплых одеял — не говоря уже о военной технике и снаряжении.

Когда в 1917 году была объявлена мобилизация, армия США столкнулась с опытными немецкими дивизиями, которые удерживали свои окопы и прочие позиции на протяжении четырех лет атак и контратак. Американцы были хорошо подготовлены к войне, уверены в себе и прекрасно обучены. Дрались они храбро и самоотверженно. Но даже в той армии, где воинская доблесть была обычным делом, подвиги лейтенанта Сполдинга слыли легендарными.

— В конечном итоге ему присвоили звание майора и предложили возглавить отборное штурмовое подразделение, — продолжал мой отец. — Во многих смыслах их можно считать предтечей того, что нынче мы именуем спецназом. Среди этих солдат звание играло второстепенную роль. Так же как и происхождение, которое в случае Сполдинга характеризовала невероятная привилегированность. Он был любимым отпрыском одной из наиболее богатых династий американских банкиров.

Однако играть свою роль был поставлен за личные заслуги на поле боя. Так же как и все прочие члены его группы.

— А у них было свое название? Как-то обозначалось их подразделение?

Отец отпил шампанского, затем ответил:

— «Иерихонская команда».

Он сунул руку во внутренний карман пиджака, извлек бумажник и достал из него фотоснимок, который положил между нами на белую льняную скатерть. Я взял карточку и принялся ее разглядывать в неярком свете ресторанного интерьера. У нас на столе стоял канделябр, и я придвинул его поближе. Печать была свежая, однако я знал, что сам снимок сделали девяносто лет тому назад. Изображенные на нем люди напоминали футбольную команду: первый ряд сидел на корточках, а второй стоял во весь рост. Все до единого юны. Подстрижены чуть ли не под корень. Ни одного негра. Впалые глаза, первобытно-свирепый вид. Вооружены до зубов ножами, кастетами, револьверами и короткоствольными карабинами увеличенного калибра, о чем свидетельствовал необычно большой диаметр патронов в лентах нагрудных патронташей. У всех на лицах написана странная, жутковатобольшая улыбка, словно они были пьяны от крови. Мне, впрочем, не показалось благоразумным разделить с отцом такой вердикт в отношении людей на этой фотографии, так что я просто кивнул, надеясь, что мой жест сойдет за выражение уважительной оценки. Хотя, если честно, в моих глазах эти солдаты скорее смахивали на охотников за боевыми сувенирами типа отрезанного уха.

— Кто из них Сполдинг?

Указательный палец отца постучал по одному из запечатленных на снимке людей.

Мне следовало самому догадаться. Сполдинг, фронтовой герой из родовитого семейства, был на полголовы выше остальных. В те дни экономическое процветание почти всегда находило свое отражение в росте человека. Он был худощав, гибок, отличался узкими длинными бедрами и аристократическими пальцами. Его улыбка сияла идеально ровными, белыми зубами. Поразительно красивый мужчина, если приглядеться к чертам. С общепринятой точки зрения лицо Сполдинга было практически лишено каких-либо изъянов. И вместе с тем в нем не было ничего привлекательного. Он выглядел опасным. С таким человеком не хочется встречаться и, уж во всяком случае, поворачиваться к нему спиной.

Я помассировал веки. Не исключено, что дело просто в вине, которое я

пил после сладкого пива в конце долгого, утомительного дня и напряженной поездки в тумане. Затем я вновь посмотрел на Сполдинга. Все верно, впечатление осталось прежним. При взгляде на этот снимок в голову раз за разом приходило одно только слово: дикарь.

— А почему такое название, «Иерихонская команда»?

Отец дернул плечом.

— Я тоже не нашел, из какого источника оно взялось. Во всяком случае, ничего убедительного. А все эти люди давно мертвы, так что никаких пояснений дать не могут.

«Ну и слава богу», — подумал я.

— Послушай, твоя Сузанна не могла бы в этом как-то помочь?

— Если не выйдет у нее, то у всех остальных и подавно, — ответил я. — Она сейчас в Дублине, раскапывает там свежие откровения для документальной ленты про Майкла Коллинза.

— Спешки никакой нет, — добавил отец, забирая у меня фотоснимок. — Это все мелочи.

Я уставился в бокал с вином.

— Хотя она зря тратит свое время.

— Как так?

— Я говорю, ирландцы — болтливый народец. Мы и так все уже знаем про Майкла Коллинза.

За ароматным жарким из барашка с кусочками пряного цыпленка отец поведал мне оставшиеся факты из короткой и яркой жизни Сполдинга. Его первым значительным достижением в мирное время можно считать успешное выздоровление после «испанки», которая убила свыше половины его боевых товарищей на пароходе, возвращавшемся из Франции. В последующие годы он дважды брал шестимесячный отпуск, который проводил на борту своей новой и яркой игрушки. Осенью 1922 года Сполдинг окончательно решил, что больше не может выносить банковскую карьеру, и, к великому огорчению собственного отца, напрочь оставил мир коммерции. Как ни удивительно, вместо традиционной мести в виде полного отлучения его и без того щедрое денежное содержание возросло до уровня, который позволял ему ежемесячно прожигать настоящее состояние. Он плавал на своей яхте в Европу в компании подружки, пока та наконец не утомилась жизнью на воде и окончательно бросила Сполдинга, сбежав сразу после швартовки в Римини. Он играл — и выигрывал — в казино Монако. Затем, оставив яхту на зимней стоянке, Сполдинг отправился в Париж, где его соперником по теннису был Эзра Паунд, а на боксерском ринге — Хемингуэй. Под влиянием внезапной

прихоти он приобрел себе пони для игры в поло, хотя ни разу так и не сел в седло, а также принимал участие в спиритическом сеансе, который давал английский черный маг Алистер Кроули. Подобно всем мужчинам, понесшим психическую травму после окопной бойни, он слишком много пил, опрометчиво болтал и не мог отыскать в человеческом существовании никаких ценностей или оснований для великой надежды или спасения.

Услышав это, я невольно задумался: каким вообще образом Сполдинг мог быть знаком с практической стороной жизни, когда его питало столь баснословное богатство?

В середине 20-х годов он некоторое время пожил в Англии, а затем вышел в море из Дублинского залива, но ненадолго, потому что его загнал в Ливерпуль шторм, который едва не уничтожил «Темное эхо». Климат и, возможно, прохладный темперамент британцев вкупе с их отстраненностью показались Сполдингу более созвучны его душе, нежели атмосфера континентальной Европы. Именно на этот период приходятся многочисленные победы и трофеи Сполдинга на гонках в Каусе и прочих местах, где изумительные обводы его яхты стали привычным и славным зрелищем на фоне искрящихся вод Солентского пролива.

В Каусе о его подвигах на воде до сих пор ходят легенды среди местных жителей, морских волков, чьи деды сами работали лоцманами или входили в команду Гарри Сполдинга во время гонок. Они и по сей день с ужасом рассказывают о злобном бульмастифе Тоби, который не давал им прохода всякий раз, когда требовалось проникнуть в кормовой салон за какой-нибудь навигационной картой. Столь же легендарными были призовые чаевые, коими награждал Сполдинг после очередной победы: на эту сумму человек мог затем полгода прохлаждаться, не вставая с пляжного шезлонга.

В воспоминаниях о яхтсмене Сполдинге сквозило неподдельное восхищение, но в них напрочь отсутствовала привязанность. Да он и сам, похоже, не питал любви в собственный адрес. Потому что одним морозным декабрьским днем 1929 года, пока его яхта стояла у пирса в густой ледовой каше нью-йоркской гавани, он улегся на кровать в номере одного из манхэттенских отелей, что располагался в полутора милях от устья Гудзона, и пустил себе пулю в правый висок. Сполдингу было тридцать три, и его труп производил приятное впечатление. Это отметил даже один из следователей, вызванных на место происшествия. От Гарри, по словам следователя, веяло смертным покоем. Это был мертвец с безмятежным челом. Картину портила лишь небольшая дырка в черепе, окруженная изящным темным ободком порохового ожога. Выходного

отверстия не имелось; пуля застряла где-то в мозге.

Слишком много выпив, чтобы браться за руль, я оставил «сааб» возле парковочного счетчика, усадил отца в такси, которое должно было доставить его в район Мейфэр, а сам пешком пересек Ламбетский мост, направляясь к нашему с Сузанной дому на той стороне Темзы. Оказавшись внутри и сняв пальто, я прошел в ее крошечный кабинет, где включил свет. На рабочем месте моей подруги до сих пор чувствовался слабый аромат духов, и я с удовольствием втянул его носом. На подоконнике рядком выстроились справочники, откуда торчали желтые полоски закладок, отмечавших особо важные пассажи. Небольшой приз из плексигласа на серебристой дощечке, полученный за трехсерийный документальный фильм про хитрого Рудольфа Гесса, она приклеила замазкой к компьютерному монитору и невероятно гордилась сим достижением. Я и сам улыбнулся при виде этой штучки. Во время работы Сузанна сидела лицом к галерее портретов одаренных или печально известных людей, над раскрытием тайн которых она столь усердно трудилась. Здесь были Оден и братья Крей. Имелся карандашный набросок Кристофера Марло, а также студийное, тонированное сепией фото Дана Лено в сценическом костюме. В настенном коллаже из портретов находился и знаменитый снимок Майкла Коллинза, тонкогубого щеголя и главы Ирландского свободного государства, затянутого в армейский мундир с кожаными перчатками и парабеллумом на поясе. Я всмотрелся ему в лицо, и этот человек, который одним ноябрьским воскресеньем приказал разом укокошить четырнадцать британских шпионов, показался мне милым симпатягой в сравнении с Гарри Сполдингом и его «Иерихонской командой».

Я отметил, что цветы, стоявшие в вазе на подоконнике с книгами, увядали. Надо будет купить свежий букет к ее возвращению. Я погасил свет, качая головой. Без Сузанной в квартире было слишком тихо и пусто. Я осторожно прикрыл дверь в кабинет и отправился за стаканом воды на кухню. Пряные блюда, да еще под пиво с вином, все равно заставили бы меня искать воду в этот час отхода ко сну, хотя по большому счету жаждой я был обязан той просьбе, которую высказал отец за ужином. Во рту стояла сухость от нервного возбуждения, чуть ли не страха. И все из-за отцовского предложения, сделанного за столом в «Кундане». Это да еще пешеходная прогулка до квартиры. Темза под Ламбетским мостом несла свои воды низко, плескалась мягко и невидимо, а и без того тихие звуки окончательно искажал туман. Практически непроницаемый в Портсмуте, он дотянулся своими щупальцами до столицы. На улицах замерло движение машин, и, как ни удивительно, почти не осталось прохожих,

хотя, по лондонским меркам, час был далеко не поздний. Однако с той минуты, когда такси увезло отца, меня преследовало странное подозрение, будто кто-то следит за мной сквозь расходящуюся дымку, от моста и до самого дома.

Той ночью мне приснилось, что Гарри Сполдинг и Майкл Коллинз встретились на какой-то сумеречной и монохромной ничейной полосе. Они пришли туда в военной форме, сняли фуражки и портупеи, после чего принялись бороться. Коллинз, сын потомственного фермера из Корка и, стало быть, куда более дюжий молодец, одержал верх благодаря своей борцовской цепкости. Но затем конечности Сполдинга вдруг удлиннились, почернели, блеснули хитиновым гляncем громадного и костлявого насекомого, после чего он раздавил и принялся жадно пожирать своего противника. Руки и ноги его окончательно поделились на сегменты и гнусно похрустывали, пока он уползал во мрак.

Я проснулся весь в поту, вылез из постели, вернулся в кабинет Сузанны и взял в руки ее кашемировый свитер, который она оставила висеть на спинке стула. Вот что было источником того аромата, запаха ее кожи, волос и любимых духов. Я свернул его и положил себе на подушку, надеясь, что он поможет успокоиться, однако чувство безотчетного страха не проходило. Тогда я взял с прикроватного столика мобильник и набрал эсэмэску для Сузанны с просьбой перезвонить, если она еще не спит. Хорошо еще, что Дублин находится в том же самом часовом поясе, ведь исследовательская работа моей подруги могла забросить ее в любую точку мира. А сейчас и в Дублине, и в Лондоне стрелки всего-то едва перевалили за полночь.

Звонок раздался почти сразу.

— Что случилось?

— Ничего. Слушай, тебе приходилось слышать такое имя: Гарри Сполдинг?

На пару мгновений воцарилось молчание, пока, как я был уверен, в ее умной, красивой голове пролистывался ментальный «Ролодекс».

— Да. В двадцатых годах в Париже он как-то раз предложил Бриктоп сто тысяч долларов, если она согласится с ним переспать.

Я понятия не имел, кто такая эта Бриктоп. Куртизанка? Артистка варьете?

— И она ответила...

— Боюсь, нечто совсем непечатное, — рассмеялась Сузанна.

— А как насчет «Иерихонской команды»?

Вновь молчание. На сей раз ментальный поиск оказался менее

продуктивным.

— Пожалуй, нет, об этом я не слышала. Хотя звучит не очень-то приятно... Мартин, в чем дело?

— Сегодня мой отец купил поломанную посудину Сполдинга. Его яхту. «Темное эхо», понимаешь?

Я услышал, как на том конце провода Сузанна сглотнула.

— Ну... Да, твой отец никогда не отличался склонностями к суеверию.

— То есть? Ты о чем?

— Расскажу, когда вернусь, Мартин. И про Бриктоп тоже.

— Отец намерен восстановить яхту и опять сделать ее пригодной к плаванию. Хочет выйти на ней в море. Совершить кругосветку. И... и еще он сказал, что хочет это проделать со мной вместе.

— А я-то думала, что он меня любит, — снова рассмеялась Сузанна, но в ее голосе и намека не было на веселье.

— Он и вправду тебя любит.

— Но при этом хочет отнять у меня тебя?

— Значит, меня он тоже очень любит.

Я, можно сказать, слышал ход ее мыслей.

— Ладно, Мартин, увидимся в выходные, — сказала она. Сегодня среда. Стало быть, придется ждать до субботы. — Будь осторожен.

Странно. Раньше она такого не говорила. «Будь осторожен»... Осторожен насчет чего?

Я лежал на постели, пристроив свитер в качестве мягкой, сладко пахнущей подушки, но сон все не шел. Тогда я направился в кабинет Сузанной и включил компьютер. А затем, практически безотчетно, протянул руку и включил ее маленький транзистор. В командировки она брала ноутбук, а наш домашний десктоп был старым и медленным. Впрочем, приятно было отвлечься на его гудение и неторопливое пробуждение к жизни. Радиоприемник оказался настроен на одну из цифровых станций, передававших современную музыку типа бибопа, современного джаза и фьюжн. Мелодии следовали одна за другой, не прерываясь голосом какого-нибудь страдающего бессонницей диджея, чья тупая болтовня, подхлестнутая немереным количеством кофе и самолюбования, портила впечатление от любой композиции.

Я побарабанил пальцами по столешнице, улыбаясь при воспоминании о нашей первой с Сузанной встрече, которая, по идее, никак не могла произойти. Дело было на Восточной ветке, глубоко под землей в районе Уопинга. Сузанна была попросту отчаянно красивой девушкой, с которой мы делили вагон метропоезда, пока в него не ворвалась тройца подростков

в куртках с капюшонами и начала самым наглым образом грабить наиболее слабых и незащищенных пассажиров. Тем, что случилось далее, я обязан отцу О'Хэнлону, который привил мне необходимые навыки, и моему родному отцу, который организовал для меня эту прививку.

Никто, ни единая душа — как это принято в современном Лондоне — не взялся хоть что-то сделать. Те, кого хулиганы не выбрали на роль жертвы, притворялись, что ничего непотребного вообще не происходит. Они не видели и не слышали никаких воплей, угроз, избиений или прочих правонарушений. Ничем не примечательная, будничная поездка из одного конца города в другой. Верно? Вот они и сидели — те, кого не грабили, — вперившись в черные стекла несшегося в туннеле вагона, покамест банда лезла к бледной и хорошенькой девушке, которая опасливо прикрывалась ноутбуком. Все было, как и полагается быть. По меньшей мере до той секунды, когда я поднялся со своего места, издал клич и всех троих уложил на пол.

Позднее Сузанна назвала тот момент моим РБК (рыцарь на белом коне). Для себя она выбрала ДВБ (девица в беде). Похоже, эти сокращения ее забавляли. Да и наши роли тоже были забавными, до абсурдности далекими от реалий тех сбалансированных отношений, к которым мы в конце концов пришли.

Меня арестовали, притащили в районный участок, обвинили в нарушении общественного порядка, после чего появился мой отец и с сияющим видом лично вызволил из каталажки под залог. Сузанна добровольно вызвалась дать свидетельские показания. Шесть недель спустя меня пригласили в участок и заявили, что в суд дело передавать не будут.

— Шпана, на которую вы нарвались, проходила у нас как «шадуэллские гопники», — сообщил детектив-сержант, уединившись со мной в помещении для допросов. — А вот после того, как вы им надрали задницы, мы дали им новое имя — «шадуэллские жопники». И знаете, мне доставляет удовольствие отметить, что кличка вышла на улицу и прижилась.

Помилование мы с Сузанной отпраздновали в ресторане. Через неделю она ко мне переехала.

Наконец компьютер проснулся окончательно, и я провел интернет-поиск на Бриктоп. Хотелось посмотреть ее фотографии, но поначалу мне попадались только изображения какой-то почтенной негритянской старушки, а потом и вовсе снимки с ее похорон — кстати, весьма пышных и чуть ли не хвастливых. Тогда я вбил ключевые слова по-другому и,

разумеется, обнаружил-таки, какой легендой была Бриктоп. Какую яркую, колоритную жизнь она вела. Какой блестящий набор талантов демонстрировала в своем ночном парижском клубе в то лихорадочное десятилетие сразу после Первой мировой... Я читал о ее длинных ногах и столь же длинном списке поклонников. Гангстеры и художники, нувориши и писатели — все они жаждали ее милостей и благорасположения... А имена-то какие! Все богатство Сполдинга не могло поставить его в голову очереди, где, к примеру, пихались локтями и прихорашивались Джек Джонсон, Пабло Пикассо и Дюк Эллингтон.

Не могу сказать, давно ли началась эта песня, но когда мое внимание к словам на экране вдруг на миг споткнулось, я наконец почувствовал холодную дрожь вдоль хребта, пока звучало что-то старое и звучное, да еще с характерным шипением и потрескиванием. Я бросил взгляд на транзистор. Сузанна купила его совсем недавно. Очень современный приборчик, а посему изливавшиеся из него звуки поражали своей неуместностью. Одну жутковатую минуту мертвый голос Бриктоп доносился до меня через семьдесят четыре года после смерти ее неудачливого поклонника, да еще в тот день, когда мой отец купил ту самую вещь, которую упомянутый поклонник ценил более всего в жизни. Песня кончилась. Неожиданно для себя мне страшно захотелось услышать человеческий голос. И как по заказу, заговорил ведущий программы, объяснивший, что эта композиция прозвучала в исполнении Жозефины Бейкер.

Наваждение как рукой сняло. Бейкер, конечно, была протеже Бриктоп, ее находкой. Я только что сам это обнаружил. Однако представить себе, что длинная рука совпадений, способная дотянуться так далеко... Это уже слишком. По крайней мере, для моей усталой головы. Ни в какие ворота не лезет. Так что я выключил радио, пока эта пресловутая рука не протянулась еще дальше.

После возвращения в постель выяснилось, что сон по-прежнему упорствует и являться не желает. Я вдыхал теплое утешение, исходившее от импровизированной кашемировой подушки из свитера Сузанны, и иронически улыбался, сравнивая мое нынешнее поведение с теми обстоятельствами, при которых состоялась наша с ней встреча. Неужели я боюсь темноты? Сузанна считала, что я ничего не боюсь. Пожалуй, я сам дал ей повод так думать. И отсюда до истины было очень далеко. И все же, боюсь ли я темноты?

Если честно — вряд ли. Зато я точно знаю, что в ту минуту меня мучил страх перед злокачественными воспоминаниями об американце по

имени Гарри Сполдинг.

В сумасбродстве отца все же прослеживалась определенная логика. Перед покупкой яхты он заказал смету, во что обойдется ее полное восстановление, переоборудование и приведение в пригодное для плавания состояние. Оценку выполнили инженеры той судоремонтной верфи в устье Хамбл, которая славилась отличным качеством работ в этой строгой, эзотерической и чрезвычайно эксклюзивной сфере. Исходные требования к постройке яхты Сполдинга были очень высокими. Технология, которая обеспечила бы их соблюдение, не утрачена до сих пор. Хотя дело, следует признаться, было необычным. В наше время такие спецификации доступны лишь за весьма круглую сумму. Современные компьютерные средства позволяют, как многократно доказано на практике, проектировать яхты по гораздо более низкой цене. Однако восстановление требует педантичности вкупе с артистизмом да еще с применением устаревших инструментов и малодоступных материалов.

Фрэнк Хадли заверил, что его верфи такая задача по плечу. Все же он честно предупредил, что уйдет не менее шести месяцев, если эта работа должна быть выполнена на высоком уровне и без ошибок. Предложенный график отца вполне устраивал. За шесть месяцев он успеет освоить необходимые навыки, чтобы стать компетентным шкипером «Темного эха». Яхта будет готова к началу июля. Судя по морскому альманаху, это время как раз благоприятно для пересечения Атлантики. Впрочем, с моей точки зрения, слова «благоприятный» и «Атлантика» плохо уживаются в одном предложении. А с другой стороны, все в мире относительно. Июль, как ни крути, лучше марта и уж куда более милостив к морякам, нежели, к примеру, октябрь.

Сузанна вернулась домой к обещанному сроку. Она все-все рассказала мне про Бриктоп. И присовокупила то небольшое, что было ей ведомо про Сполдинга и его удивительную жизнь на северо-западе Англии. Дело в том, что годом ранее Сузанна немножко занималась теми гостиницами, в которых, по слухам, водились привидения. Она припомнила, что в одной из них останавливался знаменитый Сполдинг. Увы, этот «Палас-отель» в Биркдейле давным-давно снесли, а фильм так и остался в черновых набросках. Я был до того рад видеть Сузанну — к тому же Сполдинг даже в тех крохотных, известных мне деталях казался отвратительной темой для обсуждения, — что немедленно утратил остатки любопытства к его

персоне. Отец же, с головой ушедший в тонкости освоения мореходного искусства на фоне распада его последнего по счету брака, напрочь позабыл о данном самому себе обещании привлечь Сузанну к расследованию корней того любопытного названия, «Иерихонской команды». Позднейшие события заставили меня горько пожалеть об этом обстоятельстве, хотя на тот момент его забывчивость выглядела вполне простительной оплошностью.

Как и мой отец, я записался на мореходно-навигационные курсы и, кроме того, вступил в яхт-клуб. На занятия было решено ходить порознь. Достаточно хорошо зная характеры друг друга, мы понимали, что в противном случае наш запланированный вояж потерпит крушение еще на суше. На воде же от нас требовалась бы только взаимная компетентность, не отягощенная воспоминаниями о комических школярских ошибках. Словом, мы договорились посещать курсы по отдельности. Мой яхт-клуб находился в Уитстейбле, где в условиях изменчивой февральской погоды я мог найти вполне безопасное подобие тому, с чем придется столкнуться в океане.

Что Сузанна обо всем этом думала, я, признаться, и понятия не имею. Наверное, она сочла наше с отцом сближение вещью хорошей. И по-видимому, полагала, что шесть месяцев — срок слишком долгий, чтобы начинать нервничать сейчас. Как я подозреваю, Сузанна решила, что на двоих у нас с отцом достанет хотя бы базовых знаний, когда мы наконец поднимемся на борт. «Темное эхо» была гоночной двухмачтовой шхуной, более чем способной преодолеть расстояние между Саутгемптоном и Нью-Йорком за три недели. Ну и следует учитывать, что в наш век спутниковых телефонов и аварийных радиомаяков море было намного более безопасным, чем в «бурные двадцатые» Сполдинга. Сузанна погрузилась в работу над документальным сериалом про Майкла Коллинза и борьбу ирландцев за независимость. А любые сомнения и опасения насчет нашей будущей авантюры она держала при себе.

Возможно, вас интересует, где я нашел время заниматься столь масштабной подготовкой к этой морской прогулке, не говоря уже о деньгах на обучение. Любой не знакомый со мной человек был бы в полном праве предположить, что все объясняется щедрым содержанием, которое выделил отец. Но при этом он погрешил бы против истины. Да, отец всегда был ко мне щедр. Зато я всегда был независим, особенно после внезапной смерти матушки. В обоих университетах, где мне довелось учиться, я подрабатывал на студенческих радиостанциях, организовывая интервью с гостями, автопробеги под сбор пожертвований, конкурсы среди

радиослушателей и тому подобное. После выпуска я нашел себе аналогичное место при региональной студии графства Кент, хотя на сей раз у меня был всамделишный оклад. Затем я стал работать на коммерческой радиостудии в Лондоне. Если бы у меня имелся некий карьерный план, то в его верхней строчке, наверное, шла бы должность составителя эфирной сетки для Би-би-си. Мне всегда нравились власть и могущество слова изреченного, и я неизменно предпочитал радиовещание телевизионным передачам, потому как у слушателей появляется больше шансов дать волю воображению в отличие от телевидения, которое не способно воспроизвести тот же эффект, коль скоро опирается именно на картинки и страдает от напастей «мертвого сезона».

Итак, было время, когда я всерьез намеревался когда-нибудь эволюционировать в эдакого лорда Рита^[3] XXI столетия. Но вмешалась судьба в образе беседы с одним из коллег по лондонской студии, в ходе которой мы придумали новый формат игрового шоу, и у нас хватило ума его запатентовать. Эта игра произвела фурор в эфире. Формат оказался столь удачен, что мог быть безболезненно внедрен на телевидении. И вот тогда наша игра стала общемировым хитом. Она не принесла мне — даже примерно — того состояния, которое сделал отец в своем бизнесе, но, по крайней мере, появились деньги, которые на пару лет сняли все беспокойство о том, где брать средства на погашение моей квартирной ипотеки.

Я перестал работать в общепринятом смысле два года назад. Если честно, выход, по сути дела, на пенсию в тридцать лет был для меня удручающей перспективой. Однако при этом я питал амбиции в отношении писательской карьеры. За эти два года я сочинил и опубликовал две детские книжки. Продажи оказались скромными, но все же заработали мне толику похвал. Мне нравится писать для загадочных маленьких людей, замок к мыслям которых отомкнуть ох как непросто. С трудом могу себе вообразить более достойное дело для литератора, чем стремление разжечь воображение и фантазию ребенка. Надеюсь, что у нас с Сузанной в не самом отдаленном будущем появятся собственные дети. Хотя постойте-ка. Пожалуй, будет вернее сказать, что на это я надеялся. Именно. «Я надеялся, что у нас с Сузанной...» — далее по тексту. Если быть реалистом, то в текущих обстоятельствах все лучше подавать именно в прошедшем времени. К этой необходимости нас подвело губительное проклятие Гарри Сполдинга.

У нас у всех имелось лишь туманное представление о несчастливой репутации «Темного эха». Кое-что я слышал от отца, когда он впервые

упомянул о своем интересе к этому судну, но, если честно, я не могу в точности вспомнить, что он говорил. В общем когда я к нему пристал (правда, не слишком настойчиво) с этим вопросом, он откинулся в своем клубном кресле и что-то такое сказал насчет суеверных моряков с их приметами, после чего занялся более насущным делом по воскрешению потухшей сигары. Даже Сузанна здесь проявила себя ничуть не более откровенной. Она заявила, что слышала-де об этой яхте в связи с каким-то актом насилия в отношении неких азартных игроков, что имел место в 30-х годах в районе Кубы, но после моих ненавязчивых подталкиваний призналась, что не помнит ни имен, ни национальностей, ни даже названия порта. «А вдруг это и есть проклятие „Темного эха“, — насмешливо добавила она. — Может, оно вызывает амнезию у будущих жертв, чтобы они вновь и вновь попадались ему на удочку». При этих словах Сузанна скорчила злодейскую гримаску и потрясла головой, чтобы ее растрепанные волосы походили на гриву злобного демона. И — как бы дико это ни звучало сейчас — мы оба рассмеялись ее страшной шутке.

Первое по счету происшествие на верфи Фрэнка Хадли выглядело достаточно заурядным. Рабочие осторожно демонтировали сохранившиеся иллюминаторные обечайки и лючки. Те детали, которые еще можно было восстановить, отправляли купаться в кислоте для удаления следов коррозии, после чего их полировали до первоначального сияющего блеска. Но перед этим полагалось извлечь все оставшиеся куски разбитых стекол. Впрочем, даже эту работу требовалось вести крайне аккуратно, потому как в иллюминаторы собирались затем вставлять новые стекла, вырезанные точно по размеру, индивидуально отшлифованные и отполированные рукой мастера. Было очень важно не повредить мягкую латунь окантовки, потихоньку выбирая зубилом осколки высокопрочного стекла.

При этой операции случайно поранился ученик стекольщика. Поначалу никто не придавал этому никакого значения, однако рана загноилась. У него начался сильный жар, состояние быстро ухудшалось, и тогда парня повезли в больницу. Его госпитализировали, а затем перевели в блок интенсивной терапии с серьезным случаем сепсиса. Он был молод и крепок, увлеченно играл в футбол и даже подумывал о полупрофессиональной карьере, но совсем не выглядел атлетом со своей располосованной ладонью и гротескно разбухшей рукой, подвешенной над больничной койкой, возле которой пришлось поставить аппарат искусственного дыхания, потому что тело злосчастного юноши разбил паралич и он потерял способность дышать самостоятельно.

Парнишка выжил. Отек начал спадать, инфекция пошла на убыль.

Спустя неделю его выписали. Но к работе над иллюминаторами «Темного эха», переданными в мастерскую стекольного субподрядчика на верфи Хадли, он не вернулся. Вместо этого позвонил своему бывшему боссу и заявил, что в жизни больше не будет резать стекла. И, добавил он категорическим тоном, в жизни больше не позволит стеклу порезать его самого.

Второй инцидент имел место непосредственно на борту яхты и был куда более серьезным. Плотник менял палубный настил, на который, разумеется, шла твердая древесина, а именно высокосортный тик, по очень приличной цене приобретенный в специализированном лесном хозяйстве моим отцом, внимательно следившим за своим экологическим имиджем. Но то ли древесина оказалась плохо выдержанной и сохранила в себе достаточно влаги, чтобы заклинило ножевой диск, то ли попался особо свилеватый участок с сучком... Да и плотник, разумеется, пользовался старинной циркулярной пилой, как того требовал характер заказа. А твердая древесина — каким бы мастером ты ни был и каким бы наточенным ни являлся твой инструмент — всегда требует определенных физических усилий. Короче, диск лопнул, и стальной осколок вонзился плотнику в глаз. Очень серьезная травма, к тому же в обмен на приобретенное внешнее уродство он потерял пятьдесят процентов зрения и порядочную долю особо тонких и сложных заказов вплоть до конца своей профессиональной карьеры.

Но это были еще цветочки в сравнении с третьим происшествием, подлинной трагедией, которая заставила взглянуть на ситуацию под совсем иным углом. Причем дело происходило в присутствии моего отца, который заехал на верфь проинспектировать ход работ.

В тот день удаляли огрызок грот-мачты, ее коренной остова, который пронзал всю надстройку по центру палубы. Операция чем-то напоминала выдирание гнилого зуба, хотя сама по себе мачта была отнюдь не гнилой. Просто переломленной, не подлежащей восстановлению, а посему ее требовалось демонтировать. Рабочие подогнали кран, который должен был выдернуть ненужный кругляш. На ствол завели стальные тросы-оттяжки, чтобы после извлечения это бревно не слишком опасно раскачивалось над палубой. Не хватало еще, чтобы мачта превратилась в своего рода таран и разнесла по щепкам то судно, на борту которого она столь долго и верно служила.

Каким-то образом один из этих тросов провис и обвился вокруг руки стропальщика на палубе. После чего, натянувшись вновь, он начисто отхватил ему руку с легкостью проволочного ножа, которым режут сыр.

Прямо по бицепсу. Работу, конечно, тут же прекратили, вызвали «скорую», а в ожидании приезда санитаров принялись оказывать первую помощь. Фрэнк Хадли был образцовым работодателем, и два человека в бригаде знали все насчет неотложных мер и разных спасательных процедур, но человек с оторванной рукой продолжал корчиться на залитой кровью палубе, пока наконец не скончался от болевого шока по истечении пяти-шести минут адских мучений.

Исполнение заказа было приостановлено. И больше не возобновлялось. Отец обеспечил Хадли весьма выгодный контракт. А Хадли, как я уже упоминал, был скрупулезным работодателем и платил своим рабочим по очень конкурентным ставкам. Но после гибели рабочего на борту «Темного эха» никто не желал связываться с отцовской яхтой. Даже после того как Хадли лично взялся за швабру и отдраил палубу от крови стропальщика, а полицейские следователи убрали свои авторучки, взяв необходимые показания; даже после похорон, состоявшихся аж на восьмые сутки после инцидента, всеобщего энтузиазма вернуться к проекту не наблюдалось. Стояла последняя неделя февраля, и по всей Южной Англии хлестали рекордные дожди. Имелся водоотливной насос для поддержания дока сухим, пока в нем находилась инертная масса «Темного эха». Яхта вновь была окутана своим саваном, как если бы пребывала в торжественном и напыщенном трауре по самому свежему усопшему на ее борту. Ибо мне рассказали, что у него имелись предшественники — а также предшественницы, — по которым яхта, надо думать, некогда скорбела с точно такой же расчетливой и напускной благопристойностью. А может, все дело было просто в погоде, которая нагоняла на меня такую тоску, что, куда бы я ни бросил взгляд, все становилось столь же унылым и блеклым как и протекшая небесная твердь.

Я сидел с отцом в офисе Фрэнка Хадли. Сквозь окно за его спиной различалась брезентовая туша яхты, полуразмытая пеленой дождя. Как это обычно бывает, судоремонтный заводик находился в устье реки, на конце глубокого канала, откуда земснарядом выбрали ил, чтобы суда, над которыми Фрэнк работал, имели доступ к открытой воде. Во многих аспектах все напоминало верфь Буллена с Клоуром. В воздухе стоял такой же всепронизывающий соленый запах, а солнечный свет отличался той бледностью, какую можно встретить только на взморье. Это было точно такое же царство мокрой гальки, буксирных канатов, якорных цепей и швартовых палов с чугунными кольцами. Ну и разумеется, здесь опять чувствовалось присутствие «Темного эха».

Но в то же время и столь же существенным образом все пребывало в

полном контрасте к «Буллену и Клоуру». Просторный офис Хадли был минималистской данью уважения хорошему вкусу и модернизму. В углу мягко бурчала автоматическая кофеварка. На стене — от нас слева, а от сидевшего к нам лицом Хадли справа — висел целый ряд жидкокристаллических мониторов. Все они демонстрировали одну и ту же вереницу изображений: ладью норвежских викингов, реконструированную в непростых ракурсах трехмерных компьютерных моделей. По истечении нескольких минут разглядывания всевозможные шпангоуты, рыбинсы и прочие элементы ее геометрии вполне могли бы сойти за репортаж с выставки абстрактного инсталляционного искусства.

— Мы строим целый флот для постановочного фильма, — пояснил Хадли. — Вернее, это зрителям покажется, будто они видят целый флот. На самом деле мы соберем только один корпус, но зато он будет абсолютно точной и плавающей копией. А остальное дополнится интерьерами, кое-какими особо проработанными сечениями и компьютерной графикой.

Комментариев не последовало ни от меня, ни от отца.

— Все равно жутко дорогая вещь.

И вновь мы промолчали.

Хадли некоторое время смотрел на экраны.

— У нас не получается улучшить то, чего достигли их судостроители тысячу лет назад. Во всяком случае, с теми материалами, которые были им доступны, даже с учетом всех наших микропроцессоров и мегабайтов. Древнескандинавский драккар, совершеннейшее единение формы и содержания. Умопомрачительный подвиг инженерного разума и натурного воплощения.

Фрэнк Хадли носил хлопчатобумажные слаксы и бледно-голубую хлопковую же сорочку на высокой и по-юношески художавой фигуре. Шевелюра с проседью была зачесана — по-видимому, пятерней — наискосок от асимметричного пробора. Во взгляде его читались живость и искрящийся блеск мастера дамского обхождения. В этом смысле он мало чем отличался от моего отца. Но зато его лицу недоставало силы характера, твердости линии подбородка... «звездного» качества, если угодно, которым всегда, причем в изобилии, отличалась физиономия моего отца. Взятый отдельно, Хадли продемонстрировал бы определенный мужской шарм, но только не в одной комнате с моим отцом, который запросто затмевал его своим блеском. Сопоставлять их друг с другом — это все равно что сравнивать Питера Лофорда с Кэри Грантом.

— Для любого судостроителя — как вы, например, — невезучее

судно, конечно же, представляет собой ту же концепцию, что и дом с привидениями в глазах современного архитектора, — проговорил мой отец. — Здесь мы имеем не просто анахронизм. Это даже хуже абсурдности. Нет, это afront. Публичное оскорбление.

Хадли медленно оторвал, взгляд от компьютерных экранов, но смотреть в лицо моему родителю отказался. Вместо этого он уставился на свои руки, сцепленные на столешнице.

— Мои взгляды по данному вопросу не имеют существенного значения, мистер Станнард.

— Пожалуйста, зовите меня Магнус, — сказал мой отец.

— Да Хорошо. Магнус... Итак, чего бы я себе ни думал на предмет невезучих судов, мое к этому отношение не будет играть никакой роли, если я не сумею заставить людей выйти на работу.

— Найдите себе других людей.

Хадли встал. Повернулся к нам спиной и принялся разглядывать пейзаж за серым от дождя окном: хмурое низкое небо над угрюмым, затянутым в брезент силуэтом вождя моего отца.

— Магнус, вы были здесь, когда погиб человек. Вы сами наблюдали за ходом работ. Я так и не смог найти хотя бы одного инженера или эксперта по несчастным случаям на производстве, которые объяснили бы мне, каким таким образом проклятая оттяжка могла ослабнуть.

— Проклятая... — вслед за ним повторил мой отец.

Он сказал это бесстрастным тоном, как если бы само слово было на заморском наречии и он просто пытался понять, как оно звучит.

— И все же, несмотря на постоянное и огромное натяжение, под которым находился этот трос, он ухитрился-таки дать слабину и обвиться вокруг руки.

— Тяжелое машиностроение — опасная работа, — глубокомысленно изрек мой отец. — Если не ошибаюсь, на вашей верфи была открыта подписка на сбор средств для вспомоществования несчастной семье.

— Да.

— Я внесу и свой вклад, — сказал отец. — Щедрый.

— Вы видели, как он сучил ногами по палубе, видели его танец смерти в луже собственной крови...

— Было бы любопытно узнать, как человек с вашей профессиональной репутацией сумеет справиться с таблоидами, которые возьмутся по-своему трактовать этот образчик возрождения деревенского колдовства.

— Да какое там колдовство... — заметил Хадли. Мне показалось, он

хмыкнул. Впрочем не уверен. — Это и не колдовство вовсе.

Мой отец промолчал.

— А вам никогда не приходило в голову ознакомиться с историей этого судна? — Хадли по-прежнему стоял к нам спиной.

— Историю «Темного эха» я знал задолго до приобретения яхты, — ответил мой отец.

По всем его мерилам, то самообладание, которое он проявлял в эту минуту, было экстраординарным. Гнев являлся одним из его талантов, а ярость — одним из наиболее мощных видов личного оружия.

— Где находится судовой журнал?

— В сейфе. Все пять томов. Другими словами, в полной безопасности и сохранности.

— Общепринято, чтобы он постоянно сопровождал то судно, к которому относится.

— Журнал, в безопасности, — повторил мой отец.

— В таком случае советую его прочитать, — сказал Хадли.

— Уже прочитал.

— Я также настаиваю, чтобы вы позволили и мне с ним ознакомиться.

Наконец Хадли повернулся к нам лицом. Наверное, я все же ошибся в своем суждении. Он гораздо больше походил на Мартина Шина, чем на Питера Лофорда. Не вполне обладая тем грубоватым мужским обаянием которым столь активно пользовался мой отец, Хадли тем не менее демонстрировал авторитетность и практическую сметку. Это был явно человек с принципами, когда речь заходила о благополучии его работников. Принципы для Фрэнка Хадли играли куда более важную роль, нежели достоверность этой истории с подачи таблоидов.

Отец встал.

— Что-нибудь еще?

— Пресса еще не успела сделать из меня посмешище, хотя и не замедлила прилепить к вашей покупке ярлык несчастливое судно.

— Скорее, проклятого, насколько мне известно, — заметил отец.

— Ну... пожалуй. Я получил письмо от Джека Питерсена из род-айлендского Ньюпорта, где яхту заложили. Он вызвался сам приехать и принять участие в ремонте. Говорит, что его прапрадед лично трудился на ее строительстве. — Хадли вытянул ящик письменного стола и извлек конверт с характерной для авиапочты окантовкой. Я и не подозревал, что такие вещи сохранились в нашу кибер-эпоху. — Питерсен заверяет, что, если мы поручим ему надзор за работами, восстановление на сто процентов пройдет успешно.

— Разводка, — ответил на это мой отец, застегивая пальто и охлопывая карманы в поисках портсигара. — Какой-то шантажист из Новой Англии берет вас на испуг.

— А я его проверил, — возразил Хадли. — Он не шантажист. Во всяком случае, если судить по отзывам.

— Тогда выписывайте его сюда, Хадли. Расходы я беру на себя. Но учтите: это будет под ваше честное имя и репутацию. — Отец помолчал. — Ладно, схожу покурю. Прошу вас, джентльмены, не стесняйтесь, побеседуйте в мое отсутствие.

Фрэнк Хадли уселся лишь после того, как за отцом закрылась дверь.

— Мартин, ирония этой ситуации в том, что ваш отец мне импонирует, я восхищаюсь им. Он нахал и примадонна, но при всем при этом справедлив и щедр, выгодно отличаясь от прочих самодовольных наглецов.

— Отец поручил вам отремонтировать и восстановить судно, а вы ни разу не упомянули его названия.

— Не упомянул, — подтвердил Хадли. — И с божьей помощью никогда этого не сделаю.

— Вы в самом деле полагаете, что яхта проклята?

— А вы хоть раз поднимались на нее? — усмехнулся он.

— Нет.

— Несмотря на все инциденты, мы успели сделать многое. Шесть недель плотной работы, а затем вот это несчастье... Судно в достаточной степени восстановлено для ознакомительной экскурсии. Как вам такая идея? Может статься, сумеете уговорить отца поработать гидом.

— Потому что ваша нога, мистер Хадли, никогда не ступит на ее борт?

Вот уже второй раз задавал я вопрос, который на самом деле не требовал ответа.

Хадли посмотрел на мониторы, где в танце элегантного геометрического морфинга извивались и трансформировались черные, бескровные линии судового силуэта на белом фоне.

— Мартин, я лишь могу надеяться, что этот Питерсен сумеет сдержать свои обещания. Молюсь об этом.

Я перевел взгляд на окно за его плечом. Стекло было прочным, толстым и звуконепроницаемым. Но все исхлестанное дождем. Погода ухудшалась. Ветер крепчал. Это я видел в изломанном полете чаек, которым не удавалось найти способ пробиться сквозь серое, взвихренное небо. О том же самом свидетельствовало усиливавшееся волнение за границей мелководья у речного устья, где успели появиться барашки, чей

неровный, убыстрявшийся ритм предвещал приближение шторма. На мгновение я всем сердцем пожелал, чтобы буря сумела преодолеть волноломы на входе в доки Хадли и разметала «Темное эхо» по щепочкам. Мысль эта мелькнула на крошечный миг, но успела изумить меня своей горячностью и тем мстительным наслаждением, с которым, когда вернется штиль, я бы разглядывал измочаленные таковые доски, порванные швартовные канаты и брезентовые лохмотья, плавающие в полосе прибоя, рядом с наконец-то безвредным остовом старинной яхты...

— Вы побаиваетесь собственного отца.

Это заявление заставило меня расхохотаться:

— Подобно большинству прочих людей.

— Кроме Гарри Сполдинга.

— Который уже свыше семи десятилетий как мертв. Если только, разумеется, вы не верите в колдовство.

На лице Хадли мелькнула нетерпеливая улыбка. Он внимательно посмотрел на меня, меряясь взглядом. Глаза его были бледно-голубыми и слегка воспаленными.

— Меня не прельщает перспектива словесного фехтования с сыном выгодного заказчика. Особенно когда это уязвляет мое чувство собственного достоинства. Однако у меня тоже есть сын, и он вам практически ровесник... Как бы то ни было, я бы очень просил вас прочитать судовой журнал, прежде чем отправляться в любое путешествие на борту обсуждаемого судна Мартин, не просите отца показать вам этот журнал. Требуйте этого!

Секундой позже появился и мой отец. Он вошел в кабинет, где стояла настолько неловкая тишина, что ее, пожалуй, можно было пощупать. Отец согласился оплатить какие-то там расходы, контрассигновал чеки и так далее. Затем Хадли поднялся, пожал нам руки, и мы вышли наружу, в надвигающийся шторм.

Отец согласился, чтобы я подбросил его в Чичестер. Я не спрашивал, по какому именно делу. Он оставил свой денежный бизнес, и, коль скоро последний по счету брак уже числился по категории прошедшего времени, я предположил, что Чичестер является местом романтического свидания. В моей памяти этот городок был полон симпатичных антикварных лавочек и чудноватых пабов со старомодными деревянными каркасами. Его узкие улочки, пропитанные духом эпохи короля Георга, с легкостью могли укрыть от непогоды. Перед глазами поплыли картинки: таверна с очагом, где за решеткой жарко горят поленья; развешанная по стенам лошадиная сбруя с начищенными призовыми бляхами; бренди, мерцающее в пузатых

бокалах... Тепло, алкоголь и дорогой подарок, выложенный на столике, разжигают чувственное настроение. Мой отец принадлежал к той породе мужчин, которые поддерживают дружеские связи с бывшими любовницами. Тех дам, которых он уговорил-таки пройти с ним к алтарю, ждали последствия арктического свойства. Словом, старые угольки в его сердце постоянно поддерживались в более-менее непотухшем состоянии в надежде, что когда-нибудь они вспыхнут пламенем заново растормошенной страсти.

Если не ошибаюсь, за те двенадцать лет, что минули после смерти матушки, он сменил полдюжины подружек. Такое количество, а также разнообразие неизбежно подводили к мысли о том, какой же характер носила его внесемейная деятельность до этого. Впрочем, у меня и близко не хватало духу задать подобные вопросы в лицо. Мой родитель все-таки представлял собой человека, которого порой трудно любить. Тот факт, что он изменял матушке направо и налево, вполне мог привести в будущем к окончательному разрыву между нами. Я уже упоминал, что физически я не трус. Серьезно говорю. Однако перспектива напрочь оказаться без семьи пугала меня — особенно после ухода мамы. Словом, я попросту не осмеливался ставить перед отцом такого рода вопросы, ибо ответы могли вызвать последствия, взглянуть в лицо которым у меня не доставало отваги.

— Я хотел бы почитать судовой журнал «Темного эха», — сказал я.

— Да ради бога. После выходных я тебе его организую.

Сегодня четверг. Время близилось к обеду. Чичестер возвестил о своем приближении посредством рыдающего от дождя придорожного указателя. Городишко практически не имел окраин. Через минуту-другую отец вылезет из машины.

— И еще я хотел бы позаимствовать ту магнитку, которую тебе дал Хадли. Верну завтра.

Он обернулся ко мне:

— Тебе нужна карточка от замка? С чего вдруг?

— Хочу на лодку посмотреть.

Отец расхохотался:

— В такую погоду?

— Именно в такую погоду. Хочу знать, не соврал ли Хадли, когда уверял о количестве уже проделанной работы.

— Да, они многое успели.

— Хотелось бы своими глазами увидеть.

— Что ж. — Он вынул магнитный ключ из кармана.

Упрямство было одной из черт моего характера, которое, как мне

кажется, отец действительно во мне уважал. А с другой стороны, я же сам это унаследовал от него.

Полученная карточка не позволит проникнуть в святая святых Хадли, и это неважно. Я не собирался грабить его компьютерные файлы или подкручивать винтики в кофеварке. Мне просто требовалось — срочно — взобраться на борт яхты и самому удостовериться в наличии той зловещей атмосферы, о чем он вроде бы упорно намекал. Мое предыдущее желание увидеть «Темное эхо» разнесенным на щепочки подразумевало, что я питал неприязнь к этому судну в большей степени, чем оно недолюбливало меня. Однако подобная антипатия сама по себе являлась загадкой, которую я и хотел раскрыть. Тайный и необъявленный визит под покровом бури как раз для этого годился. Сузанна вновь улетела в Дублин, идя по следу «Крепыша» Коллинза. А у меня свободное расписание. Словом, я высадил отца, и тот бегом кинулся спасаться от ливня под навесом узенького чичестерского тротуара. Ловко перемахнув бордюрный камень, он полез в карман пальто за мобильником. Очередное напоминание о том, что отец движениями и внешностью никак не выглядел на свои пятьдесят пять. С другой стороны, повадки его тоже носили более молодежавый характер.

После этого, щурясь сквозь залитое водой лобовое стекло, я принялся отыскивать дорогу, которая привела бы меня к исходному пункту отправления.

Когда я наконец прибыл на место в районе половины третьего, верфь выглядела совершенно безлюдной. Даже если бы Хадли и нанял новую бригаду мастеров, одержимых желанием потрудиться над восстановлением «Темного эха», сомневаюсь, чтобы им это удалось в подобных условиях. Ветер со стороны моря хлестал дикими, горько-солеными порывами, действительно смахивавшими на штормовые. Дождь, который он нес с собой, был нескончаемым и плотным барабанившим по земле и крыше автомобиля. Вода плясала в набухавших лужах, придавая верфи заброшенный и разгромленный вид. Я присмотрелся к кучке аккуратных строений, что стояли поодаль от берега пытаясь высмотреть в них признаки хоть какой-нибудь жизнедеятельности, например синие огни газовых горелок или бешеную белизну электросварки, чьи вспышки мигали бы сквозь цеховые окна, пронзая сумрак. Ничего, ровным счетом ничего. Столь же безжизненными оказались эллинги и соседние слипы, с которых суда спускают на воду. Пока я возился с магниткой и электрозамком, ветер что-то пел в струнах колючей проволоки, натянутой между бетонными столбами ограды. Наконец ворота захлопнулись за спиной, и я бросил взгляд на окна офиса Хадли, который занимал второй

этаж опрятного, выкрашенного бледной краской деревянного здания в сотне ярдов правее меня. Жалюзи опущены. Впрочем, сквозь щели между рейками пробивались ярко-желтые, умиротворяющие полосы теплого света. По крайней мере, хоть один человек работает.

Брезент, покрывавший лодку моего отца, оказался в нескольких местах прорван под жестоким напором сегодняшней непогоды. Вообще-то ткань была очень плотной, да еще крест-накрест прошитой усилительными лентами с многократными швами. Другими словами, не представлялось возможным разодрать ее надвое и стянуть с корпуса. По крайней мере, я так думал. А на деле вышло, что кое-где брезент все же зацепился за некие выступы и порвался. Ветер хлестал сквозь прорехи и заходился воем дикарской радости, дергая за трепещущее, идущее пузырями полотнище. Брезент в ответ на это трясся от негодования, словно живое существо.

Я вымок до нитки, пока шел к судну. Да и одежда на мне была под стать деловой okazji, а не морской бури. Я остановился, посмотрел влево, где Хамбл впадал в Солентский пролив, и был поражен масштабом той злобы, которую демонстрировало ходившее ходуном море. Подошвы скользили по камню, которым замостили верфь. Впервые до меня дошло, сколько труда вбухали в невероятную прочность кладки и зачем вообще понадобилось такое делать. Это и были пресловутые оборонительные сооружения, бастионы сей цитадели человека в его борьбе со стихией. Чистая прагматика.

Я крался к «Темному эху», едва не вывихнув лодыжку на осклизлых булыжниках и проклиная предательскую кожу моих туфель и собственную неуклюжесть. На экзаменах по навигационному искусству я проявил себя докой по части математики, а вот здесь выяснилось, что мне грозит пролететь тридцать пять футов до бетонной стяжки, на которой покоится киль нашей яхты, — и лишь от нехватки пары кроссовок на каучуковой подошве. Я восстановил равновесие, физически и духовно. Брезент без передышки рычал, громыхал и хлопал в свежепорванных местах. Сейчас, когда я оказался вблизи, корпус лодки смотрелся угрожающе. Я вскинул голову, болезненно щурясь на уколы дождевых игл. Небо, бывшее ранее враждебно-хмурым, сейчас напоминало стремительно задвигающуюся крышу сумрака над миром. Я нащупал в кармане пальчиковый фонарик. Слава богу, хватило ума взять его из бардачка моего «сааба» перед вылазкой на верфь. Узким лучом я осветил брезент. Что ж, по крайней мере, не будет сложностей с проникновением на борт: передо мной виднелась прореха длиной фута полтора. Я выключил фонарик, зажал его зубами и полез внутрь, на палубу «Темного эха».

Первым впечатлением была уютность, комфорт тех палаточных дней моего бойскаутского детства, когда я был еще «волчонком». Дождь барабанил по жесткой ткани, неся с собой ностальгические воспоминания, но добраться до меня уже не мог. Вокруг стоял запах сырости, а мне было хорошо в моем сухом и заплесневелом убежище.

Однако нельзя забывать, что здесь я по делам. Фонарик помог сориентироваться. При этом я успел заметить новые доски, которыми плотники мастерски залатали дыры в палубе. Древесина еще не прошла протравку, не говоря о покрытии лаком, однако даже узенький луч «Маглайта» давал понять, что работа выполнена на совесть и без малейших огрехов. Я провел пальцами по дереву, но швов нащупать не смог. Требования, заявленные моим отцом, были поразительно высокими, и тем не менее их удалось соблюсти. Я оглядел гладкий настил в поисках тамбура сходного люка. Вот он: темный прямоугольный зев, уводящий куда-то под палубу. Вокруг меня скрипел и заходилась дрожью брезент. Я улыбнулся. Уже сейчас слегка пьянила мысль, что отцовские денежки никто не разбазарил цинично, а, напротив, потратил с большим толком.

Ступеньки сходного трапа оказались хитрыми. За воем бури я не слышал скрипа, однако по пружинистому чувству под ногами мог сказать, что их еще не меняли. Я спускался по дряхлой и погибшей древесине, а посему действовать надо было осмотрительно. Мало того, чем глубже я забирался в темное нутро судна, тем отчетливее проявлялся иррациональный инстинкт страха и даже зарождающейся паники. Яхта отзывалась грохотом на ярившийся шторм, а запах плесени усиливался и приобретал новые, сложные нюансы по мере моего продвижения по короткому нисходящему пролету лестницы к кубрику и камбузу. Спуск занял больше времени, чем следовало бы. Чересчур много ступенек, пришло мне в голову. Чересчур глубоко.

На конце трапа царила тьма. И непростая смесь запахов, причем настолько сильная, что я опасался включать фонарик из боязни перед тем, что мог увидеть. В нос била первобытная вонь, как от мокрой звериной шкуры, отчего моя мошонка съежилась в тугой комок, а волосы на загривке встали дыбом. Впрочем, рев бури и чечеточная дробь атакуемого брезента несколько улеглись. Здесь было гораздо тише, но до того страшно, что я с трудом контролировал поведение мочевого пузыря.

— Расслабься, старина, — прозвучал чей-то голос.

Я мигом включил фонарик. Пусто. Я находился в капитанской каюте. Смотреть здесь не на что, кроме разоренного, протекающего интерьера старой, ремонтируемой посуды. Хотя... На двери справа, что вела в

каюту поменьше, поблескивало небольшое зеркало в латунной рамке. Я нахмурился и посветил туда фонариком в подрагивающей руке. И, вскинув взгляд, увидел, что было в том зеркальном отражении.

Прежде всего в глаза бросились роскошная красная кожа и пурпурная обивка пышных сидений с золотыми кисточками; затем завиток табачного дыма и гамаши с пуговками поверх лакированного мужского ботинка, который отдернулся в тень со стремительностью кобры. И тут я разглядел женское лицо — макияж и бледность «джазового века»; иссиня-черные, геометрически уложенные волосы; алые губы — и гримасу до того дикого и неподдельного ужаса, который сочился из глаз и распахнутого рта, что я подскочил на месте, хотя эта картинка еще не успела полностью проявиться в моем сознании. И я бежал. Рвался вверх по осыпающимся ступеням сдирал с пальцев ногти, силясь нащупать, распахнуть прореху в жестком, неподъемном брезенте, а когда это удалось, то лихорадочно полез наружу. А за моей спиной, невзирая на вой и рев опустошающего ветра, звучал хохот — мужской и отрывистый.

Я лежал на причале, переводя дух и сбираясь с силами. Наконец поднялся на ноги и побрел к офису Хадли в поисках спасения. Но желтые полосы света между планками жалюзи исчезли. Вообще возникало впечатление, что на верфи Фрэнка Хадли потухли все огни.

Сидя за рулем «сааба», я видел, как мои пальцы сочатся кровью из-под сорванных ногтей. После первоначального, ошущающего потрясения от испытанного и увиденного пришло покалывание, а затем и резкая, чуть ли не звенящая боль. Мне, мокрому и дрожащему, все же достало сообразительности включить печку. Я сосредоточился на вождении. Ливень каскадом омывал лобовое стекло, а когда я выскочил на открытую, ничем не защищенную полосу шоссе, вести машину стало еще сложнее из-за могучих порывов спятившего ветра. Я старался не думать про сцену в каюте. Дело в том, что уже не раз мне казалось, будто я очутился в присутствии привидений. Но сегодня впервые стал свидетелем проявления враждебной потусторонней силы. А мои воспаленные нервы и подергивающиеся под кожей мышцы уверяли, что призрак Гарри Сполдинга был сгустком чистейшей злобы и бездонной ненависти.

Я ехал. Наконец-то Лондон. Вот и Ламбетский мост. Я припарковал машину, стер с ладоней запекающуюся кровь какой-то тряпкой из багажника и направил стопы к близлежащему пабу, где заказал двойной ром, который и махнул залпом. Но даже дома, когда непогода уже ослабла до негромкого постукивания каплями в оконное стекло, когда я уже принял обжигающий душ, переменил одежду и согрелся, прошло несколько часов, прежде чем я

испытал хотя бы первые признаки чувства относительной безопасности.

Слать Сузанне эсэмэску в поисках утешения по такому случаю — дело бессмысленное. Я лежал в нашей постели, размышляя о том, чего и сколько об этом происшествии следует рассказать любимой женщине. Мало того что тайны обладают свойством гноиться. Я к тому же знал, что существенная доля ценности наших отношений заключается в той близости, которая появляется лишь тогда, когда ты делишься своими наиболее сокровенными мыслями и чувствами. Да, имелась масса вещей, о которых я ей не рассказывал. Однако меня не терзала вина за то, что скучную и тривиальную чепуху я держу при себе. Это просто один из способов не дать женщине воспринимать тебя самого чепуховым, тривиальным и скучным.

Что бы она сказала о пережитом мною на борту яхты? Сочла бы меня умалишенным? Она бы поверила в то, что это случилось в действительности. Сочувствовала бы перенесенному потрясению. Но Сузанна была слишком прагматична и практична, чтобы самой верить в сверхъестественное. Она бы отыскивала некое рациональное объяснение. Например, усмотрела бы в этом последствия усталости и чрезмерно бойкого воображения. Тут мне вспомнились ее слова, произнесенные из Дублина, когда я рассказал ей про аукцион. Сузанна уже знала, что за «Темным эхом» водилась репутация невезучей лодки. Она упомянула об этом факте еще до возникновения каталога несчастных случаев на верфи Фрэнка Хадли. Придется ее порасспросить подробнее. Это важно, ничуть не менее важно, нежели чтение судового журнала.

Зазвонил телефон.

— Привет. Какие новости? — спросила Сузанна.

— Да так.

— Как прошла поездка в Гемпшир?

— Бригада дорогостоящих мастеров хором упала духом.

— Их легко понять.

— Да? И почему ты так думаешь?

Я не говорил ей о гибели рабочего. Это было одно из моих скучных и тривиальных упущений.

— Потом расскажу, когда вернусь, — ответила она.

— Как там крепыш Мик? — едва не позабыл я спросить.

— Если честно, я еще никогда столь сильно не восхищалась мужчиной.

— Фу-ты ну-ты.

— Исключая тебя, конечно.

— Конечно.

Той ночью сон все же соизволил прийти. Но был он неглубоким и полным видений.

На следующий день после обеда я заехал к отцу в его мейфэрский особняк, чтобы вернуть магнитный ключ. О происшествии на борту «Темного эха» я умолчал. Отступление из царства Фрэнка Хадли прошло скрытно. Крайне маловероятно, что меня кто-то смог заметить. Во всяком случае, из тех, кто имел право там находиться. Из живых. А вот Гарри Сполдинг, чувствовал я, меня видел. И я его слышал. Его отражение удалось заметить лишь на долю секунды, пока он не отпрянул, как кобра. Но я слышал его слова, произнесенные голосом, который был мертв уже десятилетия.

Одного этого хватило с избытком, и размышлять на данную тему мне никак не хотелось. Так же как и думать про ту женщину, спутницу Сполдинга. Отец ничему из этого все равно не поверил бы, вот почему я обо всем умолчал. Ранние события моей жизни поставили крест на надеждах, которые мог питать отец в отношении меня. Во всяком случае, когда речь заходила о духах. А Гарри Сполдинг — хорошо ли это, плохо ли — относился именно к духам, и я в этом был довольно твердо уверен.

— Ты прямо как в воду опущенный, — заметил мне отец.

О нем самом того же сказать было нельзя. Он выглядел взъерошенным, удовлетворенным и самодовольным.

— Как там Чичестер? Вы с ним сошлись характерами?

Отец пропустил вопрос мимо ушей, а вместо этого налил мне кофе из серебряного кофейника. Меня всегда удивляло, что он отлично помнил, как именно я предпочитаю пить кофе. Понятное дело, сам он этот кофе не варил. Кофейник на столике вкатила его горничная.

— Отец, ну зачем тебе «Темное эхо»? Чем тебе приглянулась именно эта проклятая лодка?

Он усмехнулся, хотя улыбка его относилась исключительно на его собственный счет.

— Видишь ли, Мартин, мое детство радикально отличалось от тех условий, которые я сумел обеспечить для тебя.

Так, начинается. Я отпил глоток. Пожалуй, есть смысл найти утешение вот в этом изумительном кофе.

— Да, отец, знаю.

— Пожалуйста, не перебивай. — Он поднялся, приблизился к одному из высоких оконных проемов. — Моя мать, твоя бабушка, выбивалась из

сил. Но времена были тяжелыми. Суровые десятилетия для вдовы из среды рабочего класса, которая должна была прокормить малого ребенка. — Отец помолчал, стоя возле величавого окна его экстравагантного дома. Он позволил своему голодному, а порой унижительному детству вернуться и заново себя помучить. — Да. Особенно печальными были наши рождественские праздники. Я был сообразительным мальчишкой, и это сильно огорчало мать. Думаю, ее терзали угрызения совести за все те вещи, которые наша нищета не смогла мне дать. Конечно, времена были такие, что не разбалуешься, однако мои школьные товарищи принадлежали к привилегированному сословию. Сравнение было неизбежным, а нужда такой глубокой, очевидной и, признаюсь, порой унижительной. — Отец кашлянул, прочищая глотку. — В том квартале Манчестера, где мы жили, было полно лавочек старьевщиков, магазинчиков подержанных вещей, ломбардов... Для семей вроде нашей эти заведения играли роль своеобразных банков. Собственная обувь, которую мы там закладывали, служила источником денег, чтобы продержаться до момента, когда эти башмаки можно было выкупить обратно. А разница между тем, что ты получал, а затем погашал, являлась процентами. Причем процентами крохотными, как бы из милости, потому что обычно все ограничивалось лишь несколькими пенни, которые добавлялись к основной сумме кредита.

Он вновь сделал паузу, покачивая головой, вспоминая. Отец до сих пор скорбел по своей матери почти с той же болью, какую я испытывал по моей матушке. И сейчас — это я видел отчетливо — она царила в его сердце и мыслях.

— Конечно, эти магазины чем-то торговали. На колышках были развешаны цинковые корыта. Стояли ряды подержанных велосипедов. А в те дни, как ни удивительно, более всего из их товаров ценились книги. Пожалуй, это было в тысяча девятьсот шестьдесят третьем. Мне к тому времени исполнилось одиннадцать. Радио автоматически означало Би-би-си и являлось миром, который был мне незнаком и чужд. О том, чтобы купить телевизор, и речи не могло быть. Но я обожал книги. С поистине религиозной иступленностью ходил в районную библиотеку. Я жаждал знаний и новых ощущений. А библиотеки давали читать книги бесплатно.

Он обернулся ко мне — резко очерченный силуэт на фоне окна, чей свет окружал его сидящий венчик волос сияющим нимбом. Мой отец, миллионер-самоучка из трущоб, стоял, погрузившись в воспоминания.

— В тридцатые годы имелся такой педагог... Ты слышал про Артура Ми?

Я помотал головой. Это имя для меня ничего не значило.

— Ми составил детскую энциклопедию. К тому моменту, когда я на нее наткнулся, она успела устареть лет на тридцать. Но все равно для ребенка, которым я был тогда, ее страницы были полны экзотических и завораживающих картинок того мира, который я не просто хотел увидеть, а прямо-таки страстно алкал. Скажем, в одном томе имелась фотография гигантской секвойи с прорубленным прямо в середине ствола туннелем, где мог поместиться автомобиль. В другом томе некая отважная душа изобразила бурого медведя, поднявшегося на задние лапы и походившего на человека, но только ростом в двенадцать футов. В этих книгах я встретил гигантского марлина, турбины гидростанций, цунами, электронный микроскоп, Мальстрем и семь чудес Древнего мира. И однажды, рождественским утром тысяча девятьсот шестьдесят третьего года, я проснулся и увидел, что мать принесла мне одиннадцать томов из двенадцати. Она нашла их на тележке уличного книгоноши возле Пикадилли, и потратила все те скудные деньги, что откладывала для меня по грошику.

Произносить такие слова его заставляла вина. Да он вообще был склонен к пошлomu пафосу. Его мать, надорвав все силы, скончалась еще до того, как он сумел заработать состояние, которое сделало бы комфортными дни угасания ее старческого разума.

— Пойдем, Мартин.

Я отправился вслед за отцом. Он провел меня в библиотеку, где из ящичка конторки извлек ключ и отпер им шкафчик-витрину. За дубовыми дверцами с резным стеклом я видел полки с энциклопедией Артура Ми, чье имя было вытеснено на синих, потертых матерчатых корешках.

— Отец, здесь все двенадцать.

Я затылком понял, что он кивнул. Затем он положил ладонь мне на плечо, даря утешение от чувства человеческого контакта, в котором сам же нуждался при любом упоминании о своей матери.

— Да, я разыскал и последний том. То же самое издание, тот же год. Мне хотелось иметь полный комплект.

Перед моими глазами стояло овеществленное образование моего отца. Здесь был его широкий мир, его переплетенные странствия, мечты и надежды, затянутые в синий дерматин. Пойди найди что тут сказать...

Он протянул руку, дернул за один из корешков. Том шесть. Отец положил книгу ребром на ладонь и позволил ей раскрыться самостоятельно. Я шагнул ближе, чтобы рассмотреть страницы.

И увидел яхту Гарри Сполдинга, запечатленную в момент, когда она погибала какой-то бакен в сияющих лучах солнца, чьи зайчики плясали на

морской воде. Судно закладывало поворот под таким сумасшедшим углом, который придали ей невозможно тугие паруса, что в один и тот же миг этот маневр угрожал катастрофой и сулил ликующий восторг.

— «Темное эхо», — промолвил отец.

Помимо страницы, целиком отведенной под снимок гоночной яхты, на противоположном листе шел текст с небольшой фотографией. На меня смотрел улыбающийся Гарри Сполдинг — весь в белом — с призовым кубком в руках. Его блондинистые волосы вихрились золотым нимбом вокруг головы. Той волчьей угрозы, которой сочилось его изображение на карточке «Иерихонской команды», здесь не было и в помине Сполдинг смотрелся элегантным юношей, чуть ли не оробевшим от внимания к его скромной персоне. Он мастерски, прямо-таки гениально, симитировал стиль и характер той личности, которую в нем хотели видеть люди. Я чуть не подпрыгнул от омерзения.

— Когда я увидел эти фотографии, Мартин, то поклялся, что завладею этой лодкой и подниму на ней паруса. Так оно и будет. Я не ведаю преград. Искренне надеюсь, что в тебе найдется достаточно сострадания к тщеславию пожилого человека, который стремится воплотить свою мечту.

Я решил отмолчаться.

— Итак?

— Найдется, — буркнул я и отхлебнул из чашки. Кофе остыл.

В библиотеке стоял легкий гул увлажнителя, который поддерживал свежесть сигар моего отца. В двадцати футах под нами какой-нибудь парень из Кракова или Киева наводит, должно быть, глянец на «бентли» и «астон мартин». После обеда наступит очередь старых боксерских призов: их снимут с почетных мест и тоже отполируют суконкой. И тут я вдруг понял, в чем именно состоял смысл выхода отца на пенсию. В возрасте пятидесяти пяти он капитулировал перед собственными детскими мечтами. Теперь он собирался им потворствовать, оттого что имел на это время и средства. И остановить его нет никакой возможности. Он, обладая железной волей, категорически настроился на исполнение своих инфантильных капризов.

— Сегодня можно взглянуть на судовой журнал?

— В каком настроении ты застал мою яхту?

— «Настроении»?

— Состоянии духа. Расположении. У каждого судна есть свой характер, сынок. Итак, увидел ли ты ее дерзко бросающей вызов вчерашней буре?

Я пролистал в памяти характеристики яхты. Сто двадцать один фут от

носа до кормы, девятнадцать футов ширины в миделе и осадка одиннадцать футов. Семьдесят тонн водоизмещения. Двухмачтовая шхуна с гафельным, то бишь косым парусным вооружением общей площадью чуть более пяти тысяч квадратных футов. Она называлась «Темное эхо», и на ее борту обитал призрак первого владельца. Причем каждая самая малая косточка в моем теле, каждая унция инстинкта опасности в моей душе заверяли, что призрак этот убийственно опасен.

— На данный момент все работы выполнены с тщательнейшей пунктуальностью, — признал я. — Палубу перестелили длинномерным тиком радиальной распиловки, швы проконопатили пенькой и залили черным каучуком.

— Отлично. Затычки? Заглушки?

— Ни одной не заметил. Число стыков минимально, к тому же настильные доски закреплены со стороны подволока.

— Хадли заверял меня, что на рангоут пойдет проклеенная аляскинская ель.

— Охотно верю. Погода вчера была сумрачная, а под брезентом и вовсе царил мрак. Но все выглядело очень симпатично. Прекрасная отделка. Сегодня можно взглянуть на журнал?

— Разумеется. Впрочем, одного дня на чтение не хватит, я думаю. — Он достал из ящика ключи и кинул мне всю связку. Я их довольно ловко подхватил. — Это от моего склада.

Я кивнул. Насчет склада я был в курсе. Уже доводилось туда заглядывать. Речь шла о том месте, где отец держал всякие вещи, с которыми не желал расставаться, когда очередной бракоразводный процесс деградировал до ситуации перетягивания каната или растаскивания ценностей. Он владел существенным количеством неплохих живописных полотен современных мастеров, которые скупал в 80-е и 90-е годы, когда художники были еще студентами, едва наскребавшими деньги для оплаты съемных углов. Прошло более десятилетия с тех пор, как я видел хотя бы одну картину вывешенной в доме. Сейчас их хранили в уединении и темноте склада в районе Южного Уимблдона. Там же находились и все вещи моей матери — в помещении, которое человек с болезненным умом мог назвать капищем для поклонения.

У меня ушел час на дорогу до Уимблдона, а затем и сорок пять минут на последнюю полумиллю до парковки складского комплекса. Когда я наконец прибыл на место, то увидел, что именно было причиной дорожной пробки. Две пожарные машины вкупе с передвижным полицейским штабом и патрульным автомобилем блокировали полширины проезжей

части. Дорога была залита пеной и лужами воды, которой пожарные до сих пор тушили остатки огня. Очень странное явление, потому как я не видел дыма и не слышал завывания сирен в голове нетерпеливо поджидавшей процессии автомашин.

Большинство складских строений, возведенных из шлакоблоков на стальном несущем каркасе, не пострадали. Я был вполне уверен, что драгоценное собрание современного искусства моего отца и любовно сохраняемые пожитки матери окажутся в целости и сохранности. В то же время мое екнувшее сердце подсказало, что именно погибло в слепящем пламени.

Словоохотливый пожарный подтвердил опасения, когда я спросил, в чем причина пожара.

— Очаг возгорания пришелся на металлический шкаф, набитый старыми книгами, — ответил он, не переставая жевать резинку. Лицо его было перемазано сажей. — Вспыхнуло — как на сеновале. Странно, что огонь не распространился, ну да слава богу. Хотя повозиться пришлось прилично. Две смены тушили.

— Может, это был поджог с каким-нибудь катализатором?

Он надломил бровь и, покачиваясь взад-вперед, поглядел на носки ботинок.

— Нет, приятель, это вопрос не ко мне. Не по адресу обратились. Впрочем, могу сказать, что бумага так не горит. Черта с два. Не дает она такой температуры. Во всяком случае, сама по себе.

Я кивнул. Принюхался. Воздух был кислым, застоялым. Пена из брандспойтов тянулась желто-бурыми потеками по обочине, отыскивая канализационные сливы. Я, конечно же, уехал не сразу. Решил перепроверить полученные сведения у людей, которые заведовали складом. Да, послеполуденное время я провел на этой унылой окраине юго-западной части Лондона, устанавливая факты. Однако с самого начала я был убежден, что сгорел пятитомный судовой журнал «Темного эха». Сгорел до того, как я его прочел, до того, как Фрэнк Хадли мог наложить на него свои многоопытные руки. Пожар начался ночью, задолго до рассвета, когда я мучился своим нелегким, полным видений сном. Я не знал, как это могло сказаться на ремонтном графике Хадли. Не знал даже, сколько времени уйдет на инвентаризацию ущерба и объявление печальной новости моему отцу. Если на то пошло, сейчас я был уверен лишь в одном. Я расскажу Сузанне. Все-все расскажу, как только она вернется из Дублина. Я не верил в максимум, что поделиться с человеком той или иной проблемой — значит уменьшить ее вполовину. Так же как и в то, что

избитая народная мудрость хоть как-то сработает в этой конкретной ситуации. Однако ясно: продолжать утаивать факты нельзя. И я был слишком напуган той решительностью, с какой события выходили из-под моего контроля.

Отец любил повторять, что склонность исповедоваться является-де одной из моих отличительных черт. Пожалуй даже, говорил он, она у меня вообще единственная. Ни одна из его шуточек не была рассчитана на смех до колик в животе. Он изрекал их так, словно отщелкивал очередное победное очко. С другой стороны, конкретно по данному вопросу он был прав. Мое неудачное — с точки зрения отца — призвание ранило его очень глубоко. Я уже намекал на это обстоятельство, когда говорил, что я замарал собственную репутацию в его глазах в той части, которая касается духовных вопросов.

К девятнадцати годам я решил было, что хочу стать священником. Тяга к вере во мне была неодолимой, и я даже не пытался ей противостоять. Я бросил университет и поступил в духовную семинарию. С головой погрузился в благочестие и самоограничение как средство служения Господу. Такой выбор жизненного пути был на редкость старомодным. В конце концов, речь шла о девяностых годах, когда среди интеллектуалов стала популярной известная чувствительность, своего рода императив, требующий понять твою собственную мужскую натуру и стать более открытым и честным по отношению к женщинам. Этот причудливый вывих общественного сознания к концу десятилетия выродился в рефлексирующее созерцание собственного пупка и унылую форму самолюбования. Но все-таки определенная чувствительность была позволительна. А вот что считалось неприемлемым, так это сутана и каждение ладаном. Пожалуй, последний раз католическое духовенство было в моде в тот период, когда Бинт Кросби ходил с пасторским воротничком и изъяснялся с ирландским акцентом в сентиментальных голливудских мелодрамах тридцатых годов, где фигурировали низкопробные кабаки и ночлежки для бездомных. С тех пор имидж священника неуклонно катился под откос.

Мои друзья были неприятно поражены. Они отреагировали так, словно я стал жертвой какой-то секты. Большинство просто оборвали все связи. Парочка оставшихся верными попытались спасти меня от сего опасного заблуждения и стремления пустить под откос собственную жизнь еще до того, как она успела расцвести. Тогдашняя подружка истолковала весь процесс как кризис сексуальности, сиречь я обнаружил, что являюсь гомосексуалистом, но не осмеливаюсь признаться в этом ни себе, ни ей. Ее

идиотская интерпретация происходящего спровоцировала во мне грех суетности. Неужели я настолько безнадежен в постели? Вот уж никогда бы не подумал.

Отец же пребывал в восторге. Мой жизненный выбор объяснил наконец все те заскоки сыновнего характера, что его обескураживали и повергали в смятение. Нашлось-таки оправдание недостаточной агрессивности и тусклому огоньку духа соперничества. Моя мечтательная склонность к одиночеству приобрела черты добродетели. А самое главное, как мне кажется, отец посредством меня вкусил божеской благодати. Жертвоприношение собственного отпрыска на алтарь священнослужения в точности походило на средневековый обычай запастись индульгенциями, столь распространенный среди богачей, которые не могли найти время для молитвы, потому как были слишком заняты извлечением барышей. С той только разницей, что в моем случае это выражалось еще более выпукло. Нельзя сказать, чтобы отец был отъявленным безбожником. Нет, он искренне верил во всемогущего и порой мстительного бога. Однако жизнь бизнесмена подорвала его шансы на искупление, и он халатно относился к своим обязанностям по выделению гарантий под адекватное восполнение ущерба, причиненного собственными прегрешениями. Короче, отец допустил серьезный овердрафт в Банке Всевышнего. Мое решение вести целомудренное существование в нищете и благочестивом служении его богу позволило отцу подбить баланс с положительным сальдо. Это, конечно, просто гипотеза, но, полагаю, я прав. Раз уж своего отца я знаю, да и знание это далось мне тяжким трудом. Стало быть, ее можно считать хорошо обоснованной догадкой.

Я никак не мог быть столь уж беспомощным в постели, коль скоро Ребекка, моя институтская любовь, все же пришла меня проводить.

— Тебя никогда не восхищали священники?

Она призадумалась.

— Пожалуй, тот, который снимался в «Экзорцисте». Ничего так. Типа вроде.

На губах у нее была красная помада, черное платье плотно облегало фигуру, а лифчик позволял выставить прелести напоказ. Кожу она то ли протерла, то ли спрыснула духами «Шалимар». Пахла Ребекка изумительно.

— Отец Меррин.

Она помотала головой:

— Да нет, другой, который молодой и с недостатками.

— А, священник-алкоголик.

— Вот-вот. Симпатичный.

— Но он же по-настоящему не верил.

— Так это самое оно.

Ребекка захватила с собой сумку с провизией.

— Слушай, разве у нас тюремное свидание?

— И вот почему я не испекла тебе пирог с напильником... Что смешного?

— Мысль о том, что ты якобы умеешь печь.

Сумка была полна искушений, подобранных с расчетом извлечь меня из скорлупы. Она принесла также конверт с фотографиями, которые мы сделали как-то на выходных в Брайтоне. Притащила ворох компакт-дисков. Ван Моррисон, «Всё, кроме девушки». «Префаб спраут». А может, просто хотела от них избавиться. Мои музыкальные предпочтения она всегда называла «скулящим роком». А вот что вправду укололо, так это мои футбольные бутсы, которые Ребекка связала шнурками. Я привык играть каждое воскресенье за разношерстную команду любителей в Ридженс-парке и подозревал, что буду сильно скучать по этому ритуалу. Да я уже скучал. Семинария, возведенная на одном из холмов отдаленного и скалистого нортумберлендского взморья, выходила окнами на воду. Это была иезуитская цитадель во время детства королевы Виктории. Я пробыл в ней шесть недель. И скучал по всему из прошлой жизни.

От надушенной Ребекки пахло чем-то съедобным.

— Пэдди Макалун учился на священника.

— Кто-кто?

Я пальцем показал на один из компакт-дисков, что она мне принесла «Стив Маккуин».

— Он вокалист в «Префаб спраут». Пишет все их песни.

— И что, это такой у тебя план игры? Мартин, ты учишься в семинарии, чтобы стать рок-звездой?

Единственный раз в жизни, когда у меня имелось хоть какое-то подобие «плана игры», относился к боксерскому матчу с Уинстоном Кори. И этот план посадил меня в лужу, да еще с разбитым носом.

— Я не гожусь в рок-звезды.

— Ты слишком симпатичный, чтобы становиться священником.

— Господь мог бы с тобой поспорить.

Она покачала головой. В ее глазах появились слезы.

— Я отмахала столько миль до твоего гребаного Нортумберленда... — заявила Ребекка. Она начала укладывать принесенные вещи обратно в сумку. Свои фотографии. Мои бутсы. Я так и не удосужился их толком

помыть после окончания последней игры, а Ребекка тоже не стала утруждаться. От шипов на подошве до сих пор исходил знакомый запах грунта футбольной площадки Ридженс-парка: смесь дегтя и собачьего дерьма. Одну из фотокарточек она уронила на пол, тут же подхватила обратно и смахнула с лица упавшую прядь волос. — И все без толку.

Я протянул девятнадцать месяцев. В то время у меня не было великого кризиса веры. Другие семинаристы отличались светлыми головами, дисциплинированностью — и добротой. Причем порой особо глубокого свойства. Это было привилегированное меньшинство, а мы, то есть все прочие, чувствовали себя привилегированными лишь потому, что нам позволили жить с ними рядом. От них-то я и узнал, что значит пребывать в состоянии благодати.

Я не встретил ни одного тайного поборника фашизма или того, кто бы считал священнослужение укромной тропинкой к тайному будущему профессионального педофила. Мой личный опыт подтвердил, что черная пропаганда, прилепившаяся к организованной Церкви, именно таковой и является. Наиболее зловещим преступлением, с которым я столкнулся, была склонность отдельных пожилых преподавателей читать нам на лекциях нескончаемые проповеди и нотации. Но ведь в любых областях жизни можно встретить людей, которые сочетают любовь к звуку собственного голоса с неспособностью сказать что-либо оригинальное. Это свойственно человеку и не является ущербной чертой католицизма или религии в целом. Разумеется, своей неприглядной репутацией иезуиты были обязаны событиям четырехсотлетней давности. Пытки и аутодафе эпохи контрреформации состоялись задолго до периода амбивалентности, с которой Ватикан воспринимал Муссолини и Гитлера; задолго до педофильских скандалов, которые пытались замолчать в епархиях Чикаго и Дублина или заглушить ектеньями в других местах. Однако тот иезуит, с которым я тесно общался, был, пожалуй, самым святым человеком из всех мне знакомых. Кое-кто утверждал, что монсеньор Делоне являлся отдаленным родственником великого французского художника, носившего ту же фамилию. Временами он организовывал товарищеские вечера в особняке, которым владела церковь в Бармуте, что расположен на валлийском взморье. Дом восходил к эпохе короля Георга. Это было солидное четырехэтажное здание, стоявшее особняком на берегу залива. По левую руку от него, в нескольких милях вдоль побережья полуострова, высилась громада Кадер-Идриса, величественно закутанная в пелену тумана.

Поговаривали, что в водах Бармута водится морское чудище.

Достоверность этим слухам придавало то обстоятельство, что источником легенды были местные рыбаки, а вовсе не туристы. Впрочем, это не мешало монсеньору Делоне совершать ежедневный одномильный заплыв. Его внешний облик не оправдывал тот суровый и аскетичный стереотип, сложившийся благодаря основателю ордена. Напротив, это был крепкий мужчина с плечами и ручищами метателя молота, чей могучий торс дерзко бросал вызов ледяной воде зимнего сезона. По вечерам, сидя в библиотеке подле очага, где горел собранный на берегу плавник, он рассказывал истории из личной, богатой приключениями биографии миссионера в Африке и Южной Америке. Я всегда подозревал, что кое-какими фактами он не решался делиться со своей юной и неопытной аудиторией. Впрочем, истории эти и впрямь были захватывающими. Пока я жил в Бармуте и слушал голос монсеньора Делоне, то всерьез верил в то, что являюсь фигурой, служащей великому, милостивому и грозному Богу. Делоне обладал редким свойством заражать своей верой.

Но вот я в конечном итоге оказался раздавлен невыносимо холодным одиночеством обета целомудрия. Я жаждал физической близости. В моих снах Ребекка выделяла курбеты голышом, прикрывшись лишь благоуханным облаком своих герленских духов. Последние три месяца были просто жуткими. Мне всего-то исполнилось девятнадцать, но я уже стоял перед лицом второго по счету великого фиаско, которому предстояло травмировать мою жизнь. Причем на сей раз виновником был я один. И ни на какие послабления рассчитывать не приходилось. Я молился, однако это лишь отчетливей демонстрировало всю тщетность молитвы, коль скоро я вел себя, по сути дела, как мученик, прячущий инстинкты похотливого кролика. В подобных обстоятельствах вряд ли можно найти утешение и поддержку в традиционном способе, имевшемся у семинарии. Какую вообще помощь способна оказать исповедь для человека, который всеми своими помыслами жаждет согрешить? Оставался лишь один выход собрать вещи и уйти.

Не погрешу против истины, если сообщу, что отец оказался удрученным таким поворотом. Перед тем как встать на ошибочную жизненную стезю, я демонстрировал неплохие успехи в изучении истории и политики в Лондонской школе экономики. Однако желающих записаться на этот курс было так много, что восстановиться в институте я мог лишь по окончании двухлетнего периода ожидания. И даже если бы вдруг появилась вакансия, то, несмотря на все мои аттестаты и прошлые академические достижения, имелась, судя по всему, иные, более достойные претенденты на учебное место, нежели я. В конечном итоге

пришлось поступить на истфак Кентского университета в Кентербери. Отец великодушно оплатил обучение и добавил недостающие суммы к мизерной стипендии, тем самым, отметим справедливости ради, практически единолично обеспечив меня средствами для существования. При всем при этом он года три почти не разговаривал со мной и даже не присутствовал на выпускной церемонии. Винить его за это вряд ли можно. Ведь из-за меня он лишился легкого шанса на доступ к Царствию Небесному. Даже для столь состоятельного человека, каким был мой отец, такая потеря являлась весьма существенной.

Ребекка, разумеется, успела найти себе другое утешение, причем задолго до того момента, который все, кто еще разговаривал со мной, именовали моим «освобождением». Она встречалась с каким-то застройщиком из Фулема. Месяцев через восемь после оставления семинарии я увидел их вместе в одном из пимликских баров. В тот вечер я порядочно набрался. Не исключено, что дело кончилось бы мордобоем, если бы он был поздоровее и повыше и, стало быть, представлял собой достойного противника, которого я смог бы втянуть в драку и не носить потом ярлык забияки, который почем зря лупит хилых и немощных. Однако даже в нетрезвом состоянии я понимал, что такой метод мало чем отличается от инфантильного позыва спустить парочку колес его «порше». Виной всему был лишь я сам. Ребекка тоже, конечно, отличилась не с самой приглядной стороны, пусть даже чуточку. Застройщик вообще был тут ни при чем, хотя, проезжая мимо того «порше», который предположительно принадлежал ему, я, признаться, испытал-таки порядочное искушение.

В период между отказом от Ребекки и встречей с Сузанной на мою долю выпало известное количество интрижек. Но они были преходящими, порой пошлыми и все без исключения мимолетными. Романтика и непосредственность, как мне кажется, сильнее всего пострадали от наступления нашего века эсэмэсок и прочих электронных форм эпистолярного жанра. Сейчас все это кажется предельно условным и ограниченным. Да и откуда взяться искренности, когда ты с такой легкостью способен отказаться от общения с живым человеческим голосом... Дай бог здоровья «шадуэллским жопникам», вот что я думал. Они подарили мне Сузанну, уберегли от одиночества и вознаградили любовью. Так мне казалось до момента, когда она вернулась из Дублина и я рассказал обо всем, что случилось с тех пор, как мой отец приобрел разломанную яхту.

Ее рейс из Дублина задержали, и Сузанна пришла домой уставшей и на взводе. Работа над сценарием фильма про Майкла Коллинза не

ладилась. Кто-то, занимавший более высокую ступеньку иерархической лестницы в деле составления эфирной сетки, угодил в ловушку предвзятых умозаключений на предмет биографии и характера Коллинза, не желая выслушивать никакие доводы, подкрепленные новыми исследовательскими данными Сузанны. Классический подводный камень ее профессии. Такой склонностью отличались все поголовно, однако легче на душе от этого не становилось. Речь шла о необоснованной и несправедливой манере, излишне обременявшей мою подругу. Короче, в Лондон она прилетела раздраженной и сердитой.

Пока я вел свой рассказ, Сузанна стояла возле распахнутого окна в гостиной и мусолила сигарету. На момент нашей с ней встречи она вообще очень много курила и даже происходила из семьи заядлых любителей табака. Потом-то она поумерилась — значительно, — хотя до сих пор не расставалась с красным «Мальборо». Дым выходил из ее ноздрей двумя довольными струями. Итак, она стояла на сквозняке, элегантно держала сигарету возле бледного подбородка и размышляла. Ее аккуратная, короткая круглая стрижка отливала глянцевой чернью. Карие глаза, сияющие до такой степени, что казались черными, искрились зайчиками от уличных фонарей. На ней была обтягивающая черная юбка, белая блузка, а скобка волос на затылке геометрически точно совпадала с линией белого, открытого воротничка. Не в первый раз я подумал, что она выглядит как женщина другой эпохи, той эры, когда обстоятельства нашего совместного проживания были бы излюбленной темой скандальных пересудов. Но Сузанна не обратила бы на это внимания. В ней имелось кое-что еще.

Дым венчиком окружал ее симпатичную голову. Запросто можно было вообразить, как Майкл Коллинз приударил бы за ней во время торжественного ужина в его честь, когда он прибыл в Лондон на мирные переговоры, косвенно послужившие причиной его гибели. То же самое относится и к Гарри Сполдингу, только здесь обстановка была бы представлена роскошным интерьером эксклюзивного теннисного или яхтенного клуба. Он бы приблизился к ней, цокая по лакированному паркету набойками своих кожаных туфель. Его походка была бы легкой, но целеустремленной. На такую женщину любой мужчина положит глаз. И еще в ней читался определенный вызов, который обязательно привлек бы к себе внимание хищников в ее окружении.

Наконец она затушила окурок в жестяной пепельнице на подоконнике и щелчком выкинула его за окно.

— Я кое-что слышала насчет проклятия вокруг «Темного эха». Если точнее, о проклятии на «Темном эхе». После нашего разговора вечером

того дня, когда состоялся аукцион, я попробовала поискать какие-нибудь предварительные материалы.

— Почему?

Она обернулась.

— Потому что этого хотел твой отец. Потому что хоть ты и выглядел гордым и польщенным, в твоём голосе читался страх.

— Да, что-то меня напугало, — признался я. — Рассматривая физиономию Сполдинга на снимке «Иерихонской команды», я почувствовал нечто странное, какое-то, можно сказать, плохое предчувствие. А идя домой по Ламбетскому мосту, мне почудилось, будто кто-то меня преследует в тумане.

Она кивнула. Зябко обняла себя за плечи и поежилась. За распахнутым окном нашей квартиры стояла очень тихая для Лондона ночь. Впрочем, в воздухе тянуло влажным сквозняком с реки. Стояло начало марта, и погода до сих пор была неласковой.

— У тебя очень развита интуиция, Мартин.

— Да ну, куда там.

— Ты имеешь в виду удар, которым тебе сломали нос, да? Потому что ты его не увидел? Или потому что потерял полтора года жизни, следуя фальшивому призыванию?

— Оба примера годятся в суде.

— А как ты думаешь, откуда взялся тот пожар, который уничтожил судовой журнал? И не забывай, что пламя было на редкость мощным и четко сконцентрированным.

— Сузанна, я не знаю. У меня перед глазами маячит призрак Гарри Сполдинга с пистолетом-ракетницей в руке. Он скалится улыбкой скелета во мраке складского подвала и нажимает на спуск, целясь в грудь томов.

— Но мы никогда не узнаем правды. Все сгорело, так что мы никогда ничего не узнаем, — заметила она.

И это меня удивило.

— А я-то думал, ты будешь смеяться, когда услышишь про пожар, — сказал я.

Сузанна вновь поежилась, потерла зябкие плечи. Закрывает окно. Она всегда немножко потом выжидала, потому как не хотела, чтобы я почувствовал запах табака в её дыхании. Хотя я и не возражал особо-то. Как-никак вырос в гуще вечной вонючки от отцовских сигар.

— Мартин, со мной кое-что приключилось в начале командировки в Дублин. Это произошло в среду. В тот же самый день, когда проводили аукцион.

На Би-би-си продюсером документального сериала «Майкл Коллинз» выступал один тип по имени Джералд Смайт. Птица высокого полета; несносный, наглый человечишка, который, как мне было известно, обращался с Сузанной как надсмотрщик с рабыней.

— Что, Смайт опять на тебя наехал?

Я знал, до какой степени Сузанну допекли те указания, которыми продюсер заваливал ее со своего смартфона.

— Да нет же, — помотала она головой.

— Тогда расскажи.

Итак, она шла по одной из тех бесконечных георгианских улиц, которыми славится северный берег Лиффи. Укрывшись от дождя под зонтиком, Сузанна искала конкретный адрес. Улицы в этой части города были настолько длинными и прямыми, что можно было видеть, как они потихоньку поднимаются в сторону далекого, размытого силуэта Дублинских гор. В сточных канавах шипел и журчал дождь. С точки зрения Сузанной, местные улицы были неотличимы друг от друга как две капли воды. В каком-то смысле они были лишены индивидуальности. Все дома выглядели одинаково: аскетичные, с дождевыми потоками и чугунными решетками для чистки подошв перед внушительными дверями наверху крылечек из истертых каменных ступеней. Суровая простота этих домов была в чем-то даже красивой, хотя в невыразительном свете морозящего дня они наводили тоску намеками на свое прошлое, полное лишений и повседневных забот.

После многих десятилетий заброшенности этот район Дублина наконец ухватил Кельтского тигра за кисточку хвоста и возвысился до более преуспевающего статуса. Текущим владельцем искомого дома был психиатр. Свое жилище он приобрел лишь недавно. Сам хозяин в данный момент находился где-то на симпозиуме, и Сузанне доверили ключи. Заброшенность была ей только на руку. В этом месте Коллинза ждал целый лабиринт надежных убежищ и явочных квартир. Здесь он и спрятался девяносто лет тому назад, когда освободился из лагеря для интернированных в уэльском Фронгоче. С той поры все осталось прежним. Те же самые ступени слышали топот его башмаков. За тот же самый бронзовый дверной молоток бралась его нетерпеливая рука.

К тому времени он успел стать членом исполнительного комитета «Шинфейна» и директором организации «Ирландские добровольцы». Коллинз был ветераном неудавшегося Пасхального восстания, в ходе которого держал оборону на центральном почтамте Дублина. Во Фронгоче воля и природное обаяние Коллинза сделали его лидером среди

заключенных. Там он настолько впечатлил британские спецслужбы, что они начали собирать на него досье.

Сузанна остановилась. Вот и искомый адрес. Она нашарила в кармане ключ, поднялась по мокрым ступеням. Майклу Коллинзу было двадцать семь лет, когда он здесь скрывался.

Она отперла дверь парадного входа и сложила зонтик. В доме пахло затхлостью, но Сузанна была благодарна новому владельцу, что тот еще не начал ремонт, который лишил бы это жилище его старого интерьера. Она мягко прикрыла дверь за собой и расстегнула пальто.

Внутри царили полумрак и влажная прохлада дождливого позднего утра. Коридор длинный, с высокими потолками. Стены покрыты неброской и запачканной штукатуркой, а пол оказался мозаичным, сложенным из потертых и щербатых каменных плиток. В конце коридора обнаружилась лестница, ведущая как вверх, так и вниз. Сузанна решила, что Коллинз был слишком умудренным и опытным конспиратором, чтобы забираться на ночь в западню, которой мог оказаться подвал. Скорее всего, он спал там, где грохот поднимающихся по ступенькам сапог послужил бы ему предупредительным сигналом. Ему требовался бы также запасный выход на плоские черепичные крыши по соседству.

Сузанна начала подниматься наверх. Свой зонтик она оставила капать на холодную мозаику в прихожей, однако с пальто расстаться не решилась. В отсутствие хозяина дом не отапливался, и во время подъема по крутым голым ступенькам она могла видеть легкие облачка собственного дыхания. Сузанна остановилась, лишь когда достигла двери на самом верху. Этот адрес она обнаружила на расходных ордерах, хранившихся в архиве «Ирландских добровольцев» в Дублинском замке. В них подробно расписывались затраты на еду и питье, заказанные в соседней гостинице Дули на протяжении ряда вечеров. Подпись, стоявшая под этими скрупулезно пронумерованными и датированными документами, принадлежала некоему Брауни. Впрочем, Коллинз, отличавшийся крайней строгостью в отношении расходов, был далеко не так скуп на псевдонимы и вымышленные имена. Кроме того, Сузанна узнала в этом аккуратном почерке руку Коллинза, который в юности подвизался клерком в Лондоне. Итак, это был он. Он здесь жил. Встречался с людьми. Здесь он формулировал планы и разрабатывал стратегию, которая изменила ход национальной истории.

Она открыла дверь.

Комната обставлена очень скромно: металлическая кровать, гардероб и одинокий стул с прямой спинкой. Имелось узкое прямоугольное оконце,

чьи небольшие стекла были желтовато-серыми от пыли. На кровати не было даже матраса; ее голая, слегка ржавая сетка до сих пор была натянута на чугунной уголковой раме. Пол настлан голыми досками. Сузанна поежилась. В этой скудной каморке не читалось ничего зловещего. По световому люку над головой мягко барабанил дождь. Она подтянула стул и забралась на него, чтобы повнимательнее его рассмотреть. С первого взгляда становилось ясно, что застекленный люк здесь установил человек, хорошо знакомый с киянкой и стамеской. Об этом говорило качество работы. Впрочем, изначально в доме не имелось такого выхода на крышу. Деревянная рама люка была слегка наклонена, чтобы вода не собиралась в лужу на стекле. Одна кромка запиралась на щеколду, на второй имелись крепкие двойные петли. Чтобы со стула выбраться через такое окно, человеку пришлось бы с усилием подтягиваться на обеих руках. Но Коллинз был молод и крепок. «Это нам раз плюнуть», — наверное, выразился бы он. Да этому человеку вообще все было «раз плюнуть».

Сузанна прыгнула со стула и, улыбаясь про себя, подошла к комоду. Пожалуй, вместо видеосъемки здесь лучше подойдет просто серия фотографий. Комната стояла в целости и сохранности. Конечно, выделенного бюджета вполне хватит и на актеров, которые сыграли бы несколько сценок в духе документальной драмы: скажем, на застеленной кровати сидят Коллинз, Кахал Вру и кто-нибудь еще из заговорщиков, планируют свои таинственные дела при свете керосиновой лампы или свечи. И Сузанна была уверена, что владевший этим домом психиатр терпеливо отнесся бы к суете и помехам, которые неизбежно сопровождают подобный процесс. Однако статические снимки, как ей казалось, в лучшей степени отражают аскетизм тех мест, в которых Коллинз находил себе отдых от войны с наиболее могучей империей мира; тех мест, где его ждало временное спасение от врагов.

Сузанна улыбалась потому, что была уверена, что обязательно отыщется зеркальце. Она подошла к гардеробу, открыла его. Это был узкий однодверный шкафчик, внутри которого едва заметно пахло гвоздичным лосьоном и нафталином. Вот здесь Коллинз наверняка вешал свой плащ и франтоватый костюм. Она видела узкую бронзовую рейку, привернутую к внутренней стороне двери, на которую он вешал галстук, чтобы тот успел расправиться за ночь. И над всем этим находилось зеркальце, перед которым он, надо думать, прихорашивался, потворствуя тому павлиньему тщеславию, которое было неотъемлемой составной чертой характера этого непростого человека.

Сузанна закрыла гардероб, чувствуя, как на губах расплзается легкая

улыбка. Но было и другое чувство. Ей показалось, что в тихой, молчаливой каморке потеплело. Более того, она словно уже не находилась здесь в одиночестве. Такое изменение в атмосфере комнаты произошло резко, внезапно. Она мигом повернулась на каблуках, окидывая взглядом все углы. Без изменений. И все же температура поднялась, в этом она была совершенно уверена. Кстати, в помещении уже не царила прежняя, унылая заброшенность, которая присутствовала лишь мгновение назад. Все полностью переменялось. Словно кто-то пришел. Сузанна ощущала чье-то присутствие. Можно сказать, чуть ли не запах теплого, насмешливо-иронического и энергичного существа, которое спокойно за ней наблюдало. Ей даже показалось, что скрипнули постельные пружины, будто кто-то там сидел, а теперь вот потянулся, разминая затекшие плечи...

— И что случилось потом? — спросил я.

— Ничего не случилось. Этот миг тут же прошел. Как бы... испарился, что ли. Но я его чувствовала. Не выдумала. На какую-то долю секунды он был там.

— Во сколько это произошло? Хотя бы примерно?

— Да я могу точно сказать. В пятнадцать минут первого. Потому что посмотрела на часы. А потом сразу ушла.

Пятнадцать минут первого. То есть сразу после аукциона. Она взглянула на свои часы как раз в тот момент, когда я смотрел на бригадира стропальщиков, осенявшего себя крестом в присутствии вождя моего отца на верфи «Буллен и Клоур».

— Вот почему я еще не спала и сразу отозвалась на твою эсэмэску тем поздним часом, — сказала Сузанна. — Раньше со мной ничего подобного и близко не происходило. Я лежала на кровати и размышляла. Это было необъяснимо. И все же случилось.

Я ничего не ответил, хотя в ее словах не сомневался.

— Хочу тебе кое-что показать, — продолжала Сузанна.

Она принесла свою дорожную сумку, положила ее на стол, расстегнула молнию и покопалась внутри. Извлекла незапечатанный желтый конверт, откуда достала отскеренную копию какой-то газетной страницы, сложенную вчетверо. И протянула ее мне. В верхнем правом углу имелась наклейка. Сузанна отличалась изрядной пунктуальностью в своих исследованиях, даже когда те не касались ее прямой работы. Наклейка гласила: «Ливерпуль, „Дейли пост“, 9 августа 1927». Я развернул документ. По внешнему виду он скорее напоминал страницу из дневника, чем новостную колонку. Три снимка, что было необычно для газет того

периода, которые печатали, как правило, не более одной фотографии. Нужная статья бросилась в глаза сразу. Она шла под крупно набранным заголовком «СУДОСТРОИТЕЛЬ СБИЛСЯ С КУРСА».

«Вчера известный судостроитель Патрик Бойт, 54, стал свидетелем освобождения своей дочери Джейн Элизабет Бойт, 29, из временного содержания под стражей в полицейском участке на Джеймс-стрит. Мисс Бойт была арестована и подверглась допросу в связи с обстоятельствами, которые ни полицейское управление Ливерпуля, ни ее отец не пожелали обсуждать с прессой. Вместе с тем мистер Бойт всячески давал понять, что его дочь выпустили без каких-либо условий или залога и что ей не было предъявлено обвинений.

Наш репортер предпринял попытку разговорить мистера Бойта на менее щекотливую тему успеха Гарри Сполдинга, который на прошлой неделе выиграл Каусскую регату на борту своей гоночной яхты „Темное эхо“. Постоянные читатели нашей газеты помнят, что упомянутое судно было доставлено в ремонтный док мистера Бойта в плачевном состоянии, чему послужил виной сильнейший шторм, разразившийся в апреле. Согласен ли мистер Бойт с утверждением, что такая победа явилась доказательством качества восстановительных работ, проведенных на его верфи?

Однако судостроитель и здесь отказался от комментариев. „Мне нечего добавить ни о самой яхте, ни о ее владельце“, — заявил он.

Не хотел бы он со страниц нашего издания передать поздравления мистеру Сполдингу?

„Нет“, — ответил он. И, взяв под руку свою выпущенную на свободу дочь, мистер Бойт лаконичным кивком распрощался с нашим корреспондентом».

Я дважды перечитал заметку. В ней явственно ощущались сарказм и язвительная недоброжелательность, которые, как мне показалось, вряд ли уместны в ежедневной газете. С другой стороны, восемьдесят лет тому назад арест знатной дамы воспринимался не столь беспечно, как сейчас. А ведь оба представителя семейства Бойт действительно были знатными. Патрик выглядел процветающим бизнесменом. Свет на этом фотоснимке раскрывал живописные подробности того солнечного дня в конце лета. На

меня сердито хмурился лысый, рослый и крепко сбитый Патрик Бойт, затянутый в ладно скроенный сюртук из темного глянцевого сукна с навощенным воротником, шелковым галстуком и толстой золотой цепочкой для часов. В руке, не занятой локтем дочери, он держал котелок с тростью. Стройная и гибкая Джейн носила короткую прическу и легкое летнее пальто.

Это напомнило мне один из более современных репортажей о суфражистках, который я читал еще в университете. Я имею в виду тон заметки. Точно такая же снисходительно-насмешливая издевка, хотя ту статью написали через два десятилетия после инцидента с Джейн, и, стало быть, ее преступление не могло иметь ничего общего с попытками добиться равных избирательных прав для женщин.

Сам характер публикации в ливерпульской газете давал понять, что Бойтов подставили. В те дни фотоаппараты не умели делать столь качественные снимки без треноги и тщательной подготовки. Расстояние внимательно измерялось, в ход пускался экспонометр для замера интенсивности освещения. Кто-то из полиции явно помог срежиссировать это публичное оскорбление. Отца с дочерью застали врасплох прямо на ступеньках полицейского участка. Отсюда возникал вопрос: чем Джейн Бойт сумела так досадить властям? Из-за чего вообще ее арестовали?

Впрочем, не это главное. Более всего меня поразило изображение собственно Джейн. Она на пару с отцом разделяла его глубокое возмущение и яростное негодование. К тому же до сумасшествия красивая девушка. Она до того напоминала стоявшую рядом со мной женщину, что могла бы сойти за сестру Сузанны. Я сложил листок вчетверо и убрал его на прежнее место, в конверт.

— Вы с Джейн Бойт прямо двойняшки.

— Есть кое-что общее. У нас с ней похожий типаж. По крайней мере, на этом снимке. Но дело совсем в другом.

Оказывается, арест Джейн был тут ни при чем. Главную роль в нашей беседе сыграли Патрик Бойт и обстоятельства той работы, которую он выполнил для Сполдинга и о которых умолчал газетчику.

— Похоже, то, что ты рассказал мне сегодня насчет бедного Фрэнка Хадли, случилось далеко не в первый раз, — заявила Сузанна. — Думаю, это уже происходило.

— Другими словами, есть кое-что еще? — уточнил я.

— Да, — кивнула она.

Мы отправились в паб. Часы показывали десять вечера и, разумеется, Сузанна устала после задержанного рейса, но, по ее словам, мне лучше

выслушать новости за выпивкой. Мы пошли в «Мельницу», которая находилась буквально за углом Ламбет-хай-стрит, и в практически пустом зале без труда нашли себе свободный столик. Интерьер паба был выдержан в морском стиле, под стать теме разговора. На стенах висели старые фотографии шхун, барок и буксиров, реликтов той эпохи, когда Темза была рабочей рекой. Парочка-другая из них восходила, пожалуй, к довольно близкому к нам периоду шестидесятых, но при всем при этом запечатленные суда смотрелись отдаленными и древними, навсегда оставшимися в том времени.

Итак, после смерти Сполдинга яхта побывала в руках двух ярких личностей, не считая моего отца. Первым шел бостонский биржевой спекулянт, который серьезно разбогател по той простой причине, что оказался одним из немногих, кто увидел приближение Великой депрессии 29-го года. Вообще говоря, любой человек с мозгами знал, что рано или поздно фондовый рынок обвалится, хотя многие считали, что обвал потому-то и произойдет, что его накличат такие горе-пророки. Зато Стивен Уолтроу предсказал кризис с точностью до недели. Покупка яхты этим магнатом произвела небольшой фурор на страницах светских сплетен бостонской и нью-йоркской прессы. Не успел Сполдинг остыть в своей могиле, как его судно уже перешло в руки Уолтроу. К тому же нашлись и такие, кто полагал, что Сполдинг наложил на себя руки именно из-за биржевого краха.

В этом, заверила меня Сузанна, они очень ошибались. Я слушал, отхлебывая из стакана с биттером. В пабе наигрывала музыка. К счастью, пела отнюдь не Жозефина Бейкер. Жалобные рулады издавал Билли Пол со своей композицией «Я и миссис Джоунз».

У Стивена Уолтроу имелся брат-близнец, на пару с которым он увлекался яхтенными прогулками. Происходили братья из среднего класса, но выросли неподалеку от гавани, причем их отец сам был заядлым яхтсменом и обучил сыновей искусству ходьбы под парусом, когда те еще носили коротенькие штанишки. Братья обладали несомненным талантом к этому делу. Они проявили себя умелыми, находчивыми и закаленными мореходами. В возрасте четырнадцати лет им довелось пережить трагедию во время гонок в бостонской гавани, когда шесть яхточек попали под внезапный шквал, налетевший без всякого предупреждения. Четыре суденышка дали оверкиль и затонули. Погибли семь мальчишек. Через девять часов агонизирующего ожидания в темноте братья Уолтроу довели-таки свою потрепанную яхту до пристани, с которой стартовали. Они были потрясены гибелью товарищей, однако с характерной для детей холодной

приспособляемостью к обстоятельствам вновь вышли на воду следующими выходными.

Кевин Уолтроу не отличался той деловой хваткой, которой обладал брат. Он стал полицейским, однако после того, как Стивен купил яхту Сполдинга, Кевин тоже с удовольствием проводил на ее борту время, свободное от дежурств. В отличие от несклонного к брачным узам Стивена Кевин был женат, имел двух маленьких детей, и его новое увлечение стало причиной натянутой атмосферы в доме, в особенности когда — спустя три месяца после покупки — Стивен предложил провести пасхальную неделю в переходе до Лонг-Айленда и обратно.

Сузанна считала, что в конечном итоге Кевин сумел добиться отпуска потому, что Стивен внес известную сумму в Фонд вспомоществования семьям бостонских полицейских. Что по этому поводу думала его супруга, история умалчивает. Мы вообще мало чего знаем о судьбе яхты и ее экипажа, когда они ранним ясным утром 4 апреля 1930 года вышли в бостонскую гавань, подгоняемые свежим ветром. Во всяком случае, никаких донесений не поступало, хотя судно и было оборудовано высококласной радиостанцией. Как бы то ни было, восемь дней спустя яхту обнаружили в 150 милях мористее, без команды. Она дрейфовала, медленно перемещаясь по течению.

Судно отбуксировали в Нью-Джерси, опечатали и подвергли тщательному осмотру. Ничего существенного обнаружить не удалось, братья Уолтроу словно испарились. В конечном итоге через месяц ее привели обратно в Бостон. Здесь, возможно по причине богатства Стивена, а может, и потому, что Кевин принадлежал к бравой когорте бостонских «героев», яхту вновь подвергли осмотру, на сей раз более придирчивому, и даже провели примитивную судебно-медицинскую экспертизу.

— Что-нибудь удалось найти?

Сузанна отпила глоток.

— Обильные следы крови, как если бы между братьями вспыхнула страшная ссора. А может, кто-то из них напоролся на багор или что-то в этом роде. Несчастные случаи в море далеко не редкость. Но вот что странно: у братьев были разные группы крови, и они обе присутствовали в следах примерно поровну.

— Так, а еще что?

Она задумчиво покивала.

— Чековая книжка Уолтроу. Ее нашли в ящике стола в капитанской каюте. Она тоже оказалась перепачкана кровью. На задней обложке Уолтроу собственноручно, черными чернилами торопливо накарябал пару

слов. Одно-единственное предложение: «Моя очередь».

— Это происшествие вызвало переполох?

— Я бы не сказала. Америка в ту пору переживала бурное время. Страна не страдала от нехватки скандалов или сенсаций. Впрочем, кое-какое расследование все же провели; из этих отчетов-то я и почерпнула основные факты.

Следователя звали Эрни Хауз. Бывший полицейский, сменивший работу на частного сыщика, который занимался парапсихологическими аспектами. Дело в том, что после Первой мировой коллективная скорбь многочисленных семейств привела к возникновению бума самопровозглашенных ясновидцев, которые брались передать загробные весточки от погибших сыновей. Хауз неплохо зарабатывал, выводя этих «экспертов» на чистую воду. При этом, однако, он не забывал насыщать аппетиты доверчивой публики, при всяком удобном случае заполняя новости утверждениями, что сам-де обладает оккультными способностями.

Давнишняя трагедия с гоночными яхточками могла означать, что братья оказались каким-то образом обречены и что их вероятная гибель была примером того, как никому не удастся обвести судьбу вокруг пальца. Впрочем, у Хауза имелась также альтернатива он мог поэксплуатировать суеверия насчет судна, которое приносит несчастья. На самоубийство Сполдинга откликнулись общенациональные издания. Минул лишь год, а Стивен Уолтроу стал вторым по счету миллионером, чья злосчастная кончина была тесно связана с «Темным эхом». Получается, лодка совершенно точно проклята? Публике нравятся подобные истории. По какой-то непонятной причине люди склонны верить в такие рассказы, так же как и в дома с привидениями.

— И под каким углом он это подал?

— Уж во всяком случае не под сверхъестественным — ответила Сузанна, грызя ноготь. — Хауз опросил вдову Уолтроу и узнал от нее, что в течение нескольких недель перед вояжем Кевин третиловал семью вечными скандалами, был угрюм и склонен к рукоприкладству. Хауз оказался до того циничен, что подкатил даже к Майклу, семилетнему сыну Кевина, желая добиться более сенсационных подробностей об отце. Так вот, я не думаю, что полиции Бостона сильно нравятся повествования о недавно погибших сотрудниках, которые якобы лупят жен, а по ночам слышат голоса в собственной голове. Как-то утром Эрни проснулся в номере одной из бостонских гостиниц и обнаружил на своей подушке боевой патрон. С пулей тридцать восьмого калибра в мягкой оболочке. Типовой боеприпас к табельному полицейскому револьверу. Намек он

понял и больше не опубликовал ни слова про Уолтроу или «Темное эхо».

— Каким образом ты все это узнала?

— Хочешь верь, хочешь нет, но история оказалась не до конца трагической. Майкл Уолтроу со своей младшей сестрой Молли унаследовал основную долю состояния родного дядюшки. Сейчас ему восемьдесят четыре, но в нем не найти и малейшего следа старческого слабоумия. Да он вообще известный художник-пейзажист и доживает свой век на Мартас-Виньярде. Я разыскала его телефон и позвонила. Сказала ему, что собираю материалы про «Темное эхо». Он не спрашивал зачем, так что мне и врать-то не пришлось.

— И он с готовностью согласился на интервью?

— С готовностью? — помотала головой Сузанна. — Вот уж вряд ли. Хотя и признался, что рад возможности наконец-то об этом поговорить. От него я узнала про Хауза, неприятного и потливого человечка, от которого несло перегаром и дешевым табаком.

— Понятно. Так и что он рассказал тебе про Кевина?

— Уверяет, что в того вселился дьявол. Из добродушного, смешливого мужчины он превратился в раздражительного монстра, которого все в доме боялись. Человека словно подменили буквально за несколько недель. Майкл убежден, что его отец убил собственного брата на борту яхты, после чего наложил на себя руки. Однако за все это надо винить только дьявола.

— То есть само судно не виновато?

— Вот именно. На момент тех событий ему шел восьмой год, да и в семье у них все католики. Короче, он решил, что папа оказался одержимым бесовской силой. До сих пор так считает.

— А что он сделал с яхтой?

— Ничего не сделал. По завещанию она отошла Молли Уолтроу. Судно поместили в сухой док, где оно так и стояло, потихоньку ржавея и собирая пыль. Когда Молли достигла совершеннолетия, то продала яхту, ни разу так и не поднявшись на борт.

Я задумчиво откинулся на спинку стула. Допил остатки теплого пива. В баре по-прежнему играла музыка, хотя я почти не замечал ее, потому что в голове стоял гул от услышанного.

— Ну хорошо. А как ты вышла на след Патрика Бойта?

— Я и раньше знала, что Сполдинг останавливался в биркдейловском «Палас-отеле», когда был вынужден вернуться в Ливерпуль из-за шторма, который повредил яхту. Вот я и решила прогуглить по ключевым словам на Сполдинга, Ливерпуль и судоремонтную верфь. А результат ты уже видел.

— И при всем при этом ты ничем себя не выдала, когда я по телефону спросил насчет «Темного эха». Хитренькая какая.

— Мартин, не сердись. Я просто не хотела портить впечатление от покупки твоего отца.

— Тогда зачем сейчас открылась?

— Потому что люблю тебя, — сказала она. — Потому что беспокоюсь за тебя. И, учитывая, что ты мне сегодня рассказал, я считаю, что просто обязана все сообщить.

— Надо рассказать отцу.

— Пожалуй. Впрочем, кое-что ему наверняка известно. Он же читал судебный журнал.

— Два владельца, Сузанна. Ты упомянула, что было два владельца.

— И я расскажу о втором, но сначала мне хочется покурить. Ты не против, если мы вернемся домой?

Продолжение истории я услышал в кабинете Сузанны, когда налил ей бокал вина. Она включила небольшой вентилятор, стоявший на подоконнике, села за стол и повернулась ко мне. Наверное, это была единственная комната в нашей квартире, где она могла курить, почти не чувствуя угрызений совести. Когда я вернулся с вином, Сузанна успела включить и радиоприемник. Бибоп из динамика заглушал гудение электромоторчика вытяжки.

Габби Тенч был третьесортным плейбоем и третьим владельцем «Темного эха». Он купил яхту летом 1937 года в возрасте тридцати девяти лет, унеся ноги, если можно так выразиться, после своего второго по счету развода. Тот факт, что ему достало средств на подобное приобретение, говорит о том, что он выбрался из брачных уз неразоренным. На сей раз, Впрочем, судно отправлялось в плавание при более прозаичных обстоятельствах. На борту установили дизель, чтобы сэкономить на оплате матросов, занимавшихся парусами. Тенч сам по себе был довольно опытным моряком, но двигатель означал, что в случае стесненных финансов паруса можно было убрать совсем, чтобы в одиночку управлять яхтой практически при любых погодных условиях.

Судно потеряло львиную долю своего прежнего лоска, а также первоначальное имя. Под командованием Тенча «Темное эхо» перекрестили в «Туза пик». Новый владелец был закоренелым, даже маниакальным игроком. Свой первый вояж он предпринял из Майами, где и купил яхту. Пунктом назначения была Гавана, в которую он стремился, чтобы попытать счастья в многочисленных прославленных казино кубинской столицы.

Переход из Майами занял у него три дня и три ночи, да еще в тумане, который местные яхтсмены позднее назвали практически непроницаемым. Станным был этот туман. Он сказался даже на навигационных приборах. Мешал радиосвязи. Показания компаса были неточными, хаотическими, бесполезными. В свете последующих событий было бы любопытно узнать, что переживал Габби Тенч на борту своего судна в такую непонятную, несудоходную погоду. Но журнал, как мы знаем, погиб в огне, так что теперь никто не сможет сказать, о чем он думал, чем собирался заняться и так далее.

— Кроме моего отца, — поправил я. — Он уверяет, что прочел все тома.

Сузанна улыбнулась и зажгла новую сигарету. Сегодня она курила беспрерывно, намного превзойдя лично установленный суточный лимит в десять штук.

— Сомневаюсь, чтобы Тенч за весь вояж оставил в журнале хотя бы строчку, — ответила она. — Не думаю, что бы он был таким уж педантом по отношению к морскому протоколу. Или ведению личных дневников.

Габби прибыл в Гавану с высокой температурой. До войны Куба славилась своими эпидемиями. Дежурный управляющий одного из казино, отвечавший за столики с блек-джеком, вообще решил, что Тенч демонстрирует симптомы холеры: тот дышал натужно и с присвистом. Подобные болезни, однако, были характерны лишь для трущоб и крайне редко встречались среди богатых американских гостей. Причем данный гость только-только сошел с яхты. Тем не менее позднее несколько свидетелей подтвердили, что Тенч выглядел больным, с воспаленными глазами, хотя это не сказалось на его игровой форме. В первую же ночь он крупно выиграл. Через день — еще больше. На третью ночь, уже успев собрать вокруг себя толпу, он сменил блек-джек на рулетку и бросил вызов заведению, упорно ставя на черное. К половине пятого утра, когда колдовская полоса его везения закончилась, он был обладателем почти ста тысяч выигранных долларов.

— Колдовская полоса везения, говоришь?

— Во всяком случае, так утверждали другие посетители и крупье. Тенч словно находился в трансе. Словно знал, что не может проиграть.

— Меня удивляет, как ему это сошло с рук. Почему они вообще позволили ему постоянно выигрывать? Разве в то время в гаванских казино не мафия заправляла?

— Да, кое-где, — кивнула Сузанна. — Кубинский диктатор Батиста отдал несколько игровых домов на откуп мафии. Все остальные он

контролировал сам, только косвенно, через ставленников. С другой стороны, они не возражали против одного случая крупного выигрыша, потому что на самом деле никто не сможет выиграть у заведения, если приходить туда изо дня в день. А потом редкостные везунчики вроде Тенча служили рекламой и приманкой для других серьезных понтеров.

Все это так, но Габби, похоже, отнюдь не радовался своей удаче. Следующей ночью он был настолько болен, что рядом с ним за рулеткой сидел врач. Градусник показывал жар за сорок. Кровяное давление побивало все рекорды. С него градом катился пот, он мелко и часто дышал, еле ворочал языком, хотя сделал едва ли пару глотков из бокалов с бесплатной выпивкой, которые цепочкой выстроились возле его локтя. Потреблял он только чистую воду, в которой звякал лед, когда он брался за стакан дрожащей рукой.

И все же Габби выиграл. К окончанию четвертой ночи за игровыми столами он набрал так много фишек, что для их перевозки к кассе пришлось бы позаимствовать тележку. Перед ним высилась разноцветная гора из ярко раскрашенных кружочков слоновой кости. Габби улыбнулся и вынул из кармана смокинга револьвер. Вытряхнул на зеленое сукно все патроны из барабана. Поглядел на окружающих через шесть пустых цилиндрических отверстий. Высунув язык, подмигнул девушке-крупье и при этом выглядел до того похотливым, что она потом неделю не спала. Взял один патрон, вставил его в барабан. Провернул. Взвел курок, уткнул дуло в правый висок и, ухмыляясь, нажал на спуск.

К этому моменту народ отхлынул от столика, — продолжала Сузанна. — Никому не хотелось запачкаться кровью и мозгами Габби Тенча. Но никто не ушел совсем. Им хотелось посмотреть. Славное было времечко в Гаване тридцатых годов. Да к тому же натуры все такие азартные. Тем более что нелегко отвести глаза от человека, который хочет измерить свою удачу до конца.

Итак, он нажал на спусковой крючок. Боек револьвера ударил в пустое гнездо. Габби моргнул, и облачко досады спустилось на его затуманенное от жара чело. Неуклюжими движениями он принялся собирать патроны со стола. В общем и целом он зарядил пять гнезд револьверного барабана. Вновь ухмыльнулся, прокрутил и опять приставил дуло к виску. Кто-то взвизгнул. Он нажал на спуск.

— И боек ударил в пустоту, — сказал я.

Сузанна кивнула.

— Так он повторил пять раз, по числу патронов. Затем вытряхнул их из барабана, собрал все фишки и под аплодисменты ошарашенной публики

отправился обналичивать выигрыш.

— Ему здорово повезло.

— Отнюдь, — сказала Сузанна. — Везение к этому не имеет ни малейшего отношения. Пять к одному — да, это везение. Но пять к одному в пятой степени? Такие шансы побить никто не может.

— Значит, у него все патроны были протухшие.

— Так ведь и револьвер был не его собственный. Выяснилось, что он его незаметно стащил из подмышечной кобуры одного гангстерского охранника, который в ту ночь дежурил в зале. Судя по всему, этот Габби умел показывать трюки, настоящие чудеса prestidigitations и ловкости рук. Он заплатил полдоллара хозяину водного такси, чтобы тот доставил его на борт яхты. Рулевой потом говорил, что деньги были выброшены на ветер. К этому моменту все верили, что Тенч мог бы по воде пройти к «Тузу пик».

Другими словами, к «Темному эху». Судно просто прикинулось другой яхтой.

Габби Тенч не вернулся в казино следующим вечером. Да и через день тоже. На четвертые сутки до берега стала доноситься шедшая из бухты вонь. В Гаване климат жаркий, и запах разложения дает о себе знать очень быстро и настойчиво. Полиция в сопровождении военных поднялась на борт, подозревая, что их ждет труп жертвы ограбления. Труп действительно имелся. Но Тенча не убивали разбойники. Никого не оказалось на борту, кроме мертвого хозяина. Или по меньшей мере следов чужого присутствия.

Судя по всему, Тенч сел за штурманский столик в капитанской каюте, вставил в рот дуло ракетницы и нажал на спуск. На столешнице перед ним высилась гора долларовых пачек, золотых и серебряных слитков, векселей и даже игровых фишек. Он не удосужился снять смокинг с кружевной сорочкой. Сейчас его мертвое тело раздулось, натянув испачканную потом и желтыми выделениями одежду. В промежутках между пуговицами виднелись валики вздутой, синюшной кожи. Сигнальная ракета не вспыхнула, но вылетела с такой силой, что снесла ему макушку головы. Мозги с прилипшими кусками черепной коробки забрызгали потолок кабины и верхнюю часть задней переборки. Смерть оказалась столь же необъяснимой, как и грязной. Разумеется, ни одного свидетеля или хотя бы предсмертной записки, проливающей свет на причину самоубийства. По всей видимости, Тенч хотел уничтожить собственные останки в адском пламени посреди гаванской бухты, в окружении собранных сокровищ, на борту личного плавучего королевства. Хотя в итоге преуспел лишь в

самоистреблении особо пачкотного свойства.

— Вот почему я не смеялась, — заметила Сузанна, — когда ты поделился со мной тем кошмаром или видением по поводу пожара, от которого погиб судовой журнал «Темного эха». Упомянутая тобою сигнальная ракетница напомнила мне об ужасной кончине Габби Тенча.

Я молчал. Говорить было нечего. Да и час поздний. Сигаретный дым полз по небольшому кабинету вопреки усилиям вытяжки, и воздух казался затхлым и мертвым.

— Я вот все думаю, были ли они знакомы... — вдруг добавила Сузанна.

— Кто?

— Сполдинг. Уолтроу. Тенч.

— А откуда Габби Тенч родом?

— Из Нового Орлеана.

— Тогда вряд ли, — решил я. — От Бостона до Нью-Йорка довольно далеко. В те дни, когда еще не имелось гражданской авиации, расстояния были куда значительнее. А Новый Орлеан вообще отстоит на порядочном удалении от обоих городов даже сегодня. Конечно, ты могла бы возразить, дескать, банковское дело и финансовые спекуляции — одного поля ягоды, однако нельзя забывать, что Тенч был профессиональным игроком. Он не только географически был удален от Сполдинга и Уолтроу. В культурном смысле он обретался в иной вселенной.

Однако Сузанна, похоже, и не слушала.

— Все трое ровесники, плюс-минус пару лет. А интересно, может, они во время войны встречались? — Она взглянула на меня, и я почувствовал, какой сейчас последует вывод. — Мартин, война смеется над демографией. У нее нет никакого уважения к классовым или культурным барьерам. Мне бы очень хотелось взглянуть на снимок твоего отца, в смысле фотографию «Иерихонской команды».

Я ничего не ответил и на этот раз.

— Странно.

— То есть?

Сузанна обернулась к радиоприемнику.

— Да ведь они уже это играли. Слышишь? Ту же самую песню играли, только что. Они ее повторяют.

Я узнал эту музыку. Она не напоминала джаз, хотя Сузанна никогда не меняла настройку своего радиоприемника. Эта песня называлась «Когда ломается любовь» и принадлежала группе «Префаб спраут». Ее исполнял несостоявшийся священник по имени Пэдди Макалун. По словам Сузанны,

станция почему-то повторяла трансляцию. Действительно странно. Впрочем, после повествования о Габби Тенче эта странность казалась небольшой, как бы домашней. Я подошел к радио и выключил питание. «Думаю, пора спать», — сказал я и обнял Сузанну, ища в ней утешения. Ее волосы пахли дымом, а кожа — застоявшимися духами и многократно переработанным воздухом, которым тебя заставляют дышать на борту самолета. Однако тело оказалось теплым, уступчивым, и прижиматься к нему было одно удовольствие. Я закрыл глаза и в который раз поблагодарил за нее Господа. Да, благодарить надо Бога, а не каких-то там гопников. Тут мне показалось, что из выключенного транзистора на полке донесся одинокий, протяжный аккорд макалуновской баллады. Наверно, я просто ослышался, тем более что Сузанна мягко прижималась, сплетя пальцы у меня на пояснице.

Я не желал, чтобы она и близко подходила к «Иерихонской команде». Эти люди давно мертвы, как справедливо подметил отец. Но для меня они были опасными призраками, которые — при надлежащей стимуляции — способны мародерствовать в течение долгих десятилетий.

Они зловредны, непоседливы и нетерпеливо поджидают своего шанса, сбившись в свору за спиной своего алчного вожака. Нет, «Иерихонскую команду» лучше оставить истории и другим мертвецам. Об этом говорили все мои инстинкты. Я высвободился из объятий, сходил почистить зубы, улегся в постель и слушал шум воды, пока Сузанна плескалась в душе. Наконец мы задремали, к счастью без сновидений, прижавшись друг к другу в ламбетской ночи.

Следующим утром меня разбудил резкий телефонный звонок отца. Я взглянул на часы, потом на сонное лицо Сузанны в обрамлении иссиня-черных волос на мятой белизне подушки. Стрелки показывали половину седьмого.

— Мартин, ты мне нужен. Немедленно, если, конечно, прямо сейчас у тебя нет других неотложных занятий. Да, и приезжай на своей излишне скромной скандинавской машине. Похоже, нас опять ждет денек, не рассчитанный на вертолеты.

Пошатываясь со сна, я слегка приоткрыл шторы. Мне не хотелось беспокоить Сузанну после ее вчерашнего утомительного перелета и нелегкой вечерней беседы. Погода действительно была из рук вон. Отсюда река смотрелась серой полоской, беспокойно взвихренной под рукой ветра. Низкая облачность; крупные дождевые капли настойчивой барабанной дробью ударялись о стекла и мостовую. Это же надо, каким противным

оказался нынешний март.

— Что случилось?

— Фрэнк Хадли рвет и мечет, того и гляди свалится в нервном припадке.

Я кашлянул, прочищая глотку. В голове еще стоял сонный дурман.

— Отец, ты уже слышал про пожар?

— Слышал, слышал. А вот Хадли еще нет. И проблема вовсе не в сгоревшем судовом журнале.

— А в чем тогда?

— Давай, Мартин, просто приезжай.

И, верный своим привычкам, отец повесил трубку.

Я вел машину в сторону Хамбл, пытаюсь посеять сомнения в мыслях отца, хотя так и не решился рассказать ему о случившемся со мной лично и с теми людьми, чью историю я вчера узнал. Я напирал на то, что «Темное эхо» никак нельзя считать судном, на борту которого не происходят несчастные случаи, да еще с печальным постоянством. Наш запланированный вояж выглядит в лучшем случае беспечным.

Он задумался над моими словами, воздержавшись от немедленных комментариев. Достал портсигар и некоторое время молча курил. На сей раз не было того словесного взрыва, которым он обычно пробивал себе дорогу из угла, в который его загоняли. Хотя и не из уважения ко мне. Я знал, что это объясняется массой убедительных доказательств, которые постоянно накапливались вопреки его желаниям.

— Проклята вещь или нет, выясняется лишь задним числом, — наконец сказал он. — Причем скверная репутация всегда зависит от конкретного подхода к истолкованию событий. Если, к примеру, альпинисты гибнут при восхождении на Гималаи и попытка оказывается неудачной, то экспедицию могут назвать проклятой. Народ начинает сваливать вину на снежного человека, разгневанных горных божеств или выискивает прочую чушь, которую невозможно обосновать или отвергнуть. Если же, напротив, восхождение удастся, то уже никого не волнует, что могло приключиться во время спуска. Экспедицию объявляют успешной. Цель достигнута. Никаких проклятий нет. Понимаешь, о чем я толкую?

— Не вполне.

— В семидесятом году экспедиция, организованная Крисом Бонингтоном, успешно поднялась на гималайский пик Аннапурна по его южной стенке. Это был последний незавоеванный восьмитысячник мира. За Аннапурной всегда водилась печальная слава несчастливой горы.

Одним прекрасным утром альпинисты, которых возглавляли Дон Уилленс и его напарник Даг Скотт, вышли из палаток и преодолели последнюю тысячу футов. По пути вниз, к базовому лагерю, два человека из этой группы погибли, причем в не связанных между собою инцидентах. Вот и ответь мне: была ли экспедиция проклятой? Несла ли несчастье эта гора?

Шоссе к пункту нашего назначения возле устья Хамбл было свободным, однако машину приходилось вести в сложных условиях из-за возмутительно низкой видимости и штормовых потоков воды.

— Сам ответь.

— Бонингтон был достаточно опытным альпинистом. Он поднялся на Эйгер по западной стенке. На пару с Уилленсом впервые покорил центральный массив Френи. Однако его подлинные таланты лежали в области организации восхождений и манипулировании прессой. Аннапурна не была проклята. Экспедиция оказалась триумфальной, потому что именно в таком свете ее сумел преподнести Бонингтон.

Слова отца были неубедительны, и он сам это понимал.

— Мартин, любое судно представляет собойместилище людских дум и чувств. Внутри его хрупкого корпуса мы можем лелеять наши мечты и надежды на приключение и успех. Но, кроме того, на борту наши страхи и опасения способны увеличиваться и искажаться до такой степени, что становятся угрозой для рассудка. Могу лишь заверить тебя, что «Марию Селесту» никогда бы не постигла печальная и загадочная участь, если бы за ее штурвалом стоял Колумб или Дрейк.

Я рассмеялся. По необходимости.

— Отец, ты не Колумб. И уж во всяком случае не Дрейк. И даже не Бонингтон.

Он сам рассмеялся:

— Верно. Но лишь на данный момент. А если «Темное эхо» проклята, то я выдающийся альпинист.

На верфи нас уже поджидал Фрэнк Хадли в окружении толпы своих рабочих. Солентский пролив приобрел серо-стальной оттенок с белыми барашками волн и грязно-желтой пеной в полосе прибоя. Какое-то громадное морское чудовище вытащили из моря и за хвост подвесили над мокрым доком, который располагался по соседству с молчаливым и слепым «Темным эхом», по-прежнему закутанным в брезент. В воздухе стояла резкая вонь крови и какой-то слизи. Труп животного на поверку оказался то ли черепахой, то ли дельфином, но у него напрочь отсутствовала голова. Туша медленно раскачивалась на стальном тросе под порывами жестокого ветра. Она напоминала нечто громадное, но

незаконченное, словно представляла собой неудавшуюся насмешку над природой. Стоял пронзительный холод, однако безголовое создание, зацепленное краном, уже не могло испытывать каких-либо чувств.

— Прибило волнами еще до рассвета — сообщил Хадли моему отцу. Сегодня он выглядел особо худощавым под шапкой растрепанных волос, а выражение его лица я уже встречал не далее как прошлым вечером, на снимке Патрика Бойта. — Это знамение, мистер Станнард. Или, если угодно, предостережение, к тому же на редкость внятное, так что мне не требуются какие-либо разъяснения со стороны суеверных моряков. Словом, убирайте эту вашу мерзость с моей верфи. Неустойки? Пожалуйста, я все оплачу. И с радостью возьму вам любые задержки исполнения хода работ.

Отец расхохотался. Он не верил собственным ушам. Разглядывая покачивающийся труп морского животного, он сказал:

— Из-за этого весь сыр-бор? Из-за дурацкой черепахи, угодившей под винты какого-нибудь сухогруза в самом напряженном проливе мира? Фрэнк, какого вообще хрена? Мы что, должны теперь обсуждать бредовые байки про колдовство?

— Это, мистер Станнард, отнюдь не черепаха. Как вы сами изволите видеть, она слишком большая. К тому же совершенно неясно, что она тут делает. Потому как речь идет о той породе дельфинов, которые обычно плавают лишь в тропических водах.

Меня пробила дрожь, и вовсе не от промозглого холода. Я вспомнил про Габби Тенча, про его неумолимую удачу и вечный ужас, про яхту, танцующую в туманных водах Гольфстрима. Я бросил взгляд на запеленатое «Темное эхо». Вот она, голубка чертова.

— А потом, виноват не гребной винт, — продолжал Хадли, словно не замечая поливавший его дождь. — Винить надо рыбу. Акулу, если точнее.

Однако отец не желал паяться на дельфиний труп.

— Да я на вас в суд подам, — пообещал он судостроителю. — Разорю к такой-то матери, понятно?

Но Хадли этой угрозы не убоился. Он был слишком обеспокоен нагромождением зловещих признаков.

— Если я этою не сделаю, то разорюсь еще вернее, — заметил он, подкрепляя свою точку зрения. И горько улыбнулся.

Краем глаза я заметил движение: кто-то спускался с борта «Темного эха». Кем бы ни был этот человек, он двигался с многоопытной легкостью, запросто пересекая сложное переплетение канатов, которыми крепился брезент. Спрыгнув на брусчатую пристань, он потер зябкие ладони. На нем

была парусиновая роба и наглухо застегнутый бушлат. Из-под шерстяной шапочки выбивались рыжеватые волосы. Кожа красноватая, продубленная ветром. На его фоне бледная от переживаний бригада Хадли выглядела совсем уж жалко.

— А это кто такой? — потребовал мой отец.

— Питерсен. Из Америки. Может, он окажется вашим спасителем, — ответил Хадли. — Так же как и моим, если у него получится вас убедить.

Отец угостил Питерсена завтраком в кафе, которое располагалось в миле от верфи. Хадли, выложивший свои намерения хозяину судна, на глазах воспрянул духом. Расхожая фраза про вес и плечи относилась к нему в полной мере: он прямо подрос, не сходя с места. Какие бы зловещие силы ни витали над его головой, судостроитель успокоился, едва только публично объявил принятое решение. Судя по гадкой погоде, нам придется подождать благоприятного окна, прежде чем удастся отбуксировать «Темное эхо», однако здесь на яхту уже никто не затратит и минуты рабочего времени.

Когда Питерсен приблизился, а Хадли нас с ним познакомил, отец поменял яростное возмущение на свою привычную манеру старого школьного приятеля. Это был тактический отходной маневр, а не капитуляция. Он мог бы уничтожить Хадли в суде. Разумеется, мог бы. Однако тем самым он задержал бы достижение своей подлинной цели и важнейшей миссии, сиречь отправить отремонтированную яхту в новое плавание. Я покачивался на ветру и маслянистых булыжниках, которыми был выложен крутой берег моря. Запах соли атаковал мои ноздри, а на стальном тросе перед глазами висел образчик жестокого надругательства над трупом животного. В эту минуту — причем впервые — я по-настоящему осознал всю глубину отцовского сумасбродства. Ибо его слова, произнесенные по дороге к устью Хамбл, по сути дела, означали, что «Темному эху» недостает лишь опытного спеца-имиджмейкера. Ей требовался аналог Криса Бонингтона, который красочно расписал бы публике мореходные качества яхты и, пожалуй, эстетические достоинства ее конструкции. Не бывает на свете несчастливых судов, есть только злосчастные, а порой и трагические индивидуумы, которые время от времени проникают на борт. Далее, напряженный труд на судоремонтных верфях обязательно обернется когда-нибудь несчастным случаем. Склады — это места где скучающие охранники любят украдкой подымить, а непогашенный окурок — источник пожара. У морских млекопитающих не хватает мозгов, чтобы вовремя убратся с дороги какого-нибудь парома, особенно когда из-за сбоя гидролокатора в голове они оказываются в сотнях, а то и в тысячах миль от своего истинного курса.

Ничто не могло отпугнуть моего отца. Для всего у него находилось рациональное объяснение. Единственной мистической вещью, которой он

позволил проникнуть в собственную жизнь, была вера в сурового и всемогущего Бога. Он не позволит ее пародировать чужими страхами перед колдовством, над которыми насмехался сам. Он восстановит «Темное эхо» любой, пусть даже страшной ценой. Отправится на ее борту в трансатлантический поход. И мне придется его сопровождать, но не из-за лестного чувства, что на мою долю выпало столь исключительное приглашение, а из любви к нему и интуитивного чувства нависшей мрачной опасности, которую я не мог позволить ему встречать в одиночку. В противном случае он погибнет. В этом я был безоговорочно уверен. Нельзя оставлять отца на откуп ужасу и безумию. И терять его тоже нельзя.

Таковыми были мои мысли на верфи Хадли, и они замечательно согласовывались с текущими обстоятельствами. Подвешенный дельфин качался и истекал мерзкой сукровицей на мощеную пристань. Со стороны Солента донесся трубный глас судового ревуна, перекореженный и измученный ветром. Бригада рабочих напоминала серые бестолковые тени, махавшие конечностями под серым же небом. Отец, чья седая грива придавала ему судейскую важность и авторитетность, выглядел сейчас обреченным. А купленная им лодка угрюмо размышляла над своими тайнами, прикрывшись мокрым и темным брезентом.

Однако Питерсен радикально изменил настроение, едва мы очутились в кафе. Он был подвижен, энергичен и напорист. Глаза американца сверкали энтузиазмом, чей блеск не уступал сиянию двойного ряда латунных пуговиц на его бушлате. В общем, за неимением лучшего определения он обладал эдаким особенным стилем. Изъяснялся лишь в терминах жизнерадостной целесообразности и практической сметки. Итак, нам предстоит отбуксировать, вернее, перевезти «Темное эхо» на борту морской баржи, которую вместе с буксиром следует немедленно зафрахтовать, чтобы подгадать к первому же синоптическому окну. Временный причал он уже присмотрел. Это такая небольшая марина в пяти милях отсюда, и там можно арендовать стояночное место. Хотя и не столь современное, как верфь Хадли. У них нет ресурсов для постройки древнескандинавских драккаров по заказу режиссера эпической киноленты, однако вся необходимая для ремонта техническая база в наличии. «Чтобы, значит, восстановить мореходность „Темного эха“ и вновь сделать яхту горделивой и великолепной», — заключил он, налегая на полновесный, классический английский завтрак.

Понятное дело, разговор в подобном ключе с легкостью соблазнил отца — просто оттого, что эту же фразеологию он выбрал бы сам для

изложения собственных пылких грез. Но вот я не разделял такую убежденность и продолжал изучать Питерсена. Он оказался не столь молод, как на это намекали его гибкие и ловкие движения на борту яхты. В уголках глаз имелись морщинки, а на шее уже начинала появляться отвисшая кожа, хотя, когда он снял свою шапочку, рыжевато-блондинистые кудри его шевелюры выглядели достаточно юными. Кроме того, его загар намекал на тропики и снимал дополнительные годы с его возраста. Впрочем, этот человек, которого я поначалу принял за тридцатипятилетнего, на поверку перевалил, скорее всего, за пятьдесят.

— Вы не верите, что эта яхта приносит несчастье, мистер Питерсен?

— Зовите меня Джек, — сказал он, улыбаясь. Белизна его зубов лишний раз подчеркивала непривычный для текущего сезона загар. — Нет, сынок, я так не думаю. Полагаю, что «Темному эху» досталось слишком много злосчастных владельцев. Но в этом ей просто не повезло, зато сейчас удача повернется к ней лицом.

Я взглянул на отца. Его улыбка была широкой, чуть ли не блаженной. Да уж, Питерсен точно распознал, как играть на правильных чувствах моего родителя. И это при том, что они познакомились едва ли час назад.

— А как вы объясните дельфина, Джек?

Он посмотрел мне в лицо. Глаза Питерсена были серо-голубыми и столь же яркими, как и его улыбка. Очень ловкий и энергичный человек. Если его руки окажутся столь же проворными, как и ум, то восстановление яхты моего отца осуществится практически немедленно.

— Я бы и не взялся это объяснять, — ответил он. — Лишь циник и наглец осмелится истолковывать морские тайны. Могу лишь сказать вам, что мертвое животное ничего не выражает, кроме самого факта его гибели. Я не собираюсь выискивать причины, по которым оно сюда заплыло или сунулось под винты. Предпочитаю иметь дело с гвоздями, пиломатериалами, смолой и пенькой. В моих силах сделать «Темное эхо» отзывчивым к малейшему повороту румпеля. Я способен выжать из нее восемнадцать узлов при полных парусах. Словом, дайте мне что-нибудь практическое, а суевериями пускай занимаются другие. Вот так-то, сынок.

Я сухо кивнул. Не очень-то мне нравилась его снисходительная манера. «Сынка», видите ли, нашел...

— Не верю я в проклятия. Держусь лишь тех вещей, которые знаю.

— Это заметно.

Улыбка не пропала с его лица.

— Каким образом?

— Потому что вы до крошки съели яичницу с беконом и сосиски. А

вот к кровяной колбасе даже не притронулись.

Он критически посмотрел на свою тарелку.

— Что ж, Мартин, если вы говорите мне, что это съедобно, то мне остается лишь поверить. Но только потому, что вы такой честный мальчик.

Отец хлопнул по столешнице в приступе веселья. Наверное, именно сей подход послужил причиной его жизненного успеха. Прямо-таки непотопляемый оптимизм.

— Вижу, он тебе не очень-то глянулся?

Мы сидели в «саабе», возвращаясь в Лондон.

— Питерсен слишком много себе позволяет. Относится к людям свысока. И он не так прост, как пытается себя подать.

— Ага. Но надеюсь, он не так прост, как Фрэнк Хадли, — ехидно отвечал мой отец.

Новая верфь находилась возле мыса на северном берегу Саутгемптонского пролива, между Калшотом и Лепом, неподалеку от старой спасательной станции. Отец согласился оплатить проживание Питерсена в сельской гостинице в Эксбери. Постоялый двор оказался древним, но очень комфортабельным, да еще с великолепной кухней. Впрочем, Питерсен заверил, что намерен большинство ночей проводить на верфи. Он сказал, что когда наступит весна, то будет очень приятно спать там теплыми вечерами, к тому же это наиболее практичный способ гарантировать соблюдение графика работ. Конечно, в ушах моего отца такие высказывания звучали сладкой музыкой.

— А знаешь, Мартин, тебе вовсе не обязательно уходить со мной в плавание. — Голос его звучал мягко.

— Знаю.

— Тебе, наверное, даже и не хочется. И Сузанна тоже, я думаю, против. Я все пойму, если ты прямо сейчас откажешься. В конце концов, у меня останется три месяца, чтобы найти замену, а это очень большой срок.

— Отец, мы уйдем вместе. Ничто меня не остановит.

— Вот и славно, — кивнул он. Протянул руку и ласково потрепал меня по плечу. — Я очень рад слышать, что у тебя такие настроения.

Погодное окно выпало на следующий день. Я решил не ездить, тем более что денек был ясный, теплый, «вертолетный», и мои шоферские услуги не требовались. Питерсен зафрахтовал буксир и баржу, «Темное эхо» лебедками подняли на борт и закрепили без всяких несчастных случаев. После короткого путешествия по невинно-голубой воде ее вновь сняли с баржи, опять-таки без печальных последствий. Тем вечером отец по телефону изрек, что мутно-серая погода на прошлой неделе была своего

рода вагнеровским сном Фрэнк Хадли не присутствовал при извлечении яхты из сухого дока.

— Не спрашивай меня, где он околачивался, — сказал отец. — Наверное, повез набивать соломой чучело своего дурацкого дельфина.

— Как там Питерсен?

— Олицетворение компетентности. Говорю тебе, Мартин, это морской волк, просоленный до пяток. К тому же талант по части организации. Люди его слушаются, можно сказать, заранее.

Я покивал, что есть, разумеется, глупость, когда ты беседуешь по телефону. Но мне не нравился Джек Питерсен и вряд ли мог понравиться в будущем.

Впрочем, он сдержал все те обещания, которые изложил в своем авиапочтовом послании к Хадли. Никакого травматизма на производстве не наблюдалось. Апрель принес нам длительный период теплой весенней погоды, и небольшая, сколоченная Питерсеном бригада неукоснительно шла по графику. Возник, правда, спор, следует ли ставить новый дизель, а если да, то какого типа. Я воздержался от участия в дебатах. Отец хотел, чтобы яхту погоняла лишь сила ветра. Питерсен же считал, что дизель на борту — это дань чисто практическому аспекту. Он никоим образом не скажется на эстетических качествах яхты, но зато позволит малоопытным морякам вроде нас с отцом без происшествий маневрировать в гаванях при постановке и снятии с якоря. Питерсен также сказал, что двигатель будет одним из тех немногочисленных новшеств, которые улучшат ходовые характеристики судна без ущерба для его конструкции. К прочим нововведениям относились наисовременнейшая радиостанция, спутниковая навигационная система, а также радар с гидролокатором, чтобы мы не налетели на берег и не проломили днище на подводных камнях или коралловых рифах. Все это хозяйство предполагалось питать от аккумуляторов.

Отец как-то особенно мучительно раздумывал над преимуществами и недостатками дизеля. Пожалуй, будет преувеличением сказать, что эти муки носили характер агонии, хотя... Ведь Сполдинг-то, герой-вояка и гоночный чемпион, ни в каких двигателях не нуждался. По слухам, Питерсен лишь расхохотался на этот довод и заявил, что если бы миниатюрные, чистенькие турбодизели нынешней эпохи были доступны в те далекие времена, то его прапрадедушка обязательно оснастил бы «Темное эхо» такой замечательной вещью. Отец признался потом, что конечным аргументом выступило заверение, что подобный двигатель не помешает официально классифицировать яхту как подлинно винтажную

шхуну. Однако я лично думаю, что действительно решающим доводом был тот вес, который он приписывал мнению Питерсена, что явилось логическим следствием очевидной опытности американца и того впечатляющего прогресса, который он демонстрировал ходом ремонтно-восстановительных работ на борту.

Отец очень хотел, чтобы я присутствовал при двух важных событиях: крепление новой грот-мачты и установка на носовой палубе кабестана с цепью и якорем. И то и другое намечалось выполнить в течение мая. К тому моменту мои теоретические познания в мореходном искусстве были достаточно внушительны, и я был в состоянии выйти из Уитстейбла и обогнуть остров Шеппи под парусом. Однако у меня стали появляться подозрения, что надо бы набить руку и на борту винтажной шхуны, аналогичной «Темному эху». Лишь после этого я смогу подняться на отцовскую яхту, испытывая хоть какую-то уверенность.

Я провел интернет-поиск и нашел турфирму, которая позволяла клиентам изображать из себя моряков девятнадцатого столетия на борту различных восстановленных судов и их копий. Все они были намного более спартанскими, нежели переоборудованное «Темное эхо». Полагалось спать в гамаке, мыться на палубе в бочке с дождевой водой, а после захода солнца единственным источником освещения в кубрике были керосиновые лампы. Даже провизия во многом напоминала тот рацион, который был принят полторы сотни лет назад. Для питания в основном шли галеты, солонина и сухофрукты. Свежей могла быть только рыба, которую ты сам и ловил на лесу. Все очень в духе Джозефа Конрада. Как раз тот самый учебный курс «с погружением», который мне и требовался.

Очередной вояж на шхуне был у них запланирован на конец апреля. Если присмотреться к деталям, то, наверное, здесь годится скорее атмосфера Эрскина Чилдерса, чем Джозефа Конрада. Судно вышло из Роттердама, прошло Северным морем к Восточной Фризии с ее цепочкой островов возле побережья Нижней Саксонии. Промозглый, ветреный и даже, можно сказать, заброшенный уголок. Вернее, такое впечатление об этом месте я вынес из книжки Чилдерс «Загадка песков». Нам предстояло бросить якорь у острова Бальтрум и провести там пару ночей, чтобы орнитологи-любители, входившие в состав нашей разношерстной команды, могли предаться своему мазохистскому увлечению. Затем планировался обратный переход в Роттердам, а оттуда короткий каботажный рейс до Антверпена, где судно встало бы на мелкий ремонт и пополнение запасов. Шхуна именовалась «Андромеда» и первоначально была зарегистрирована под британским флагом. Ее киль заложили на шотландском Клайде в 1878

году, когда сэр Уинстон Черчилль был еще четырехлетним карапузом. И про телефон в ту пору никто не слышал. Словом, мне предстояло вверить свою жизнь Северному морю и той лодке, которую построили аж за десять лет до Джека-потрошителя с его коротенькой, но насыщенной карьерой головореза.

Идея казалась очень хорошей. Судовождение на предательском мелководье рядом с архипелагом, куда мы направлялись, слыло занятием не для слабонервных. Сильные течения и резкие колебания уровня моря в периоды приливов и отливов. Частый и непроницаемый туман. Да плюс к тому стихийная мощь Северного моря. Я многому научусь.

— А ты мне привезешь какой-нибудь гостинец? — спросила Сузанна.

— Наверное, цингу, — ответил я, — коль скоро у нас будет такая диета.

Она рассмеялась. Сузанна не возражала против моего путешествия, тем более что оно, по идее, должно было совпасть с ее последней, вдохновленной Майклом Коллинзом командировкой в Ирландию. Неделей раньше Сузанну одолело любопытство, и она попросилась съездить на лепскую верфь, чтобы лично познакомиться с «Темным эхом». Мы отправились на машине, нарочно решив устроить сюрприз Джеку Питерсену. Я не хотел давать ему время на подготовку какой-нибудь церемонии встречи Сузанной, где бы он смог пустить нам пыль в глаза.

Питерсен, похоже, и в самом деле был рад нас видеть, а в отношении Сузанной проявил массу куртуазного обаяния выходца из Новой Англии, чуть ли не флиртуя, — и ей, кажется, это нравилось. В тот день покровы с «Темного эха» были сняты, и солнечные зайчики плясали на начищенной латуни иллюминаторов и прочих дельных вещей, которые слепили глаза яркими отблесками. Яхта пахла свежераспиленным деревом, краской и лаком. А в просторной капитанской каюте стоял богатый аромат полироли и роскошной дубленой кожи, которую мой отец заказал для обивки мебели.

Сейчас яхта радикально отличалась от того судна, на чьем борту я некогда пережил мгновения ужаса. Все было чистым, целым и новехоньким. Экскурсия по шхуне солнечным днем, в сопровождении Сузанной и Питерсена, превратила мои прежние страхи в нечто нереальное и граничащее с галлюцинацией. Я вдруг понял, что имел в виду отец, когда назвал странный период пребывания яхты на верфи Хадли «вагнеровским». Впрочем теперь зловещее марево рассеялось. Ступеньки трапа заменили. Они были твердыми и упругими под моими ногами, причем во время спуска я не испытывал ни опасений, ни нехороших предчувствий. Единственный встревоженный взгляд, который я позволил себе бросить в

каюте, был направлен на ту стену, где раньше висело зеркало. Но сейчас от него не осталось и следа. Я заметил, что Сузанна пару раз вопросительно посмотрела в мою сторону, однако ей не требовалось беспокоиться на мой счет. Физическая реальность, коей я был сейчас свидетелем, яркая пышность интерьера заставили мой предыдущий опыт пребывания на борту испариться из памяти, как это обычно и бывает с кошмарами.

После этого необъявленного визита на лепскую верфь мы с Сузанной почти не обсуждали предстоящий вояж отца. Она задала пару вопросов насчет Питерсена. На второй из них я ответил встречным вопросом, уж не глянул ли он ей. Пришлось увертываться от книги, которую она в меня швырнула. Сузанна не стала повторять вопрос. Возникло впечатление, что экскурсия и на нее подействовала успокоительно. Мы не обсуждали эту тему. И все же впечатления на борту восстановленного «Темного эха» напрочь отличались от моего видения Гарри Сполдинга, состоявшегося под брезентом. То же самое относится и к мрачным тайнам братьев Уолтроу вкупе с игроком по имени Габби Тенч. На фоне визита в Леп эти события смотрелись куда более симптоматическим олицетворением той болезненной и истерической эпохи, нежели собственно яхта.

Сузанна перекинула пальто через руку и нагнулась за сумочкой, чтобы повесить ее на плечо. Прядь волос упала ей на лицо, и она фыркнула, сдувая ее в сторону. Сузанна стояла в коридоре — стройная, решительная и восхитительная.

— Это очень эмоциональная вещь, да? Прощание с Майклом Коллинзом?

Она улыбнулась, не отводя глаз с паркета. Улыбка показалась мне немножко тоскливой.

— В моей жизни нет места привидениям.

Я шагнул ближе, обнял ее и поцеловал на прощание.

— Это относится к нам обоим.

Она погладила мою щеку.

— Я люблю тебя, Мартин.

— И слава богу.

Погода на пути в Восточную Фризию выпала безобразная. От «Андромеды» несло рыбьим жиром, гнилой пенькой и мокрой древесиной. Ее паруса пошли пятнами плесени, а в трюмах плескалась до того густая и застарелая жижа, что никакой насос не мог с ней справиться, и оттого шхуна плохо слушалась руля даже под полными парусами. Судно неуклюже переваливалось и пугающе потрескивало под действием

противоборствующих давлений ветра и воды.

Наша команда состояла из восьми человек, другими словами, «Андромеда» имела переизбыток рук на борту. Поначалу я тратил массу времени, педантично следуя правилам и наставлениям, неся дозорную вахту у кормового релинга — по собственному почину, потому как не смог найти себе лучшего или более поучительного занятия. Впрочем, наблюдение за Северным морем само по себе есть вещь весьма информативная. Здесь воды никогда не пребывали в состоянии покоя, они постоянно вихрились и колыхались. Я всегда считал море инертной стихией, кроме как в шторм. Но это объяснялось тем что я был полнейшим невеждой. На самом деле речь шла о живом существе, которое само с собой бурно спорит, не зная, что делать с собственной неизмеримой глубиной и чудовищной энергией. По ночам море казалось спокойнее, но это возмещалось судоходным движением на поверхности, и здесь таилась угроза для любого моряка, утратившего бдительность.

Через два часа после рассвета вторых суток похода к омерзительному коктейлю запахов добавилась рвотная вонь, когда мы наскочили на шквал, с которым пожаловало четырехфутовое волнение. Пришлось взять паруса на рифы. Шхуна, как корыто, зачерпывала воду, продавливаясь сквозь волны, и я подошвами чувствовал тряску древних тимберсов и шпангоутов. Впрочем, я знал, что «Андромеда» способна вынести гораздо большее, прежде чем разломится напополам и пойдет ко дну. Все-таки ее строили с расчетом именно на такую погоду, если не хуже. А с другой стороны, шхуна была не первой молодости. И хотя аутентичность сего заслуженного судна была вещью ценной, за ним, судя по всему, не очень-то прилежно приглядывали.

Море окрасилось в угрюмый бутылочно-зеленый цвет под оловянистым небом. Ветер, дувший со стороны арктической Норвегии, жалил незащищенные участки моей кожи, которая тут же онемела. Палубу заливали дождь и водяные брызги. Я был в клеенчатой робе поверх штанов и свитера из промасленной шерсти. Поля зюйдвестки хлопали, силясь сорвать ее с головы. И я обнаружил, что улыбаюсь. Мне нравилось находиться в гуще столь стихийного явления. Кроме меня, в море были и другие люди, ловившие рыбу, доставлявшие грузы или занятые военными учениями. Я же был свободен от подобных обязанностей и мог просто наслаждаться моментом.

По плечу кто-то постучал, выбив меня из задумчивости, и я обернулся. Это был капитан Штрауб, шкипер нашей «Андромеды». Я осмотрелся кругом. На палубе стояли только мы вдвоем.

— Я смотрю, вы привыкли к качке! — крикнул он, ухмыляясь в седую мокрую бороду. Штрауб был голландцем и изъяснялся с густым акцентом.

— Наверное, родился таким, — ответил я.

— Значит, повезло, — сказал он. — Не желаете ли попробовать себя за штурвалом, мистер Станнارد?

— С радостью, кэп.

— Только старайтесь не сбиться с курса.

Наверное, ему хотелось покурить или забежать в уборную и так далее. Мы слишком далеко отошли от берега, чтобы я умудрился посадить «Андромеду» на мель, а для организации столкновения на море требуется как минимум два участника, и парень на мостике второго судна наверняка будет поопытнее меня. Все же я испытал нечастый для взрослого человека подъем от мысли, что мне доверили такую важную вещь, как штурвал. Это означало, что теперь шхуна в моих руках. Я отвечал за судьбу семи душ на борту. Неожиданное удовольствие тут же дало понять, сколь немногого я достиг в своей жизни. Впрочем, осознание некоторой ущербности не испортило приятного впечатления. И тут удивляться нечему, это вовсе не откровение. Мы живем в век уменьшающихся личных достижений. На секунду я подумал, что управление семидесятитонной шхуной в штормовую погоду даст мне много хорошего. Это физический труд. Несмотря на промежуточные механизмы, я своими руками ощущал мощь волн и вес судна. Рядом со штурвалом, на специальном столбике, находился нактоуз с компасом. Смахнув воду с выпуклого стекла, я снял показания. Я знал, где мы находимся и куда идем.

На следующий день суша возвестила о своем приближении рваной серой грядой на сером горизонте. К моменту, когда мы бросили якорь у Бальтрума, столь же серыми были и физиономии наших горе-орнитологов, истощавших от рвоты и жаждавших поскорее сесть в спущенный на бурные воды баркас, чтобы ощутить наконец под ногами нечто незыблемое. Я проводил их взглядом, добровольно вызвавшись остаться на борту. Теперь кубрик будет в моем единоличном распоряжении. Дикий песчаный пляж, камыши и редкостные птички, к которым так стремились мои товарищи, не казались очень уж увлекательными.

Остался и капитан Штрауб. Тем вечером мы ужинали вместе в его каюте. Он проявил себя изобретательным коком, состряпав нечто вроде ячменной каши с тушеной свининой и луком. Кушанье мы запивали светлым пивом, а на десерт у нас был поистине изумительный голландский сыр и великолепное бренди из его личного погребца. Куда там источенным насекомыми морским галетам и ржавой селедке! Я бы сказал, что такая

диета — цивилизованный, но верный путь к цинге.

Закончив насыщаться, капитан извлек кисет, свернул себе самокрутку и откинулся на спинку кресла. Я решил повнимательнее рассмотреть обстановку. Раньше этому мешали голод и застольная беседа. Капитанская каюта не была столь просторной, как на «Темном эхе», а уж про роскошь и говорить не приходится. Однако здесь имелось одно действительно замечательное обстоятельство: в интерьере категорически отсутствовали вещи, не происходившие из девятнадцатого столетия. Мы ужинали при свечах. С подволока возле иллюминатора правого борта свешивалась керосиновая лампа. На штурманском столе лежали рулоны навигационных карт в компании с секстантом. Расчеты Штрауб вел посредством логарифмической линейки, чья слоновья кость пожелтела от прикосновения пальцев за многие и многие десятилетия. Замеры глубин при приближении к острову мы делали с помощью ручного лота, закидывая его с кормы. Вместо гамака Штрауб спал на койке; в каюте было тепло от чугунной печи, топившейся дровами. Вполне уютное местечко, чтобы укрыться от непогоды. Впрочем, выглядело оно анахронизмом, и, пожалуй, мне было бы не по себе оказаться здесь в одиночку.

Штрауб поднялся и поставил кофейник на примус. Зажег фитиль спичкой. Тут я обратил внимание, что шхуна перестала раскачиваться в успокоившейся воде. За стеклом иллюминатора тянул свои щупальца туман.

— Кэп, вы верите в привидения?

Он замер и напрягся — пусть даже почти незаметно, — не поворачиваясь лицом ко мне. Басовито хмыкнул.

— Я так и знал, что этот вопрос всплывет. И тем не менее это всегда неожиданность. — Он обернулся. Штрауба тоже можно было принять за артефакт девятнадцатого века, с его груботесаной физиономией, могучими плечами и бородой мышастого цвета. Капитан поднял руку, и в сумраке каюты появился огонек, когда он затянулся папиросой. Штрауб кивнул в сторону закипавшего чайника. — Давайте сперва дождемся нашего кофе, мистер Станнард, а потом я расскажу вам историю с привидениями.

Мы поудобнее расположились в креслах с кружками кофе в руках и бутылкой бренди на столике. Туман занавесил иллюминаторы бледным непроницаемым одеялом. Шхуна стояла на якоре, не шевелясь ни на йоту. Ветер стих, и море за обшивкой было недвижимым и молчаливым.

Штрауб командовал «Андромедой» в течение двенадцати лет и лишь по истечении первого года увидел призрака на борту.

— Мы шли по Атлантике, мистер Станнард. Американцы — по

крайней мере, некоторые — большие и привередливые любители по части яхт. В тот раз со мной была команда из пяти человек. Все из них опытные и закаленные мореходы. — Он вновь хмыкнул. — Ни одного орнитолога, как я понимаю.

Я улыбнулся, поощряя его продолжать, и отхлебнул крепкого, доброго кофе.

— Судно находилось примерно в четырехстах милях к востоку от Нантакета и шло на ост, хотя это и неважно. Стоял сентябрь. Сумерки вот уже час как спустились. Я работал вон там, — кивнул он в сторону штурманского столика, — рассчитывая среднюю скорость хода, потому что кто-то из моих клиентов пожелал ее знать. Я вскинул голову — и он сидел прямо на вашем месте.

Я похолодел. Кофейная кружка обжигала руки, в печке горел огонь, но меня пробрала ледяная дрожь, несмотря на толстый свитер и сытое брюхо.

— Кто... сидел?..

— Мужчина в коричневой униформе, стальной каске и с перебинтованной нижней половиной лица. Я вот сказал «мужчина», но на самом деле это был суций мальчишка. Страх стоял в его измученных юных глазах. Восемнадцатилетний солдатик, в заляпанных глиной обмотках и с винтовкой, которая была ему слишком велика. Он держал ее поперек колен.

— И что он сделал?

— Ничего не сделал. Просто сидел и смотрел на меня.

— А вы?

— Я зажмурился, а когда вновь открыл глаза, он исчез.

Я испытал облегчение, что призрак, на который наварлся Штрауб, ничего общего не имел с Гарри Споддингом. Конечно, с какой стати он вообще должен был там появиться? Однако привидения и логика с трудом уж вались в моем сознании, а потому я и почувствовал облегчение, чистое и незамутненное. Впрочем, потусторонний гость Штрауба оказался безвредным, а Сполдинг никогда таким не был. Итак, Штрауб лицеизрел кого-то другого.

Капитан рассказал мне, что поступил в точности, как принято в таких случаях: нашел массу оправданий увиденному. Он был уставшим. Невыспавшимся. Мучился нервным напряжением и, наверное, похмельем. С ним сыграло шутку его чересчур разыгравшееся воображение.

— Но правда в том, что все это неправда.

— А потом вы его видели?

Он кивнул.

— Да, но очень редко. Крайне нерегулярно. Скажем, не чаще одного раза в год, а порой интервалы между его появлениями достигали полутора лет.

— А при каких обстоятельствах?

— Всегда одни и те же.

— И вы не знаете, кем он был?

— Лет пять назад я все же покопался в архивах на предмет истории «Андромеды». Причем вне связи с моим привидением. Клиенты поднимаются на борт и начинают расспрашивать, а мое знание ее прошлого было, к сожалению, весьма шатким. Эта шхуна — поистине почтенная морская старушка, мистер Станнард. — Кэп взял бренди, отпил глоток, после чего пополнил оба наших бокала и вновь достал свой кисет. — У нее живописная история.

Мне доводилось встречать людей, которых хлебом не корми, а дай рассказать какую-нибудь байку. К таким, в частности — и в первую очередь, — относился мой отец. Эти болтуны упивались звуками собственного голоса и зачарованностью аудитории. Однако Штрауб был человеком иного склада. Сидя за столом в его каюте на судне, окутанном туманом, я чувствовал, что он излагает эту историю не потому, что хочет, а потому, что обязан.

— Я выяснил, что «Андромеда» поступила в распоряжение военных после одного из колоссальных и катастрофических наступлений союзников на последних этапах Первой мировой. В то время ее портом приписки числился Уитстейбл на восточном побережье графства Кент в Англии.

— Знаю я это место.

— Шхуна шла в Кале. Мчалась полным ходом. Однако усилия оказались тщетными. Раненые, которых она приняла на борт в Кале, попали под газовую атаку. Никто из них не мог свободно дышать. Бедолаги страшно мучились. — Он раскурил папиросу и махнул рукой в сторону иллюминатора. — На обратном пути спустился туман. Густой, непроницаемый, прямо как сегодня. Наверное, из-за этого тумана дышать стало еще труднее. Никто из солдатиков не выжил.

Я кивнул.

— А откуда вы узнали, что я спрошу вас про привидения?

Капитан Штрауб допил бокал бренди. Час был уже поздний. Мы вдвоем почти прикончили целую бутылку. Не думаю, что в жизни я был более трезвым, чем в тот вечер.

— Потому что видел его прошлой ночью. Впервые за последние два года И... и мне кажется, он пытался заговорить со мной.

Я не знал, что и сказать. А что я мог сказать?

— Мистер Станнард, вам знакома жестокая и прекрасная поэма про газовую атаку? Я имею в виду произведение вашего соотечественника одного из величайших военных поэтов всех времен и народов.

— Мы все читали Уилфреда Оуэна в школе.

— Стало быть, знаете. И помните ту строчку, где речь идет про пену в сожженных легких. Так вот, вчера, пока я лежал в темноте на этой койке, мое привидение пыталось заговорить со мной с помощью этих самых хрипящих, сожженных легких. Не приведи Господь услышать вновь этот звук.

— А почему такая перемена?

Штрауб выпустил дым, усмехнулся и выставил перст.

— Из-за вас, мистер Станнард. Я думал-думал, ломал себе голову, но только вы подходите под объяснение. Ну, не из-за наших же птицелюбов на Бальтруме в самом деле!

— Согласен.

— Похоже, мое привидение хотело о чем-то предостеречь. И знаете что? Мне кажется, это предостережение адресовано именно вам.

Я ничего не сказал. Теперь-то было понятно, почему он с такой рассудительной настойчивостью пил во время нашего ужина и далее. Голландец наконец выковал в себе достаточно храбрости и, видимо, полагал, что она ему понадобится, если нынешней ночью его поднимет из кровати потусторонний визитер. Впрочем, когда мы вышли на палубу размять ноги, его походка оказалась твердой, а сам Штрауб выглядел бодрым и внимательным ко всем деталям и аспектам стоящего на якоре судна, которым он командовал.

Капитан не сказал мне, вернулось ли его привидение. Я, однако, в этом сомневаюсь. На следующее утро туман разошелся, и к нам присоединились измученные и ничего не подозревающие товарищи по вояжу. Надеюсь, они увидели вблизи множество редкостных птичек на Бальтруме. Надеюсь, им удалось сделать замечательные снимки. Потому что на обратном пути погода ухудшилась, а вместе с ней вновь пришла и морская болезнь. Я сочувствовал их беде, хотя мне лично она была лишь на руку. Управление шхуной в штормовых условиях — серьезная задача для двух человек, и хотя ее шкипер был виртуозным мореходом, мне выпало немало шансов усовершенствовать свои судоводительские навыки, покамест остальная часть команды лежала в лежку, заходясь рвотой.

Я не сошел на берег в Роттердаме. К окончанию путешествия мне полюбилась «Андромеда», и я хотел довести ее до Антверпена, где ее

ждала небольшая починка. Это было правильное решение.

— Примите штурвал, мистер Станнارد, — приказал капитан, когда мы подошли к гавани.

Я повиновался. И с большой ловкостью пришвартовал ее в оживленном порту, на беспокойной волне.

На пристани мы обменялись рукопожатием. Мне понравился и шкипер. «Думаю, вы больше не увидите свое привидение», — сказал я Штраубу. Голландец медленно кивнул и оглянулся на шхуну, которую, как я теперь знал, он обожал всем сердцем. «Андромеда» выглядела уставшей, старомодной и крошечной на фоне танкеров и балкеров, заполонивших бухту. Но все с ней будет в порядке. В ней еще оставалась жизненная сила.

— Мартин, вам надо держать ушки на макушке, — сказал капитан.

Я и не подозревал, что он знает мое имя. Итак, дорожный саквояж в руке, пора идти. Я кивнул, показывая, что понял его намек, затем повернулся и пошел прочь.

На борту нам не разрешалось пользоваться мобильными телефонами. Это запрещали принятые на шхуне правила. Мой мобильник лежал выключенным в саквояже. Ну и разумеется, я бы не смог его заряжать. С другой стороны, в аккумуляторе еще оставалось достаточно энергии, чтобы послать эсэмэску Сузанне и уведомить ее о том приблизительном моменте, когда я окажусь дома. Интересно, а она успела вернуться из Дублина?

«Да», — ответила Сузанна. Она собирается встретить меня в «Ветряной мельнице» в районе восьми вечера.

Немного странно. Я ничего не имею против пабов, как это вообще свойственно большинству мужчин, однако после целой недели, проведенной возле мачты, я рассчитывал скоротать вечерок перед телевизором, прижавшись к Сузанне после обжигающего душа, а потом где-нибудь с часок посидеть в Интернете, нагоняя мировые новости.

Лишь после вылета из Антверпена до меня начал всерьез доходить смысл произошедшего с капитаном Штраубом и его привидением. Голландец считал, что призрак пытался о чем-то его предостеречь, и это было адресовано мне. Такое предупреждение из-за гробовой доски должно касаться Гарри Сполдинга. Связь между ним и английским солдатиком прослеживалась отчетливо: речь шла о войне, в которой они оба участвовали, а британский паренек оказался к тому же смертельно отравлен газами. Он и скончался-то на борту «Андромеды». Я находился на ней едва ли несколько суток, когда — после десятилетий потустороннего молчания — призрак солдата предпринял попытку

заговорить.

Хуже всего то, что все это дело насчет Сполдинга выветрилось у меня из головы после нашего с Сузанной визита в Леп. Благолепие того денька английской весны в духе Энид Блайтон вступило в сговор с куртуазной галантностью Питерсена и убедительным шиком преображенного «Темного эха», чтобы практически похоронить все воспоминания о Сполдинге в моей памяти. Однако гость Штрауба опять вывел американца на первый план. Перед глазами вновь возникла его беспощадная ухмылка и гибкая, уверенная фигура под камуфляжем гражданской одежды. В рейсе я поспал, и мне снилось, что мы с отцом находимся на борту его вожаделенной яхты, недвижно стоящей в газовом облаке над морем крови.

Когда я вошел в паб, Сузанна уже сидела за тем столиком, где у нас давеча состоялся вечер откровений. Она была бледна даже по собственным мерилам. Под глазами стояли тени, густые как синяки. Адресованная мне улыбка вышла болезненной на фоне резко очерченных скул. Руки она старалась не показывать, а держала сцепленными на коленях. Я присмотрелся и увидел, что один из ногтей она обгрызла чуть ли не до мяса. Сузанна поднялась, мы поцеловались — и мои руки тут же поняли, до чего она исхудала. Ее глаза пугали отсутствующей пустотой, которую можно видеть в лицах манекенщиц. А прошло-то всего с неделю. За каких-то семь дней она потеряла килограмма три, если не больше. Я опустил саквояж на пол, сходил к бару за выпивкой, а пока ждал, разглядывал ее в зеркале над стойкой. В голове мелькнуло, уж не собралась ли Сузанна меня бросить. Она сидела как на иголках. С жутковатой уверенностью я понял, что сейчас мне примутся резать правду-матку.

— Как поживает Восточная Фризия?

— Да я на берег-то и не спускался, так что загадка песков осталась неразгаданной. — Я отхлебнул пива, не зная, что говорить. Сузанну что-то глодало, но она продолжала молчать, и тишину эту приходилось заполнять мне. — А ты знаешь, что Эрскин Чилдерс и Майкл Коллинз были друзьями?

Она насупилась. Ее взгляд не отрывался от столешницы.

— Скорее коллегами.

— Правда?

— Коллинз мало кого одаривал своей дружбой.

— В смысле?

— Ты бы понял, если бы родился ирландцем, католиком и в графстве Корк.

— Но все равно между ними было что-то общее. Оба погибли в гражданской войне.

Сузанна промолчала. Ее голова наклонилась еще ниже.

— Я не ошибся?

Она подняла лицо.

— Мартин, я не летала в Дублин. Прости, но мне пришлось тебе солгать.

Я вновь отхлебнул пива, чисто рефлекторно. Улыбнулся. Понятия не имею почему. Мне словно врезали под дых.

— Да что ты?

— Я была во Франции.

— Ах так? Стало быть, французика себе подыскала? Гребаного лягушатника? Свалила хрен пойми куда и нашла там кадра посмазливее? Чтоб я провалился...

— Я ездила туда из-за «Иерихонской команды». — Она уже плакала, смаргивая слезы. — Потому что мне страшно за тебя.

Я испытал облегчение, когда выяснилось, что личный призрак капитана Штрауба не был Гарри Сполдингом, но это чувство ни в какое сравнение не шло с теперешним. Сузанна солгала не для того, чтобы скрыть от меня горькую правду. Она так поступила из-за беспокойства за мое благополучие. Предприняла расследование, пусть и за моей спиной. И очевидно, обнаружила нечто пугающее. Впрочем, я знал, что никакие злосчастия не сравнятся с потерей Сузанны. Хуже этого ничего нет. Доказательство уже было предъявлено мне посредством того сокрушительного онемения души и тела, когда ее уход из моей жизни показался неминуемым.

— Тогда тебе лучше рассказать, чего ты отыскала, — заметил я. — Ведь отыскала же, верно?

В баре играла музыка. Билли Пол опять жаловался на свою любовь к миссис Джоунз. Обстановка и песня были очень знакомы. Мы сидели за любимым столиком нашей местной забегаловки, но при этом я не испытывал никаких знакомых чувств. По выражению лица Сузанны было видно, до чего ей хочется покурить. Она тем не менее не предложила пойти домой. Вместо этого кашлянула и начала объяснять, чем именно занималась, пока я изображал из себя морского волка.

Сузанну заинтриговали обстоятельства, в которых проводился аукцион у «Буллена и Клоура». Я сам рассказал ей о том, как мой отец чересчур уж много переплатил за яхту. После копания в тайне исчезновения братьев Уолтроу и в истории злосчастливого Габби Тенча она

заразилась любопытством. Ей было совершенно непонятно, как некий аноним мог с таким жаром бороться за право обладания кучей разбитого хлама.

Выяснилось, что на самом деле в торгах принимали участие два телефонных претендента. Обнаружив неожиданно высокий уровень интереса к «Темному эху», Буллен и Клоур наняли профессионального аукционера. Им оказался специалист по антиквариату и изящному искусству из Чичестера. В любой иной, привычной нам профессии этого человека уже давно сплывили бы на пенсию. Дэвид Престон был раздражительным, тщеславным снобом и, как обнаружила Сузанна, восхитительно болтливым. Она пришла к нему, выдав себя за собирательницу мейсеновских фигурок, которая подумывает о частичной продаже своей коллекции. И еще увлекается яхтенным спортом. Это весьма дорогостоящее занятие, а коль скоро ее лодка нуждалась в ремонте, Сузанна теперь нуждалась в средствах. С этой точки беседы хватило легкого подталкивания к теме недавнего аукциона, который Престон провел на верфи владельцев.

Торги прошли возмутительно плохо, потому как эта парочка, Буллен и Клоур, предоставила ветхую лачугу под аукционный зал и с опозданием и крайней неохотой оплатила услуги Престона. И вообще все было очень неприятно. Один из телефонных участников, брюссельский торговый дом «Мартенс и Дегрю», воспринял новость о своем поражении слишком эмоционально. В этом они винили плохое качество связи и, строго говоря, были в чем-то правы. По правилам каждому претенденту требовалось обеспечить по отдельной телефонной линии, чтобы они могли состязаться, не мешая друг другу. После третьего удара молоточка в адрес аукциониста раздались туманные угрозы, напитанные язвительной желчью.

«А кем был второй телефонный участник?» — поинтересовалась Сузанна, приняв насколько возможно бесстрастный вид.

Фирма из Неаполя, именуемая «Кардоза и партнеры». Они тоже были недовольны результатами. Однако сам Престон считал, что аукцион у «Буллена и Клоура» выиграла правильная сторона. Некий Магнус Станнард, который давно заслужил безусловное право на рыцарский титул и представлял собой воплощенный образ истинного британского джентльмена с глубокими карманами и добропорядочным, щедрым подходом к обычаю вознаграждать за предоставленные услуги. А «Мартенс и Дегрю» купно с Кардозой и всеми его партнерами могут катиться к черту. Там им самое место.

Несмотря на браваду аукциониста, Сузанне показалось, что Дэвид

Престон был чем-то неприятно раздосадован. Она покинула его, придя к убеждению, что этот разговор явился вовсе не следствием болтливости эксперта, а послужил ему своего рода катарсисом. Угрозы, высыпанные на его голову из Брюсселя, возымели свое действие. К моменту ее ухода из кабинета стрелки часов показывали половину пятого, а Престон уже успел приняться за свой третий — и весьма вместительный — бокал джин-тоника. Причем алкоголь в его организме еще не успел взять дрожь в руках под контроль.

Интернет-поиск ничего не дал насчет «Мартенса и Дегрю», по крайней мере в дополнение к уже сделанным предположениям в их адрес. Это была подставная фирма, по сути дела, прикрытие некоего иного предприятия, не любившего разглашать свои истинные занятия публично.

— С Кардозой со товарищи дело пошло веселее, — сказала она. — Их компания постоянно участвует в аукционах, да еще по всему миру. В основном они покупают религиозное искусство.

— Между религиозным искусством и обломками сомнительной лодки лежит порядочная дистанция, — заметил я.

— Особенно если учесть источник их финансирования, — кивнула Сузанна. — Все, что приобретает Кардоза оплачивается Банком Ватикана.

— Стало быть, ты отправилась во Францию разузнавать про «Мартенса и Дегрю»?

— Нет, — ответила она. — Ты меня плохо слушаешь. Я же сказала, что поехала туда по следам Гарри Сполдинга, чтобы найти что-нибудь про «Иерихонскую команду».

— Следы Сполдинга давно остыли, — возразил я.

Сузанна отпила из бокала и улыбнулась:

— Ты даже не представляешь, до какой степени.

Сполдинги проживали в Род-Айленде поколениями.

Они принадлежали к первым здешним поселенцам. К моменту рождения Гарри семейство успело прилично разбогатеть, однако вело себя тихо и сдержанно. Как выяснила Сузанна, пожалуй, единственной общественной организацией, к которой они принадлежали, был местный дискуссионный клуб, куда входило несколько видных род-айлендских династий. Клуб этот носил не только эксклюзивный, но и клановый характер. Среди его членов, кстати, был и Джосая Питерсен.

— Существовал обряд инициации, — продолжала Сузанна. — Очень замысловатый и детализированный. Степень секретности, окружавшая это сообщество, была невероятна даже в ту эпоху, когда повсеместно процветали тайные масонские собрания, закрытые клубы и прочие

элитарные братства, характерные для восточного побережья Америки.

— Похоже на культ, — заметил я. — И как они себя именовали?

— Если у них и было название — а в этом я уверена, — его держали в строжайшем секрете. В разговорах его упоминали лишь словом «членство».

— Они до сих пор существуют?

— Нет, — помотала головой Сузанна. — В период сухого закона клуб уничтожили. Здание сломали, а обломки облили бензином и подожгли, не вывозя на свалку. Потом на пожарище пустили бульдозеры, чтобы стереть все следы с лица земли.

— Получается, это было питейное заведение?

— О нет, Мартин. Сухой закон послужил лишь предлогом. При сносе присутствовали какие-то федеральные агенты, а также пара священников-иезуитов. Один из них был известным экзорцистом из нью-йоркской епархии. Вот ты сказал «культ». Я же думаю, что здесь вернее подойдет термин «оккультизм». Мне думается, что Сполдинги были сатанистами, адептами черной магии еще со времен охоты за ведьмами и костров, которыми славилась Новая Англия. В отчете, который я читала, ничего не говорилось о посыпании земли солью вслед за бульдозерами. Но упоминание об этом меня бы не удивило.

— То есть Фрэнк Хадли был прав, рассуждая о колдовстве?

— Возможно.

— Есть только один способ выяснить правду, — сказал я. — Мы спросим Питерсена. Он сам себя назначил экспертом по «Темному эху». Вот мы у него и поинтересуемся, чем занимался его прапрадедушка в компании с кланом Сполдингов.

Если улыбка Сузанн и раньше была бледной, то сейчас она приобрела положительно болезненный оттенок, а лицо побелело, как обветренная кость.

— Спросить-то можно... Но нет смысла. Потому что Джек Питерсен вовсе не тот человек, за которого себя выдает. Джека Питерсена не существует в природе.

— Ох, давай уже выкладывай, — простонал я.

— Ты не торопись. Я до Питерсена еще доберусь, — ответила она. — Однако перед этим мне надо рассказать тебе про «Иерихонскую команду».

— Я сильно ошибусь, если предположу, что в нее входили Уолтроу и Тенч?

— Для Гарри Сполдинга они были, соответственно, младшим лейтенантом Уолтроу и капралом Тенчем. И да Мартин, эти люди

принадлежали к «иерихонцам». Вплоть до самого конца.

Оказывается, экскурсия на верфь ее не успокоила — ни в коем случае. Еще по дороге в Леп Сузанна волновалась за меня: мало ли что может случиться, когда я вновь ступлю на палубу «Темного эха». А когда мы прибыли, она решила, что Питерсен насквозь фальшив, как если бы по ту сторону обаятельного фасада, типичного для выходца из Новой Англии с ее садками для омаров и домиками с односкатной крышей, на самом деле не было ничего. Его улыбка походила на вывеску «Свободно» в ярко светящемся окне мотеля. Вопреки создавшемуся у меня впечатлению, будто они ладили, Сузанне он не понравился даже сильнее, чем мне. Мало того, Сузанна не верила Питерсену ни на грош.

После поездки она решила, что просто обязана как можно больше узнать о тайнах яхты, которой мы с отцом так стремились вверить свои жизни. Впрочем, Сузанна призналась, что, несмотря на ее отточенные и хорошо отработанные детективные навыки, перспектива преуспеть на этом поприще выглядела несколько безнадежной. Возникло впечатление, что обнаруженные факты роли не сыграют. Весь план успел приобрести настолько высокий момент инерции движения, что любые ее усилия не остановят развитие событий. От этой опрометчивой, опасной авантюры пахло предопределенностью рока. Кроме того, у Сузанн имелись серьезные опасения насчет обмана. Работа по Коллинзу завершена и приведена в порядок. Но я ведь этого не знал, верно? Сузанна смогла убедить себя следующим аргументом если она ничего не обнаружит, то мне и не нужно будет знать про Францию и обман. Однако если что-то действительно всплывет, это может помочь ей отговорить нас с отцом от вояжа и, не исключено, бог знает какой трагедии. Такая логика сильно хромала, и Сузанна знала об этом, однако встреча с Питерсеном на лепской верфи стала последней соломинкой.

О военной службе Уолтроу и Тенча она узнала из некрологов, а затем, в больших подробностях, из американских военных архивов, сетевой доступ к которым она получила с помощью своих контактов в Би-би-си, заявив, будто ищет сведения для телепрограммы о Майкле Коллинзе. Предлогом послужил тот факт, что ИРА действительно закупала излишки американских винтовок на черном рынке после перемирия 1918 года. Это была торговля, объем которой медленно, но верно возрастал на протяжении всей гражданской войны в Ирландии. Никто не усомнился в

обоснованности такого запроса. Он звучал вполне правдоподобно. Поиски информации про Уолтроу, Тенча и Сполдинга в американских архивах дали дополнительные подробности насчет «Иерихонской команды», и — самое удивительное — при этом выяснилось, что через девяносто лет после сбора сведений об их деятельности во Франции и Фландрии это досье до сих пор носило закрытый характер.

— Я узнала, что у них имелась база, — сказала она. — Не то чтобы официальная, вовсе не гарнизон, или как там это называется. Это был простой амбар, принадлежавший некоему фермеру в пяти милях от линии фронта, возле деревни Бетюн в Северной Франции. Те поля до сих пор возделываются. И ферма на месте. Амбар служил «иерихонцам» местом сбора. Если кто-то отстанет от основной группы во время выполнения задания, то именно сюда полагалось вернуться при первой же возможности. Вода, консервы, топливо, запасная одежда и даже оружие с боеприпасами — все хранилось там.

— Меня удивляет, что проходившие мимо союзнические войска ничего из складских запасов не тронули. Даже если бы имелись часовые, все равно искушение было бы слишком большим, особенно провизия. В военное время солдаты не очень-то щепетильно относятся к таким вещам. Грабежи и мародерство процветали на Западном фронте даже в пределах одной роты, не говоря уже о батальоне.

— Вряд ли кто-нибудь решился бы обокрасть «Иерихонскую команду», — возразила Сузанна. — Солдаты далеко не всегда честны, но вот по части суеверий им нет равных.

— Стало быть, ты подумала, что тот амбар до сих пор может быть на месте?

— Да, причем с большой вероятностью. Мы же говорим про сельскую Францию. У них с землей не так скудно обстоят дела, как в Англии. Не существует и необходимости вести интенсивное земледелие. А фермеры вообще не склонны сносить строения без особой причины. Это же отчаянные консерваторы. Они не ратуют за изменения во имя изменений. Вот я и решила, что есть серьезный шанс найти тот амбар в целости и сохранности. Короче, вышло так, что я его опознала по аэрофотоснимку. Не вставая со стула, сидя перед компьютером на работе, как оно и было во время предварительного расследования биографий младшего лейтенанта Уолтроу и капрала Тенча.

— И что же ты нашла в этом амбаре?

— Всею свое время. Сначала мне надо рассказать тебе, чем вообще занималась «Иерихонская команда».

Я пошел к бару за новой выпивкой. После Антверпена чувствовалась большая усталость. Я был немывтый, а швартовка «Андромеды» моими собственными руками этим утром уже сейчас казалась ностальгическим воспоминанием, которое любишь тем больше, чем дальше оно от тебя отходит. Прелюбодейская мольба Билли Пола, изливавшаяся из динамиков над баром, сменилась жалостливыми стонами Марвина Гея по поводу того, что добрые люди умирают рано. «Иногда и плохие люди умирают рано», — подумал я, шаря мелочь в карманах и разглядывая собственное отражение в зеркале за стойкой. На ум пришел снимок «Иерихонской команды», общее выражение безумия на потерянных юных лицах. Я поежился, хотя никакого холода в пабе не было, заплатил за выпивку и вернулся к Сузанне. Она приступила к рассказу.

Рейд по окопам изобрели канадцы. Они обладали той энергией и лихостью характера, которые, надо полагать, объясняются жизнью на открытом воздухе. Канадцы не были фабричным «пушечным мясом» индустриализованной Англии, где было принято рабски стоять у станка где-нибудь на заводе в Бирмингеме или Лидсе по двенадцать часов кряду шесть дней в неделю. Позиционная война заставила этих вольных лесных стрелков искать способы разогнать скуку. Вот они и придумали устраивать рейды по окопам в глухие ночи, чтобы поднять боевой дух и удовлетворить молодой аппетит к уничтожению врага.

Для этого использовалось импровизированное, чуть ли не средневековое оружие вкупе с жестокостью и злобностью намерений. Важно было действовать тихо, и вот почему в ход пускались те или иные вариации на тему штыков, дубин и кастетов. Были популярны мачете, кинжалы и тяжелые широкие ножи. Удавки также стояли в первых строчках этого списка, однако для их применения требовалось обладать определенными навыками бесшумного убийства, которые приходят только с опытом. Не говоря уже о том, что надо иметь особую злость, чтобы задушить человека до смерти.

Эти рейды были героическими и успешными. Они действительно поднимали боевой дух союзников и причиняли физический ущерб, повергая в страх и выматывая людей, сидевших во вражеских окопах. Из-за них сон стал помехой, а отдых — безрассудной глупостью. Из-за них повсеместно распространялись пугающие слухи и паника. Нередкими стали случаи, когда враг открывал огонь по собственным часовым и разведчикам. В общем и целом окопные рейды продемонстрировали большой успех, причем до такой степени, что эту тактику переняли австралийцы, новозеландцы и шотландцы. В конечном итоге даже у

англичан наконец открылись глаза на столь экономичный и эффективный способ ведения боевых действий.

К тому моменту, когда американцы присоединились к войне, окопные рейды стали неотъемлемой стороной жизни на переднем крае. Деревенские парни из Кентукки или луизианских болот подхватили инициативу с той же готовностью, с какой свиньи набрасываются на запаренную ботву. Один из молодых офицеров проявил особый раж в этой кровавой, партизанской манере решения конфликта. Любопытно отметить, что он вовсе не происходил из сельского захолустья. Его звали Гарри Сполдинг, и он показывал превосходные результаты и как спортсмен, и как студент Йеля. Родом он был из Род-Айленда, и его готовили к карьере банкира в Нью-Йорке. Богатый, умный и развитой человек, любитель современной живописи и поэзии, отлично владевший как французским, так и немецким языками. У него имелись влиятельные друзья — или, по крайней мере, имелись у отца. Он обладал врожденным обаянием, которое сделало его лидером той особой группы мужчин, специально отобранных для таких задач. И, по мнению штабистов 3-й американской армии, он был самым кровавым и безжалостным убийцей из всех, кого им довелось встретить.

Один пожилой полковник уподобил его индейцам из племени апачи, с которыми воевал его собственный отец на Диком Западе, однако в итоге все же пришел к выводу, что Гарри Сполдинг и от них отличался. Да, индейцы были умелыми убийцами; они применяли свои отличные охотничьи навыки в деле борьбы за выживание, оказавшись на грани истребления. Сполдинг, похоже, обладал тем же необычным талантом к выслеживанию врагов и в схватке отличался такой же свирепостью. Однако в его случае речь не шла о выживании. Полковник написал в своем рапорте, который и послужил, кстати говоря, причиной его отставки, что Гарри Сполдинг из «Иерихонской команды» убивал со злорадным удовольствием. Это был человек, наслаждавшийся смертью других. Рапорт завершался умозаключением, что в ходе конфликта, где решается судьба цивилизации, поручать важные задания подобным людям есть вещь противоестественная, граничащая с подлым подражанием тем ценностям и моральным устоям, которые характерны для противника, то есть немцев.

Итак, канадцы изобрели окопные рейды, а американцы довели их до совершенства. «Иерихонцы» же превратили это искусство в науку. Во время ночных вылазок за ничейную полосу они проводили подробную рекогносцировку позиций. Уничтожали особо важных вражеских офицеров. Брали «языков» из состава армейской разведки и допрашивали их. Устраивали диверсии. Похищали карты и приносили с собой

экспериментальные прототипы новых вооружений для целей детального изучения. И никогда, ни разу не потеряли ни единого человека.

— Да брось ты! — воскликнул я под дребезжание звонка, возвестившего последний заказ перед закрытием паба. — Никого не потеряли? Сузи, ты преувеличиваешь.

— Вовсе нет.

— Тогда объясни.

— Дома. Все объясню дома. А сейчас, Мартин, я готова убить за сигарету.

— Ну вот теперь точно преувеличиваешь.

— Разве что чуточку, — призналась она.

В общем, есть все основания утверждать, что «иерихонцы» ни разу не потеряли человека в ходе боев. С другой стороны, одна смерть все же имела место. Кровавая природа их работы означала, что в команде из четырнадцати солдат имелся капеллан. Это был священник-баптист по имени Дерри Конуэй — убежденный патриот, старомодный последователь направления, которое поколением раньше было принято именовать «мускулистым христианством». В колледже он славился своими спортивными успехами, а его вера в Бога считалась непоколебимой.

Конуэя приписали к «Иерихонской команде» в связи с особо кровавым и напряженным характером их деятельности. К концу 1917 года удалось многое узнать о боевых психических травмах, которые ныне принято именовать военным неврозом. Для успешного выживания — как в физическом, так и психологическом смыслах — людям требовалась духовная поддержка. Так, во всяком случае, гласит теория. Вот для этой поддержки его преподобие Конуэй и был приписан к Гарри Сполдингу с его людьми.

Однако через месяц после назначения Конуэя нашли повесившимся в уже упоминавшемся амбаре. Его шея была сломана. Он взобрался на стропила, привязал один конец веревки к бревну, надел петлю на шею и прыгнул. В руке трупа обнаружили молитвенник. По-видимому, перед прыжком он достал его из кармана кителя. Причем, несмотря на ужасную смерть, на юном лице Дерри Конуэя любой мог видеть улыбку.

После смерти капеллана в «Иерихонской команде» осталось только тринадцать человек. Никто из них не был убит или хотя бы ранен в ходе войны, которую они вели с таким упоением. Сузанне удалось проследить дальнейшую судьбу всех членов группы после объявления перемирия. Выяснилось, что в мирное время эти люди оказались далеко не так удачливы по части выживания. Все тринадцать не увидели своего

сорокалетия. Дольше всех жизнью наслаждался Габби Тенч, хотя, как считала Сузанна, слово «наслаждаться» тут не подходит. Ближе к концу Тенч скорее просто существовал в своего рода личном аду.

Она доехала на поезде до Дувра, а там пересела на паром, идущий в Кале. Чем ближе подплывала Сузанна к берегам Франции, тем пасмурнее становилась погода, и в конечном итоге отличный апрельский денек, которым упивалась в Англии, превратился в серый и нескончаемый дождь, сыпавший с низкого неба. Возле Кале этот дождь перешел в настоящий ливень. Сузанна взяла напрокат машину и принялась изучать карту. Ей удалось заранее связаться с фермером, чья семья поколениями владела землей, на которой стоял пресловутый амбар. Крестьянин выказал мало радости по поводу ее предстоящего визита, хотя и не отказался наотрез. Сузанна владела кое-каким французским, но фермер пожелал общаться на рудиментарном английском.

— Вторник, — заявил он.

Сузанна попробовала договориться о конкретном времени.

— Вторник, — последовал тот же ответ. Похоже, фермера забавляло столь настойчивое стремление к чрезмерной пунктуальности. — Я здесь буду. Куда мне идти?

Тогда Сузанна решила описать свою внешность.

— Я вас узнаю, — сказал мужчина. — Не волнуйтесь, мадам. Это не английская ферма. Вы не кандидат для моего ружья.

С этими словами он рассмеялся. Сузанна же нашла шутку довольно скверной.

Французская сельская местность оказалась плоской, унылой и побежденной ливнем. Поездка проходила монотонно и скучно. Стремясь отвлечься от желания покурить, Сузанна включила радио и попыталась его настроить на удачную волну. По ее убеждению, французская музыка в основном состоит из нескольких конкурирующих мелодий, которые играют параллельно на множестве фундаментально несовместимых инструментах, да и язык с трудом подходит для песенной лирики. В отличие от английского здесь ни одно слово не укладывалось на свое место. В общем, пришлось Сузанне отыскивать себе станцию, которая передавала бы классику, но настройку она прекратила, едва слышала нечто знакомое и, в общем-то, приятное для ее ушей, причем вовсе не французское.

Этой песней оказалась баллада «Когда ломается любовь» группы «Префаб спраут». Исполнял ее неудавшийся священник. Мартин, кажется, уже упоминал его имя. Сузанне была знакома эта композиция: она входила

в один из тех жалобных альбомов, которые так любил слушать Мартин, включая дома дорогостоящую, собственноручно купленную звуковую систему, предмет его гордости и заботы. Вот сейчас в голове всплывет имя певца. Ничто не крутилось на кончике языка Сузанны подолгу — это был один из ее талантов. Она обладала прекрасной памятью на детали.

Надо отметить, что в ту пору ее жизни другие люди относились к талантам Сузанны по-свински. Она потеряла свою постоянную работу на Би-би-си в ходе массовых сокращений, причем была твердо убеждена в том, что в отделе, образно выражаясь, остался лишь жир, в то время как почти все мышцы исчезли. Ей предложили на выбор пособие по увольнению или место внештатника, и она остановилась на последнем. При этом, однако, ущемлялся ее статус. Сейчас редакторы программ и продюсеры относились к Сузанне иначе, коль скоро ее уже не защищала позиция наемного сотрудника в системе Би-би-си. Люди стали вести себя заметно грубее. Сроки исполнения работ сократились. А те, кто и раньше-то с трудом находил в себе силы сдерживать свои сексистские настроения или хамство, вовсе распоясались.

Взять хотя бы документальный сериал про Майкла Коллинза. Раньше считалось, что программа определенно сумеет сказать что-то свое, и, с учетом трех сорокапятиминутных эпизодов, Сузанна тоже была в этом уверена. Однако продюсеру захотелось, чтобы сериал, стал «Великим откровением». Именно так он теперь и выражался в своих меморандумах, не забывая проставлять большие буквы. Причем «Великое откровение» заключалось в том, что он хотел преподнести Майкла Коллинза как гомосексуала. Его логика, которую Сузанна находила смехотворной, зиждилась на том факте, что Коллинз обожал устраивать борцовские матчи с друзьями и коллегами, а также отличался изрядным тщеславием по части собственного внешнего вида. Сузанна до сих пор не решила, где здесь больше оскорбления: для Коллинза или для движения за права сексуальных меньшинств. С другой стороны, ей не удалось найти хотя бы единственное физическое или иное доказательство справедливости такой посылки. А теперь за это винят ее одну, покамест в продюсере, видите ли, говорит интуиция, «которая никогда не ошибается». Какие бы строго проверенные факты Сузанна ни выкладывала, их не желали пропускать в эфир. Атмосфера в редакции стояла отравленная. За три недели до премьеры в воздухе витало вполне осязаемое разочарование. Сузанна была убеждена, что проделала превосходную, чуть ли не гениальную работу, которую теперь все считают посредственной и бездарной. А когда ты внештатник, подобная репутация категорически противопоказана.

«Пэдди Макалун», — вслух произнесла она, вспомнив наконец имя несостоявшегося священника, который превратился в рок-звезду. Этим она сама себя удивила, потому что песня «Когда ломается любовь» до сих пор продолжалась, а такое попросту невозможно, верно? Если только не существует версия, в которой любовь ломается не менее десяти минут подряд. Или, как вариант, станция решила крутить ее несколько раз кряду.

Сузанна выключила радиоприемник, бросила взгляд в зеркало заднего вида и обнаружила, что дорога пуста. Она съехала на травянистую обочину двумя колесами, опустила стекло и выключила двигатель. «Дворники» перестали двигаться, лобовое стекло тут же ослепло от дождя. Капли барабанили по крыше и траве за открытым окном. Обнадеживающий по своей сути звук: знакомый и ритмичный. Но вот сейчас он ничем не помогал. Она чувствовала себя одинокой и неприятно уязвимой. Кругом задушенный дождем ландшафт и мягкий, водянистый свет. Пожалуй, можно покурить. Уже почти полдень, и это будет ее первая сигарета за день. Сузанна потянулась к соседнему сиденью, на котором лежала сумочка. Конечно, это миф, что табак успокаивает и помогает расслабиться. С другой стороны, как раз сейчас она в этом мифе очень нуждалась.

В районе часа дня Сузанна наконец достигла грунтовки, которая вела к ферме: две глубокие колеи в тонком слое щебенки под густой черной грязью, проложенные тракторными колесами за несколько десятилетий. По обеим сторонам дороги росла живая изгородь, высокая и непроницаемая. Сумрак стоял до того плотный, что пришлось включить фары. Грунтовка оказалась необычно длинной, и Сузанна даже заподозрила, что съехала не в том месте. Впрочем, обратного пути нет, поскольку развернуться здесь невозможно. Когда изгородь кончилась, Сузанна с облегчением увидела ряд низких, длинных строений, которые были ей уже знакомы по аэрофотоснимкам на экране компьютера.

Амбар одиноко стоял на отшибе, в доброй полумиле от остальных построек. Поле пересекалось канавой, усаженной тополями, и ехать туда надо было прямо по межевому рву. Для этого раскисшего, неровного грунта годился только трактор или четырехприводный вездеход. Или можно было двигаться на своих двоих. К пунктам назначения в Северной Франции вообще приходится добираться в основном пешком. Откуда-то доносился упорный собачий лай. Судя по звуку, крупная псина Сузанна не волновалась. Сельские собаки настороженно относятся к чужакам на своей территории, однако в целом не отличаются особо плохим характером. По-настоящему злая собака на ферме слишком сильно сказывается на

домашней скотине, а Сузанна знала, что местный крестьянин, Пьер Дюваль, держит в хозяйстве гусей, кур и разводит барашков.

Она постучала в дверь здания, которое почти смахивало на жилое. Это была старая кирпичная постройка с крыльцом; из трубы в дождливое небо поднималась тонкая струйка дыма. Нет ответа. Сузанна обошла дом кругом, заглянула в окно. Внутри стояла темень, даже мрак, только древняя утварь поблескивала эмалевой желтизной. Похоже на кухню, но все выглядит остывшим и заброшенным.

Прочие строения также оказались безлюдными. Возможно, местный фермер был занят тем, чем обычно заняты крестьяне: работал в поле. Сузанна еще раз окинула хоздвор взглядом, пытаясь убедить саму себя, что есть нечто живописное в дощатых сараях и домиках из ржаво-красного кирпича с проваливающейся крышей. Однако под дождем, в окружении луж, это место наводило тоску. Ему не доставало деревенского шарма. В воздухе стояла застарелая вонь мокрого навоза. Какие-то птицы пролетели рваной стаей к тополям возле межевой канавы, которая вела к амбару. Сузанна посмотрела на часы и решила последовать примеру пернатых. Ей хотелось еще до наступления темноты оказаться под яркими фонарями парома, держащего курс из Кале.

Минул добрый десяток минут ходьбы, прежде чем амбар хотя бы визуально приблизился. Наверное, решила Сузанна, с ней играют шутки законы перспективы. Эта постройка была гораздо больше и располагалась дальше, нежели предполагалось. Аэрофотоснимок дал правильное впечатление о прямоугольном контуре амбара, чего нельзя сказать о его масштабах. Подойдя ближе, она поняла, что амбар был очень солидный и крепкий. Не просто впечатляющий, а прямо-таки устрашающий. Он не отражал собою скромную сельскую архитектуру скученного хозяйственного двора, который она недавно оставила за спиной. Те строения были гораздо проще и новее. Вероятно, предположила Сузанна, их возвели где-то в середине девятнадцатого столетия. Сейчас этот амбар — если судить по его функциям — действительно мог являться просто амбаром, однако, несмотря на отдаленность, в прошлом он явно знал нечто куда более значительное. Мрачное здание. Даже в рассеянном водянистом свете амбар отбрасывал тень, которая словно превосходила его самого.

Строение сохранило первоначальные окна на уровне, который некогда являлся, по-видимому, верхним этажом. Проемы были прямоугольными, а не арочными, причем много-много лет тому назад их замуровали тем же камнем, из которого была сложена вся конструкция. За прошедшие века

они выцвели и посерели под стать стенам, однако раствор в швах со временем сшил и выдал старую кладку. Сузанна пожалела, что не обладает достаточно прочными знаниями об архитектуре: все ее сведения были отрывочными, случайно нахватанными. Например, собирая материалы для одного из документальных фильмов, она весьма много узнала о работе и методах нацистского архитектора по имени Альберт Шпеер. Содрогнувшись, Сузанна поняла, что возвышавшийся перед ней дом вызывал в памяти нечто весьма отдаленное от грандиозного классического плагиаризма Шпеера, заставляя думать про уайтчеплского убийцу, Джека-потрошителя.

Она замерла на месте. Какая абсурдная мысль... да еще пришедшая в голову апрельским днем на краю раскисшего под дождем поля во Франции... Какое отношение викторианский маньяк имеет к Гарри Сполдингу и кровавой жажде «Иерихонской команды»?

И тут Сузанна поняла. Поначалу ей показалось, что амбар выглядит как старинная норманнская церковь, только без шпиля, зато сейчас — благодаря замеченным квадратным окнам — стало ясно, что это был скорее масонский храм. Архитектура «амбара» отличалась множеством намеков, хитроумных и тупиковых технических приемов, которые, по скудости своих познаний, Сузанна не могла отождествить. Однако чем ближе она подходила, тем отчетливей становилось видно, что присутствуют все детали, являющиеся отличительными характеристиками масонского стиля. В свое время кое-кто утверждал, что Джек-потрошитель тоже был масоном, но под эту версию не имелось никаких доказательств, тем более что Джека так и не поймали. И все равно эта связь сформировалась у Сузанны в голове, еще больше усугубив чувство опасности, заставляя думать, что в этом здании скрывается нечто большее, нежели просто холод, присущий древним, ветхим и одиноко стоящим постройкам.

К этому моменту ее ноги не только вымазались в грязи, но и промокли. Черные и липкие глинистые пятна забрызгали брюки чуть ли не по колено, а про испорченные сапожки и говорить не приходится. Эта модель была от «Рассела и Бромли», и она обошлась ей почти в две сотни фунтов — причем по кредитной карточке, так что покупка до сих пор по-настоящему не оплачена. Конечно, сама виновата. Но кому вообще может прийти в голову запастись резиновыми сапогами для поездки на пароме? Сузанна осмотрелась кругом. Мокрый и унылый пейзаж. Ей-то представлялось, что фермер расцветет от ее улыбки. Что хриплоголосый, но галантный Пьер Дюваль встретит ее и предложит перевезти через вот

это болото на какой-нибудь неторопливой сельхозмашине с дребезжащими колесами. Выходит, Сузанна обманулась насчет этой части своего визита.

Наконец она добралась. Как-то неожиданно оказалась на отлогом, более сухом и плотном склоне холма, на котором стояло здание. Угол подъема был невелик, однако прекрасно обеспечивал сток воды, и поэтому последние несколько шагов Сузанна сделала по вполне твердой земле. Она огляделась в поисках той эскадрильи местных птиц — кажется, скворцов, — что указала ей правильное направление. Наверное, улетели куда-то в сторону. В этом месте вообще не было птиц. Так же как и кроликов или белок. Даже лай фермерского пса успел раствориться в тишине. Ничего живого нельзя было найти в ближайшем окружении того места, где некогда располагалась «Иерихонская команда» Гарри Сполдинга. Тополя и те стояли карликами, упрямо не желая расти. Хотя, наверное, всему причиной разыгравшееся воображение. Сузанна посмотрела на стены, мокрую кладку, замурованные окна, которые слепо и мрачно пялились на плоский, невыразительный мир Пьера Дюваля. Затем ее взгляд остановился на внушительных дубовых дверях, по-видимому незапертых. Ее охватил безотчетный страх, ощущение одиночества и незащищенности. Эти чувства своей силой намного превосходили те эмоции, которые она испытала ранее, когда остановила машину, чтобы покурить и успокоиться.

Сузанна заставила себя шагнуть вперед. Да что с ней такое? Взрослая женщина, середь белого дня, в конце концов... Надо идти. Она потянула на себя одну из створок и скользнула внутрь. Первое впечатление — темно как в склепе, и тихо, как в кафедральном соборе. Сузанна вскинула голову, отыскивая какие-нибудь щели, через которые свет проникал снаружи, позволяя глазам потихоньку привыкнуть к сумраку. А вот и те деревянные стропила, с которых, по-видимому, Дерри Конуэй сделал свой последний прижизненный прыжок. Очень толстые, прочные балки — со строительной точки зрения бессмысленные в этом месте, если только в свое время они не поддерживали настил второго этажа, что объясняло также наличие ныне замурованных окон.

Медленно, неохотно Сузанна опустила взгляд и увидела, что амбар вовсе не столь уж пуст. По левую руку от нее, вдоль стены, чуть ли не до потолка громоздились ящики с какой-то сельхозпродукцией. В центре, прямо на голой земле, лежала неровная груда свеклы, почти достигавшая стропил своей макушкой. До того громадная куча, что возникали опасения за ее устойчивость. Сузанна невольно усмехнулась. Очередная угроза, на сей раз опасность оказаться под свекольной лавиной. Вряд ли такую смерть

можно назвать достойной.

Тишина действовала на нервы. К тому же хранившийся здесь урожай тоже почему-то не давал причин для успокоения. По идее, подобный склад должен производить впечатление домашности, плодов мирного крестьянского труда. Ан нет. Сузанна задумалась: с чего бы это? Одна причина крылась в неестественной тишине. А вторая... Здесь ничем не пахло: ни землей, на которой соорудили пирамиду из корнеплодов, ни тем, что хранилось в ящиках. А что, если там вовсе не фрукты или овощи, а, скажем, скопище винных бутылей? Наверное, если подойти поближе, удастся ощутить плесневелый, характерный запах старых пробковых затычек...

Сузанна приблизилась к ящикам. Сейчас ее глаза вполне привыкли к нехватке освещения. Старая, почтенная древесина. Кое-где виднелись даты, выполненные выцветшей тушью на бледных досках. В некоторых местах год был выжжен каленым железом. Да, не иначе эти ящики предназначались для бутылок с винтажным вином, к тому же на редкость выдержанным, потому как самой новой датой был 1915 год. Выяснилось, moreover, что сейчас в них лежали яблоки, отливавшие красновато-коричневым и золотистым глянцем в полумраке. Странно, что нет запаха. Ни малейшего, пусть даже призрачного намека на сочность и свежесть плодов из фруктового сада.

У противоположной стены Сузанна увидела нечто такое, от чего едва не лишилась остатков самообладания. Вообще говоря, она была очень испугана этим амбаром, служившим «иерихонцам» в качестве пристанища. Хотя на первый взгляд здесь все очень приземленное. Никаких зловещих признаков. Но при всем при этом Сузанна чувствовала, что в жизни не видела места, где бы царила столь неразбавленная и абсолютная угроза. Итак, в луже тени возле каменной стены напротив стояла цепочка людей в военной униформе. Они не шевелились, не приближались к ней. Просто стояли и смотрели. Сузанна уже была готова взвизгнуть, но в самый последний момент поняла, что это всего лишь ряд старых шинелей, висевших на крючках.

Пока она шла в ту сторону, в икрах мелко дрожали мышцы. Тело словно потеряло в весе. Эти шинели наверняка заплесневели и насквозь прогнили. Их должно было быть тринадцать, но на проверку оказалось только девять. А когда Сузанна протянула руку и потрогала один из рукавов, ткань под пальцами была плотной, сухой и даже не заскорузлой. Причем ни единого пятнышка грязи. Сузанна развернула шинель, не снимая ее с крюка, и на подкладке у ворота сумела прочитать буквы,

выстроченные красной нитью на бледном ярлыке: «С. Уолтроу». В этот миг амбар заполнился светом и звуком, и Сузанна отпрянула назад, зажимая рот ладонью.

— Мадам? — В дверях стояла мужская фигура в плаще и шляпе с широкими мягкими полями. — Мадам?

Через левую руку Пьера Дюваля свешивалось переломленное охотничье ружье. В потоке света он напоминал усатого великана, на чьи плечи наброшен черный и глянцевый от воды дождевик. Возможно, он выполнит свое обещание и не застрелит ее с ходу, однако оружие все-таки захватил. Дюваль нахмурился. На гораздо более внятном — по сравнению с телефонным разговором — английском он произнес: «Вы уже нашли, что искали?»

Сузанна неопределенно махнула рукой в сторону ящиков и свекольной груды:

— У вас здесь склад?

Дюваль огляделся. Через порог он так и не переступил. Похоже, по какой-то причине ему это делать не хотелось. Сузанна вспомнила, как Мартин упоминал, что Фрэнк Хадли напрочь отказывался называть яхту Сполдинга по имени. Фермер переступил с ноги на ногу, и сдвоенный ствол ружья поднялся и опустился в такт движению.

— Я сюда никогда не захожу, — сказал он. — Это все не моих рук дело.

Было очень тихо. Со стороны входа доносился мерный звук дождевых капель, стекавших с плаща Дюваля. Сначала Сузанна не поняла завуалированный смысл ответа. А потом....

— Вы хотите сказать, что здесь ничто не гниет?

Француз просто стоял и смотрел на нее. Ружейный ствол выглядел толстым и тяжелым, матово отсвечивая в полумраке.

— Совсем-совсем?

— Ни при моей жизни, мадам. Или при жизни моего отца. И деда. Шутка природы.

Выражение его глаз ясно дало понять, что Дюваль отлично знал, что шутка эта была противоестественной.

Сузанна обернулась и уставилась на свекольную пирамиду, неподвижно высившуюся по центру амбара. Она попыталась вообразить себе вечер, полный песен и духа военного товарищества вокруг костра, в чьем пламени закипает кофейник или скворчит бекон на широкой сковороде. Но ничего не получилось, картинка отказывалась вставать перед глазами. Тогда Сузанна вновь посмотрела на ряд шинелей, висевших

на стене. Пока что из всех находок в этом амбаре она обнаружила лишь мертвый покой и темноту, и коль скоро в этом месте ничего не гнило, то ничего и не жило. Осенью 1917 года здесь умер Дерри Конуэй. Познакомившись с мрачным, зловещим характером этого амбара, Сузанна была уверена, что Конуэю помогли уйти из жизни. Ее в который раз передернуло. Что за люди могли найти себе уют в таком месте?

— В доме есть кофе, — сказал Пьер Дюваль, заметив, что гостью пробил дрожь. Он махнул в сторону фермы. — А сюда вы зря пришли. Пойдемте.

Свой обшарпанный лендровер фермер оставил за тополями. Сузанне показалось странным, что она не услышала звук тарахтевшего мотора, потому как двигатель действительно затарахтел, когда Дюваль повернул ключ зажигания. Сначала раздалось глухое пыхтение, а потом, когда француз выжал педаль газа, выхлопная труба рывкнула и вся машина затряслась на рессорах. Впрочем, здесь и без того многое было слишком странным, чтобы беспокоиться о причудах распространения звука. Ружье Дюваль положил на заднее сиденье, и Сузанна была благодарна ему за компанию и предложение подбросить к ферме.

Они выехали за пределы поля, направляясь к зданию, которое раньше пряталось за другими хозяйственными постройками. Машина остановилась. Перед Сузанной стояло вполне современное жилище, выполненное из бревен и, судя по всему, с таким расчетом, чтобы оно сливалось с фоном земли и окружавшей растительностью. Этот дом можно было скорее назвать скандинавским, нежели типично французским. Теперь стало понятно, почему он выпал из поля зрения во время просмотра аэрофотоснимков: Сузанна искала в первую очередь старые здания и каменную кладку с просевшими черепичными кровлями. Здесь же крыша оказалась землистого цвета и была сложена из современных материалов. Оконные стекла были тонированы и не отражали внешнего света.

Впечатление, что фермерский бизнес Дюваля приносил ему приличный доход, еще больше усилилось, когда француз отворил дверь и пригласил внутрь. Похоже, он не жаловал беспорядок. Дом обставлен дорогой мебелью. Кухня сверкала полированной сталью и гранитом. На одной из стен гостиной висел крупноформатный плазменный экран. За каминной решеткой лежали дрова, хотя огонь не горел. На небольшом столе Сузанна увидела ноутбук, а в углу, под тремя полками с аккуратно расставленными компакт-дисками, помещалась очень приличная стереосистема от «Банга и Олуфсена». С другой стороны, здесь явно обитал только один человек. Пьер Дюваль не делил свое существование с

другими. Сузанна невольно улыбнулась при мысли, что ему, наверное, надоело жить в том убогом домишке с полами из линолеума и выцветшей эмалевой утварью, что стоял в нескольких сотнях метров поодаль.

Дюваль принял ее пальто, снял свой плащ и сказал, что повесит их просушиться. Затем жестом пригласил гостью присесть, пока сам он будет готовить кофе. Сузанна тщательно вытерла подошвы о половики у входа, но сейчас заметила, что за ней на деревянных половицах все же остались кое-какие ошметки мокрой земли. Конечно, он тоже обратит на это внимание: во всем остальном жилище было образцом опрятности. А впрочем, будем питать надежду, что он не обидится. Сузанна осторожно пробралась мимо его многочисленных и дорогостоящих ковров на полу. У нее складывалось впечатление, что фермер пригласил к себе в дом не только для того, чтобы угостить чем-то согревающим и подкрепляющим. Похоже, он желает ей что-то рассказать. И смирится с крошками грязи в обмен на шанс быть выслушанным.

— В тысяча девятьсот семнадцатом году мой дед был мальчишкой, — начал он, усевшись с кружкой кофе в кресле напротив. — Четырнадцатилетним невинным пареньком, который симпатизировал американцам. Этим заморским солдатикам. Они щедро делились шоколадом и жевательной резинкой. Жизнерадостные ребята. Причем многие из них, целые пехотные батальоны, были «цветными». Слышали об этом факте?

— Среди «Иерихонской команды» не было ни одного негра, — заметила Сузанна.

Фермер промолчал, не поднимая глаз от содержимого кружки.

— Деда тоже звали Пьер Дюваль. И, как я говорил, он был подростком. Война казалась ему великим приключением. Солдаты на марше пели... в своем большинстве. Шотландцы в клетчатых килтах шли под звуки волынки, направляясь искать себе славу под боевыми штандартами. А вот, скажем, цветные солдаты исполняли на ночных бивуаках свои невольничьи песни, обращенные к Богу.

— Госпелы, — кивнула Сузанна.

Дюваль усмехнулся, словно излагал собственные воспоминания.

— Да-да, госпелы... Так вот, они пели госпелы, находясь в далекой земле, разместившись в брезентовых палатках, и их сильные, страстные голоса плыли в ночи. Наверное, здесь это звучало очень странно и чудесно...

Он запнулся. Сузанна, в свою очередь, не хотела первой нарушать тишину. Дюваль отпил кофе.

— Замечательное приключение для мальчишки, который потом стал моим дедом, — продолжал он. — Должно быть, ему это представлялось каким-то эпическим фильмом... А затем пожаловала «Иерихонская команда». И вот они-то, мадам, не пели. Вообще.

Четырнадцатилетний Пьер Дюваль, для которого война была великим приключением, не видел этих людей. Они выходили по ночам. И двигались беззвучно, словно призраки. Лишь изредка ему удавалось заприметить пламя их костров в ночи. А затем, привыкнув к благодушному расположению союзнических солдат, он решил самостоятельно сходить к амбару.

На разведку он отправился тихо и осторожно. Ему никак не хотелось угодить под пулю, если его вдруг примут за вражеского лазутчика или лесную дичь. План был такой: взять и появиться у них на глазах, при хорошем освещении от костра, чтобы всем сразу стало понятно, что он просто мальчишка, невооруженный и безвредный. Впоследствии Пьер не раз благодарил провидение за такую предосторожность, потому что именно она, судя по всему, спасла ему жизнь. А пока что, пробираясь по мягкой осенней почве между тополями и канавой, он чувствовал лишь подростковое нетерпеливое любопытство.

Они сидели тесной группой за тыльной стороной амбара. Пьер видел их с расстояния в сотню футов, укрывшись за деревьями. Поначалу он не мог взять в толк, что происходит. А все потому, что земля его отца была равнинной, без каких-либо бугров или возвышенностей. И тем не менее люди сидели подле костров на холме. Через секунду ему стало ясно, что холм этот был искусственным, и на его вершине стояли кресты.

Три деревянных креста. На каждом висело по человеку в военной форме. Самый пожилой, начальственного вида мужчина находился посередине. Справа и слева от него, решил Пьер, разместили адъютанта и водителя. Может, в центре находился настоящий генерал? Впрочем, не в этом дело. Другие, куда более важные и страшные подробности занимали мальчишеский ум. Пленников распяли, но не гвоздями, а винтовочными штыками. Они висели неподвижно и, видимо, были мертвы. Еще одна деталь: всех троих перевернули вверх ногами.

Пока Пьер, замерев от ужаса, смотрел на эту картину, один из американцев, высокий блондин, поднялся с земли и подошел к центральной жертве. Вынул нож и принялся резать торс распятого. Сейчас Пьер был уверен, что немецкий генерал действительно мертв. Американец что-то выдернул из раны и, подняв руку с мокро блестящим куском плоти, стал его жевать.

Раздался одобрительный смех с аплодисментами, но тут один из них, что сидел поодаль, перегнулся в пояс, и его вытошнило. Этот человек был одет в ту же униформу, однако его руки были связаны за спиной. В свете костра блеснул белый священнический воротничок.

— Дерри Конуэй... — прошептала Сузанна.

— Они построили свою собственную Голгофу, — сказал Пьер, внук Пьера. — Мерзость в глазах Господних, потому что сами были мерзостью. После этого никто не решался приблизиться к амбару. Ну и разумеется, тот паренек, который был моим дедом, радикально пересмотрел свои взгляды на войну.

— Расскажите мне про само здание, — попросила Сузанна.

Дюваль вновь уставился на кофейную кружку. Сейчас Сузанне показалось, что он не просто мрачен, а испытывает жгучий стыд. Наконец фермер поднял глаза и посмотрел ей в лицо:

— Оно стоит здесь со времен Великого террора, который последовал за Революцией. Его возвело Soc  t   Jericho, «Иерихонское общество». В те времена, когда к организованной религии относились враждебно, на определенные культы закрывали глаза, порой даже поощряли их деятельность. Мои предки позволили им арендовать участок, на котором и был построен этот храм, к тому же за проезд к нему по нашей земле взималась плата. Выгодная сделка для нашей семьи. Но только ненадолго. В период правления Первого императора этот культ запретили. Весь интерьер здания разобрали, превратили его в пустую, заброшенную коробку. А мы... Мы с тех пор продолжаем расплачиваться за свою алчность и оппортунизм в отношении «Иерихонского общества».

— Вам известно, откуда взялось такое название?

Дюваль усмехнулся.

— На древнееврейском «Иерихон» означает «луна», — ответил он. — Себя они так именовали потому, что происходят от ночи. Эти люди посвящены ночи и всему тому, что процветает под покровом мрака.

Сузанна допила кофе. Дюваль взялся проводить ее сквозь дождь к взятой напрокат машине. На выходе из дома она увидела двух доберманов. Наверное, один из них и был источником того лая, который Сузанна слышала ранее.

— Вы их держите, чтобы не скучать?

Фермер расхохотался. Правда, смех его прозвучал горько.

— О, нет-нет, мадам. Собаки живут здесь вовсе не потому, что мне тоскливо в одиночестве. Все ровно наоборот. Порой мне кажется, что я далеко не одинок.

Сузанна поблагодарила Дюваля, и тот, не вымолвив более ни слова, проводил ее к машине.

После выезда на шоссе прошло минут двадцать, прежде чем она в зеркале заднего вида заметила чью-то машину. Черный микроавтобус, довольно вместительный. Через пару миль Сузанна решила, что ее явно кто-то преследует, поскольку, будучи англичанкой, ей с непривычки казалось, что она едет по встречной полосе, а посему подсознательно держала низкую скорость. Микроавтобус меж тем даже не пытался пойти на обгон, а просто висел на хвосте, отражаясь в зеркале. Сузанна попробовала было списать свою паранойю на нервозность, однако, когда она на всякий случай еще больше сбросила газ, преследователи поступили точно так же, держась на прежнем удалении. Не получалось отделаться от впечатления, что черная машина попросту чего-то поджидает.

Все, что Сузанна могла сделать, так это продолжать ехать вперед. С каждым новым километром к ней приближались светлая, торговая жизнь Кале и яркие огни парома. Кстати, о свете и яркости. В них-то и заключалась проблема; вернее сказать, в их отсутствии, поскольку поднялся туман, и шоссе впереди превратилось в бледную полосу призрачной серости, подсвеченной лишь фарами, которые, несмотря на всю свою мощь, не могли пронзить пелену. Сузанна досадливо простонала. Принялась выбивать ритм пальцами на рулевом колесе. Выключила «дворники». Попробовала утешиться мыслью, что хотя бы дождь перестал сыпать с неба. Но когда вновь посмотрела в зеркало, не увидела ничего, кроме серой занавеси. Черный приземистый преследователь исчез из виду.

И тут лоснящаяся масса пронеслась мимо так неожиданно, что напомнила акулу, вынырнувшую возле пловца. Правда, у этой акулы были стальные бока, и на них золотом блестело нечто выгравированное. В мертвом глянце тумана надпись гласила: «Мартенс и Дегрю». А Сузанна, не разделявшая склонность своего возлюбленного принимать слишком многие вещи за простительное совпадение, задалась вопросом, в какую темную глубину неприятностей умудрились ввязаться Мартин с отцом.

Через один-два километра туман начал рассеиваться. Промелькнул дорожный указатель на Кале. Оцепеневшая от страха Сузанна наконец нашла в себе силы понять, до какой степени ей хочется одного — покоя. Она посмотрела на часы и, убедившись, что на это есть время, притормозила возле придорожного кафе, где заказала горячего шоколада. Внутри было тепло и светло. Кругом сидели равнодушные люди с мелкими, повседневными заботами и прихлебывали свои напитки. Из

настенных динамиков звучала композиция «Все, что она делает, — волшебство» группы «Полис». Столешницы были из старомодного пластика — формайки. В воздухе витал запах жареных кофейных зерен, подгорелого сыра на тостере, свежих рогаликов с ветчиной, а также едва заметный анисовый аромат рикара, который наливали за липкой стеклянной стойкой в тыльной части бара. Если и существовал запрет на курение, посетители его игнорировали.

Отпивая из чашки, Сузанна почувствовала, как к ней понемногу возвращается пресловутая «нормальность». И мысль отдаться этому чувству была соблазнительной. Да вот беда она подразумевала своего рода сознательную амнезию в отношении нескольких предыдущих часов, событий и откровений. Сузанна могла их забыть и тем самым очутилась бы на безболезненной дороге, ведущей к незыблемым реалиям прошлого. А могла и подвергнуть их хитроумному, скептическому истолкованию, которое займет больше времени, но в конечном итоге обязательно возымеет все тот же успокоительный эффект.

Успокоительный до онемения чувств... Постой-ка, а ведь, кажется, у кого-то есть и песня с похожим названием?

И что там насчет той песни, которую пел несостоявшийся священник по имени Пэдди Макалун, «Когда любовь ломается»? Сузанна услышала, как в очень странной манере ее наигрывал радиоприемник взятой напрокат машины по дороге в Бетюн, на ферму, чьим владельцем был славный и осмотнительный француз Пьер Дюваль.

Несмотря на искушение, Сузанна не позволила нормальности предъявить свои иллюзорные права. Что случилось, то случилось; глаза ее не обманули, и уши — тоже. Со временем — и Сузанна в этом не сомневалась — удастся распутать весь клубок неприятной правды насчет Гарри Сполдинга. Хорошо бы, конечно, не проделывать это собственными руками. Сузанна надеялась, что новых сведений хватит, чтобы отговорить Мартина и, что куда более важно, его до глупости упрямого отца от их запланированного вояжа на отремонтированной яхте Сполдинга.

Когда Сузанна завершила рассказ о своем путешествии к кровавым полям Первой мировой, час был уже поздним. А коль скоро и мое собственное приключение на «Андромеде» закончилось едва ли полдня назад, я был страшно утомлен. Можно сказать, «до онемения чувств», как только что выразилась Сузанна. И если честно, это онемение было уютным. Ничто из обнаруженного во Франции и близко не подходило к тем ужасающим перспективам, когда я думал, что она собирается меня

бросить. Вот чем объяснялся мой страх в наступающей ночи. Жуткий страх. В реальности же я был скорее польщен ее предпринятыми от моего имени усилиями, нежели встревожен результатами.

Страшные злодеяния, совершенные в ходе конфликта девяностолетней давности, казались очень отдаленными. В моих глазах странные качества амбара у деревни Бетюн куда больше угрожали нестигаемому французу и его фермерскому делу, чем нам с отцом на борту винтажной шхуны.

По всему выходит, что Сузанна проделала это за моей спиной для выявления фактов. Строго говоря, как я только что убедился, она меня обманула. Отношения строятся на близости людей, и никакие иные ингредиенты, из сочетания которых рождается близость, не играют столь важную роль, как доверие. Вместе с тем Сузанна действовала из благородных побуждений. А вот мой личный грех, совершенный после откровений той ночи, был гораздо проще и серьезней. Конечно же, я веду речь о грехе умолчания.

Сейчас-то я знаю, что именно должен был сделать. Да я уже и тогда это знал. Несмотря на нашу обоюдную усталость, мне надо было рассказать ей про призрак, явившийся Штраубу. Рассказать — и тем самым задать работу могучему аналитическому уму, скрытому за фасадом этого очаровательного лица: пусть взвесит факты и решит, какое место занимает эта история в проявляющейся картине. Но этого я не сделал. Потому что задремал. И она в свою очередь, тоже задремала, прижавшись ко мне. А потом, когда стрелки часов на прикроватном столике отщелкнули час ночи, я пошевелился, погладил атласную кожу ее плеча и, кое-что вспомнив, попросил: «Сузанна, расскажи мне про Питерсена».

Ее глаза — темные и несколько ословелые от дремоты — распахнулись. Сузанна сходила на кухню сделать себе чаю, вернулась в кровать и, улегшись, стала прихлебывать из кружки.

— Первоначального строителя «Темного эха» действительно звали Джосая Питерсен. Тут как ни прикидывай, но Сполдинг был еще юношей, когда заложили киль яхты. Получается, его родители, каким бы значительным ни было их богатство, отличались удивительной терпимостью к его прихотям. А ведь семейство было богато до чрезвычайности. На момент ходовых испытаний яхта выглядела сказочным призом для любого человека, едва вышедшего из юношеского возраста.

— Если только она не была чем-то еще, — сказал я, сам толком не понимая направление собственных мыслей. В памяти всплыли темные воды Восточной Фризии, остров Бальтрум и сюжетное хитросплетение «Загадки песков» Чилдерса.

— В каком смысле?

— Я имею в виду, что яхта, возможно, не была просто подарком. Что, если ее построили с какой-то иной целью, превосходившей легкомысленное веселье гонок под парусами? Что, если Сполдинга готовили к роли ее капитана по причинам, которые мы еще не выявили?

Сузанна призадумалась. Повернула лицо ко мне. В ее дыхании читался теплый бергамотовый аромат чая.

— То есть с самого рождения?

— Это просто догадка, — сказал я. Да, догадка, причем пугающая. — Как там они себя именовали? Тот дискуссионный клуб, к которому принадлежали Сполдинги, Питерсены и иже с ними?

— Этого я выяснить не смогла, — ответила Сузанна. — Некое «Членство», а вот членство в чем?.. Скажем, некий клан, или братство, или заговор. Какое-то секретное, ритуалистическое название, пока еще нам неизвестное. Наверное, оно упоминается в досье ФБР, которое было на них составлено в связи с гонениями в эпоху сухого закона. Но досье это либо засекречено, либо утрачено.

— Или похищено, — добавил я. — Например, его украл некто, работающий на брюссельскую фирму «Мартенс и Дегрю». А может, его стащил человек, выдающий себя за Питерсена или за кого-то другого.

— Джосая Питерсен с супругой были бездетными, — заметила Сузанна. — Это-то выяснить удалось легко. Причем они оба умерли задолго до смерти Сполдинга, не оставив после себя скорбящего сына, способного продолжить семейную линию.

— А ведь Хадли утверждал, что навел справки о Питерсене и что все успешно подтвердилось.

Впрочем, это противоречие было несложным, даже для меня. Питерсена, можно сказать, прислали «сверху», по крайней мере с точки зрения Хадли, которого донимали шторм и неприятности, царившие на его «проклятой» верфи. Окруженный высокотехнологическими игрушками, сидя возле окна, за которым маячила пришвартованная покупка моего отца, Хадли пробежал письмо глазами и, надо полагать, счел Питерсена «посланником небес». Любая проверка рекомендаций в отношении этого человека была бы поверхностной, да и то неизвестно, проводилась ли она вообще. В подобных обстоятельствах ложь отчаявшегося Хадли вполне простительна. Во всяком случае, он наверняка не слишком сильно корил себя за такое лукавство, коль скоро ему грозила перспектива банкротства.

Моего отца обмануть не так просто. Доверчивым он становился лишь по собственному желанию и почину. Однако Джек Питерсен оказался всем

тем, что требовалось. Он напрямую был связан с историей «Темного эха». Его поведение и слова производили правильное впечатление. Породистая внешность тоже была привлекательной в глазах моего склонного к снобизму отца, что объясняется его собственным детством: лишенный какой-либо породистости вообще, он стал подвержен этой слабости. Но отсюда проистекает самый насущный вопрос, а именно: кем являлся Питерсен? Что заставило его заявиться под личиной другого человека? Тот факт, что он на первый взгляд принес лишь выгоду, что его появление оказало чудесное воздействие, еще больше подчеркивал важность данного вопроса.

— Надо с ним поговорить, — заявил я. — С этим Питерсеном, или как там его.

— Флаг тебе в руки, — ответила Сузанна. — Я уже сама попыталась это сделать, не далее как сегодняшним утром, когда информация из Штатов подтвердила мои находки. Я включила компьютер и увидела ответ на мой запрос. Немедленно позвонила в Леп, затем в гостиницу. Но его не было ни там, ни там. Выехал столь же внезапно, как и появился. Кем бы ни был этот Питерсен, он попросту исчез.

Следующим утром я позвонил отцу, едва дождавшись благопристойного часа. Отец по своим привычкам был «жаворонком», другими словами, вставал не позднее шести утра. Увы, его не оказалось на месте. Домработница взяла трубку не сразу, пожелала мне доброго утра, но не желала обсуждать отсутствие отца или сообщать, где он может находиться.

— Как вы полагаете, миссис Симмс, он сейчас в Чичестере? — Напряженное молчание на том конце провода. — Миссис Симмс?

— Да, Марти, наверное. Вполне обоснованное предположение, поскольку мистер Станнард перед выходом не говорил о пункте своего назначения.

Наша домработница была ирландкой. Я знал ее с детства. И еще я знал, что ей нравится напускать туману.

— Миссис Симмс?

— Да, Марти?

— Вы бы поставили на этот шанс, что он в Чичестере?

— Ну, собственный дом я под это закладывать бы не стала. Но если бы нашлось несколько свободных монет, то... да, Марти, поставила бы.

Итак, речь шла о тайном свидании, подогретом вновь разворошенными углями. Я улыбнулся про себя. С этого момента Чичестер уже никогда не будет в моих глазах тем чудноватым и процветающим городком, который основали после вторжения римлян. Само его название приобрело новый смысл. Впредь «чичестерство» будет служить эвфемизмом энергичных попыток моего отца найти себе партнершу для секса. Или романтики. Он был оптимистом, мой отец, и всегда напоминал об этом посредством своих взглядов и повадок. Для Магнуса Станнарда стакан никогда не является полупустым. Напротив, он всегда долит до краешка. Эта мысль вызвала во мне наплыв теплого чувства, смешанного с опасением. Впервые в жизни я решил, что отец действительно нуждается в моей любви и защите. В этот момент, беседуя по телефону с миссис Симмс, я осознал, что сам не понимал, до какой степени люблю отца. Глаза мне открыли надвигающиеся неприятности.

— Он захватил с собой мобильник?

— Он взял... этот... как его... «беррифон».

— А, смартфон «Блэкберри»?

— Вот-вот. Именно его он и взял.

— Благодарю вас, миссис Симмс.

— Но совсем не обязательно, что «беррифон» включен.

— Что?

— Он сам сказал мне, дескать, не обещает держать его все время включенным.

Понятно-понятно. «Еще раз спасибо, миссис Симмс», — поблагодарил я и повесил трубку. Затем приготовил чаю, отнес чашку Сузанне и принялся раздумывать над следующим шагом. Пытаться разыскать отца в Чичестере бесполезно. Можно подождать, пока он включит мобильник, и выяснить, чего и сколько он знает про фальшивый фасад Питерсена и его внезапное исчезновение. Это был бы благоразумный подход. Однако я испытывал настоятельную необходимость сделать нечто большее, причем немедленно. Нет, серьезно, я попросту был не в состоянии ждать. Вот почему я решил съездить в Леп и самому попытаться что-нибудь выяснить. Я поцеловал Сузанну и настрого запретил рассказывать кому-либо, куда отправляюсь. В смысле, нельзя говорить об этом отцу, если он все же позвонит. Только он да еще Питерсен были теми людьми, для кого мое появление на верфи возымеет значение. А Джек Питерсен испарился.

Стояло замечательное апрельское утро. Я двинулся в путь, жуя кусок тоста и прихлебывая из термоса кофе, который мне сварила Сузанна, пока я стоял под душем. Все машины шли в город, то есть во встречном направлении. Я включил магнитолау и чуть не ошпарился, когда дернулась рука при начальных аккордах баллады о «любви, которая ломается» в исполнении «Префаб спраут». Я тут же выключил приемник. Может, эту песню сделали заставкой. Такие вещи сплошь и рядом происходят со старыми записями. Или, скажем, композицию использовали для саундтрека какого-нибудь блокбастера или телесериала. Не исключено. И вообще, ее могли выпустить повторно синглом. Как бы то ни было, я гнал с приличной скоростью в комфортной тишине, и к моменту моего приезда на верфи должны были, по идее, оставаться рабочие. Еще не подошло время окончания утренней смены. И тем не менее на месте никого не оказалось. Отсутствовала даже охрана у ворот на случай вандализма или попытки украсть яхтенное компьютерное оборудование или дорогостоящие инструменты.

Ангар из шлакобетона и гофрированной листовой стали, который служил Питерсену офисом, не дал мне никаких подсказок на предмет его возможного местонахождения. На столе обнаружился блокнот с расчетами сметной стоимости каких-то работ. Возле колонок с цифрами имелся

набросок некоего узла деревянных конструкций. Прекрасно выполненный эскиз, однако уровень чертежных навыков Питерсена к делу не относится. В комнате стоял также шкаф, один-единственный заполненный ящик содержал аккуратный ряд папок с инвойсами и чеками, касавшимися текущей работы. А вот компьютера, в котором я мог бы поискать разные файлы, не было вообще. Отсутствовал даже обычный телефон. В подобных местах всегда можно увидеть на стене тот или иной эротический календарь; это существенная черта местной рабочей атмосферы. А вот здесь — ничего. Вместо него к бетонной поверхности был скотчем прикреплен график хода работ на борту яхты моего отца.

Не нашлось и пепельницы с окурками; в мусорном ведре не было оберток от шоколадных батончиков или булочек. Ни единой банки из-под пива. После себя Питерсен не оставил и забытого шарфа или свитера на вешалке подле двери. Не было рабочих рукавиц или резиновых сапог. Ни единого предмета личного обихода.

Когда люди восстанавливают старинные вещи, они склонны делать фотографии: так сказать, «до» и «после». Им нравится гордиться и хвастаться перед друзьями трудом своих рук. Такова человеческая природа. Эти снимки прищипливают к стенам или оставляют на столе. Однако здесь фотографий не было. Питерсен выполнял свою работу с прилежанием монаха, а потом вдруг исчез, не успев довести ремонт до конца. И при этом не оставил хотя бы записки. А записка как раз и была той вещью, которую я, собственно, искал в его офисе.

Никаких следов «Темного эха» в доке. Оказывается, ее подняли на стапель одного из эллингов, дабы защитить от непогоды. Кстати сказать, в ту пору и не наблюдалось непогоды, от которой требовалось яхту защищать. Денек был ласковый. Вода за границей дока отливала изумрудным сиянием, темнея мористее, ближе к острову Уайт и Каусской гавани. Я вдохнул полной грудью. Зачастую мне сильно досаждают запахи гнили на морском берегу, куда прибой выбрасывает всякую дрянь. Но вот сегодня от моря шла резкая свежесть. И никакого ветра или дождя, которые хлестали бы по мне и заодно портили полировку драгоценного приобретения моего отца. И тем не менее яхта находилась в эллинге. Возникало впечатление, что Питерсен все же закончил работу и, поместив судно в укрытие, этим как бы заявил о своей предусмотрительности и аккуратности. Поставил, так сказать, подпись подлинного мастера своего дела.

Когда я снял замок и распахнул обе дверные створки, яхта предстала передо мной восхитительным зрелищем в ярком свете раннего весеннего

утра. Отец, помнится, говорил — пока «Темное эхо» было не более чем угрюмым остовом на верфи морских падальщиков Буллена и Клоура, — что ее обводы берут за душу. А сейчас я мог воочию видеть, почему отец так запал на эту яхту. Даже вне воды контуры ее корпуса превращали «Андромеду» капитана Штрауба в безвкусный образчик старомодной степенности. Они принадлежали к одному и тому же полу, но были из разных поколений: дородная провинциальная вдова в трауре и юная, ветреная наследница, сверкающая на ривьерских раутах Джеральда Мерфи.

Хотя, если точнее, она не сверкала, а отливала глянцем «Темное эхо» была воплощением гибкой стройности и роскоши, выразившихся в лоске ее лаковых покрытий и блеске полированной латуни. Я поднялся на борт. В эллинге стояла тишина, оттеняемая слабым шуршанием волн на берегу. Изредка и очень тихо звучали крики чаек, неизменных обитателей небес над водой. Но вот сам ангар и стоявшая в нем лодка были немые. Палубный настил под ногами оказался прилажен до того тщательно, что тиковые доски не скрипели, а лишь шептали при каждом шаге. Я погладил релинг левого борта возле кормы и пальцами ощутил, что «Темное эхо» — сосредоточенная и живая — поджидала именно этого момента. В этом чувстве не было ничего неприятного. Ничего зловещего или угрожающего. Чистый восторг, обещание славы и чарующей силы. И самое главное: соблазнительности.

Ржавые гигантские артефакты морской инженерии и старьевщицеской натуры Буллена и Клоура, а впоследствии и каменные укрепления верфи Хадли в свое время заставили меня прочувствовать стихийную, порой яростную мощь моря. Вояж к Бальтруму под порывами арктического ветра, на гребнях высоких и неослабевающих волн лишь укрепил во мне опасения на предмет океанского плавания. Но в «Темном эхе» читалась сила, не говоря уже о стиле. Яхта была породистой. Она не то что выглядела адекватной для манившей ее задачи, но поистине страстно вождедела ее.

Отец упорно настаивал, что нет на свете несчастливых судов, только злосчастные владельцы. На борту его сверкающего сокровища, стоявшего в лепском эллинге в тот славный апрельский денек, сей аргумент выглядел как никогда более убедительным.

Какими бы злодействами ни промышляла «Иерихонская команда», все эти люди в конечном итоге стали жертвами навлеченного на свои головы проклятия. Двое из них, чью биографию проследила Сузанна, являлись владельцами яхты. На ее борту погиб как минимум один человек, а то и трое. Что же касается остальных, то им выпал ранний и жестокий конец на

суше. Сам Сполдинг скончался на стеганом покрывале гостиничной кровати в Нью-Йорке, с венами, полными виски «Катти Сарк», и с револьверной пулей в голове. Яхта стояла в ледовом плену гудзонской гавани, в милях от места происшествия и, надо полагать, не несла вину за самоубийство. Первым из «иерихонцев» погиб капеллан, повесившись во французском амбаре. Из всех прочих лишь Тенч и, наверное, братья Уолтроу встретили свою кончину на борту «Темного эха». Коль скоро происшествие с Уолтроу остается загадкой, только Тенча можно считать несомненной жертвой, напрямую связанной с этой яхтой.

Не лодка проклята, а члены «Иерихонской команды», вот в чем дело. Они совершили нечто особенное, заключили какой-то дьявольский пакт, обеспечивавший им неуязвимость в бою, и заплатили непосильную, отвратительную цену, когда на свете вновь восстановился мир. Сунулись в черную магию, которой еще в юности овладел Сполдинг через своих родителей. И с упоением участвовали в зверствах. Лодка тут ни при чем. Все дело в войне и той дьявольской роли, которую они в ней сыграли. Несчастные случаи на верфи Хадли были действительно злополучными, но и только. Выброшенный на берег дельфин — кровавое знамение для Хадли с его обремененным суевериями воображением — был всего лишь тем, чем его назвал мой отец. Морское животное заблудилось, потеряло ориентацию, угодило под винт и превратилось в очередную жертву самого напряженного судоходного пролива в мире.

Питерсен... Конечно, тайна Питерсена и надежда ее разгадать — вот та причина, по которой я оказался в Лепе. Но ведь я и впрямь очень хотел увидеть «Темное эхо» вновь. Во время визита с Сузанной яхта поразила меня темпами восстановительных работ. Мне было любопытно узнать, достигнут ли тот уровень, когда подъем на ее палубу окончательно рассеет чувство угрозы, которое я испытал, впервые очутившись внутри судна. Готов признать, что представшее мне зловещее, пугающее видение потихоньку поблекло со временем. Я испытывал естественное желание поместить его в мир вагнеровской зимы, от которой так страдал бедный Фрэнк Хадли. Однако рассказ Сузанной про амбар вновь вызвал к жизни этот страх, да еще в красках. Короче, я хотел понять, что за чувства меня охватят на борту «Темного эха» после моего путешествия на аналогичном судне, которое — если верить его шкиперу — гарантированно носило с собой привидение.

Я спустился внутрь по кормовому трапу. Коридор упирался в капитанскую каюту. Я сделал глубокий вдох и внимательно осмотрел дверь, за которой во время вояжа будут располагаться апартаменты моего

отца. Дверь была инкрустирована внушительной панелью из полированного ореха. В завитушках свилеватого узора с легкостью читались самые разнообразные картинки и темы. Но дерево есть дерево, с какой бы изощренностью его ни украшали резьбой. От него исходил запах, словно кто-то вдумчиво, с большой любовью натирал распиленную полиролью. Кончики моих пальцев ощущали шелковистость, как если бы какому-то ловкому алхимику удалось соединить вместе бархат и стекло.

Я повернул начищенную латунную ручку. Дверь оказалась не заперта. Я сделал еще один, даже более глубокий вдох. Сейчас я был намного напряженнее, чем при первом визите, поскольку «Темное эхо» уже не несла в себе счастливую новизну трансформации. А потом мы сюда пришли с Сузанной. Нынче же я опять в одиночестве. В ушах шумела кровь, пульс участился. Хотя нельзя сказать, чтобы я был испуган. Сейчас и в помине не чувствовалось того ужаса, от которого на заливке встают волосы. Но я был настороже. Конечно, куда легче верить, что проклятие лежало на владельцах, нежели на самом судне. Это проще, тем более что ремонт сделал яхту практически неузнаваемой. Однако после всех этих рассказов, после исчезновения самозванца, выступавшего под личиной Джека Питерсена, я был бы идиотом, если бы не испытывал никакого опасения.

Дверь распахнулась в пышно обставленное помещение. А я-то думал, что у Штрауба симпатичная, уютная каюта. В сравнении с отцовскими апартаментами она выглядела убогой. Здесь на стенах были развешаны работы Легера, Боннара и Делоне. Имелся книжный шкаф с первыми изданиями Хемингуэя, Синклера Льюиса, Скотта Фицджеральда и Гертруды Стайн. На внушительном дубовом столе, среди рулонов навигационных карт и лоций, стоял взятый в рамку оригинал фотоснимка победоносного «Темного эха» из энциклопедии Артура Ми. Я увидел изумительную подзорную трубу с трехсекционным раздвижным тубусом и тиковый ларец для отцовских сигар. Не забыл он и про свои боксерские призы, те дешевенькие и подернутые патиной жетоны из никеля и серебристой жести, которые сейчас располагались в витрине, стекло которой оказалось слегка тонированным, чтобы — как я подозреваю — придать этим вещцам лоск, которого им всегда недоставало.

К задней стене болтами крепился оружейный шкафчик, служивший отнюдь не для показушных целей: он скорее напоминал арсенальный стеллаж для винтовок и ружей. Отец умело управлялся с теми и другими. Вплоть до Дунбланской трагедии^[4] и последовавших изменений в законодательстве он также владел коллекцией пистолетов и револьверов,

не забывая с ними тренироваться. Оружие его манило своим смертоносным блеском. Как-то раз, на мой день рождения, он захватил меня с Сузанной в Лас-Вегас, чтобы посмотреть на бой Рика Хаттона за титул чемпиона мира, и после этого мы целое утро провели на стрельбище где-то в пустыне. Отец дорвался наконец до М-16 с «Калашниковым» и сиял как ребенок, пока пустые гильзы звенели у его ног, а картонная мишень в форме человека разлеталась на клочки. Сузанна в тот день научилась обращаться с пистолетом и проявила себя великолепным стрелком. Я же страдал от скуки и похмелья после праздничного ужина по случаю боксерской победы прошлым вечером.

Отец говорил мне о своем намерении захватить оружие на борт. Он упомянул об инциденте, который несколько лет назад произошел на Амазонке с великим австралийским яхтсменом по имени Питер Блейк. Мы не собирались в Амазонию, однако с недавних пор пиратство вновь стало процветать в водах Атлантики. Судя по всему, он серьезно вознамерился сдержать свое обещание. Пока что стеллаж был пуст, но я был уверен, что к моменту отплытия все изменится. Что ж, это понятно. «Темное эхо» обошлось в целое состояние. Когда мы покинем сушу, яхта станет отцовским княжеством, а посему он обладал всеми правами и обязанностями по защите своего мирка.

Тут я услышал звук, который в тишине судового интерьера прозвучал неприятно громко. Я даже подпрыгнул от этого загадочного и вместе с тем агрессивного шума. Кажется, что-то происходит в районе камбуза. Единственным источником могла быть только крыса. Я тут же вышел из состояния задумчивого созерцания и подумал, что до этого момента лодка была на самом деле противоестественно тихой. Где, черт возьми, шляется охрана? Положим, здешняя верфь невелика, рассчитана на обслуживание одного судна, но ведь от преступлений никто не застрахован, а «Темное эхо» была лакомым кусочком. Ушлый вор мог бы уйти на пенсию, продав на черном рынке хотя бы коллекцию живописи, которая находится на борту. Кстати, как насчет Питерсена? Он организовал умело выполненную работу, но получил ли за нее причитающуюся оплату, прежде чем сделал ноги?

Крыса зашуршала вновь. Надо полагать, крупная зверюга, и сейчас она занимается бог знает чем: точит, наверное, драгоценную полировку и глянец сияющего, новехонького камбуза. Я не боюсь крыс, но и не желаю попасть на зуб «мореходному» грызуну. Я огляделся в поисках подходящего предмета, которым мог бы прибить нежеланную гостью. На стене отцовской каюты имела витрина с ножами. Их текущее

предназначение было чисто орнаментальным. Великолепные образчики гравированной стали, рукояти выполнены из слоновой и иной драгоценной кости. Но все же они были оружием и выглядели остро наточенными. Впрочем, я не хотел потом подтирать палубу от кровавых ошметков крысиных внутренностей. Пробурчав ругательство, я прислушался. Сейчас наглая тварь цокала коготками в нескольких футах от двери в каюту. Я опять осмотрелся. Вот трость из полированного красного дерева, причем находится не за стеклом, а просто прикреплена к стене. Она напоминала те палки, которыми орудовали надсмотрщики на Молуккских «островах пряностей» в начале девятнадцатого столетия, погоня ленивых грузчиков. Длинной дюймов двенадцать; рукоятка обернута пенькой; на конце утолщение диаметром в теннисный мячик. Я извлек трость из креплений и взвесил ее на руке. Прекрасный баланс. От пробного удара по ладони онемела кожа, и я даже задался вопросом, как долго потребуетея человеку прийти в сознание, получив такой серьезной штукой по голове. Это антикварное оружие казалось идеальным для общения с грызунами. Главное теперь — не промахнуться.

Я на цыпочках выскользнул из капитанской каюты, нырнул в камбуз и захлопнул за собой дверь, прежде чем щелкнуть осветительным тумблером. Хорошо еще, что аккумуляторы заряжены, а я не забыл расположение выключателей. Вокруг меня сияли полированные поверхности. И больше ничего и никого. Замахнувшись тростью, я принялся осматривать пол и рабочие столы в поисках катышков крысиного помета. Чистота — как в операционной. И вновь та же гнетущая тишина. Даже плеск волн не доносится. И чайки почему-то замолчали. На море как будто воцарился штиль. Я опустил дубинку, присел на корточки и в таком положении стал проверять шкафчики, духовку и отделения холодильника Пусто. Ничего не оказалось и в настенных шкафах, устроенных над шеренгой начищенной медной и стальной кухонной утвари. Слишком уж стерильная обстановка для встречи с крысой. Да и нет здесь даже крошки еды. Если кто-то из рабочих оставил недоеденный бутерброд, то я, по крайней мере, нашел бы бумажную обертку. Не говоря уже про «аромат» испорченной пищи. Тем не менее мой нос ощущал лишь слабый лимонный намек на дезинфектант поверх запаха полироли. Но ведь уши меня не обманули? Или как?

Я прошел по коридору к своей каюте. Скромненькая — в сравнении с отцовской, — хотя куда роскошнее любого кубрика или жилого помещения на судах, где мне доводилось останавливаться. Если бы мне вздумалось поработать за письменным столом, что заботливо приготовил для меня отец, то перед глазами постоянно висела бы рамка

палисандрового дерева с увеличенной фотографией нас с Сузанной, которую отец сам сделал во время одного из летних пикников. Моя мягкая мебель была обтянута кожей насыщенного винного цвета, и я невольно улыбнулся при мысли, что придется отрастить усы и после бритья поливаться пряным лосьоном, чтобы соответствовать духу могучего мужского начала и иметь право сидеть на такой мебели. И еще понадобится одна из отцовских винтовок, которую я все время буду держать на коленях. Имелся также стереоцентр с приемником и CD-плеером, а рядом высилась горка компакт-дисков, которые, как было известно отцу — а точнее, миссис Симмс, — я любил слушать в свободное время. Не был забыт и ноутбук: новейшая модель «Макинтоша», слепившая глаза своей белизной по центру письменного стола. Короче, все было на месте — кроме увертливого грызуна, которому размозжила бы голову моя позаимствованная дубинка.

Я подумал про кладовку для парусов. Но ведь она пока что пуста; крысе нечем там поживиться. Паруса доставят лишь к середине мая, то есть не раньше чем через пару недель. Что еще? Такелаж? Опять-таки все современные снасти и тросы вьют из нейлона, а не из пеньки. И здесь вам не «Андромеда». Единственный отряд крыс, о котором я хоть что-нибудь знал, — это та разновидность, про которую мы обычно читаем в таблоидах: монстры размером с кошку, которые, если верить слухам, способны прогрызаться сквозь что угодно. Но я сомневаюсь, чтобы даже таблоидная крыса взялась точить канат, свитый из синтетика нефтяного происхождения. Нейлон малопитателен.

Словом, кладовку я проверять не стал. Вместо этого заглянул в душевую и туалетную кабинки, которые располагались по обеим сторонам коридора между моей каютой и входным трапом. Я постоял с добрую минуту в полнейшей неподвижности, прислушиваясь к звукам. Опять-таки повторюсь, что в кладовку с парусами я не полез, потому как счел это бессмысленным. Должно быть, мой «морской заяц» избегает нелегкой встречи, прощмыгивая сквозь распахнутые лацпорты. Несколько открытых иллюминаторов я заметил на обратном пути, когда вел последний осмотр перед тем, как выбраться на палубу. На всякий случай я их задраил, хотя это не остановит настойчивого двуногого воришку. С другой стороны, теперь крысы не смогут проникать на яхту и грызть живописные отцовские полотна. Напоследок я вернул дубинку на место, вставив ее в начищенные латунные держатели.

На дощатый настил эллинга я спустился в мрачном настроении, возмущенный тем, что «Темное эхо» оставили без присмотра. Факт как

минимум парадоксальный. Яхту восстановили согласно спецификациям, которые сделали бы честь и арабскому шейху. И тем не менее она стояла беззащитной, брошенной на милость любого местного вандаля с ворохом аэрозольных баллончиков. Это не просто парадокс, это прямо-таки странно до дикости.

Когда я покинул элинг и направился обратно к машине, то у ворот увидел одинокого мужчину. На нем были синие форменные брюки и синяя же рубашка, над карманчиком которой имелась нашивка с надписью «Охрана». Завидев меня, он сузил глаза, упер руки в боки и принялся раскачиваться на мысках. Эффект был бы более впечатляющим, если бы он удосужился оставить на голове фуражку, а на плечах — форменную куртку. Впрочем, солнце позднего апреля заставило его отказаться от этих предметов одежды, и сейчас они висели на спинке стула возле ворот. Это явно был сотрудник одного из ЧОПов, а не какой-нибудь вышибала из местного ночного клуба, подрабатывавший в светлое время суток за пять фунтов в час. Мне стало его немного жаль. Оплывший, в возрасте, давно перевалившем за сорок. Брюки слишком узки в поясе да еще лоснятся в районе карманов и паха. Словом, охранник того типа, над которым любят насмеяться хулиганистые подростки в супермаркетах.

— Вы что тут делаете?

Уж конечно не ворую. С собой у меня ничего не было, даже мобильного, который остался в бардачке машины. Впрочем, он и сам догадался. Это я понял по тому, как успокоенно обмякли его плечи, когда я подошел поближе.

— Это яхта моего отца. — Я взглянул на часы. Почти десять утра. — А вот вы где были?

Он засмутился, но потом ответил:

— Да я и так пришел заранее. Моя смена начинается только с десяти. Стало быть, я припозднился.

— Вообще-то до меня дежурит Прендергаст, — продолжал он.

— А вас как зовут?

— Чесни.

— И где этот ваш Прендергаст?

Чесни, однако, промолчал. Он просто стоял и разглядывал носки своих дешевых башмаков.

— Мистер Чесни, мой отец — щедрый человек. Он высоко ценит добросовестных сотрудников. И превыше всего ставит ответственность по отношению к порученному делу. Итак, где Прендергаст?

— Ему не нравится дежурить по ночам. — Акцент Чесни выдавал в

нем местного уроженца. — Да это вообще никому не нравится. В общем, мы бросили монетку. Прендергаст проиграл. Ему выпала целая неделя ночных смен. Когда мистер Питерсен был на месте, увильнуть не удавалось, он очень внимательно присматривал за порядком. Но когда он куда-то делся... Кому захочется в одиночестве торчать тут во мраке, а?

— Стало быть, вы поступили бы точно так же?

Чесни неприветливо насупился. Похрустел гравием, вертя мыском башмака и напоминая малолетнего сорванца, которого призывают к ответу за детсадовское преступление. Впрочем, сейчас я уже не испытывал к нему прежней жалости. Глупость вкупе с капризностью — очень опасное сочетание.

— Понимаете, мистер Сталлард... Это все из-за звуков...

— Станнард.

Он мотнул головой в сторону эллинга.

— Крысы?

— Голоса. Смех. Мы же не глухие... Я-то терплю, потому что семью надо кормить. Но и дежурить по ночам мне улыбается не больше, чем Мики Прендергасту.

Я кивнул. На это ответить нечего. Хотя Чесни навел меня на кое-какие мысли.

— Этот смех... он был сардонический? Его тон?

Чесни взглянул на меня так, будто я изъяснялся по-марсиански. Я достал бумажник. Наличность всегда должна быть под рукой. Эту привычку привил мне отец, который постоянно носил с собой деньги, потому что не мог забыть то время, когда у него не было ни гроша в кармане. Вынув три двадцатки, я сунул их в кармашек Чесни и направился к своей машине. Ведь, спрашивая о правде, я намекнул на вознаграждение. Он свою роль исполнил. Теперь осталось только его уволить, а он упомянул, что должен кормить семью. Шестьдесят фунтов — не самое щедрое пособие по безработице.

Новых сообщений в мобильнике не имелось. Безуспешной оказалась и попытка дозвониться до отцовского смартфона. Я раздраженно швырнул трубу на заднее сиденье. Нет, я и сам не в восторге от кое-каких черт моего характера, среди которых на одном из первых мест стоит интеллектуальный снобизм. В моих глазах застенчивый охранник по имени Чесни был сродни болотной тине, а все оттого, что его слова пришлись мне не по душе. Но, нравится это мне или нет, здесь есть повод поразмыслить. Следующим пунктом моего расписания была поездка в тот постоялый двор, где отец поселил Питерсена. Конечно, он и оттуда удрал. Но с другой

стороны, мог оставить в гостинице некую записку, чего не удосужился сделать ни в офисе, ни на борту «Темного эха».

Сардонический смех... Ведь я сам слышал, его во время первой, пугающей вылазки на яхту, в разгар вагнеровской непогоды, буянившей на злосчастной верфи Фрэнка Хадли. Но вот в ходе обоих последующих визитов в Леп впечатления оказались совсем иными. И все же зловещая нить не оборвалась, угроза не рассосалась. «Темное эхо» околдовало меня настолько, что я был готов забыть про опасность, однако Сузанна до такой степени разнервничалась после своего первого (а для меня — второго) знакомства с лодкой, что рискнула соврать и отправилась во Францию на поиски тайн человека, который ее построил. Зато я, видите ли, умудрился воспрянуть духом после совместного посещения верфи.

Сегодня «Темное эхо» меня положительно ослепило до состояния легкого ступора. Я слышал громкий, но при этом вкрадчивый цокот на борту — и не только подыскал ему рациональное объяснение, но и сделал его банальным. Причем, несмотря на тот факт, что не удалось отыскать малейших следов грызуна, который, как уверяло мое здравомыслие, и был источником шума. Такое впечатление, что сама яхта убаюкала меня до состояния гипнотической влюбленности. На ее борту мои чувства благополучно отупели, превратив меня в счастливого идиота.

Она не заманивала к себе. Так далеко зараза еще не распространилась. Сейчас, на порядочном удалении, я не испытывал к «Темному эху» никаких нежных чувств. Но вот стоило только ступить на палубу, как я тут же оказывался во власти ее мощных и чувственных чар.

Запоздалым прозрением я обязан Чесни, смехотворному часовому в лоснящихся штанах. Подкатывая к живописному постоялому двору, бывшему пристанищу Питерсена, я испытывал печаль от этой мысли.

И тут ей на смену пришло новое соображение. А если бы я заглянул в кладовку? Вспышка интуиции уверенно подсказала мне, что там я бы нарвался не на грызуна, а на любимца Сполдинга: бульмастифа Тоби. Вонючего, червивого и дохлого. При этом он бы высовывал язык и натужно сопел, пародируя всамделишного пса, который давно поджидает хозяина. Когда погода и волны делали палубу негостеприимной, Тоби укрывался в кладовке и жевал там канаты. Сейчас я это знал. Понял внезапно и с той абсолютной убежденностью, с которой утверждал бы, что вслед за днем приходит ночь.

В номер Питерсена я попал без затруднений: водительское удостоверение засвидетельствовало мою фамилию. И без всяких там ошибок, свойственных людям вроде Чесни. Фамилия Станнارد была

источником гарантированного дохода на весь период пребывания Питерсена в гостинице, тем более что отец поместил его в самый роскошный номер. Плата за кров и стол была внесена вперед, до конца июня — не говоря уже про пасхальную и летнюю каникулярную надбавку, которую с лихвой покрыла щедрость моего отца. Так что я ничуть не удивлялся расточаемым улыбкам, заранее распахнутым дверям и всеобщей угодливости. Как в капле воды, в этом отразилась история всей моей жизни.

Комната же Питерсена, напротив, не предложила мне ничего. Окна были затянуты в тяжелые переплеты, стены испещрены буколическими сценами сельской повседневности. Потолок с нависающими балками оказался столь низким, что пространство выглядело захлавленным, несмотря на ширину и порядочную длину комнаты. Имелся настоящий очаг с ворохом дров, однако кора на поленьях закудрявилась от древности и была покрыта толстым слоем пыли. Я похлопал по стеганому одеялу на кровати, приняхался к взбитым подушкам. Белье недавно меняли, но заправленная кровать все же несла на себе отпечаток холода, говорящий о том, что в ней давно никто не спал. Мало-помалу начинали проявляться более мелкие детали интерьера. Номер располагал телевизором со встроенным DVD-плеером; его поставили так, чтобы в глаза не бросалась эта современная вещь, никак не гармонизировавшая с атмосферой той эпохи, когда эсквайры попивали портер из оловянных кружек, устало потягиваясь после дня, проведенного в седле на лисиной охоте. В соседней ванной комнате установили душ с электрокалорифером. Маленькая ванная, не спорю, но ее махровые, голубиной белизны полотенца были аккуратно развешаны на водогрейных трубах. На полочке под зеркалом нашлось место для крошечных фигуристых бутылочек с кремами и лосьонами — того сорта, которые так любят прихватывать с собой гости, чтобы смягчить душевную боль после оплаты гостиничного счета.

А вот Питерсен никаких счетов не оплачивал. И я почему-то был уверен, что ничего он не воровал и даже не прикасался к этим вещичкам на полке. То же самое относилось к небольшой видеотеке из DVD под телевизором. Не пил он из мини-бара, что стоял рядом возле стены. Его окно на втором этаже выходило на проклевывающиеся почки благородного каштана, за которым простиралась роскошная лужайка. Сомневаюсь, чтобы Питерсен вообще обратил внимание на пейзаж. И с каждой секундой усиливалось подозрение, что он не спал в этой кровати.

Монах — да и только.

Я вновь принялся искать записку, но втуне.

Спустившись в холл, загроможденный вазами с дикими цветами, я уселся у стены под лошадиными сбруями и картинами в тяжелых рамах, чтобы угоститься чашечкой кофе. Солнце грело мне плечи сквозь окно. За конторкой расчесывала волосы польская девушка с милыми глазами. Часы показывали двенадцать. Мобильник так и остался лежать на заднем сиденье машины, куда я забросил его в приступе раздражения. Снаружи доносился стрекот газонокосилки. Все казалось совершенно будничным, хотя я знал, что это впечатление обманчиво. Интересно, а отец по-прежнему недоступен в своем Чичестере? В памяти всплыл тот снимок, которым он украсил стену моей каюты на проклятой лодке, и меня потянуло опуститься на колени, моля провидение о его благополучии. Вместо этого я прикончил остатки кофе и направился к конторке, где к польской девушке успела присоединиться ее напарница, выглядевшая так, будто они родные сестры.

Да, им знаком тот гость, которого я только что описал. Полячку с удивительными глазами звали Магда. Вторая девушка, ее кузина Маржена, сама прибиралась в комнате мистера Питерсена. Впрочем, ее английский — хоть и куда более уверенный, нежели мой польский, — в сравнение не шел с лингвистическими навыками Магды. В идеале я бы пригласил Маржену прогуляться по гостиничной лужайке, ведя с ней беседу того сорта, что поощряет людей припоминать даже мелочи, которые могут оказаться существенными. Однако Магда — она, разумеется, знала о том, кто и как платит за постой Питерсена, — похоже, не возражала против разговора со своей кузиной. Да и мне требовался переводчик.

Итак, возникало впечатление, что за Питерсеном водились кое-какие отличительные особенности идиосинкразийного свойства. Большинство местных постояльцев принадлежали к хорошо обеспеченному сословию среднего возраста: яхтсмены, игроки в гольф или, скажем, парочки, ищущие себе романтического отдыха вдали от набившей оскомину рутины. Гостиница славилась своей кухней. Имелось два ресторанчика, один итальянский, а второй напомнил «Кундан» на Хамбл, — и персонал настоятельно рекомендовал их посетить. Так вот, Питерсен там ни разу не появился. Он даже не ходил в гастронаб, что располагался в какой-то миле отсюда.

— И еще он никогда не заказывал еду в номер, — сказала Маржена.

— Но ведь чем-то он питался?

Маржена опустила взгляд на пол и что-то буркнула. Я вопросительно глянул на Магду.

— Моя кузина говорит, что мистер Питерсен морил себя голодом.

— В смысле, на диете сидел?

Она помотала головой. Прищурилась, подыскивая нужное английское слово. Наконец это ей удалось.

— Он постился, — сказала Магда.

Когда я вернулся к машине, на мобильнике мигал символ поступившего сообщения на электронный автоответчик.

«Мартин. Ты пытался меня найти. Коль скоро сегодня не мой день рождения и я к тому же не поменял текст завещания, твое настойчивое внимание вызывает, мягко говоря, удивление. Что за муха тебя укусила?»

Под налетом юмора в его голосе читалось глубокое удовлетворение. Чичестер отцу явно глянулся. А сейчас мне предстоит сообщить нечто, что сильно испортит ему настроение. Мой палец в нерешительности завис над кнопкой набора. С чего вообще я взял, что Питерсен исчез? Об этом мне вчера сказала Сузанна. И откуда я знаю, что он вовсе не Питерсен? Опять-таки от Сузанной, которая принялась копаться в прошлом, не проконсультировавшись с моим отцом. И что мне ему сказать? Нелакированную правду? Казнь гонца с неприятными вестями — любимое занятие моего родителя. А расследование Сузанной он вообще может воспринять как предательство. Но ведь и врать ему тоже нельзя. Сузанна поступила так лишь из беспокойства за его благополучие. Отец умеет быть несдержанным мстительным капризным и жестоким. Способен надуться так, что даст фору четырехлетнему избалованному карапузу, и при этом невероятно тщеславен. Но отнюдь не глуп. Я переживу вербальный ураган, дождусь штиля, и затем мы спокойно обсудим тайны самозваного судостроителя, взвесим возможные последствия и сообща попытаемся найти решение.

Конечно, ключом к разгадке был мотив. Чем мы руководствовались с Сузанной, мне было известно. Но вот мотив Питерсена не давался в руки. А из беседы с полячкой я вынес столько же подсказок, сколько и новых вопросов. Я поднял глаза, сквозь лобовое стекло «сааба» разглядывая окно его номера. Внутри ничего не видно. Отражавшийся солнечный свет нес с собой свежую зелень каштана на голубом небесном фоне. Я глубоко вздохнул и нажал кнопку.

Тем вечером мы с ним встретились в ресторане «Шикис» лондонского Уэст-Энда по окончании представления в Ковент-Гардене. Отцовская метафора в отношении верфи Хадли и Вагнера была нечто большим, нежели простая риторика. Он обожал оперу, в особенности грузный, обремененный мифами германский эпос. Это он слушал даже у себя дома, причем за звуковую систему отдал примерно в три раза больше моего

депозита за квартиру в Ламбете. С другой стороны, нельзя винить человека за потакание роскоши, право на которую он лично заработал.

За ужином отец выглядел устало, как если бы потерял кое-какой лоск. Возможно, ожившее в нем пламя заставило перетрудиться между простынями. Я, однако, полагаю, что дело далеко не в этом. Как бы то ни было, я не стал ходить вокруг да около, а выложил всю правду как есть. Вплоть до тех мелочей, которые узнал от полячек, особенно Маржены.

— Полагается стучать в дверь, но она не стала утруждаться. Питерсен почти никогда не появлялся в номере. Ей даже казалось, что он по-настоящему не спал в постели, а просто садился пару раз, чтобы придать белью мятый вид. В общем, она не постучала. Распахнула дверь — и этим застала его врасплох.

— И себя.

— Он ничком лежал на полу, сжимая в руке нечто вроде четок. И произносил *заклинание*. Во всяком случае, так это слово перевела ее кузина.

— В Америке более чем достаточно набожных христиан, — улыбнулся отец.

— Да, но на нем была власяница!

— Порой их набожность не знает меры.

— Магда нашла его паспорт.

— Печально слышать. Я-то думал, что поляки честны.

— Они стали его подозревать. К тому же были обязаны заботиться о благе других гостей. И вообще это ей приказал сделать ночной портье. Паспорт был выписан на фамилию Кардоза. Столь же настоящее имя, как и «Питерсен».

Я рассказал ему про фирму «Кардоза и партнеры». Рассказал про «Мартенса и Дегрю». Отец заинтересовался, но не слишком. Его вулканический темперамент отказывался производить ожидаемое извержение. Что бы я ни говорил, у меня не получалось выбить его из этого странного состояния отрешенности. В конечном итоге я вышел из себя.

— Блин, отец, никакого Криса Бонингтона не хватит, чтобы объяснить всю эту херню!

— Был бы весьма обязан, если бы ты впредь воздерживался от подобных выражений.

— Но ты-то сам их используешь! Сколько себя помню.

— Привилегия старшинства, Мартин. Протокол.

— Слушаюсь, кэп.

Я был разочарован и разозлен. Да и он, наверное, это понимал. Отец вскинул глаза в сторону официанта. Как обычно, хватило легкого движения бровей, чтобы, несмотря на ресторанную суету и шум, ему тут же принесли счет.

— Отец, я заплачу.

Он похлопал меня по руке:

— Не говори глупостей.

Мне понравилось это прикосновение. Такие вещи происходили крайне редко. Мой гнев потихоньку рассеивался. Неожиданная ласка со стороны отца заставит уйти всю горечь, которую я испытывал. Вернее, заставила бы, если бы я это позволил. Опасность казалась слишком реальной, а ее признаки — слишком рельефными.

— Завтра, Мартин, — сказал он и сжал мою ладонь. — Завтра я посвящу тебя в один постыдный секрет. Надеюсь, что после этого твои страхи улягутся.

Я заехал за ним в девять утра. Никакого ветерка, а небо, если не считать переkreшенных инверсионных следов от самолетов, было чисто-голубым. Прекрасная вертолетная погода. Стало быть, куда бы мы ни направлялись сегодня, отец испытывал необходимость в моем присутствии. Его настроение всегда было особенно игривым по утрам, и, поджидая отца, я даже решил пошутить, что, дескать, было бы неплохо взимать с него плату за каждую милю, или, скажем, он начал привыкать к скандинавским машинам. Однако при виде его лица я передумал. Такое впечатление, что отец недавно плакал. В ярком утреннем свете он выглядел измученным скорбью. Впервые в жизни мне показалось, что отец выглядит старше своих лет.

Он швырнул сумку и пальто на заднее сиденье и залез в машину. Самостоятельно захлопнул дверцу, шмыгнул носом и вздохнул:

— Как спалось, Мартин?

— На удивление отлично.

Он защелкнул ремень безопасности и до того глубоко вздохнул, что раскашлялся.

— Отец, ты в порядке?

— Я очень любил твою мать.

Пусть даже это святая правда, мне ее слышать не хотелось. Сейчас нас ждали куда более насущные дела. Любое упоминание о матери и ее преждевременной кончине не ложились мне на душу. Я терпел отцовскую печаль по утрате в течение очень долгого времени, к тому же за счет

собственных чувств и неоправдавшихся надежд на поддержку и утешение. Но теперь, конечно же, не время выслушивать его жалобы на уход матушки. Только не сейчас.

Он вновь шмыгнул носом.

— Ты знаешь дорогу до Саутенда?

Я снял машину с ручника, выжал сцепление.

— Да мне все равно куда ехать.

Он обернулся ко мне:

— Сынок, не будь таким бесчувственным. Да, я знаю, молодежь к этому склонна. Но уж ты, пожалуйста, постарайся. Сегодня и без того нелегкий день предстоит.

«Бесчувственный»... В своем бизнесе он вел себя так, словно владел всем миром. «Не раскисай» — вот какой была его мантра, ибо последствия обратного порой означали загубленную репутацию и даже саму жизнь. Он считал меня мягкосердечным. Может, так оно и есть. С его точки зрения, такая черта полезна для священника, но категорически опасна в коммерческих баталиях. И здесь, наверное, он тоже прав. Однако в тот момент, отъезжая от бордюрного камня, я подумал, что назвать меня бесчувственным — это верх свинства. И еще я подумал, что попытка завести разговор о матери была дешевой и непростительной тактикой, попыткой избежать неприятной стычки.

Матушку убил рак легких. Всю дорогу до Саутенда мои мысли были заняты только ею. Не получалось у меня думать о ее жизни без того, чтобы не вспомнить обстоятельства ее смерти. Потому что они, эти обстоятельства, словно издевались над всей ее прежней жизнью. Диагноз запоздал настолько, что лечение и не могло дать результатов. Она угасала быстро, пребывая в сумеречном сознании из-за морфина, необходимость в котором была продиктована невыносимыми болями. Высохшая, редко приходящая в сознание, она ускользнула от нас через четыре недели после госпитализации. К моменту смерти болезнь сделала из нее хрупкую, изможденную старушку, которую я еле узнавал. Она никогда не курила. Даже не кашляла. Единственным симптомом перед выявлением рака была ее постоянная анемия. Матушка писала книги и время от времени выступала на радио, но с болезнью утратила силы для работы, а в последние выступления перед микрофоном ей стало не хватать воздуха.

Моя мать была очень красивой американкой из Сан-Франциско, которая заполняла нашу жизнь светом, но свою окончила в сумерках оглушенного наркотиками сознания. Это случилось так быстро, что не нашлось времени уладить ее дела, смириться с неизбежным — ни для нее

самой, ни для окружающих. Все в этой болезни происходило с невероятной скоростью. Когда я думаю о ней, то вспоминаю ее смех, нежность и достоинство. И сразу после этого мысли переключаются на ее кончину. Ей было всего-то сорок четыре, когда пожаловала смерть, в чьей торопливой жадности не нашлось ни грана величия.

Голубые обещания лондонского утра исчезли к моменту выезда на A13, милях в двадцати от пункта нашего назначения. Выяснилось, что едем мы все-таки не в Саутенд, а в Уэстклифф-он-Си, живописный прибрежный городишко, расположенный к западу от его кричаще яркого соседа. Небо затянуло пеленой, затем облачность спустилась ниже, а потом полил и дождь, чьи крупные капли дробно разбивались о лобовое стекло «сааба». Отец всю дорогу пребывал в угрюмом настроении. Мы почти не разговаривали. Правда, он проворчал, что, дескать, нам нужен Уэстклифф, но на этом все. Шутки остались позади.

Он выглядел столь же погруженным в свои думы, как и я. Набрякшее небо и дождь казались удачным антуражем к настроению, царившему в салоне автомобиля. В голову пришла было мысль включить радио, однако мне не хотелось рисковать и слушать Пэдди Макалуна с его жалобами на то, что происходит, когда ломается любовь.

Следуя подсказкам отца, я вел машину по лабиринту симпатичных улочек Уэстклиффа. Мы остановились возле пустыря посреди шеренги загородных коттеджей с причесанными лужайками и садиками, аккуратно подстриженные кустарники и живые изгороди плакали под нескончаемым дождем. Странно, что в ряду этих хорошеньких домиков нашлось довольно порядочное незастроенное пространство. От этого неожиданного пробела веяло меланхолией.

— Мартин, тебе доводилось слышать о Викторе Дрейпере?

Отец не отрывал глаз от полосы грязи и щебня между строениями. Дождь упорно обрабатывал каплями набухшие лужи.

— Кажется, что-то смутно знакомое...

— Он медиум. Утверждал, что обладает ясновидческим талантом. На момент смерти твоей матери он был очень известен. Его колонка публиковалась сразу в нескольких таблоидах, правда, среднего пошиба. Порой появлялся на телевидении, но его нельзя назвать типичным шарлатаном, которыми полны утренние передачи. Он был выше всей этой бульварной сенсационности. Убедительный и уважаемый человек. Если я не ошибаюсь, как-то раз про него сделали даже репортаж в «Омнибусе» Би-би-си.

Да, теперь я его вспомнил. Лет десять назад имя Дрейпера было на

слуху. Так сказать, уважаемое лицо и частый спикер от парапсихологии. Его книги рекламировались на последних страницах воскресных приложений. Публичные выступления неизменно собирали полные залы. А затем он вдруг исчез. Кажется, тогда я просто предположил, что он умер.

Отец кашлянул, прочищая глотку.

— Когда твоя мать нас покинула, я не нашел в себе сил смириться с потерей. Наверное, должна была помочь вера, но... Господи, прости, но веры в тебя оказалось недостаточно...

— И ты сходил к Виктору Дрейперу?

— Он сам ко мне пришел. Говорил очень убедительно, да и я был наполовину спятившим от моего горя.

Нашего горя. Нашего. Ее смерть сказала не только на отце. Мы оба ее потеряли. А уж она сама потеряла больше, чем кто-либо.

Отца трясло. Ему выпала нелегкая минута. Сейчас, сидя в машине под проливным дождем, он должен был открыться собственному сыну в образе легковверного дурака.

— И когда до тебя дошла вся правда?

— Месяца через два. Плюс сорок тысяч фунтов.

— Ты отдал ему такие деньги?!

— О, Виктор был большим мастером. Он навел все необходимые справки и обладал великолепной памятью насчет деталей. А уж каким великолепным мимом он являлся... Запросто мог имитировать стиль твоей матери. Я всерьез верил, что, когда он изображал вход в транс, из его уст исходили ее слова...

— И все же он совершил некую ошибку.

— Да, — кивнул отец. — Допустил один прокол.

Я выключил «дворники», потому что их шум мешал слушать. Сейчас дождь совсем размыл пейзаж за лобовым стеклом. Шоссе было пустынно, даже пешеходы попрятались от ливня. Журчала вода, стекая с крыши «сааба». Я испытывал печаль и страх от тех откровений, что вот-вот мне станут известны.

— Мартин, ты не единственный наш ребенок. У тебя была младшая сестра. Она родилась, когда тебе не исполнилось и двух лет. Появилась на свет недоношенной. Прожила лишь несколько дней.

Я кивнул. Уж чего-чего, а такого я не ожидал. Вот так откровение...

— Почему вы никогда мне об этом не рассказывали?

— У меня вообще не было сил говорить о твоей сестре. А мать... Наверное, она молчала потому, что не хотела меня мучить.

— Как ее звали?

— Катерина-Энн. «Энн» в честь твоей матери.

— И Виктор Дрейпер этого не знал.

— Он жил вот здесь, — сказал отец, кивая подбородком на пустырь. — Я нанял бригаду частных сыщиков и вывел его на чистую воду. Стер в порошок, и он, кажется, уполз потом куда-то в Австралию. А когда он был вынужден продать этот дом, я сам его купил и приказал снести до основания.

— Отчего ты решил рассказать это сейчас?

— Мартин, я не остановился только на Дрейпере. Я пытался дотянуться до твоей матери и через других спиритов, чья репутация была столь же раздутой, как и у Виктора. Все оказались шарлатанами. А говорю тебе это потому, что если бы имелась хоть какая-то возможность вступить с ней в контакт, я бы уже это сделал. Но привидений не существует. Только Бог...

— Если есть Бог, то есть и сатана.

— Возможно. Но зато нет никакого призрака Гарри Сполдинга, шныряющего по лодке, которая некогда ему принадлежала. Мертвые не лезут в дела живых. Они с нами не общаются, но лишь живут в наших воспоминаниях — и мне давно надо было найти в себе силы и смелость дать твоей матери тихо упокоиться в нашей памяти.

Катерина-Энн. Получается, нас было четверо.

— Так вот почему ты всегда ставишь четыре свечи. В церкви, после мессы...

Отец не ответил. Да оно и не нужно.

Катерина-Энн. Сейчас ей было бы где-то тридцать, тридцать один. Примерно ровесница Сузанне.

— Как насчет Питерсена?

Отец усмехнулся. Мрачно. Признание его вымотало.

— Шарлатан, и моя интуиция сразу это подсказала, едва я увидел то письмо у Хадли. Он просто любитель-энтузиаст, который прочел репортажик насчет аукциона где-нибудь в Интернете. Помнишь, я давал интервью после торгов? Работа над проектом восстановления таких масштабов, да еще на такой «породистой» яхте, как «Темное эхо», была, наверное, для этого человека мечтой всей жизни. Хорошо еще, он не обманул насчет своей компетенции.

— Ты серьезно в это веришь?

— Мартин, сегодняшнюю ночь я проведу на яхте. Вот почему я захватил с собой эту сумку. Ну а теперь отвези меня, пожалуйста, в Леп. Если хочешь, завтра доставишь меня обратно в Лондон. Если Сузанна не

против, то приглашаю остаться со мной на борту. Если нет... можешь переночевать в гостинице. Есть там один замечательный постоянный дворик, где останавливался наш общий знакомый, к тому же номер оплачен вплоть до июня.

— Очень жаль, что ты только сейчас рассказал мне про сестру.

— И мне жаль, сынок. От всего сердца.

Ту ночь мы провели на яхте. Перед этим поужинали в гостинице Питерсена, и я немало выпил за едой. Местная кухня наверняка оправдывала свою замечательную репутацию, но для меня эта пища напоминала золу, чему виной были услышанные отцовские откровения. К тому же я устал. Ушло чуть ли не три часа, чтобы отмахать сто шестьдесят миль между Уэстклиффом и Лепом. В общем и целом я в тот день провел за рулем пять часов. После ужина не осталось сил садиться за баранку, и мы, бросив машину на стоянке, взяли такси. Отец тоже много выпил. Алкоголь мало подходит в качестве анестетика. Наоборот, он дарит тебе болезненную голову, сухость во рту и депрессию. С другой стороны, это «лекарство» легкодоступно, да и неприятных неожиданностей от него не бывает. Мне более чем хватило неожиданностей на один день, так что за ужином я с готовностью отдался выпивке, гарантировавшей легкий путь к оцепенению.

Не могу даже вспомнить, что я заказал, отдавая меню улыбчивому официанту, хотя слова, казалось бы, только что сорвались у меня с языка. Да и разговор наш за ужином носил смутный, незапоминающийся характер. Отец что-то лопотал насчет навигационного оборудования, средств связи, каких-то коммуникационных сетей... Что-то про несущие частоты, коммутацию и прочие загадочные стороны телекомных дел. Я же все думал про комнатку, которую родители наверняка подготовили и разукрасили к рождению моей сестренки, Катерины-Энн. Думал про ее разрисованную колыбельку. Воображал себе те игрушки, которые они должны были ей купить, и крошечную одежду. А мечты, которым они предавались сообща? Насколько необходимость держать ее смерть в тайне поспособствовала развитию той опухоли, что росла и расцветала в груди моей матери? Мне кажется, я кое-что понял насчет той роли, которую сыграла эта жгучая тайна в ранней смерти матушки. И пожалуй, сумел оценить те мотивы, которые двигали отцом в его последующей жизни. А может, эти догадки были всего-то обусловлены иллюзорной чистотой восприятия, когда ты налегаешь на выпивку...

Той ночью, устроившись в собственной каюте на борту отцовской яхты, я не видел снов. Вернее, не помню их содержания. Просто валялся на

койке до того уютной, что комфорт напоминал подлинную роскошь. Мое жилище на «Темном эхе» было язвительной насмешкой над кубриком «Андромеды». Насколько помню, ночью я проснулся, чтобы попить минералки «Хиддон» (которую заблаговременно выклянчил в гостинице и специально оставил под рукой). А вообще-то с собой у нас была питьевая вода, зубные щетки и свежие полотенца. В этой гостинице отцу оказывали те же знаки внимания, что и повсюду для них он словно был заезжим монархом. Утром, кстати, когда я постучал к нему в дверь, он встретил меня с таким видом, будто и в самом деле являлся властелином всего и вся. Он вновь выглядел цветущим и бодрым. Восстановился. Стоя на пороге его каюты, я с какой-то особенной горечью понял, что отец никогда уже сам не начнет разговор о своей дочери.

С верфи мы отправились завтракать в гостиницу, где-то без четверти восемь. Садясь в такси, я заметил пару микроавтобусов, подкативших к воротам. Один был синего цвета и нес на себе эмблему частного охранного предприятия: желтые буквы названия фирмы над крепостной решеткой, обвитой колючей проволокой. Наружу вышли трое мужчин: двое из кабины и один из задней двери, да еще в компании с немецкой овчаркой на коротком цепном поводке. Все отличались крепким телосложением, не улыбались и были одеты в щегольскую черную униформу.

— Твоя поучительная история насчет Чесни меня взволновала, — пояснил отец. — Вот я и решил предпринять кое-какие шаги.

Второй микроавтобус привез шестерку мужчин в комбинезонах и джинсах с накинутыми на плечи пуховиками. Один из них — по-видимому, бригадир — показал какие-то бумаги молодцам в униформе. Его люди нервно переминались с ноги на ногу, пока их обнюхивала овчарка, запоминая присущий каждому запах. Затем ворота распахнулись, и работяги, прихватив инструменты, направились к эллингу.

— Надо вернуться не позже полудня, — сказал отец. Что ж, времени вдоволь. — И с этого момента, Мартин, единственный сардонический смех на борту «Темного эха» будет исходить только от меня.

За завтраком нам неожиданно доставили письмо. Его на серебряном подносе принесла Маржена и с легким поклоном передала отцу. Это был конверт из плотной желтой бумаги формата А3, с аккуратно надписанным адресом гостиницы. Адресат мистер Станнард. Почерк напомнил мне колонку цифр, что я видел на блокноте в офисе Питерсена. Кое-какие буквы выглядели так, словно их писали тем же фломастером. Отец взял письмо, поблагодарил девушку и протянул конверт мне:

— Открой, Мартин.

Я воспользовался ножом, что лежал возле моей тарелки, но перед этим внимательно осмотрел штемпель. Немного смазанный, но было ясно, что послание прошло сортировку на центральном лондонском почтамте. Когда я взрезал торец, на скатерть скользнула небольшая коллекция банковских векселей. Я сразу понял, что это такое: ежемесячные выплаты, которые мой отец производил на имя Питерсена. И все они оказались необналиченными. Питерсен пользовался расчетным счетом для оплаты рабочих и материалов — в конце концов, я сам видел счета-фактуры у него в офисе. Но вот себе лично он ничего не взял. Я раскрыл горловину конверта и увидел, что в него вложено сопроводительное письмо, прилипшее к клею на клапане. Я его извлек, развернул и прочитал вслух:

Магнус, она готова. Возиться с ней и прихорашивать можно сколько угодно долго, но она готова. Крепите такелаж и паруса, как только их доставят. За этой работой должен следить сам шкипер. Ходовые испытания проводите в течение одной недели возле Атлантического побережья Шотландии. Или сходите на ней через Ирландское море до Дублина и обратно. Такой вояж покажет, готовы ли вы с сыном к плаванию. Но что касается ее самой, она готова. Удачи вам, Магнус.

Подпись отсутствовала. Отец поиграл бровями, взял письмо в руку и прочитал самостоятельно. Сложил лист и сунул его в карман. Затем потянулся к стопке векселей, перетасовал, их из руки в руку, разорвал пополам, а обрывки швырнул на стол. Промокнул губы салфеткой и, поднявшись со стула, дал понять, что пора идти.

К тому времени, когда мы вернулись на верфь, его вертолет уже прибыл. Винтокрылая машина сидела на плотном песке, обнажившемся после отлива, а рядом, не снимая авиаторских очков, поджидал Том, постоянный отцовский пилот, и курил короткую «манилу» из светлого буро-коричневого табака. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, к чему все это, потому что возле кромки приюта стоял и монсеньор Делоне, рукой придерживая шапочку священника, пока ветер трепал его яркую епитрахиль. Он неотрывно смотрел в сторону Каусса на том берегу Солентского пролива. Прошел добрый десяток лет с тех пор, когда я в последний раз видел моего любимого преподавателя из иезуитской семинарии, но сразу узнал его по мощной шее и широким плечам олимпийского атлета. Должно быть, он спиной почувствовал мой взгляд, потому что обернулся и направился к нам. И еще я понял, что Бог — или

Провидение — благосклонно отнесся к нему за прошедшие годы. Он сильно поседел в висках, да и подбородок тоже вроде бы утолщился, но все же Делоне постарел не сильно.

— Мартин! — воскликнул он, принимая меня в распростертые объятия и отрывая от песка. — Я пришел освятить и благословить лодку твоего отца.

Ну, положим, это-то я и сам успел понять.

— Вы уже осмотрели ее, монсеньор?

— Конечно, Мартин. Воистину предмет искусства.

— Кстати, раз уж зашла речь об искусстве: на ее борту есть одна из работ вашего предка.

Он рассмеялся. Я был ужасно рад его видеть. Те девятнадцать месяцев в Нортумберленде были сродни чистилищу, и немногочисленные приятные минуты, что остались в моей памяти, все были связаны с выдающимся священником.

— Мои претензии на родственные связи с этим Делоне, мягко говоря, малообоснованны, — сказал он, улыбаясь.

Монсеньор совершил обряд по всем правилам, и эта небольшая церемония прошла без инцидентов. Он прочитал литургическую молитву, затем побрызгал на яхту метелочкой со святой водой. Я числился в помощниках, держа в руках богато изукрашенный серебряный сосуд, куда он макал кропило. Ничто не избежало его внимания: даже кладовка для парусов получила свою долю святой воды. Когда я открыл дверцу, то на меня не пахло собачьей вонью. Никаких следов фантомной псины Сполдингаю. Затем Делоне зашел в офис — я до сих пор считал его питерсеновским, — где переоделся в гражданский костюм, который, надо полагать, носил во время перелета из семинарии. Наружу он вышел со старомодным парусиновым саквояжем, куда поместил драгоценный сосуд и свое облачение. Делоне проделал далекий путь, и, какими бы убедительными ни были доводы моего отца, эта просьба наверняка застала его врасплох. Я был тронут отзывчивостью моего пожилого ментора.

Отец предложил заглянуть в один из пабов на побережье, который славился великолепными обедами. Кроме того, у них имелся обширнейший, если не сказать эзотерический, выбор односолодового виски. Отец помнил о привязанности монсеньора Делоне к этому напитку. «Мы отправимся через пару минут, — сказал он. — Это будет превосходной подготовкой к обратному перелету монсеньора». И с этими словами он направился к Тому, чей обед уже лежал в сумке-холодильнике на борту вертолета.

— Я очень рад тебя видеть, Мартин.

— И я тоже, монсеньор.

Делоне бросил на меня оценивающий взгляд. Улыбка не исчезла с его лица, но он знал меня хорошо, понимал, как работают мой ум и совесть. Полтора года он был моим исповедником. Сомневаюсь, что кто-то еще на свете — не считая Сузанны и отца — знал меня столь досконально. А отцовские впечатления о моем характере были, думается мне, несколько искажены моими, практически непрерывными, попытками его впечатлить. Из всех встреченных мною людей именно монсеньор Делоне лучше всего знал мою истинную природу.

Он махнул рукой в сторону эллинга:

— Когда вернешься из этого вояжа, сын мой, неплохо было бы задуматься о женитьбе и детках. — Я зарделся. Живу в грехе. Он явно это понимал. — И это стало бы твоим подлинным совершеннолетием. Придало бы наполненность существованию женщины, которую ты любишь. И подарило бы твоему отцу радость, не сравнимую ни с чем, — когда он наконец разделается со своей идеей фикс а-ля Джозеф Конрад и вытравит ее из организма.

Я промолчал, опустив взгляд на высыхающий песок, по которому гулял ветерок, потихоньку заматавая рельефный узор, оставшийся после отлива. Затем я поднял глаза. Монсеньор по-прежнему улыбался. В безжалостном свете на пляже его зубы были окрашены чайным налетом. Где-то с час он будет играть для моего отца роль священника, любящего глотнуть виски, но на самом деле Делоне пил в основном лишь чай. И был человеком, для которого важнее всего вера, покаяние и обращение на путь истинный. Он в жизни не прижимал к себе женщину, отыскивая утешение в ночи. И никогда не прижмет.

— Мартин, в этой яхте нет ничего зловещего. Она просто игрушка, выточенная из дерева, латуни и стали. Экстравагантная причуда, потворство прихотям богача. Но твой отец — великий и сострадательный жертвователь на добрые дела. А лодка... это всего лишь лодка. Сохрани в себе достаточно веры, чтобы понимать, что такие конструкции не могут быть прокляты. А сейчас она благословлена. Пусть твой вояж будет приятным. Насладись компанией отца. Я будут молиться за ваше счастливое возвращение.

Конечно, большего он сказать не мог, ведь мы собирались пересечь Атлантику на борту судна, построенного свыше десятилетий тому назад. Делоне не мог гарантировать ни наш успех, ни безопасность. Лишь Бог нес ответственность за тех, кто находится среди водяной пустыни,

отдавшись на милость погоды. Он сказал, что будет молиться за нас. Пообещал это.

Сейчас я уже не был уверен, слышал ли хоть когда-либо правду из его уст.

Как и предполагалось, на следующей неделе доставили паруса. Сшила их гонконговская фирма «Ли» из японского дакрона. Мы могли бы придерживаться совсем уж строгого подхода и, подобно «Андромеде», поставить ветрила из настоящей парусины, но растительная ткань легко рвется в шторм, и, если на борту нет людей, способных чинить и латать разодранные полотнища, такой пуризм не стоит риска. С современными заменителями легче работать, они гораздо прочнее, да и сохнут быстрее.

По сравнению с душевными муками из-за дизеля отец не агонизировал по поводу дакрона. Впрочем, паруса заказывали после двигателя, и по мере приближения даты запланированного отплытия в нем разыгрался природный прагматизм. Отец питал склонность к рискованным поступкам, но отнюдь не фанатичную. Сложности и опасности предстоящего вояжа и без того внушительны. Не возникло и споров по поводу авторулевой машинки. Это оборудование было электронным, и его «навыки» опирались на компьютерные чипы. Требовалось только задать курс, а уж лодка по нему бы сама проследовала. В случае непредвиденных течений или смены ветра авторулевой самостоятельно корректировал галс. По сути дела, это означало, что по ночам мы оба могли спать, по крайней мере несколько часов кряду. И ужинать вместе мы тоже могли. В противном случае кому-то одному пришлось бы выстаивать вахту возле штурвала. Капитан Штрауб, наверное, осудил бы такую уступку технологии, но ведь когда его шхуна выходила в море, на ее борту насчитывалось минимум шесть пар рук, а не две.

Я по-прежнему беспокоился насчет Питерсена. Как-то раз, пока яхта стояла в уютном ремонтном доке, бригадир, командовавший постановкой такелажа, окликнул меня с клотика грот-мачты и сказал, что в жизни не видел столь пунктуально выполненных восстановительных работ. Оснований спорить с его экспертным мнением у меня не имелось, однако постоянно колола мысль, что Питерсен отказался взять плату. Пусть он и выступал под фальшивым именем, но коль скоро взятые обязательства были исполнены им безупречно, разве он не заслуживал компенсации за свой труд? Тот факт, что Джек Питерсен не взял денег, в моих глазах был столь же символичен, как и суеверное упрямство Фрэнка Хадли, который не желал упоминать «Темное эхо» по имени. Я не знал, что это могло

означать, но испытывал неприятное предчувствие, что когда-нибудь узнаю.

Наш вояж до Дублина и обратно оказался практически триумфальным. Кельтское море мы застали в добром расположении духа. Путешествие прошло до того гладко, что после швартовки в гавани Дан-Лири отец тут же предложил дополнительную амбициозную вылазку. Наследующее утро, с рассветом, мы вышли из гавани и легли курсом норд-ост. Обогнули ирландское побережье вплоть до Северного пролива, а оттуда пошли нордом, пока не миновали остров Ратлин и оказались тем самым непосредственно в Атлантике, на штормовых широтах. Порядочно углубившись в океан, мы затем повернули на восток, к выступу Эррис-хэд. А уже оттуда мы пошли на зюйд и не сворачивали вдоль всего западного берега Ирландии, выйдя к Мизн-хэд и мысу Клир.

В результате мы отсутствовали пять суток вместо ранее запланированных двух. Я позвонил Сузанне, чтобы предупредить об изменении плана. Она отвечала каким-то странным, непривычным тоном. Возможно, всему виной атмосферные помехи, с которыми плохо справлялся мой мобильник, хотя вряд ли дело в этом. Наверное, она была неприятно удивлена. Я так и знал, что ей не по вкусу придется авантюра с «Темным эхом».

Самой примечательной вещью во всем этом вояже был тот сон, что приснился мне на борту. После швартовки в Дан-Лири я сошел на берег и пешком добрался до Сэнди-коува, чтобы в наступающих сумерках поплескаться в «Сорокафутовой купальне». Отец остался на судне. Их с матушкой медовый месяц прошел в Дублине, так что, сойди он на берег, слишком яркие воспоминания ввергли бы его в меланхолию.

Во сне я увидел Гарри Сполдинга на пару с Майклом Коллинзом. Они были в военной форме — в великолепных, щегольских мундирах — и стояли на скалах над «Сорокафутовой купальней» в лучах утренней зари. Свет, отражавшийся от воды у подножия утесов, искрился на их латунных пуговицах и пряжках, лаская начищенную кожу сапог. Ни тот ни другой не захватили с собой секундантов. Не присутствовал официальный арбитр, так же как и врач с черным хирургическим саквояжем. Они пришли в одиночку. И я знал их целью была дуэль, причем по строгому протоколу. Коллинз непринужденно насвистывал некую мелодию, крепя деревянный приклад к рукояти парабеллума Сполдинг, поглядывая на него, улыбался, покамест сам заряжал свой крупнокалиберный кольт, который носил в кобуре портупей. И вот подготовка завершилась. Щелкнули взведенные курки. В морозном воздухе я видел пар их дыхания; они стояли боком друг к другу. Вновь зима в моем сне про купальню. И призраки дышали как

живые люди. Грохот обоюдных выстрелов разбудил меня прежде, чем я смог понять, чья честь оказалась удовлетворенной, чья сатисфакция одержала верх в этой странной пародии на конфликт...

Сузанна с ходу отмела мое предложение провести романтический вечерок в хорошем ресторане накануне отплытия в Америку. Она заявила, что такие прощания слишком уж формально обставлены и тем самым могут навлечь беду на путешествие. Лучше просто сходить в «Мельницу» и пропустить там по стаканчику после нашего обычного ужина. Это меня удивило. Я не знал, что Сузанна так серьезно верит в удачу или невезение. Мне всегда казалось, что она лишена какой-либо склонности к суевериям. Так сказать, человек, который видит лишь черное и белое, тяготеет к определенности и сторонится даже намека на неясность. А впрочем, никто не знает и не может знать другого человека полностью, как бы нам ни хотелось обратного. Такова уж наша слабая черта: вера в доскональное понимание чужого характера. Подобное отношение придает нам уверенность, убаюкивает чувством безопасности, которого мы так естественно жаждем, когда находимся рядом с другими. И чем больше ценим мы их присутствие в нашей жизни, тем глубже, как мне кажется, впадаем в этот корыстный грешок самообмана.

Как бы то ни было, в «Мельницу» мы отправились, но застольная беседа вышла натянутой, а молчание — неловким. Кажется, она хотела мне что-то сказать, но так и не решилась. В общем, мы остановились на привычных и надежных банальностях. Я поздравил ее с успехом документального сериала про Коллинза. К тому моменту в эфир вышла уже вторая часть, и реакция критиков была в своем большинстве положительной. Наверное, не следовало об этом заводить разговор, потому как внештатный контракт Сузанны с Би-би-си через несколько недель подходил к концу и ей заявили, что продления не будет. Продюсер оказался мстительным малым, когда речь заходила о неприязни, и его вклад в ежеквартальную аттестацию моей подруги оказался до того недоброжелательным, что перевесил все прочие доводы.

Словом, весь вечер мы в основном просидели молча, иногда прихлебывая выпивку под песни Марвина Гая, Билли Пола и аналогичных исполнителей, которые тянули свои слезливые баллады эпохи 70-х, пока я маялся, чего бы такое сказать в утешение, а Сузанна, надо полагать, маялась в ожидании утешительной затяжки табаком.

По возвращении домой любовью мы не занимались, и вот об этом я горько сожалею. Я всегда возбуждался от дрожания пружин матраса, когда гибкое и стройное тело Сузанны проскальзывало ко мне под пуховое

одеяло; не была исключением и та ночь. Но между нами возникла какая-то стена отчужденности, сложная и непреодолимая. К моему стыду и отныне вечному разочарованию, я притворился, что сплю, пока наконец так оно и не случилось на самом деле. Утро очень удачно застало меня врасплох, и я едва урвал минутку для прощального поцелуя перед отъездом. И ведь как сильно я ее любил... Да и сейчас тоже люблю, готов умереть за нее.

Мы — отец и я — вышли на борту «Темного эха» из саутгемптонской гавани. Без фанфар. Не было и рыданий на пристани. Никто не махал нам платочком, когда мы подняли якорь и отдали швартовы. Возможно, в качестве исходной точки отплытия Плимут подошел бы лучше, коль скоро отец как-то раз уподобил себя Дрейку. Впрочем, вряд ли всерьез. Я следил за тем, как за кормой тает пристань, пока отец стоял у штурвала, а старательный небольшой дизель все ближе подводил нас к открытой воде, что лежала за границей фарватера, плотно забитого судами. И тут мне почудилось, что там, на берегу, кто-то стоит, провожая нас взглядом. Невысокая, одинокая фигура с бледным, неподвижным лицом под гривой растрепанных ветром, рыжевато-соломенных волос. Нахмурившись, я посмотрел на отца, убедился, что он вовсю занят своим рулевым ремеслом, после чего спустился в каюту, где позаимствовал его подзорную трубу с письменного стола. Торопливо взбежал по трапу на палубу, вытянул складной тубус и направил объектив на замерший, крохотный силуэт. А он взял и тут же поднял подбородок, словно смотрел мне в лицо. Вот этого человека мы звали Питерсеном; вот его белый священнический воротничок над черной сутаной; от ветра на краю моря волосы трепещут, на них уже нет привычной шерстяной шапочки.

Говорят, люди не обладают памятью на боль. Думаю, то же самое справедливо и в отношении страха. К моменту начала нашего трансатлантического вояжа я успел дистанцироваться от собственной боязни перед «Темным эхом». Видимо, все дело в той прежней, зимней погоде. Зато к тому моменту, когда мы отплыли, оставив сушу позади, наступило лето. Время, которое принадлежит миру света и тепла. Имелись, правда, кое-какие знаки, что не так все просто с этой лодкой и нашими амбициями на ее борту. Оставалась неразгаданной тайна Питерсена, да и про подозрительность и враждебность Сузанны тоже забывать нельзя. И тем не менее, утверждаю я, наша память на страх столь же дырява, как и память на боль. Мы прогрессируем от кротости до нахальства, не задумываясь о выживании или благоразумии, потому что алчем жить полной жизнью и наслаждаться чувствами и приключениями до отказа.

Всерьез к поискам истины по следам Гарри Сполдинга Сузанна приступила в тот день, когда Мартин с отцом покинули саутгемптонскую гавань. «В моей жизни нет места привидениям», — заявила она Мартину перед тайной отлучкой к французской ферме еще в апреле. Но даже весной это была ложь. Сузанну заставили-таки расчистить местечко для призрака в ее жизни. Вынудили. Вот почему она начала верить в их существование. Тут Мартин заблуждался. В это она поверила еще до того, как увидела амбар Пьера Дюваля. И вот почему она боялась, что опасность для Мартина с отцом была реальна.

Еще в марте, по возвращении из Дублина, Сузанна рассказала Мартину о краткой встрече с потусторонним явлением, имевшим место в комнате явочного дома со световым люком. Все поведала, причем без утайки. Однако это было лишь прелюдией, а продолжением она решила ни с кем не делиться. Ее личное привидение пришло к ней несколькими днями позже, одним промозглым вечером, когда Сузанна находилась в месте своего интеллектуального уединения, то есть в кабинетике ламбетской квартиры Мартина. Дождь стучался в оконные стекла наглухо затворенных рам, а оттого в комнатке было уютно. И вот, кстати, почему она тут же поняла, что необычный запах появился вовсе не с улицы. Как бы то ни было, потянуло теплом; создалось впечатление, что этот аромат появляется именно благодаря теплу и отдаленной атмосфере дружеского веселья.

Виновником запаха, который столь удивлял Сузанну, в действительности была смесь ирландского портера и сладкого, крепкого табака. Порой в нем появлялся намек на сапожную ваксу, чистящий раствор для латуни, легкое указание на лакированную кожу и одеколон. А иногда она слышала резкий, отчетливый запах сохнувшей шерсти, словно кто-то только что пришел с мокрых дублинских улиц и уселся перед очагом. Впрочем, сильнее всего чувствовался аромат «Гиннеса» и дыма папирос «Суит Афтон», как если бы кто-то сидел неподалеку и, наверное, рассматривал Сузанну. Такое «привиденческое» внимание ее не путало, но все же она немножко смущалась. Запах появлялся, а потом вновь исчезал. Ощущение человека рядом слабело, таяло, затем и вовсе рассасывалось.

После того первого случая он приходил довольно часто. Она его никогда не видела, но отлично знала. Причина визитов оставалась неясной, а попыток заговорить с ним Сузанна никогда не предпринимала. Как бы

странно это ни звучало, ей казалось, что у него есть право здесь появляться и изучать ее. В конце концов, она-то его изучала, верно? После первого визита ей пришло в голову, что его некогда знаменитая жизнь скоро вновь будет вынесена на придирчивый суд публики, а Сузанна сыграла здесь существенную роль, определяя, какие именно подробности общественность увидит, услышит и узнает. По ходу сбора материалов в ней развилось чувство глубокого восхищения его характером и достижениями, и вот почему — даже не ведая цели появлений — она не боялась этого привидения.

Не ощущалось никакого загробного холода или угрозы. Она знала, что в щедром сердце этого грешного, тщеславного, порой безжалостного человека имелось столько же доброты, сколько у Гарри Сполдинга — зла.

В последний раз он пришел к ней ночью самого унижительного дня в ее профессиональной карьере. К тому же именно в этот день Мартин отправился в Америку, и Сузанна смогла задремать, лишь убаюкав себя слезами. Она проснулась от его присутствия. Во рту стоял гадкий, липкий привкус табака и вина. Глаза жгло. И на нее смотрел кто-то неподвижный, терпеливый.

Сузанну разоблачили на работе. Кто-то из архива выпускников Иельского университета перезвонил по поводу ее запроса и оставил сообщение насчет Сполдинга. Об этом узнал продюсер документального сериала. Сузанне платили из и без того урезанного бюджета на фильм про Коллинза. Ей полагалось разбираться со звонками и электронными письмами от заинтересованной широкой общественности, академических кругов и прессы в отношении тех заявлений, что были сделаны в этом фильме. Ее задачей была проверка всех таких утверждений. Никто не поручал ей никаких иных дел от имени Би-би-си. И уж конечно, ей категорически воспрещалось проводить частные поиски, прикрываясь именем Би-би-си, да еще в рабочее время, оплачиваемое из средств корпорации.

У Сузанны отобрали магнитную карточку от входного замка, аккредитационные корочки и потащили в кабинет босса. Он запер дверь и вылил на голову журналистки весь запас желчи, раздражения и презрения, накопивший за трехмесячный период. Никто из отдела кадров ее не защищал. Она являлась внештатником, а посему рассчитывать на такую помощь не могла.

По словам шефа, Сузанна была небрежна, ленива, глупа, непрофессиональна, и коль скоро на рекомендательные отзывы она теперь может не рассчитывать, то и на новую работу тоже. Кроме того, она

проявила себя бесчестно. Злоупотребление средствами, которые поступали из абонентских взносов телезрителей, сродни хищению. Ведя личные расследования в рабочее время, она тем самым воровала из кармана общественности. В признание этого факта и в наказание за содеянное она не получит заработную плату за последний месяц. И пусть считает, что ей еще крупно повезло. Имелись прецеденты, которые, согласно новой политике Би-би-си, предусматривали передачу таких дел в руки полиции. Высказав все это, шеф потребовал, чтобы Сузанна покинула здание. Говоря точнее, его слова прозвучали так: «А теперь пшла вон, и чтоб духу твоего здесь больше не было!»

Привидение переместилось поближе. Сузанна ощутила знакомый теплый коктейль ароматов, которые призрак приносил с собой. И тут она услышала его голос — впервые за все время.

Он специально подобрал такой момент, подумала она, лежа в темноте и чувствуя привкус застоялого табачного дыма и дешевого красного вина в своем собственном дыхании. Сейчас Сузанна была нищей, безработной и опозоренной. При этом, утверждала ее мрачная убежденность, Мартин также находится в опасности, а средства помочь ему отныне утеряны. Теперь вот и привидение с ней разговаривает с мягким, мелодичным акцентом выходца из графства Корк.

«Вы, конечно, оказались правы. А тот парень — нет. Никогда я не был педерастом».

До этого Сузанна знала, кто он такой, хотя и не наверняка. Зато сейчас все сомнения отпали, и с этого момента она уже не сможет видеть мир прежними глазами. Ее вселенная стала больше, и Сузанна даже вообразить себе не могла, до каких границ она простирается. словно крошечную каморку вдруг взяли и заменили дворцовым залом, увешанным зеркалами.

— Впрочем, я никогда ничего против них не имел. Порой встречаются, знаете ли, на редкость отважные и благородные педерасты. Кейсмент, к примеру. Или Пирс.

— Пирс был голубым?

— Почему голубым? Я бы сказал, что ничего голубого — или там розового — в нем не имелось. Люди, вставшие на путь мученичества, по самой своей природе окрашены в мрачные тона. Я ни разу не видел, чтобы он улыбнулся. Но человеком он был отважным. Хоть и педерастом.

В его голосе читался юмор. Это Сузанне понравилось. Юмор и человечность. Впрочем, было кое-что еще, некий фоновый, непреднамеренный звук.

— Этот парень, который к вам пристает... Как там его... Слайм?

— Смайт.

— Именно. Ему не следует пить и водить автомашину. Или подавать в бухгалтерию чеки за личные расходы под видом представительских. Я имею в виду ту дамочку полусвета.

«Вот был бы номер, если бы ему кто-то об этом сказал», — подумала Сузанна.

— А я уже так и сделал, — сообщил призрак. — Не далее как полчаса тому назад. Он дико перепугался... Сузанна отправляйтесь завтра на работу. Доверьтесь мне. Впредь от этого Смайта никаких неприятностей не будет.

Она поняла, что это за звук: на пол капала кровь из той пулевой раны, что стала причиной его гибели. В воздухе появился слабый медный привкус. Но утром половик окажется чист.

— Больше я помочь вам не в силах, — продолжало приведение. — Будьте начеку с этим Сполдингом. Вы суете руку в корзину со змеями. И все они гадюки.

— Почему вы пришли ко мне? Я не имею в виду только сегодняшний случай. Да, я очень признательна, но все-таки? Почему?

Призрак издал мягкий смешок.

— Не удержался. Ваш облик, Сузанна, приятен глазу. К тому же именно вы, если можно так выразиться, пожаловали ко мне первой. Я и подумал вернуть комплимент. Засвидетельствовать мое уважение. Что я, собственно, сейчас и проделал. — С этими словами он исчез.

На следующее утро, когда Джералд Смайт, продюсер документального сериала «Майкл Коллинз» и шишка в иерархии Би-би-си, вызвал Сузанну к себе, он сидел за столом, практически сливаясь лицом с белыми стенами кабинета. Сузанне вернули ламинированный пропуск. Отдали библиотечную карточку. Из IT-отдела прислали записку, что все ее компьютерные логины восстановлены. Смайт сообщил, что Сузанне подняли расценки за работу и что отныне она подчиняется ему напрямую, но с докладом о работе может подождать еще с месяц. Любые транспортные расходы, которые она понесет в ходе своих исследований, будут возмещаться из аванса наличными. Желательно, конечно, сохранять чеки.

— Конечно.

Укладывая пропуск и карточки в сумку, Сузанна чувствовала на себе его пристальный взгляд, в котором читалась смесь отчаянного любопытства и немыслимого страха. Затем Смайт извинился и выбежал в соседний туалет, где его вырвало. Затем, по слухам, он сразу отправился

домой.

Сузанна вернулась в редакцию и села за свой стол, который освободила прошлым днем. Соседи кидали на нее заинтересованные взгляды. Сама она была уверена в трех вещах. Никто не узнает о тех личных и, возможно, противозаконных оскорблениях, которым Смайт подвергал ее на протяжении нескольких предшествующих месяцев. Никто не узнает истинных причин ее восстановления. И отныне Смайт никогда не позволит себе подлых высказываний в ее адрес. А если хорошенько подумать, то имелась и четвертая несомненная вещь. Никогда больше он не осмелится обманывать бухгалтерию.

Сузанна включила компьютер. Из Иельского архива пришло электронное сообщение. Оказывается, Гарри Сполдинг так и не окончил этот вуз. К концу второго курса его попросили вон. Да, он отлично проявил себя на спортивной площадке и в учебе, однако возникла необходимость отчисления. Причиной стало его членство в организации, «чье существование идет вразрез тем этическим принципам, которыми руководствуется данное учебное заведение и вся наша великая страна, не говоря уже об оскорблении Всевышнего». Название этой возмутительной организации было указано открытым текстом «Иерихонский клуб». Итак, чуть ли не случайно Сузанна узнала тайну. Теперь ей было известно, членами какого сообщества являлись отдельно взятые жители Род-Айленда. Их тайная клика именовалась «Иерихонский клуб». Должно быть, речь шла о филиале Société Jericho на территории Нового Света. Получается, не весь французский экспорт в молодую Америку был столь благотворным и положительным, как, скажем, де Токвиль или Лафайет. Сполдинг захватил свои принципы на фронт, где — как подозревала Сузанна — сумел набрать себе неофитов из солдат. За исключением Дерри Конуэя, разумеется. Его обратить в свою веру Сполдингу не удалось.

Жаль, что погиб судовой журнал «Темного эха». Там наверняка содержался некий компромат. Кое-какие сведения, которые потребовалось скрыть от мира. С учетом, что за Сполдингом и так уже водилась нездоровая репутация, Сузанна не могла себе вообразить, какие такие гнусные факты он хотел спрятать. На протяжении всей жизни он вел себя как человек, который находился вне рамок позора или раскаяния. Но что-то все же имелось в судовом журнале, некая угрожающая ему деталь...

Придется сделать интернет-поиск на предмет «Иерихонского клуба», хотя никакого оптимизма в отношении результатов Сузанна не испытывала. Она считала, что последователей оккультного движения всегда можно поделить на очень серьезных, а потому скрытых

приверженцев, с одной стороны, и легион сумасбродных чудаков — с другой. Люди, открыто обсуждающие в киберпространстве подобные темы, подпадают в своем большинстве под вторую категорию. Однако попробовать все же придется. Перед тем как впечатать ключевые слова, Сузанна достала из сумочки блокнот и записала в нем перечень тех вопросов, которые казались ей наиболее важными. Закончив, она перечитала весь список. Первой строчкой шел Питерсен.

Сузанна узнала от Мартина, что паспорт Питерсена был выдан на фамилию Кардоза. Поиск сведений про «Кардозу и партнеров» ничего не дал. Их мотив участия в аукционе оставался неясным. С другой стороны, Мартин рассказал ей про освящение «Темного эха» в тот несчастный, последний вечер, проведенный в «Мельнице». Интересно, не согласится ли иезуитский священник, монсеньор Делоне, предоставить ей аудиенцию — раз уж он питает такую откровенную симпатию к семейству Станнард? Возможно, он ничего не скажет. Точно так же возможно, что какой-то факт сорвется у него с языка. И вообще нет гарантий, что ему все известно досконально. Однако Сузанна твердо верила, что иезуиты и тайны сочетаются между собой с такой же легкостью, как чай и бисквиты. Или как шлюхи и высокие каблуки. Ни то ни другое невозможно вообразить себе порознь. Имеет смысл попробовать, коль уж иных, более очевидных зацепок не имеется.

Она взглянула на часы. Десять утра. Вынимая блокнот из сумочки, Сузанна мельком заметила краешек красной пачки. Затем подумала про чай с бисквитами. Нет, сладкого ей не хотелось, однако очень потянуло сходить к автомату, налить чашечку чая, выйти с ней на улицу и выкурить сигарету. Она встала. И затем вновь присела, потому что именно так работает наркотическая привычка. Намекает о себе хитрыми мелочами. Сузанна сама установила правило: никаких сигарет до полудня, а сейчас всего лишь десять. Надо держаться.

«Да ну вас к чертовой матери», — буркнула она, решительно поднялась и взяла сумочку. Курительный рацион можно будет урезать, когда Мартин с отцом вернутся из похода. После беседы с призраком Майкла Коллинза не прошло и полусуток. Вот когда Станнардсы окажутся в полной безопасности, тогда можно будет вообще бросить курить. Однако сейчас не тот момент. В такое сложное время подобные амбиции нереалистичны.

Делоне в нортумберлендской семинарии не оказалось. Он находился в иезуитском пансионате в Бармуте с группой послушников и рукоположенных священников. Сузанне пообещали передать ее просьбу

монсеньору и заодно сообщили, что пансионные правила не столь уж строги, если только человек сам не налагает на себя какие-либо обеты. Возможно, Делоне отправился в турпоход на Кадер-Идрис. Или плавает в море. Не исключено также, что сейчас он занят молитвой, хотя на данный час это маловероятно. Сузанне не предложили записать номер мобильного телефона, который священник постоянно носил с собой. Однако — заверили ее — монсеньор обязательно перезвонит, наверное даже, в течение часа.

Затем она с помощью компьютера приступила к поиску сведений про «Иерихонский клуб» — с заранее предвиденными бесполезными результатами. Покончив с этим, Сузанна задумалась над предупреждением, полученным от ее потустороннего визитера прошлой ночью. Он что-то знал об особенностях характера Сполдинга, но откуда могла возникнуть такая связь? Коллинз погиб в конце лета 1922 года, а Сполдинг только спустя год с лишним прибыл в Европу, где начал ярко, с плейбойским размахом прожигать неиссякаемые денежные ресурсы своего отца.

Сузанна принялась анализировать возможные объяснения. Семейство Сполдингов разбогатело за счет банковских операций в Нью-Йорке. К окончанию Первой мировой войны Америка стала богатейшей страной и самым крупным кредитором мира. В 1919 году ирландский президент Имон де Валера назначил Майкла Коллинза на пост министра финансов. Для этого имелась две логические причины. Коллинз отличался удивительными административными способностями, а его безупречная репутация, восходящая к периоду борьбы за независимость, делала его очень подходящим человеком для организации займов, необходимых для рождения новой нации, — причем эти ссуды брались у Америки, то есть страны, идеологически противопоставленной империализму и естественному другу и защитнику любой молодой демократии.

Воодушевившись, Сузанна впечатала две фамилии вместе и выполнила веб-поиск. Пусто. Не испугавшись первой неудачи, она провела поиск среди изображений и, пролистав страниц двадцать, собиралась уже махнуть рукой, как вдруг на глаза попался старый снимок. Группа мужчин в темных костюмах и жестких воротничках стояла напротив нескгибаемого и харизматичного человека, с которым за последние несколько месяцев она познакомилась очень близко. Интерьер помещения также оказался знакомым: величественно убранный зал приемов в дублинском Мэншн-Хаусе. Один из мужчин был худощавым, светловолосым и заметно отличался ростом. Его она тоже узнала, не читая подписи под фотографией.

Внимание Сузанны — причем даже больше, чем сам Коллинз, — привлекла одна деталь, и не только лишь оттого, что речь шла о единственной на снимке женщине. Она сидела за громадной пишущей машинкой позади Коллинза, по правую руку от банкиров, которые, соответственно, от Коллинза находились слева. Майкл добродушно улыбался при виде этого собрания американских капиталистов. Женщина смотрела непосредственно в объектив камеры. А высокий блондин из числа банкиров пожирал машинистку глазами.

Как ни удивительно, на лице этой машинистки играло совершенно презрительное выражение. Волосы ее были коротко подстрижены и отливали глянцем. Глаза под челкой удлинены и по-кошачьи вздернуты к вискам. Резко очерченные скулы и рот, прячущий улыбку над каким-то бунтарским секретом. «Бог ты мой, да она вылитая моя копия», — подумала Сузанна, которая отлично знала, что ее внешность запугивала мужчин чаще, чем привлекала... пока наконец не появился Мартин — в сияющем панцире, с гремящим о ножны мечом, — играя роль благородного рыцаря в момент, когда Сузанна попала в беду на Восточной ветке лондонского метро.

Она прочитала подпись, начинавшуюся словами: «Вчера на заседании нижней палаты парламента в дублинском Мэншн-Хаусе министр финансов Коллинз встретился с финансовыми магнатами Нью-Йорка с целью сбора средств для нового Ирландского Свободного государства».

Далее шло поименное перечисление участников. Гарри Сполдинга в ту пору называли Генри Сполдингом-младшим. Он еще не показал миру свою плейбойскую натуру, не был тем беззаботным, шикарным образчиком «потерянного поколения», каким стал позднее. На снимке Сполдинг выглядел худым, высоким и чуточку неловким. Фотографию сделали до того, как Гарри заматерел на борту «Темного эха», пересекая Атлантику на пути к Ривьере. Здесь он пока что производил впечатление юного представителя нью-йоркской банковской династии: бизнес-подмастерье с выдающимся военным послужным списком. Сполдингу успешно удалось сбросить с себя коварный лик «Иерихонской команды», но он еще не успел приобрести собственный, позднейший облик. Еще не загорел под солнцем, и в нем не читалось ничего декадентского или богемного. В современном разговорном языке его назвали бы просто «пиджаком».

Да, но что там с этой женщиной, чье изображение цвета сепии упорно притягивало к себе взгляд Сузанны? В голову пришла мысль о помощнике редактора, который некогда составлял подпись. Впрочем, тут же

выяснилось, что в те великие времена, когда типографии использовали наборно-литейные машины, а прессы выдавали по пять-шесть выпусков за день, газетчики отличались отменной пунктуальностью.

«Также на снимке: мисс Джейн Бойт, крайняя справа».

На Джейн была белая блузка с многочисленными пуговками и рукавами в три четверти, благодаря чему на запястье можно было разглядеть наручные часы. Сузанна подумала, что в ту пору женщина с часами выглядела, пожалуй, еще необычно. Люди были склонны считать это за принадлежность мужского костюма. В последовавшем десятилетии на такой поступок отважилась бы дама типа Амелии Эрхарт, но и она являлась редким исключением даже в конце двадцатых. А здесь речь шла о девятнадцатом годе. Тогда от леди не требовалось точно следить за временем. И Джейн была настоящей леди, не какой-нибудь там канцелярской девочкой на побегушках. Ее отец держал процветающее дело: строил малотоннажные суда на собственной верфи в ливерпульской гавани. Статус Джейн бросался в глаза: дорогая и модная прическа, нитка черного жемчуга под высоким воротником шитой на заказ блузки — и высокомерное отношение в целом. Сузанна с удовольствием заметила на столе Джейн крупную пепельницу из темного стекла с зубчатым венцом как у крепостной башни. Ее собственная крошечная пепельница из штампованной жести находилась на подоконнике и являлась жалким подобием той роскошной вещицы, которая служила Джейн своеобразной формой заявления о намерениях. Это обстоятельство также бросало вызов общепринятой морали. В 1919 году леди курили, но все-таки не на публике.

Самым важным намеком на положение Джейн Бойт в правящем механизме Ирландского Свободного государства выступал тот факт, что она вообще появилась на этом снимке. Поскольку ее роль не была центральной, да и сидела она сбоку от всех, тогдашний редактор мог бы попросту убрать ее, чикнув ножницами. В случае простой секретарши это было бы логично и неизбежно, однако Джейн сохранилась на фотографии благодаря своему статусу. Ее изображение — тому доказательство. Откровенная публичная демонстрация поддержки дела фениев^[5] в какой-то степени проливала свет на более поздний арест Джейн в Ливерпуле. Но главное здесь в другом нашлось связующее звено между Гарри Споддингем и Майклом Коллинзом.

Сузанна уже собиралась впечатать имя Джейн Бойт в поисковик, когда на столе зазвонил телефон. Это был монсеньор Делоне, иезуитский священник, с которым она никогда не встречалась, но слышала в его адрес

много теплых слов от Мартина. Эти описания всегда носили юмористический оттенок, словно Делоне был неким веселым гигантом из духовенства. Впрочем, сейчас ничего смешливого в его голосе не читалось. Он скорее звучал настороженно, подозрительно. Хорошо еще, перезвонил — и Сузанна поблагодарила его за это. Она извинилась за неожиданный звонок, за то, что прервала восхождение на гору и купание в бармутских водах.

— Ничего страшного, — сказал он, тоном показывая, что все ровно наоборот. — Я ждал, что вы позвоните.

— Вот как?

— Я принял решение, что если это произойдет, то мы встретимся и поговорим. Вас беспокоят Питерсен и тот обман, который с ним связан. Вы считаете, что этот обман может подвергнуть опасности Мартина с отцом на борту яхты.

— И я права?

Пауза на том конце линии.

— Нет, во всяком случае не напрямую, но Магнус Станнارد заслуживает объяснения по поводу питерсеновских дел. Вернее, этого заслуживаете вы троим, раз уж вас всех обманули.

— Меня он обманывал не так уж и долго.

— И тем не менее. Вам причитается объяснение. И, как мне кажется, извинение. И то и другое я хотел бы сделать лично.

Закончив беседу с Делоне, Сузанна провела сетевой поиск на Джейн Бойт. Ничего письменного не обнаружилось, но зато удалось найти еще одну фотографию. На сей раз речь шла о снимке из архива муниципального совета городка Сефтон, а числился он по категории «Туризм г. Саутпорт (наследие)». На нем были изображены двое мужчин в кожаных плащах и перчатках с крагами, которые стояли возле биплана на плотном песке. Один из них носил кожаный шлем и круглые защитные очки, сдвинутые на лоб. Фотографию сделали солнечным, ветреным днем. Детали проработаны хорошо, превосходный контраст. Между улыбающимися летчиками стояла Джейн Бойт. За время, прошедшее с дублинского снимка, она еще больше стала похожа на ту девушку, какой Сузанна запомнила ее по газетной заметке об аресте. Ее идеально подстриженную челку из иссиня-черных волос разметал ветер. Она была одета в кожаную куртку, плотно стянутую поясным ремнем. Сапожки до колен и бриджи. Джейн тоже улыбалась, и зубы ее сияли белизной.

Сузанна присвистнула, словно только что обнаружила, что в прежней жизни была кинозвездой. Сходство настолько поразительное, что она едва

не рассмеялась, чувствуя, как щеки залил румянец. Отличие заключалось в шарме. Джейн Бойт обладала тем нахальным эротическим обаянием, которое — по обоснованным, наверное, причинам — было противопоказано внештатным тележурналисткам Би-би-си в начале двадцать первого столетия. В животе что-то кольнуло, и, сочтя этот знак за позыв голода, она посмотрела на часы. Половина первого. Стало быть, не голод. Это был укол зависти.

Подпись к снимку гласила: «Братья Жиро на летной полосе саутпортского пляжа в компании с мисс Джейн Бойт, авиатрессой из Биркдейла. Канадцы французского происхождения и ветераны Западного фронта, братья Жиро, собрали впечатляющую коллекцию аэропланов, которые сейчас совершают регулярные полеты над лучшим курортом Северо-Запада».

Сузанна сочла несколько несправедливым тот факт, что братьев не назвали по имени. Наверное, оттого, что они были французами и канадцами одновременно, а посему заслуживали дискриминации. Что же касается мисс Бойт, то она была местной. Сузанна выполнила очередной веб-поиск, впечатав ключевые слова «Темное эхо», «Бойт», и на сей раз получила письменную информацию, причем существенную. Она появилась на экране в форме заметки из газеты «Ливерпуль дейли пост» от 27 апреля 1927 года:

«Первоклассный американский яхтсмен Гарри Сполдинг привел свою поврежденную шхуну „Темное эхо“ в Ливерпуль ранним вчерашним утром, продемонстрировав такой уровень мореходного искусства, перед которым даже ветераны восторженно обнажают голову.

Сполдинга застал врасплох крайне жестокий шторм неподалеку от ирландского побережья, когда тот покинул гофтскую гавань, намереваясь дойти до Шотландии и провести там неделю за рыбной ловлей и охотой. Однако его гоночная яхта была отброшена с курса пятидесятифутовыми волнами и восточным ветром, который, по словам синоптиков, достигал 80–90 миль в час.

Известный судостроитель Патрик Бойт из Мерсисайда объявил, что намерен попытаться восстановить пострадавшую шхуну до состояния, которое столь часто позволяло ей выигрывать регаты, проводимые в Соединенном Королевстве, и не только.

Мистер Бойт назвал эту задачу почетной и присовокупил, что уверен: через два месяца „Темное эхо“ будет полностью отремонтирована и сможет приятно удивить эффектного миллионера, который уже успел заработать себе славу за штурвалом».

Стиль заметки напоминал телеграмму, но дело не только в этом. Отсутствовали краски, увлекательные нюансы. Сполдинг, что характерно, вообще не цитировался. Его называли «эффектным», но ведь речь шла о периоде, когда все миллионеры были эффектными по определению. Чего же не хватало в тексте? Да хотя бы упоминаний о его команде. Даже Гарри Сполдингу было бы не под силу провести яхту сквозь столь жуткий шторм в одиночку. Крайне маловероятно, чтобы «Ливерпуль дейли пост» преувеличила буйство стихии, ведь в то время многие читатели газеты сами были моряками. Да и акционеры издания наверняка владели определенным интересом в паевом капитале судоходных компаний. Портовый город процветал именно благодаря морю. Крупной городской газете было бы не с руки обманывать публику, чрезмерно преувеличивая опасности. Стало быть, шторм действительно выдался жестоким. Но не потерял ли Сполдинг кого-то из команды? Любопытный вопрос.

Еще более увлекательной была загадка, чем конкретно он занимался, пока лодка ремонтировалась.

Сузанна вздохнула. Побарабанила пальцами по столу. Сейчас голод давал о себе знать недвусмысленно. Но вот закавыка: какими бы интригующими ни были эти вопросы, они охватывали не всю проблему. На интуитивном уровне Сузанна чувствовала, что между Коллинзом и Сполдингом должна иметься некая связь. И это она уже выяснила, обнаружив связующее звено в образе Джейн. Вместе с обоими мужчинами мисс Бойт присутствовала на заседании нижней палаты ирландского парламента в 1919 году. Восемь лет спустя «Темное эхо» дотащи́лась до верфи ее отца. Это было время, когда успешные ливерпульские бизнесмены строили себе внушительные коттеджи на курортном взморье Саутпорта в восемнадцать милях от перемазанного сажей и окутанного паром города, из которого они извлекали барыши. Джейн Бойт жила в Биркдейле, роскошном пригороде Саутпорта. Гарри Сполдинг провел то лето, наверняка появляясь в тех местах, которые, естественно, должна была посещать и Джейн. И пусть она обладала теми или иными связями в движении фениев, сама Джейн отнюдь не являлась скучным политическим аппаратчиком. Напротив, она была пионером авиации и к тому же

умопомрачительной красавицей. Незамужняя, общительная женщина. Встреча с плеябой по фамилии Сполдинг на каком-нибудь приеме или светском рауте была неизбежна.

И что сие доказывает? Ничего, кроме способностей Сузанны в деле поиска той или иной информации. Очередное подтверждение того факта, что она обладает счастливым даром умело выполнять свои профессиональные задачи, но это никак не могло помочь Мартину с его отцом. Ни на йоту не уменьшились те опасения, которые Сузанна интуитивно питала в отношении яхты Сполдинга и неприветливой водной пустыни Северной Атлантики.

Следовало бы сосредоточиться на Питерсене — единственной реальной зацепке, не говоря уже про встречу с Делоне, намеченную на завтра в Нортумберленде. Семинария расположена у черта на куличках, но Сузанна подозревала, что у нее нет иного выхода, кроме как все же съездить туда и поговорить со священником. После отплытия Мартина тревога лишь возросла. Да, они с отцом превратились в компетентных яхтсменов. Установили на борту всевозможные технические штучки, чтобы позвать на помощь в случае какой-либо серьезной передрыги. К тому же шхуна была невероятно прочна и полностью отвечала мореходным требованиям. В сравнении с ней современные гоночные яхты, которым всеми силами старались уменьшить вес и сопротивление воде, выглядели донельзя хрупкими. И все же Сузанна по-прежнему волновалась — и чем дальше, тем больше. Стало быть, обязательно надо съездить поговорить с Делоне. Вдруг он чем-то поможет или хотя бы немного успокоит.

Сузанна отправилась обедать. Поскольку ей не хотелось потом идти домой, грызть там ногти и слоняться из угла в угол, она решила найти побольше сведений о том шторме, который обрушился на Ирландское море ранним утром 16 апреля 1927 года. Выяснилось, что стихия потопила несколько траулеров из Холихэда и Дублина Возле Дугласа на острове Мэн на сушу выбросило военный корабль. Значительные разрушения береговых построек до Бангора и Каррикфергеса в Ирландии и Уайтхэвена в Англии. По оценкам, погибло более двадцати моряков. Шторм выдался обширным, свирепым и продолжался трое суток. А Гарри Сполдинг успешно его пережил на борту лодки, построенной для увеселений. Сам этот факт много чего говорил о «Темном эхе», но спокойствия не прибавлял. Плохие предчувствия начали терзать Сузанну еще во французском амбаре, который на поверку оказался чем угодно, только не амбаром. И с той поры опасения лишь усугубились.

Сузанна воспользовалась своим счетом в Би-би-си, чтобы оплатить

номинальный сбор за доступ к архивам газеты «Ливерпуль дейли пост». Предметом ее поисков были любые статьи, упоминавшие Сполдинга после шторма. В номере от 2 мая обнаружилось вот что:

«После скандала в ливерпульской гостинице „Адельфи“, который, по словам управляющего, стал следствием неудачного розыгрыша, американского яхтсмена мистера Гарри Сполдинга попросили освободить номер и впредь здесь не появляться.

Ожидается, что мистер Сполдинг переедет в „Палас-отель“ в Саутпорте, чтобы быть поближе к биркдейловскому гольф-клубу, где он регулярно демонстрирует впечатляюще низкие гандикапные очки. Кроме того, ходят слухи, что он зафрахтовал аэроплан из курортного клуба братьев Жиро и теперь с воздуха изучает ту местность, где намерен провести лето.

„Инцидент в гостинице был бурей в стакане воды, — заявил мистер Сполдинг репортеру „Дейли пост“. — И я эксперт по бурям. Меня интересует Саутпорт. Предвкушаю, как буду тратить деньги на Лорд-стрит“.

В результате розыгрыша горничная гостиницы „Адельфи“ получила ожоги и была госпитализирована. Ее выписали на следующий день. Детектив из полицейского управления Ливерпуля взял показания у нее и ночного портье, мистера Теренса Сили. Кроме того, он провел беседу и с мистером Сполдингом, хотя уголовные обвинения, как сообщили нашей газете, против него выдвигаться не будут».

Получается, Сполдинг обладал чувством юмора или, по крайней мере, иронией. В те дни, когда перед заезжим миллионером снимали шляпу и робко переминались с ноги на ногу, этот инцидент был явно экстраординарным событием, раз уж Сполдинга попросили вон. Очевидно, горничной заткнули рот деньгами, хотя ее ожоги наверняка были серьезными, потому что в 1927 году, за двадцать лет до появления национальной системы здравоохранения, простую горничную не положили бы в больницу, если бы на это не имелось веских медицинских показаний.

Сузанна задумалась над тем, как Гарри Сполдинг вообще относился к так называемому прекрасному полу. Ей было известно, что подруга Сполдинга бросила его то ли в Марселе, то ли в Римини — словом, сразу по прибытии в Европу. Но вот сейчас Сузанне пришло в голову, уж не было ли дело ровно наоборот. Основания? Лишь тот пещерный взгляд,

который Сполдинг адресовал Джейн Бойт на снимке совещания с американскими банкирами, которых пригласило в Ирландию правительство де Валера. Не было ли здесь повода для каких-то трений между Сполдингом и Коллинзом? Что, если он подкатил к Джейн с непристойным предложением или сделал жертвой одного из своих розыгрышей? Коллинз славился рыцарством, немедленно вступался за женщин, если усматривал некое оскорбление. Имелось пять-шесть зафиксированных историей инцидентов, когда Коллинз, не раздумывая, бросался на защиту поруганного женского достоинства. Самым знаменитым был случай, когда он чуть было не разбил нос лорду Биркенхеду на приеме в Лондоне по случаю мирных переговоров в 1922 году, вообразив, что тот нанес обиду Хейзл Лейвери, хозяйке дома.

Но это не играет роли, верно? Чем сей факт может помочь Мартину с отцом, если они угодят в переделку на море? Все же Сузанна сочла, что добилась кое-какого прогресса в отношении Гарри Сполдинга. Накапливались подробности, перед глазами потихоньку проявлялась картинка. Вместе с тем придется дожидаться завтрашнего дня и встречи с иезуитом в Нортумберленде, прежде чем можно будет рассчитывать на серьезную подвижку.

Поиск в архиве «Дейли пост» дал лишь еще один кусочек сведений о Гарри Сполдинге. На сей раз речь шла о крошечном сообщении на второй странице новостей:

«Американский плейбой Гарри Сполдинг снял на лето особняк в престижном квартале Роттен-роу в Биркдейле. Эпатажный миллионер мистер Сполдинг ранее проживал в номере люкс близлежащего „Палас-отеля“».

Интересно. Буквально за несколько недель героический яхтсмен, превозносимый за свое спортивное мастерство, опустил в глазах публики до простого плейбоя. Неужели его поведение было столь декадентским? Презрительность буквально сочилась с газетных страниц. Создавалось впечатление, что человек попросту не владеет собой.

Напоследок Сузанна отыскала ту статью, которую уже показывала Мартину несколько месяцев назад: там рассказывалось об освобождении Джейн Бойт из-под стражи. Она распечатала текст и сравнила снимок с той фотографией Джейн, где она в костюме авиатора стояла на пляже между братьями Жиро. Одно из этих изображений было сделано при счастливых и благоприятных обстоятельствах, другое же, в сравнении с ним, напоминало

кадр, тайком вырванный из мрачной киноленты. Джейн смотрелась по-прежнему шикарно и на втором снимке: отлично одета, невероятно привлекательна. Но радость жизни исчезла с ее лица. Сузанна шестым чувством понимала, что нехватка прежнего озорства и нахальства, которые были ранее столь свойственны Джейн, объяснялась не только неприятностями ареста. Женщину, вращавшуюся на политических орбитах вокруг Майкла Коллинза, не запугаешь двадцатичетырехчасовым сидением в ливерпульской каталажке. Джейн была слишком цельной натурой — неунывающая, целеустремленная. Но что-то с ней случилось. Беззаботная искательница острых ощущений, запечатленная в летном костюме, перенесла какое-то ужасное испытание, результат которого оказался крайне мрачным и удручающим.

На борту «Темного эха»

В первые сутки после выхода из Саутгемптона мы отлично вписались в график. К закату яхта преодолела приличную дистанцию от западного побережья Ирландии — последнего перед Америкой куска суши, который остался смазанным пятном над сверкающим морем за кормой. Я стоял у штурвала. Отец расположился на палубе рядом, изучая карту в наступающих сумерках. Развернутый лист он закрепил по углам монетами, перочинным ножиком и латунным карманным компасом и был полностью погружен в дело, не замечая мой пристальный взгляд. Люминесцентное сияние опускавшегося солнца делало его похожим на стареющего киноактера, залитого светом дугового софита. В толстом свитере, с растрепанной ветром шевелюрой и глазами изумрудного цвета под стать епитрахили, в которой Делоне освящал лодку, он выглядел великолепно.

Внешний вид отца не раскрывал всей правды, и вот почему я разглядывал его с таким вниманием. Перед вояжем мы оба прошли обязательную диспансеризацию. В моем случае, подозреваю я, это было пустяшной формальностью, чего нельзя сказать про отца. Богатые люди могут позволить себе рисковать, однако когда риск носит физический характер и принимается по собственному почину, страховщики относятся к таким вещам крайне настороженно. У меня ничего серьезного не обнаружилось, за что, наверное, следует благодарить отца, когда ты занимаешься боксом и позволяешь себе потерять спортивную форму, то на ринге обязательно поплатишься. Мне этого испытывать не хотелось. Конечно, боксировать я давно бросил, но привычка держать форму осталась, да и тренировался я довольно упорно и регулярно. Словом, был здоров и подтянут.

Отец же показал себя не столь успешно. Почему? Да потому, что ему за пятьдесят пять в противовес моим тридцати двум. Он пережил горе, рано потеряв жену, да и сын его тоже оказался, говоря откровенно, разочарованием.

К тому же, как недавно выяснилось, он лишился и новорожденной дочки, а скорбь свою держал внутри. Все это наградило отца гипертонией. Нашлись и ранние признаки диабета. Нет, я не говорю, что он был инвалидом, но без надлежащего отдыха был склонен к быстрому утомлению, а еще имелся риск инсульта.

После медосмотра и диагноза он послушно принимал прописанные пилюли от давления. Урезал рацион виски и портвейна и даже — не полностью, правда, — отказался от сигар. Короче, его здоровье очень уж серьезных опасений не вызывало. Но вот сейчас, пребывая в колышущемся на закате океане, мой отец на самом деле был просто быстро стареющим и подверженным ошибкам человеком, который столкнулся с грозным и непривычным испытанием, несмотря на все свое обаяние и внешность кинематографического бога.

— Ты чего притих, Мартин? — вдруг спросил он, не поднимая головы. — Задумался, как долго твой старик протянет? Сколько еще осталось ждать наследства?

Я рассмеялся. Он не очень-то далек от правды, хотя о деньгах я думал в последнюю очередь.

— Да нет, я просто вспоминал Чичестер. Ума не приложу, отчего ты нашел этот городишко такими, соблазнительным.

Он поднялся на ноги, сворачивая карту. В свете вечерней зари его лицо пылало багрянцем. Наверное, всему виной только закатное солнце. Отец чересчур толстокожий, чтобы испытывать смущение.

— Просто там уютно. Живописное местечко.

— А мне казалось, что Чичестер для тебя слишком степенный и старомодный.

— Ничего подобного. Очень симпатичный город.

— Но все же излишне антикварный и провинциальный, согласишься? Мелочный и... и однообразный?

Он взглянул на меня с прищуром:

— У каждого свое представление о красоте, сынок. Лично я считаю, что Чичестер своим очарованием ни с чем не сравнится. Кстати, мне очень нравится Эдинбург, а Бат я нахожу и вовсе восхитительным.

— Ну-у, сейчас ты уж точно преувеличиваешь.

— Я на пенсии. Должен занять свободное время. Если бы ты женился

на той восхитительной девушке, которая по невесть какой причине к тебе привязана, и создал бы семью, то я поступил бы так, как это принято среди уважаемых людей моего возраста.

— Другими словами?

— Души бы не чаял в своих внуках.

Он развернулся, направился к люку и полез внутрь. Раньше отец никогда не заводил речь о моей возможной семье. Вероятно, откровение про Катерину-Энн вывело эту мысль вперед. Похоже, отец не шутил. Вот почему он ушел вниз: там я не смогу его видеть и изучать. Не питая никакого стыда в отношении тайных свиданий в Чичестере, он вдруг засмутился после внезапного признания, что, дескать, ему хочется внуков, чтобы их любить и баловать.

Я включил авторулевого и поплелся вслед за отцом, несколько оглушенный подтекстом только что произнесенных им слов. И здесь мне показалось, что со стороны кладовки донеслось негромкое рычание, будто там находилась большая и рассерженная собака. Памятуя о псине Сполдинга, я прислушался, замерев на пару секунд. Тоби, вот как звали того бульмастифа со злобным характером. По спине пробежал холодок, когда на ум пришли события в лепском эллинге. Однако ничего нового услышать не удалось: только шипение воды под днищем, плеск небольших волн о носовые обводы да скрип такелажа над головой. Я усмехнулся. Собаки не доживают до девяностолетнего возраста. Должно быть, просто провернулась якорная цепь, что-то в этом роде. Старые суда по определению ведут себя шумно на воде.

Возле двери в отцовскую каюту я задержался. Хотелось продолжить разговор; мне было лестно, что он желал, чтобы я продолжил семейную линию. В нем имелись запасы любви, которые поджидали шанса быть щедро потраченными на моего сына или дочь. Это означало, что отец окончательно и полностью преодолел разочарование из-за моего неудавшегося жизненного выбора. И он хотел, чтобы Сузанна стала матерью его внуков. Я знал, что отцу она нравилась. Пожалуй, он даже любил ее. Сузанна была добра, умна, забавна, независима и к тому же делала его собственного сына счастливым. И еще я осознал, что она была ровесницей его утраченной дочери. Как часто, должно быть, эта мысль приходила ему в голову при взгляде на Сузанну...

Из-за двери доносилась оперная музыка — что-то немецкое, разумеется, — некий Heldenotenor^[6] звучно выводил арию про речную нимфу и так далее, наверняка красуясь в рогатом шлеме и с копьем в руке. По идее, его могучий торс должен распирать накидку из мешковины,

препоясанную ремнем с ножнами. Я потряс головой, скаля зубы, и опустил вскинутый кулак, которым собирался постучать. Пусть его. Еще будет масса времени для обсуждения личных проблем, важных и интимных сторон жизни. Торопиться ни к чему. Компании друг друга на борту этой лодки нам не избежать. Может статься, он вообще пригласил меня в путешествие именно по этой причине — или, по крайней мере, в том числе. Мы были близки. Я был к нему близок, потому как изначально решил с ним не состязаться. Если речь шла о бизнесе, то мой отец, отличавшийся щедростью в любых других вопросах, был настоящим сквалыгой по части времени. Зато сейчас мы проведем множество часов вместе, и я испытывал радость от этой мысли. Словом, спешить не надо, так что я предоставил отца Вагнеру, а сам поднялся обратно на палубу.

Уже стояла почти полная тьма. Погода до сих пор была ясной. Огней других судов я не видел, но, вскинув голову, смог заметить бледное мерцание первых звезд. С практической точки зрения плавание в открытом море требует куда меньше усилий, нежели, к примеру, переход вдоль побережья Ирландии, как мы успели в этом убедиться. Там нас поджидали приливные течения, быстрины, мели и подводные скалы. Большую опасность нес в себе туман, а движение судов было интенсивным. Приходилось смотреть в оба, чтобы вовремя отвернуть от траулеров, которые в предрассветной мгле торопились в порт после ночного лова. С другой стороны, океанский поход, когда ты не видишь сушу и не можешь рассчитывать на ее помощь, сознаешь неизмеримую глубину под собой и полную изоляцию от мира, вызывал психологическое давление, которое с лихвой перевешивало практические аспекты мореплавания.

Переживая в этот миг благоговение под спускающимся занавесом ночного мрака, я также осознал, какую удивительную свободу дает тебе собственное судно. Конечно, речь идет о свободе весьма эксклюзивного сорта. Тут папа с глубокими карманами никак не помешает. Не знаю, есть ли здесь ирония, но в данном отношении я мало чем отличался от Гарри Сполдинга. Заказав постройку этой лодки, Сполдинг обрел свободу, сам себе выписал лицензию на плавание по морям и океанам, на странствия по миру, не отчитываясь перед кем бы то ни было... Богатый чужестранец в самых отдаленных портах и гаванях. Интересно, а что его на это толкало? Потому как здесь вряд ли имела место простая любовь к морю. Что именно Сполдинг делал со всей своей свободой?

Я поежился. Холодно на воде без солнца. А ответ на только что заданный самому себе вопрос очень прост: мы никогда не узнаем. Судовой журнал «Темного эха» погиб, а вместе с ним пропали и надежды на

раскрытие тайн Сполдинга. Я опять поежился, причем не только от ветра с темного моря, который нес с собой прохладу. Я не хотел раскрывать тайны Сполдинга; и без того уже известно, что он был сумасшедшим садистом. Эта яхта представляла собой наследие, которого не заслуживал ее первый шкипер. Мы с отцом обязательно используем предоставленную свободу для куда более невинных целей. И если мы пока что не обрели подлинного права занимать койки на ее борту, то в ближайшие дни точно этого добьемся...

Опять этот проклятый звук. Нечто вроде собачьего завывания. Я попытался убедить себя, что виноват какой-нибудь кит. Тут, знаете ли, киты водятся. И прочие морские млекопитающие, умеющие лаять и вопить, к тому же звуки на воде далеко разносятся и искажаются ветром. Имеются, к примеру, черепахи или тюлени. И все же звук явно доносился из-под палубы, со стороны кладовки для парусов.

Я проверил, как идут дела у авторулевого, затем полез вниз. В моей каюте имелся хороший нож, и я нырнул в нее, чтобы вооружиться. Как-никак услышал я вовсе не крысиную возню, и звук был отнюдь не дружелюбным или благовествующим. Словом, дверь в кладовку я распахнул, сжимая клинок в правой руке. Включил цепочку фонарей в проволочных колпаках, которые осветили низкое, продолговатое пространство. Никакой тебе собаки. Никакого движения; лишь бледные складчатые тюки дакрона, бухты аккуратно свернутых канатов да шкивные тали, свисавшие с крючьев, ввернутых в переборку. Но имелся запах. Кислый и дикий. Воняло псиной, если верить моему носу. В памяти всплыл волчий вольер в Ридженс-парке, неподалеку от футбольных площадок — пока их не сровняли бульдозерами. Точно такое же амбре со стороны зверинца накрывало футболистов при правильном ветре. Я вновь присмотрелся. Большая собака обязательно оставит после себя лохмотья шерсти и слюну, так ведь? Однако ничего не обнаружилось. Я погасил свет, закрыл дверцу на запор. Надо же, как воображение разыгралось...

Но, если честно, мне было не по себе. Вернув нож на место, я постучался к отцу, придумав повод насчет ужина дескать, что следует приготовить? Чего бы ему хотелось поесть перед сном?

Опера разошлась не на шутку. В бокале плескалась очень приличная порция виски. В пепельнице тлела сигара, и воздух в каюте был желтым от дыма. Створки оружейного шкафчика распахнуты. Отец чистил и смазывал свой полуавтоматический карабин, чей затвор в разобранном виде лежал на ветоши. Боеприпасы к винтовкам и ружьям были распаханы по толстым лентам патронташей или просто находились в белых картонных коробках,

сложенных пирамидой. Отец глянул на меня сквозь прорезь прицела и затаился гаваной. Вот так дедушка, нечего сказать.

— Ты что, к третьей мировой готовишься?

— Мартин, готовым надо быть ко всему, — изрек мой отец. — Мы окружены враждебной средой.

— Флаг тебе в руки, — пожал я плечами. Лично мне больше по душе какой-нибудь спасательный плотик.

— Присядь, сынок.

На его щеках и лбу рдели пятна.

— Отец, ты уже пил таблетки?

Он отмахнулся от вопроса, нарисовав в воздухе завитушку ленивого дыма. Кто-то из оперного хора нашел себе особо длинную и прочувственную ноту. Если только не было привидение Сполдингсовой собаки, страдающее по хозяину. Тут яхта напоролась на приличную волну, палуба дрогнула, и мне пришлось ухватиться за край столешницы. С вершины пирамиды свалилась коробка, рассыпав ворох патронов с томпаковыми пулями, которые тут же покатались на пол.

— Я сказал — сядь.

Я послушно подтянул к себе стул и уселся.

— Насчет твоего Чичестера.

— Да я просто пошутил, отец. Бросил парочку намеков, и все. Никакого сарказма. И ты вроде бы добродушно к этому отнесся.

— Тебе надо кое-что знать.

А, он собрался сделать кое-какие признания. Вот уж чего мне не хочется, так это выслушивать исповеди. Хватило откровений насчет Катерины-Энн. Я еще не вполне восстановился от потрясения и не желал никаких добавок из архива семейных секретов моего отца.

— Я ни разу не обманул твою мать. Ни разу, слышишь? Ни в мыслях, ни в поступках я не нарушал свою верность, не предавал ее.

В отцовских глазах стояли слезы. Он глядел на горящий кончик сигары, как если бы яркое свечение табака могло его чем-то утешить. Затем он шмыгнул носом и раздавил окурок о стеклянную пепельницу, что стояла возле груды боеприпасов.

— Возможно, тебе моя романтическая жизнь кажется своего рода инфантилизмом взрослого человека, тем более что, должен признаться, я и сам порой так считаю. Но при жизни твоей матери я никогда не позволял себе ходить на сторону, и, как мне кажется, тебе следует об этом знать.

Отец, который никогда не казался мне инфантильным, но лишь достойным восхищения, плакал. Я встал, обогнул стол, держась подальше

от рассыпанных патронов, поднял его со стула и прижал к себе. Он дрожал на моей груди от скорби по потерянной жене и мертвой дочери.

Семинария представляла собой массивное здание в неоготическом стиле, сложенное из гранита, добытого в скальных карьерах рядом с морем. Ведя взятую напрокат машину по холмистому серпантину, Сузанна сочла это место решительно подавляющим, чему немало способствовала погода. Дело близилось к вечеру, и фары сражались с сумерками. Свет выхватывал блестящие куски щебня, рассыпанного по пустынной дороге. Все казалось нарочно подобранным, чтобы напомнить о незначительности человека. Затянутое облаками небо над башнями здания выглядело широким и сердитым. Сузанна подумала, что краткосрочное жизненное призвание Мартина обладало, надо полагать, очень большой притягательностью поначалу. Лично она согласилась бы жить в таком месте в самую последнюю очередь. Надо быть серьезно предрасположенным к идее служения Господу, чтобы решиться сюда переехать.

Указатель направлял машины к левому торцу семинарии, который выходил на море. Парковка выровнена и засыпана шлаком. Сузанна вылезла из салона и подошла к обрыву утеса. Море выглядело бурным, исхлестанным ветром, и белые гребни угрожающе вскипали на черной воде, чтобы, подрожав минуту, превратиться затем в ни что. Если не считать ее машины, на площадке не имелось обычных легковушек. Три других припаркованных автомобиля принадлежали к классу внедорожников: старенький джип и два лендровера. Все явно накрутили на одомере множество миль. К одному из лендроверов был прикреплен затянутый брезентом прицеп.

В здании горел свет, хотя большинство окон были темны. Кое-где огоньки мерцали, как если бы в комнатах горели только свечи, изливая желтое сияние. Впечатление, однако, было унылым, а вовсе не уютным. Узкие бойницы освещенных оконных проемов и арок ничем не помогали освещению громадного каменного массива. Сузанна бросила взгляд на часы. Еще нет и пяти, пунктуальность соблюдена. Близился самый долгий день в году, и тьма опустится не ранее чем через пять часов, хотя уже сейчас кругом царило нечто вроде сумерек. Не успела она добраться до главного входа, как с неба посыпался холодный и редкий дождь.

Делоне принял ее в своем кабинете. Вопреки ожиданиям, обстановка оказалась не столь уж аскетичной, как могло показаться после перехода по мрачным коридорам и каменным лестницам, которые вели к офисному

крылу. Сузанна никогда бы не нашла здесь дорогу без сопровождающего, семинария оказалась настоящим лабиринтом. В этих стылых, громадных залах она, кажется, лучше стала понимать те — пусть даже немногие — особенности Мартина, которые он никогда не объяснял на протяжении всех их отношений. Это место наверняка было привлекательным для молчаливой и меланхоличной стороны его характера. И скрытности тоже. Эта часть Мартина, куда для нее не имелся доступ, наверняка нашла нечто притягательное в громадной, вытесанной из камня католической гробнице для живых людей.

Зато кабинет Делоне был обшит панелями и радовал глаз мягкой, пышной мебелью. На стенах висели полотна. Их рамы выглядели слишком дорогими, чтобы вмещать в себя простые копии. В комнате ощущался запах от кожаных переплетов тех фолиантов, которыми были уставлены стеллажи. По центру письменного стола располагался ноутбук; имелся также лазерный принтер и интерком. Впрочем, общее впечатление было все же архаичным. Изображения распятого и умирающего Иисуса в терновом венце в свое время встречались повсеместно в христианском мире. В двадцать первом столетии этого уже сказать было нельзя. Однако на рабочем — и, надо полагать, молитвенном — месте Делоне имелось несколько печальных напоминаний о Сыне Господнем, принесенном в жертву ради человечества. В целом кабинет больше напоминал просторную келью из более возвышенной и благочестивой эпохи.

Он поблагодарил бледного послушника, который привел Сузанну, после чего церемонно поздоровался с ней за руку. Как и говорил Мартин, монсеньор оказался гигантом. Ее ладонь буквально утонула в медвежьей лапе, а плечи под сутаной оказались столь широки и плотны, что скорее принадлежали толкателю ядра или штангисту. Но такие мускулы он приобрел вовсе не в спортзале, в этом Сузанна не сомневалась. Он был одним из тех богатырей, что появлялись на свет очень крепкими. Его будущая физическая сила еще в утробе матери сформировалась из чего-то крошечного и неосязаемого. Слово, которое приходило на ум, носило несколько архаический оттенок, по крайней мере в глазах Сузанны. Но при этом было точным. Вот оно: «могучесть». Монсеньор Делоне был могуч. Однако рукопожатие оказалось осторожным, да и манера держаться чуть ли не сконфуженной.

Напротив его стола находился кожаный диван, к которому Делоне и подвел Сузанну. Он принял плащ и повесил его на вешалку в углу комнаты. Жестом пригласил располагаться, но сам садиться не стал, а для начала спросил, не желает ли гостя чаю или кофе. Сузанна вежливо

отказалась. Тогда он предложил воды и, когда она согласно кивнула, налил ей стакан из графина, что стоял на круглом столике. После этого встал напротив, заложив руки за спину. Сузанна отпила глоток. Вода оказалась ледяной. Наверное, из колодца — в таких местах принято иметь собственный источник. Здесь не пьют минералку из бутылок, которые месяцами стоят под люминесцентными лампами круглосуточных магазинчиков.

— Спасибо, что согласились меня принять.

— Когда вы услышите мой рассказ, то увидите, что это наименьшее из того, что я мог для вас сделать.

Она отпила еще один глоток, раздумывая над тем, до какой степени ужасной может оказаться обещанная повесть. Сигареты остались в бардачке автомобиля. С другой стороны, в церквях курить не разрешается. К тому же Сузанна плохо знала приличествующий такой okazji протокол. Здесь все может носить церковный характер, подобно тому, как посольства сохраняют за собой статус суверенного государства.

— Могу ли я обращаться к вам по имени?

— Разумеется, монсеньор Делоне. Я была бы этому только рада. И мне очень хотелось бы, чтобы вы рассказали мне правду о человеке, выдававшем себя за Питерсена.

— Сузанна, он один из нас.

— Представитель католической церкви?

— Священник.

— Он не очень-то походил на священнослужителя.

— На то были свои причины.

— К примеру, он прекрасно разбирается в судостроении.

— Это верно.

— Знаете, я, пожалуй, выпила бы кофе.

— Кстати, здесь можно курить.

— Черт возьми... Прощу прощения. С ума сойти. Я свои сигареты в машине оставила.

— Возможно, — улыбнулся Делоне, — вас немного шокирует новость, что здесь есть священники, которые подвержены этому греху. Я к тому, что, пожалуй, мог бы стрелкнуть для вас пачечку «Мальборо лайтс».

Питерсен, чье настоящее имя было Шин Макинтайр, происходил из бостонских ирландцев и до сорока пяти лет даже не задумывался над возможностью ступить на религиозную стезю. На протяжении пяти поколений деловое поприще его семьи касалось рыболовного судостроения. Он нарушил традицию и начал строить гоночные яхты,

потому как еще в юности, занимаясь этим спортом, понял, что любая яхта, к модернизации конструкции которой он прикладывал руки, оказывалась более быстроходной и маневренной.

Верфь Макинтайра процветала. Шин увенчал два десятилетия бизнес-успеха, купив круизную яхту в качестве подарка на собственный сорокалетний юбилей. Когда она неделей позже налетела на риф возле Багамских островов, его супруга и четырнадцатилетний сын погибли, потому что Шин, стоявший в тот день за штурвалом, выпил чуть ли не пинту белого рома. Макинтайра подняли из воды через четырнадцать часов после крушения. Он бредил, но к тому времени успел протрезветь. Месяцем позже он поступил в семинарию, решив сделаться священником.

— Зачем же он притворялся Питерсеном? — спросила Сузанна.

— Потому что ему приказали, — ответил Делоне, не прятаясь лишь невероятным усилием воли. — Да, приказали. Во искупление греха.

— Мне кажется, монсеньор, вам следует объясниться подробнее.

Делоне стоял возле арочного окна, плохо пропускавшего свет из-за толстого свинцовистого стекла. Четыре таких окна украшали наружную стену комнаты, но даже сообща они давали недостаточное освещение. А впрочем, погода на улице стояла мерзкая, и Сузанна слышала стук дождевых капель, бросаемых ветром.

— В сентябре тысяча девятьсот семнадцатого года пехотный капитан по имени Гарри Сполдинг похитил из Руанского собора нечто чрезвычайно ценное. Это нам известно потому, что один из людей, охранявших эту реликвию, не погиб при нападении.

— И что было похищено?

— Реликвия, доставленная из Палестины во время Первого крестового похода. Ее перевезли во Францию, опасаясь, что Рим может ее продать, чтобы заручиться поддержкой тех или иных монархов в момент великой папской схизмы. Эта вещь числится среди наиболее важных реликвий всей истории Церкви. И Сполдинг ее успешно украл.

— Ради наживы?

— Ради власти. Ибо осквернение этой святыни дало бы ему козырь для совершения сделки с самым страшным нашим врагом с момента грехопадения. Вот почему он ее похитил.

— И вы подумали, что Макинтайр, притворившись Питерсеном, сможет отыскать ее на борту «Темного эха»?

Делоне улыбнулся:

— Вы очень сообразительны, Сузанна.

— Нет-нет... Потому что на самом деле я в растерянности. Если бы

реликвия была для вас столь важна, фирма «Кордоза и партнеры» гарантированно выиграла бы аукцион на верфи Буллена и Клоура.

Делоне повернулся к окну и дождю. Голос прозвучал мрачно:

— Так ведь мы и выиграли. При всем уважении к мистеру Станнард, у Ватикана очень глубокие карманы. Но то ли аукционист был некомпетентен, то ли пьян... Словом, молоток ударил по конторке слишком рано.

— А кто такие «Мартенс и Дегрю»?

— Вы слышали про «Иерихонский клуб»?

— В самое последнее время — да.

— Они и есть продолжатели дела «Иерихонского клуба», только иными способами. Вернее, под иным именем, поскольку способы не изменились.

— Почему вы решили все это мне рассказать — да еще только сейчас?

Он обернулся:

— Несколько дней тому назад я и сам ничего из этого не знал. Ничего ровным счетом. В тот день, когда я по просьбе Магнуса Станнарда благословил «Темное эхо», Мартин за ланчем рассказал, мне про Питерсена. Магнус был уверен, что здесь речь идет просто о слегка помешанном любителе яхтенного спорта, но затем Мартин упомянул Сполдинга. Это имя вызвало во мне смутные, но неприятные ассоциации. Я направил несколько запросов кое-каким знающим людям в Риме. И мне рассказали то, что я только что изложил вам.

— Да, но разве с вас не взяли слова держать тайну? — Раньше Сузанна полагала, что такой вопрос можно задавать лишь в ироническом ключе. Нынче же она сама убедилась, насколько была не права.

— Да, я принес клятву хранить молчание на эту тему. Затем принял решение ее нарушить.

— Почему?

— Отец Макинтайр не нашел на борту «Темного эха» искомую вещь. Он уверен, что там ее вообще нет. Однако «Мартенс и Дегрю» до сих пор могут считать обратное. И эти люди не остановятся перед пиратством.

Сузанна осмыслила услышанное.

— Монсеньор, при освящении лодки... Она не показалась вам... зловещей?

Делоне улыбнулся, разглядывая пол, затем вскинул глаза на Сузанну. Постучал по оконному стеклу. Кулак священника был огромным, и стук глухо отозвался в тишине комнаты.

— Порой и море за стенами нашего приюта можно назвать

незловещим. А иногда оно ярится. Его мощь прибывает и убывает... Что ж, по крайней мере, когда я был на борту «Темного эха», яхта никому не угрожала.

— Не могу поверить, что вы позволили им выйти в плавание.

— Так ведь до отплытия я ничего не знал. С Мартином мы вообще не встречались добрый десяток лет. Звонок Магнуса был как снег на голову.

— Да будет вам, монсеньор, — улыбнулась Сузанна. — Разве можно считать, что люди поступают совершенно неожиданно?

— Сейчас не время пускаться в теологические дебаты, — ответил Делоне. — Мы встретились не для обсуждения предопределенности человеческих судеб. Я нарушил свою клятву, чтобы изложить вам то, что мне стало известно.

— Но только после моего звонка. Как снег на голову.

— Меня беспокоило их благополучие, и тревога лишь возросла, когда я узнал новые обстоятельства. Я бы и сам позвонил вам, Сузанна. Уже решился на это. Просто вы меня опередили.

Она поверила.

Сузанна быстро произвела кое-какие подсчеты в уме. Сейчас Мартин с отцом находятся в трех, может, и четырех сотнях миль от западного берега Ирландии. Если запланированный курс не изменился, то яхта движется на запад. Далее, монсеньор не рассказал ничего, что бы могло убедить Магнуса повернуть назад. Даже наоборот, коль скоро Макинтайр выяснил, что оскверненной реликвии Сполдинга на борту не имеется. А в ответ на предупреждение о возможном пиратстве со стороны «Мартенса и Дегрю» отец Мартина наверняка ответит; «Пусть только попробуют». Он захватил оружие на борт и был опытным стрелком. Речь шла о человеке до того упрямом и воинственном, что он, пожалуй, с нетерпением стал бы поджидать пиратского нападения.

Сузанна поднялась, собравшись уходить.

— Мне не кажется разумным уезжать до утра, — заметил Делоне.

— У вас есть комнаты для женщин?

— Мы сами выбираем своих гостей и имеем для этого все возможности.

Сузанна посмотрела на часы. Едва перевалило за семь вечера. Снаружи мрачное небо осыпалось нескончаемым дождем. Сузанна уже успела забронировать для себя номер в сельской гостинице на краю деревушки Холберн. Туда ехать всего-то миль восемь. Интерьер постоянного двора выглядел очень уютным — по крайней мере, на картинках с веб-сайта. Сегодняшняя поездка заняла почти весь день, и она

очень утомилась. Хочется побыстрее лечь спать и пораньше встать завтра.

— А почему вам это не кажется разумным?

— Интуиция, — ответил Делоне. — Имеет смысл дожидаться утра. Здесь вам будет комфортно.

— Ничего, я рискну, — возразила Сузанна.

— Что ж, не смею настаивать.

Делоне снял ее плащ с вешалки, помог надеть, затем проводил Сузанну до выхода из семинарии. По пути, проходившему сквозь сумрачные каменные коридоры и залы здания, оба хранили молчание. Впрочем — по крайней мере, для Сузанны, — это молчание было вполне уместным и не вызывало чувства неловкости. Все, что надо было прояснить, уже сказано. Ей понравился монсеньор Делоне, несмотря на огорчительную подоплеку его слов. Он нарушил клятву, чтобы сообщить эту информацию. Решился согрешить во имя дружбы, верности и инстинкта защитника. Она подозревала, что Делоне любит Мартина. Наверное, если бы не выбранное жизненное поприще, из него получился бы совсем другой отец, нежели Магнус Станнард. Основой Делоне была его сила, его могучесть. Он был очень силен, а посему мог позволить себе выражать нежность и ласку, не опасаясь показаться слабым. Разумеется, священнику вообще не надо беспокоиться о том, впечатляет ли людей его характер, но Сузанна подозревала, что Делоне было далеко не все равно. Да, он обладал силой исполина, но самой слабой его стороной было тщеславие.

Она выбежала из парадного входа семинарии, прикрыв голову плащом. По пути к машине под ногами пронзительно скрипели мокрые катшки шлака. Здесь, на вершине берегового утеса, погода казалась скорее октябрьской, а не июньской. Сузанна поежилась и открыла дверцу машины, в очередной раз задумавшись о капризной природе моря, которое кипело на камнях у подножия. Вновь и вновь ее мучила мысль: как там Мартин с отцом? Она не верила, что «Темное эхо» изначально носит в себе зло. Чего не скажешь про ее первого капитана. Гарри Сполдинг был испорчен и практиковал черную магию с детства. Можно ли считать зло заразным? Может ли враждебность пропитать шпангоуты старой гоночной яхты?

Сузанна так не думала, даже несмотря на тайну братьев Уолтроу и смерть Габби Тенча. Однако угроза все же имелась, она сама испытала это чувство во французском амбаре. Опять-таки, нельзя забывать о предупреждении, с которым пришел к ней призрак... Не закрывая дверцу, Сузанна сидела за рулем, уставившись в бездну за краем поросшего редкой

травой утеса, и раздумывала над тем, куда ведет цепь логических умозаключений. По всему выходило, что гибельное влияние Гарри Сполдинга до сих пор действовало из-за того, что украденная реликвия по-прежнему оставалась оскверненной.

Отсюда вытекал вопрос можно ли окончательно считать, что Сполдинг мертв?

Когда она повернула ключ зажигания, стрелки показывали двадцать минут восьмого. Казалось бы, ранний июньский вечер, но погода на нортумберлендском взморье была столь хмурой, что Сузанне пришлось на всякий случай включить фары. Автомобиль она вела аккуратно, хотя и не видела встречных машин по дороге, которая направляла ее к деревушке и встрече с тушеной бараниной под стаканчик каберне-совиньон. Через некоторое время шоссе превратилось в усаженную деревьями аллею. Ветер вздыхал в кронах, забрызгивая лобовое стекло каплями. Сузанна рефлекторно включила «дворники». А заодно и магнитолу.

Громкость оказалась выставленной настолько высоко, что салон задрожал от рева баллады про любовь, которая ломается. Сузанна нагнулась вбок и вперед, ткнув пальцем в кнопку выключения, и в этот момент на нее обрушилась лавина стеклянных осколков от лобового — и, по идее, небьющегося — стекла. Крыша над головой резко прогнулась. Сузанна подняла лицо: в тонком стальном листе отпечатался глубокий след толстого древесного ствола. Еще секунда — и она будет расплюснута в лепешку.

Сузанна мигом расстегнула пряжку ремня безопасности и скользнула на пол, силясь сжаться в крохотный комок в надежде, что сминаемая машина ее все же не раздавит. Со стороны пассажирского сиденья донесся скрежет раздираемого металла. Она стремительно обернулась и увидела две громадные ладони, срывающие дверцу с петель. Темная кровь текла из рук, располосованных остатками стекла в оконном проеме. Толстые пальцы побелели от невероятного напряжения, но тут петли поддались, дверца слетела, и в салон пролезла голова Делоне. Не говоря ни слова, он схватил Сузанну, как марионетку, и выдернул из машины, которая в следующее мгновение сложилась под тяжестью упавшего дерева.

Делоне на руках донес девушку до своего лендровера и усадил на пассажирское сиденье, пока она переводила дух и приходила в себя. Затем, свинтив колпачок с небольшой фляжки, он протянул ее Сузанне, и она успела заметить, что священник держал фляжку кончиками пальцев, чтобы не замарать ее кровью. Она сделала глоток. Внутри оказалось виски, чье тепло и крепость пришлись как нельзя кстати.

— Так вы, получается, за мной следили...

— Из осторожности.

Его глаза обшаривали дорогу, на которой лежал автомобиль, сплюснутый до самой подвески. Одна из шин лопнула. Из-под днища растекалось то ли масло, то ли бензин, затягивая лужи радужной пленкой, тусклой в сумеречном свете.

— Вы пытались меня предупредить...

— Интуиция.

— Мне кажется, Гарри Сполдинг никогда не умирал.

Делоне на секунду замер. Затем, взяв из багажника лендровера какую-то холстину, он разорвал ее на полосы и принялся перебинтовывать руки. Приняв фляжку от Сузанны, священник сделал пару щедрых глотков, затем отдал виски обратно. Поверх сутаны у него была надета ветровка с капюшоном, хотя волосы все же успели вымокнуть и прилипли ко лбу. Минуту назад, когда он просунул голову сквозь ветки, разбившие дверное стекло, то показался Сузанне копией тех трактирных вывесок, где изображают язычников. Не священник, а просто леший какой-то.

— Я обязана вам жизнью.

Сузанна знала, что готова рассказать этому человеку все, что угодно. Виноват, конечно, шок. Делоне же просто кивнул, смаргивая воду. Затем он забрался на водительское сиденье и принялся крутить руль, нещадно бросая машину из лужи в лужу на обратном пути к семинарии.

Поскольку не было сил думать о случившемся, короткую поездку Сузанна провела в догадках, на что будет похожа ее гостевая комната. Наверняка для женщин у них имеется нечто совсем иное, нежели просто монашеская келья. Ей представилась спальня красавицы в духе живописцев-прерафаэлитов типа Милле или Артура Хьюза. Гобелены, витражи. Ложe с балдахином. Колодезная вода в серебряном кувшине... Если ей захочется музыки, то придется освоить игру на арфе, которая должна стоять где-то в углу. А может, там на стене висит лютня?

Смешливость, вызванная нервным шоком, не проходила до тех пор, пока Сузанна не угостилась поистине великолепной тушеной говядиной, которую ей подали в гостевую комнату, хотя здесь, скорее, подошло бы слово «покои». Комфортабельная мебель, все на месте. К мясу принесли и вина, а хлеб оказался до того вкусным, что его явно испекли этим утром непосредственно в семинарии. Гостиная была оборудована телевизором со спутниковой антенной и компьютером с Интернетом. О характере ее нынешнего местопребывания напоминала лишь одна-единственная деталь: на стене гостиной висело крупное распятие с бронзовым Христом, чьи

руки и ноги были прибиты к кресту из темной твердой древесины.

Но это только к лучшему. По мере того как возвращалось спокойствие, Сузанне все больше и больше нравилось место, в котором она очутилась, и настенное напоминание о текущем окружении. Укладываясь на ночь и выключив свет, она будет признательна за то, что находится под защитой священной твердыни.

— Вы ничего не потеряете, уехав утром, когда станет совсем светло, — напомнил Делоне.

— Я обязана вам жизнью, — повторила Сузанна.

— Жизнью вы обязаны Господу, — возразил Делоне. — Впрочем, спасибо, Сузанна. Я достаточно тщеславен, чтобы принимать любые комплименты. — Она рассмеялась, хотя и так уже знала об этом. — И что вы теперь намерены делать? Собираетесь пойти по следам Сполдинга? Я смотрю, вас ничем не остановишь. — Сузанна кивнула. — Кстати, я пытался до них дозвониться. Думал воззвать к их благоразумию и убедить вернуться.

— Вот уж вряд ли, — сказала Сузанна.

— Ничего у меня не вышло, звонок не проходит. У нас есть и спутниковый телефон, но все равно не получается.

— Монсеньор Делоне, я собираюсь в Саутпорт. Сполдинг там некоторое время жил. Очевидно, по какой-то веской причине. Подобно вам, я тоже обладаю интуицией... Да, вы правы. Я открываю на него охоту. Потому что не могу сидеть сложа руки... иначе я просто сойду с ума.

— В таком случае Богом заклинаю: езжайте поездом.

— Да у меня так и так нет выбора, — расхохоталась Сузанна. — Прокатная машина вряд ли уже стронется с места.

Делоне непринужденно отмахнулся. Руки его по-прежнему были перевязаны; запекаясь кровь проступала сквозь импровизированные бинты.

— Я поговорю с этой фирмой, они поверят слову священника. Возможно, вам придется ответить на их телефонный звонок и подписать кое-какие бумаги, но я помогу. Кстати, один из наших послушников подбросит вас до станции завтра утром.

— Мой саквояж остался в багажнике. И ноутбук там же.

— Хорошо, сейчас я попрошу кого-нибудь съездить за вашими вещами. Наши новички спят и видят, кому бы оказать услугу. — Он подмигнул.

Повинуясь безотчетному импульсу, Сузанна обняла священника.

— Ну вот, — сказала она.

Делоне взял ее лицо в ладони и поцеловал в лоб.

— Ну вот, — улыбнулся он.

Оставшись в гостинной в одиночестве, Сузанна, несмотря на сонливость, включила компьютер. Вошла в Сеть и вызвала на экран новостную страницу Би-би-си, где нашла сообщение о буре, которая накрыла северо-восток Англии. Только сейчас ей в голову пришла пугающая мысль, что они со священником даже не обсуждали причину недавнего происшествия. Но ведь во время бури деревья падают? Так отчего бы и не на машину? Конечно, в отличие от Делоне перед этим она слышала ту песню по радио. Сузанна выключила магнитолау буквально за миг до аварии.

Сузанна вошла в свой электронный почтовый ящик. Непрочтенных сообщений не оказалось. Она вызвала адрес Мартина и напечатала одно предложение: «Я занялась расследованием Гарри Сполдинга».

На борту «Темного эха»

Вот уже третьи сутки мы плывем в океане. После выхода из Саутгемптона яхта покрыла почти девятьсот миль со средней скоростью двенадцать узлов. К этому моменту мы находились на середине Атлантики, где царил весьма приличное волнение и ветер около тридцати узлов. Каждая четвертая или пятая волна перекачивала через нос. Солнце шло на покой, и в последних лучах вода отливала зловещим, багровым глянцем. Я продрог и промок, хотелось выпить чего-нибудь горячего, но отец на палубе не показывался. Я вообще его не видел последние несколько часов.

Два минувших дня он провел в основном в своей каюте. Наверное, удивляться тут нечему. Яхтенный вояж превращается в нудное занятие, когда не на что смотреть, кроме как на безбрежную поверхность бурлящей воды. У него в каюте было тепло, сухо, уютно, и если в свободное от вахты или камбузных обязанностей время он предпочитал находиться там, что ж, на то у капитана и привилегии. Однако у меня имелось подозрение, что он запирался на ключ. А когда я порой прислушивался, замерев возле его двери, то за шелестом днища о воду, за стоном и скрипом рангоута и хлопаньем парусов на ветру мне чудилось, что в каюте отца звучит оперная музыка. Очень тихо, создавая как бы фон, — и на этом фоне отец все время сам с собой о чем-то горячо спорил.

Насквозь промокнув и в раздраженном состоянии духа, я включил авторулевого и спустился вниз, на ходу стягивая штормовку со свитером, обтерся полотенцем, после чего отправился на камбуз сделать чашку какао. Напиток я забрал к себе в каюту и там обнаружил новое электронное

письмо, автором которого была Сузанна.

Интернет-канал небольшого белого ноутбука иногда работал, а иногда нет. Предполагалось, что он способен функционировать в любой точке земного шара, однако возникало впечатление, что посреди океана существуют некие слепые проплешины, которые не хотят пропускать сигнал. Может, все дело в каких-то там электромагнитных полях. Или в атмосферных явлениях. А может, помехи устроили специально, например, с борта подводной лодки или военного корабля неподалеку от нас. Конечно, холодная война давным-давно закончилась, однако ни для кого не секрет, что супердержавы до сих пор разыгрывали партии своих враждебных психологических игр.

Я уселся за стол, прихлебывая из чашки. Сузанна буквально только что отправила письмо и, наверное, до сих пор сидит в Сети. Я открыл сообщение, в котором обнаружилась только одна строчка.

«Я занялась расследованием Гарри Сполдинга».

Мои пальцы застыли над клавиатурой. Снаружи доносился вой ветра, нечто вроде кошачьего концерта. Сегодняшняя ночь выпадет нелегкой. Пожалуй, самой сложной из всех, что нам довелось до сих пор пережить.

«Вот как? И что ты обнаружила?»

Я щелкнул кнопку «Отослать» и подождал с минуту. Какао оказалось не столь уж удачным, как мнилось в те полчаса, пока я решал, стоит ли оставить штурвал и отправиться на камбуз. Напитки вообще склонны не получаться, когда готовишь их сам. Куда приятнее принять чашечку из чьих-нибудь заботливых рук.

«Лето 1927 года он провел в Англии. Снял особнякна Роттен-роу в Саутпорте, пока его яхта проходила ремонт в Ливерпуле. Записался в авiakлуб, который держал один из ветеранов войны. Играл в гольф. И много развлекался».

Сузанна очень талантлива по части своей профессии. Она умна и настойчива. С другой стороны, за это расследование никто ей не заплатит. Интересно, зачем она тратит на это время?

«Напоминает Джея Гэтсби англофильского разлива».

Я щелкнул «Отослать». Ответ пришел через несколько секунд.

«Не вполне. Гэтсби был всего лишь бутлегером. Гарри Сполдинг же — дьявол во плоти».

Тут экран моего ноутбука опять застыл. Я выключил питание и осушил чашку. Чем до сих пор так занят отец? Я встал, подошел к двери его каюты, вскинул руку, чтобы постучать, — и пару мгновений помедлил. Кажется, изнутри доносится очень тихая музыка. По спине пробежала

холодная дрожь от знакомой мелодии: «Когда ломается любовь».

— Заходи.

Но ведь я еще не успел постучаться. Между костяшками и полированным ореховым деревом створки оставался зазор с добрый дюйм.

— Я сказал заходи, Мартин.

Он сидел за столом спиной ко мне. В воздухе стоял необычный запах. Понятное дело, табачный, но я не узнал богатого аромата отцовских гаван. Пахло крепкими турецкими сортами. Музыка остановилась. Каюта обладала также интересной особенностью: здесь как-то приглушалась акустика, заставляя морской рокот снаружи звучать отдаленно и глухо. Предметы в табачной дымке вроде бы немножко дрожали, затем успокаивались, но упорно не желали попадать в фокус. Стволы ружей и винтовок словно набухли и воинственно посверкивали за стеклом. Ранее бледные роговые рукоятки ножей на противоположной стене вроде бы пожелтели, словно пропитались никотином. Мне отчего-то не хотелось, чтобы отец поворачивался. Возникло очень сильное, пусть и кратковременное, желание не видеть выражение его лица. Затем это странное опасение прошло, и он действительно обернулся. Выглядел отец усталым и рассеянным, как если бы его заставили покинуть ментальное убежище, где предпочитали прятаться его мысли.

— Что тебе нужно?

— Отец, чем ты тут занимаешься?

— Сочиняю письмо, которое никогда не напишу и не отправлю.

— Для матери?

— Нет, сегодня не для нее. Это письмо адресовано твоей сестре. Катерине-Энн.

Я кивнул, не испытывая никакого удивления. У отца сейчас настроение как у человека, обитающего среди мертвецов. Я повернулся, закрыл за собой дверь и, вернувшись в свою каюту, опять натянул мокрый свитер со штормовкой, затем вылез на палубу, чтобы встать у штурвала, поджидая яростное нападение ночного шторма.

Девять часов подряд я сражался с морем. К моменту, когда облачность на следующее утро разошлась и вновь вернулось затишье, солнце стояло уже довольно высоко. Я снял показания приборов и выяснил, что мы удалились от дома на тысячу двести миль. Шторм закинул нас еще глубже в дикую пустыню Атлантики. Полуживой и оглушенный, я продолжал нести вахту у штурвала. Просыхающую щетину на физиономии усыпали кристаллики соли, а зрение уже начинало выкидывать фокусы, утомившись от постоянной пляски окружающего мира. Наконец меня попросту

вырывало, но не от качки, а из-за дикой усталости. К этому моменту в моем желудке не было ничего, что могло бы составить компанию порции желчи. В памяти всплыла Сузанна, и я задумался, что именно она имела в виду, когда мы обменялись несколькими короткими сообщениями в ходе нашей преждевременно прерванной переписки. Перед глазами маячил Гарри Сполдинг в золотом сиянии саутпортского лета. Единственное, что я знал про тот город, так это историю о давно снесенном «Палас-отеле». Громадное здание в неоготическом стиле поблизости от Биркдейла облюбовали привидения — по крайней мере, если верить местным слухам. Рабочие, занимавшиеся сносом гостиницы, слышали шум поднимавшихся и спускавшихся лифтов по истечении долгого времени после полного отключения электричества. Не посещал ли Сполдинг рестораны «Палас-отеля»? Может, попивал коктейли на одной из залитых солнцем террас? Должно быть, даже танцевал в главной зале, гипнотизируя местных красавиц своей улыбкой — оскалом убийцы с белым галстуком-бабочкой. Практически наверняка.

Я дернулся, выбитый из раздумья, вернее даже дремоты, которая крайне опасна за штурвалом. Где отец? До сих пор скорбит внизу и предается воспоминаниям, увенчавшись нимбом табачного дыма под стародавние напевы? Я включил авторулевого. Отчаянно тянуло в сон, можно сказать, я чуть ли не галлюцинировал от усталости. Кстати, а что выбило меня из дремоты? Вернуло в состояние полного бодрствования? Плач младенца? Да нет, конечно, все дело в чайках... Но какие чайки могут быть в середине океана? Я обвел небо глазами. Пусто. И на рангоуте не сидит ни одной птички. Внизу я постоял возле двери в отцовскую каюту. Он опять что-то бормотал себе под нос. Угрюмый и неприязненный монолог. В голосе напрочь отсутствовали мягкие ноты. Похоже, он уже перестал общаться со своей потерянной, драгоценной дочерью. А я умирал от усталости. Словом, я просто поплелся к себе, пока мой разум сам с собой дебатировал вопрос: что страшнее — вой призрака собаки или плач младенца-привидения? Потому что я наконец решил, что это все-таки был младенец. Чем-то страдающий и невидимый. Я не самый большой любитель собак и, наверное, поэтому вообразил себе, что плачущая кроха могла быть моей младшей сестрой, вызванной из небытия. Зловещая и пугающая мысль. Я кое-как стянул одежду и, повалившись на койку, погрузился в забвение.

Сузанна прибыла в Саутпорт к четырем часам дня. Апокалиптическая погода осталась позади экспресса, с грохотом унесшего ее на юго-запад. К середине утра за окном появились поля, усыпанные пшеничным и рапсовым золотом, напомнив ей, что сейчас все-таки июнь. Пересадку пришлось делать дважды. Саутпорт уже не был тем курортом, чья слава гремела в Викторианскую эпоху, когда в город один за другим прибывали поезда, набитые воскресными экскурсантами из Шотландии, Ланкашира, Йоркшира или промышленных районов Мидлендса, «черной страны» с ее рольными шахтами и сталелитейными заводами. Канул в прошлое и статус кичливого местечка для богачей, который Саутпорт приобрел себе в двадцатые годы. Знаменитый открытый плавательный бассейн в стиле ар-деко давно снесли, построив на его месте раздутый торговый центр, увешанный вывесками дисконт-магазинов. И следа не осталось от роскошного «Палас-отеля», где некогда обитали привидения. Даже Лорд-стрит, впечатляющий бульвар с эксклюзивными бутиками, и тот пребывал в упадке. То и дело глаз натывался на прорехи в сплошном навесе, который прикрывал тротуар на добрую милю. А у входов в парочку ювелирных салонов поярче и побогаче дежурили охранники.

Все это Сузанна знала еще до того, как воочию увидела доказательства, потому что информацию о Саутпорте распечатала, еще находясь в гостеприимных стенах семинарии. Наиболее критическая оценка эстетического и экономического упадка исходила от местного совета по туризму. Этот некогда великолепно спланированный и образцово содержащийся город стал подвергаться систематической вандализации с первой половины семидесятых, когда Саутпорт потерял независимый статус и попал под юрисдикцию сефтонского муниципалитета, который, судя по всему, не руководствовался ничем, кроме презрения, зависти, безразличия и алчности. Если считать Саутпорт пресловутой курочкой, несшей золотые яйца, то Сефтон прикончил ее. Первое же крупное решение, принятое чиновниками, стало симптоматичным. Саутпортские автобусы — не то что расцвеченные, а можно сказать, прямо-таки разряженные в великолепную золотисто-алую ливрею с крестом на щите городского герба — были немедленно перекрашены в зеленый сефтонский цвет, утилитарный и безликий. Это мероприятие по внедрению угрюмой визуальной аскезы напрочь противоречило веселому настроению, которое

ожидали видеть туристы. Последующие шаги оказались столь же бестолковыми, но куда более вредными. Сефтонские градоначальники решили продать саутпортский песок производителям цемента. В результате исчезли знаменитые дюны, на которых семейства проводили пикники из поколения в поколение. Желтые пологие песчаные холмы пропали вдоль дороги до самого Биркдейла, северной границы природного заповедника Формби. Ободрать заповедник Сефтону все же не позволили — здесь начиналась другая власть, — но вот Саутпорту не повезло.

Впрочем, во времена Гарри Сполдинга Саутпорт был блестящим и роскошным местом. Красивый солнечный город, посвященный удовольствиям. Он на голову превосходил Блэкпул и Моркам и знал это. Здесь процветали казино, роскошные кинотеатры и концерт-холлы — в мраморе и венецианской мозаике. И здесь были деньги. Чистокровные скакуны для ипподрома в Эйнтри тренировались на местном побережье. Гольф-площадка в Биркдейле считалась лучшей в Англии. Авиаклуб братьев Жиро располагался на плотной, гладкой полосе между песчаными дюнами и морем. Шоу-звезд в сезон отпусков манил к себе Флорал-холл, а летняя цветочная выставка в парке «Виктория» как минимум составляла конкуренцию ежегодному аналогичному празднеству в Челси. А Лорд-стрит в ту пору хвасталась магазинами, которые могли посоперничать с любым бутиком Парижа или Милана.

Сузанна прошла станцию насквозь и очутилась на Чепл-стрит. Гостиничный номер она забронировала прошлым вечером по электронной почте, подобрав себе небольшой частный отель, симпатично выглядящий, но при этом не слишком дорогой. Тот факт, что это удалось сделать без затруднений, свидетельствовал, надо полагать, о падении туристической конъюнктуры. Некогда местные гостиницы и пансионаты были заполнены с конца мая по начало сентября, но все это кануло в прошлое... Из информации на веб-сайте Сузанна вынесла, что город подавал себя скорее как удачное местечко для устройства конференций, а вовсе не как курорт, где люди могли бы проводить выходные дни.

Сузанна отлично отдавала себе отчет в том, что тратит средства Би-би-си на нечто, не имеющее никакого отношения к телерадиовещательным программам. С другой стороны, за минувшие пять лет она сама была свидетелем бездумной растраты корпоративных денег.

Чепл-стрит была отдана на откуп пешеходам. Покупатели глазели на витрины невыразительных магазинов или сидели за столиками кафе «Неро». Пара уличных музыкантов среднего возраста стояла с электрогитарами посреди улицы, наигрывая старый хит группы «Дайр

стрейтс». Сузанна почувствовала укол разочарования. Дело не в том, что город выглядел более скучно, нежели остальные, а в том, что она могла сейчас находиться где угодно на территории Англии. Сузанна шмыгнула носом и посмотрела вверх. Свежий летний бриз с моря пах озоном и солью. Небеса отливали тем мерцающим, многослойным кобальтовым светом, который можно видеть только в прибрежных городах, где солнечные лучи отражаются от воды.

Чепл-стрит пролежала параллельно Лорд-стрит. Вернее, только частично, потому что главная торговая улица города тянулась на изрядную длину. Сузанна углубилась в крытый переулок и вышла на широкий проспект с высокими деревьями и фонтанами. Слева, как ей было известно, располагалась центральная городская библиотека, а напротив ее главного входа должно, по идее, находиться туристическое бюро. Сузанна взвесила в руке дорожную сумку, из которой состоял весь ее багаж. Ничего, время распаковать вещи еще будет, а пока что надо бы кое-какие секреты разгадать.

Увы, никаких тайн при первом посещении крупнейшего архива и книгохранилища Саутгемптона ей раскрыть не удалось. Библиотека имени Аткинсона располагалась во внушительном здании, приобретенном на средства филантропа, чье имя она носила. В другом крыле находились арт-центр и картинная галерея, опять же имени Аткинсона. Во времена Сполдинга роль арт-центра играл театр, где устраивали яркие премьеры и ставили пьесы, превозносимые за их экстравагантность. Однако Сузанна понимала, что живет в более практичную эпоху. Кстати, как выяснилось после оформления временного читательского билета, библиотека оказалась превосходной. Здесь имелся богатый архив с яркими свидетельствами истории развития города. Масса сведений о той катастрофе, когда экипаж одного из судов спасательной службы Саутпорта кинулся на выручку потерпевшему крушение барку «Мексика». И совсем ничего не нашлось про Джейн Бойт.

Потратив часа полтора на бесплодные поиски, Сузанна решила отправиться попить кофе. Она пересекла бульвар и очутилась на западной стороне Лорд-стрит, где расположены магазины, затем свернула направо и через квартал нашла кофейню «Коста». Здесь варили кофе из зерен, обжаренных на фабрике, что располагалась на улице Олд-парадиз, буквально за углом того ламбетского дома, где они жили с Мартином. Когда ветер дул в их сторону, в воздухе появлялся знакомый, домашний аромат. Заказывая свою порцию напитка, Сузанна обратила внимание, что на стене имелась даже сепийная фотография улицы Олд-парадиз. Сейчас,

когда июньские тени уже начали медленно вытягиваться, предвещая сумерки, Сузанну пронзило чувство, что она очень далеко забралась от дома.

Что, если Мартин никогда не вернется? Отвратительная мысль, которую приходилось гнать от себя всеми силами, и поэтому она постоянно крутилась на более глубоком и менее дисциплинированном уровне сознания. Что, если им уже никогда не доведется вместе посидеть за столиком в «Мельнице», попивая коктейли под слезливый рок-блюз, который так любил хозяин заведения? Больше не будет спонтанных пикников в Арчбишопс-парке, теннисных партий теплыми летними вечерами, шопинг-экспедиций в лабиринте фруктовых лавочек и антикварных магазинчиков Южного Марша, совместных копаний в книжках и пластинках букинистов... Что, если они уже в последний раз провели ночь в одной постели, обменялись последними интимными ласками? Пытаясь избавиться от навязчивой мысли, Сузанна огляделась по сторонам, с неудовольствием подмечая юных туристок, которые стайками набивались в кофейню и носили слишком много макияжа для светлого времени суток и слишком мало предметов одежды. Что, если уже никогда она не услышит знакомый звук его ключа в дверном замке? Его вещи так и останутся теперь висеть в шкафу? Подушка рано или поздно утратит его запах? Но ведь именно по этой причине она сюда и приехала. Да-да, вот почему она очутилась в этом незнакомом месте. Она сделает все, что можно, лишь бы обеспечить его счастливое возвращение. Что угодно сделает.

Сузанна отхлебнула кофе. Уставилась на все еще привлекательный бульвар за окном, силясь вообразить на нем Гарри Сполдинга. Он заявлял, что собирается походить по магазинам Лорд-стрит. Наверное, он был в шляпе и летнем костюме. Понятное дело, не из ситца, да и канотье здесь тоже не подойдет. Сполдинг был «европеизирован». Попивал коктейли с Фицджеральдом и боксировал с Хемингуэем в Париже. Может статься, удостоился встречи с Гертрудой Стайн или чокнутым гуманитарием Эзрой Паундом. Наверняка водил шапочное знакомство с черным магом Алистером Кроули. Да ну конечно, какие тут могут быть ситцевые костюмы и соломенные канотье? Тут годятся только плотный шелк, светлая мягкая шляпа и еще ротанговая тросточка, которую он бы крутил, вальяжно обходя сверкающие магазины на Лорд-стрит, присматривая себе бриллиантовую булавку для галстука или гравированный серебряный портсигар. Его образ вполне отчетливо стоял перед глазами. Все детали на месте. Хотя... Нет, походка Сполдинга не была ленивой и вальяжной. Он

перемещался легким, скользящим шагом. Как хищник.

На следующее утро — не зная, чем заняться еще, — Сузанна вновь отправилась в библиотеку. Ее гостиничный номер оказался вполне комфортабельным. За завтраком она прикинула идею провести разведку здешних мест, которые вроде бы не изменились и выглядели многообещающими. Старый адрес Джейн у нее имелся, но Сузанна и так понимала, что нечего рассчитывать туда заявиться, постучать в дверь и найти на пороге восьмидесятилетнюю и склонную к болтовне дочь Джейн. Причина уверенности? Джейн Бойт скончалась в 1971 году, не оставив потомства. Интернет и модность генеалогической темы на телевидении позволяли с легкостью вести поиски в этом направлении. К примеру, два года назад Сузанна сама занималась сбором материалов о потомках одного из комедийных актеров, который происходил как раз из данного северного региона страны. После этой работы ей стали хорошо знакомы фамилии коренных семейств Саутпорта. Словом, на обнаружение наиболее заметных фактов у нее ушло не более пятнадцати минут. Судьба Джейн завершилась тупиком. В своей жизни она встретила великого человека по имени Майкл Коллинз и одного негодяя по имени Гарри Сполдинг. Насколько близко она была с ними знакома, остается неизвестным, однако конец ее собственной жизни можно сравнить скорее с жалобным хныканьем, нежели с пушечным выстрелом. Такова участь большинства людей. Шик не является качеством, которое способно само себя поддерживать, если только ты не Марлен Дитрих. Или Пабло Пикассо.

И вновь библиотека Саутпорта ничего не дала Сузанне. Потратив два часа на бесполезное копание в пыльных архивах, она вышла, взяла себе чашечку кофе и уселась под тентом за уличным столиком на залитой солнцем Лорд-стрит. Итак, что делать дальше? Может, следует вернуться в Ливерпуль и покопаться там в морском архиве? Что, если «Темное эхо» и на верфи Патрика Бойта проявила себя столь же склонной к несчастным случаям, как это было у бедного Фрэнка Хадли? Может, здесь появится какая-то зацепка?

Она вздохнула. Отпила капучино. Некоторое время понаблюдала за движением на улице. Почти все машины отливали серебром, как это нынче принято чуть ли не повсеместно. Покрутила в руках пачку «Мальборо», так и не достав ни одной сигареты. Спрашивается, что может доказать большое число несчастных случаев восьмидесятилетней давности на одной из ливерпульских верфей? Она знала, что над Мартином с его отцом нависла беда, и для доказательства этого факта ей не требовалось составлять опись былых происшествий. Для нее и так уже все было ясно. А вот что нужно,

так это выявить некое бесспорное доказательство, ради поисков которого интуиция привела Сузанну в Саутпорт. Это не случайное совпадение, задача требует задействовать те навыки, которые Сузанна наработала за свою профессиональную карьеру. Речь идет о ее обязанности и единственной надежде. Попивая кофе и страдая от желания покурить, она силилась придумать нечто, что не даст ей утонуть в глубоком и необоримом отчаянии, готовом захлестнуть ее как цунами.

— Не возражаете, если я присяду, милочка?

Сузанна улыбнулась в сторону силуэта на фоне солнечного сияния. Честный ответ, разумеется, гласил бы «нет». Рядом с пожилыми людьми тебе всегда грозит опасность быть втянутым в разговор. Особенно здесь, на севере, где, как ей было известно, полнейшие незнакомцы так и норовят завести беседу, в то время как в Лондоне, к примеру, подобная манера характерна лишь для сотрудников службы психологической помощи жертвам преступлений, аварий и так далее. Здесь же, кстати, даже возраст не имел значения. Местная молодежь тоже отличалась подобными склонностями.

Мартин предупреждал ее об этом еще много лет тому назад. Сам он воздерживался от такого поведения, чего не скажешь про его отца. Магнус был родом из Манчестера и постоянно болтал с незнакомыми людьми. По собственной инициативе. Сузанне самой довелось быть пару раз свидетельницей аналогичных случаев.

— Слушай, какая муха укусила твоего отца?

— В смысле?

— Да он постоянно стремится привлечь к себе внимание. Что за маниакальная склонность?

— Просто ему это нравится. И ничего маниакального тут нет.

— Он готов болтать с кем ни попадя.

— Сузанна, он ведь из Манчестера, — рассмеялся Мартин. — Согласен, ему нравится покрасоваться. Бог свидетель, тщеславия в нем хоть отбавляй, но это нельзя считать его пунктиком.

— Чего-чего?

— Неважно.

В конечном итоге она поняла. И вот почему изобразила на лице — как сама надеялась — теплую и дружелюбную улыбку, адресованную пожилой леди, которая сама себя пригласила к ее уличному столику кофейни «Коста» на саутпортской Лорд-стрит в северной части Англии, где люди питали склонность болтать с незнакомцами, хотя считать это за пунктик не разрешалось. При этом Сузанна постаралась периферийным зрением

прочесать окрестности.

— Да-да, милочка, везде занято.

А ведь верно. Все прочие столики были оккупированы семьями, молоденькими продавщицами (коль скоро час стоял обеденный) и толстыми, одышливыми бизнесменами, которые яростно затягивались поставленными вне закона курительными палочками.

— Прошу простить, — искренне сказала Сузанна. Она приподнялась со стула и протянула руку. — Меня зовут Сузанна. Очень приятно познакомиться.

Старушка улыбнулась. Официант — явно уроженец Восточной Европы — немедленно доставил кофе со льдом. Стало быть, ее тут хорошо знают. Завсегдатай. Да и как иначе? Сузанна немного удивилась выбору напитка и тут же дала себе мысленного пинка за снобизм. Что за нетерпимость такая, в самом деле? Местечковая узколобость лондонской жительницы...

А вот Гарри Сполдинг подобными предрассудками не страдал.

— Милочка, вы смотрите как-то потерянно. Извините за откровенность.

Некогда эта старушка была блондинкой. Нынче же ее седые волосы были стянуты назад, открывая лоб, покрытый кракелюром крошечных морщинок. Шевелюра ухоженная, плотная и обильная. На ней были крупные солнечные очки, которые она сняла и положила на столешницу. Старомодные зеленоватые линзы. Черепаховая оправка. Незнакомка поставила локти на стол, переплела пальцы, и Сузанна увидела золотые часы от «Картье» и перстень с громадным рубином в обрамлении камней помельче. Ничего себе провинциалка.

— Меня зовут Элис Донт. Так и подмывает спросить, отчего такая красавица выглядит столь удрученной. А ведь вы красавица, милочка. На удивление.

— Спасибо.

— Но я не буду расспрашивать, — подмигнула Элис Донт. — Просто предоставлю вам возможность самой об этом рассказать. Если, разумеется, вы на это решитесь.

— Я ищу материалы о женщине из Саутпорта, — вздохнула Сузанна. — Точнее говоря, она жила в Биркдейле. Ее звали Джейн Бойт.

— Да, знавала я такую. — Элис Донт приподняла стакан и отпила пару глотков. Стекло осыпали росинки конденсата. Рука старушки ничуть не дрожала. — Ну это я так говорю. На самом деле с ней была знакома моя мать.

— Я собираю сведения о ее жизни.

— О? Каким же образом?

— Вон в той библиотеке. — Сузанна жестом показала на противоположную сторону улицы.

— Джейн Бойт была из Биркдейла, — фыркнула в стакан Элис Донг.

— Да, знаю. Она там жила.

— Милочка, в свое время и в Биркдейле имелась библиотека. Исчезла, конечно... Как и все прочее в этом некогда великом городе. Уничтожена, снесена... Земля продана сефтонскими чиновниками. Ради многоквартирных домов. Офисов. Ради опошления.

— А какой она была, эта Джейн?

Элис Донг улыбнулась лукаво, чуть скрытно:

— А вот такой, как и вы, Сузанна Вы с ней на удивление похожи. Должно быть, я именно поэтому и остановилась. Прогуливалась, видите ли, по Лорд-стрит и вдруг оказалась перенесена в прошлое лет на восемьдесят. На минутку почудилось даже, что я натолкнулась на привидение.

Сузанна подарила ей встречную улыбку или, по крайней мере, попыталась.

— А вы не боитесь привидений, Элис?

Старушка отпила из стакана.

— Разумеется, боюсь. Но один мужчина, чье мнение я очень ценила и уважала, как-то раз — давным-давно — сказал мне, что надо смело смотреть в лицо своим страхам.

Сузанна не пропустила мимо ушей прошедшее время.

— Ваш супруг?

— Сын, — ответила Элис Донг.

— Прошу прощения...

— Но вы очень симпатичны. — Старушка поставила стакан и забрала со стола солнечные очки. — Мне в ту пору было всего-то семь или восемь... А знаете что? Если вы захотите найти меня здесь завтра, примерно в это же время, я могла бы рассказать то, что помню об этой довольно несчастной женщине, которую вы, Сузанна, столь живо мне напомнили.

После ухода старушки Сузанна еще посидела за столиком, наблюдая, как в июньском тепле оплывают кубики льда на доньшке стакана. Саутпорт насчитывал множество стариков, которые провели здесь всю жизнь. Демографический казус. Тем не менее факт есть факт. В их числе можно было встретить девяностолетних и даже столетних жителей. Но

сколько из них знали Джейн Бойт? Встреча с Элис Донт — это чистая случайность или роковая предопределенность? Внезапно Сузанна пожалела, что рядом нет монсеньора Делоне, чья сила и уверенность послужили бы ей поддержкой. Сейчас Сузанна испытывала чувство великого одиночества и оторванности. Она поежилась, несмотря на теплую погоду, и решила потратить вторую половину дня, обследуя те части города, которые имели непосредственное отношение к забуксовавшему расследованию.

Она пошла на юг, в сторону Биркдейла и Уэлд-роуд. Магазины встречались все реже, и наконец дорога привела ее в квартал с громадными садами и внушительными особняками. Многие дома превратились в пансионаты, зубоврачебные клиники или просто служили резиденциями для состоятельных профессионалов типа дипломированных бухгалтеров, архитекторов, поверенных или оценщиков страховых обществ. Об этом свидетельствовали указатели или латунные таблички при входе. Кое-какие здания поделили на квартиры, а обширные лужайки сровняли и замостили под парковки для автомобилей жильцов. С другой стороны, многие особняки так и остались в прежнем виде. Торговцы, разбогатевшие в Ланкашире или Мерсисайде, охотно переселялись сюда буквально толпами. Это и был Саутпорт золотого лета Гарри Сполдинга.

В конечном итоге она достигла Биркдейла и повернула вправо на Уэлд-роуд. Дорога вела на пологий холм в полумиле отсюда, где, как знала Сузанна, начинался пляж. Дома по обеим сторонам стали вроде бы еще больше и внушительней. Все разные, хотя помимо внешней грандиозности у них имелись некоторые общие черты. Многие здания несли на себе башенки, а стены имели зубчатые венцы, как у старинных крепостей. Сузанна улыбнулась, вспомнив собственные ожидания перед поселением в гостевую комнату нортумберлендской семинарии. Здесь же перед ее глазами стояли образчики викторианской готики. За этими высокими парадными дверями из окованных дубовых панелей с витражами легко себе представить сумрачные салоны, заставленные мебелью в стиле Уильяма Морриса. Та же тема повторялась, причем в утрированно-преувеличенных пропорциях, в «Палас-отеле», который некогда занимал обширный участок слева, неподалеку от холма, откуда должен открываться вид на море. Что обо всем этом думал самопровозглашенный модернист Гарри Сполдинг, остается только гадать. «Палас-отель» сошел скорее со страниц Теннисона, нежели Т. С. Элиота. И опять-таки, в нем обитали привидения. Возможно, этот факт забавлял или даже восхищал сардонического американского постояльца.

Единственным общественным заведением, дошедшим до наших дней в районе бывшего «Палас-отеля», являлся паб на Уэлд-роуд, именуемый «Приют рыбака». Первоначально построенный в качестве каретного сарая при гостинице, он был затем переделан в бар для заезжих гостей. Именно сюда декабрьской ночью 1886 года принесли тела четырнадцати моряков, погибших при попытке спасти тонущий барк «Мексика». На период опознания «Приют рыбака» превратился в импровизированный морг, а соседний «Палас-отель» служил штабом местной полиции, которая предприняла торопливое и поверхностное расследование.

Сузанна заказала себе «Гиннес» и погладила одну из четырнадцати бронзовых русалок, на которые опиралась столешница барной стойки. Четырнадцать фигурок, отлитых в память о погибших моряках. Она передернула плечами, задумавшись о том, какой может быть смерть на море; о легких, заполненных соленой водой; об утопленниках, чьи тела выбрасывало на берег, где прибой облизывал серую, ко всему безразличную плоть. В результате она решила забрать выпивку наружу, чтобы на солнышке посидеть за уличным столиком.

«Палас-отель» открылся в ноябре 1866 года. Построен он был по проекту манчестерской архитектурной фирмы «Каффли, Хортон и Бриджфорд». На пике своей популярности гостиница горделиво располагала 1000 номерами и даже владела собственной станцией на Чеширской железной дороге, которая — во имя удобства постояльцев — вела напрямик к ипподрому в Эйнтри. Впрочем, такого количества гостей здесь никогда и не было. В 1881 году к зданию пристроили водолечебницу, чтобы привлечь клиентуру из числа болезненных жителей северных промышленных графств. К эпохе Сполдинга гостиница завела себе даже собственный аэродром. В последующие годы среди постояльцев можно было найти знаменитые имена типа Кларка Гейбла или Фрэнка Синатры. Однако слухи о паранормальных явлениях преследовали это заведение практически с момента основания. Здесь, по обоюдной договоренности, совершили самоубийство две сестры. Последним и наиболее печальным событием в мрачной истории отеля явилось обнаружение трупа похищенного ребенка под одной из кроватей в 1961 году. Девочку выкрал и изнасиловал кухонный чернорабочий, которого потом повесили за это преступление. Скандал нанес гостинице смертельную рану. В 1969-м здание снесли, причем рабочие жаловались на звук движущихся лифтов, которые упорно продолжали звенеть и поскрипывать, словно перемещались с этажа на этаж — при полностью отключенном электропитании.

Однако Сузанна не могла рассчитывать найти что-либо про Гарри Сполдинга на месте бывшего «Палас-отеля». Она допила пиво и решила перейти на другую сторону Уэлд-роуд, чтобы оттуда, пройдя на север по Роттен-роу, пешком вернуться в центр города. Кстати, покинув отель, Сполдинг арендовал себе дом именно на Роттен-роу. С этого места, впрочем, жилого квартала не было видно. Дома находились на вершине довольно крутого и заросшего холма над каменной подпорной стенкой, что располагалась по ходу движения Сузанны справа, в то время как слева раскинулись цветочные клумбы и высокие живые изгороди Викторианского парка.

«Ну вас всех к черту», — буркнула Сузанна. Да, на Роттен-роу было множество пешеходов, занятых летним променадом. Имелись также садовники, ухаживавшие за парковыми клумбами, не говоря уже про яркие машины, двигавшиеся по улице вереницей. Но ей надо обязательно увидеть все самой. Иначе нельзя. Сузанна вскарабкалась по стенке, а оттуда полезла по насыпи, на которой стояли ограды, защищавшие местные особняки от слишком любопытных глаз. Склон оказался крутым, почва неподатливой для надежного упора, а аккуратно подстриженная травка была сухой и стеклянистой под ногами. Вновь на Сузанне оказалась обувь, непригодная для текущей задачи. Но ведь она не планировала вылазку. Мысль пришла чисто спонтанно. Из-за плохой подготовки уже потеряна одна пара обуви во Франции. Здесь можно потерять заодно и равновесие и чувство собственного достоинства, если кожаные подошвы соскользнут и Сузанна опрокинется на спину, после чего покатится вниз по холму.

Она сразу поняла, какой именно особняк снимал себе Гарри Сполдинг, потому что при первом же взгляде на заросли плюща, которые увивали стены с черными слепыми проемами окон, в ее груди появился ледяной комок, больно стеснивший сердце. На длинной лужайке царила противоестественная неподвижность, акцентированная группками чахлых орнаментальных деревьев, в чьей тени вилась дорожка от парадного крыльца к летнему домику. В тридцати футах выше по склону почву замостили лесенкой из кирпичей, по которым владелец особняка поднимался от ныне запертых ворот. Сузанна оглядела старую кладку и почувствовала, что Гарри Сполдинг поднимался по этим ступеням хищными прыжками, улыбаясь и поигрывая тросточкой. Тут она замерла, не в силах отвести взгляд от дома, потому что ей почудилось — на неуловимый момент — будто в одном из окон на верхнем этаже мелькнул человеческий силуэт. «Уборщица», — подумала она. Даже в Саутпорте

вошло в привычку вызывать полячек или филиппинок для наведения чистоты и лоска. Дом, расположенный по столь престижному адресу, не будет оставаться пустым на протяжении восьмидесяти лет, поджидая возвращения призрака. Сполдинг снял его только на одно лето. По какой-то строго определенной причине. Сейчас его здесь нет. И тем не менее... «Боже мой, — подумала Сузанна, поеживаясь от внутреннего холода под жарким июньским солнцем, — до чего зловещие следы ухитрился оставить после себя этот человек».

Поскольку иного занятия придумать не удавалось, она вернулась на Лорд-стрит и вновь зашла в библиотеку. Затем, коль скоро время близилось к вечеру, а перед глазами маячил тупик в поисках, она отправилась на Невилл-стрит, где нашла набережную для гуляний неподалеку от пирса. Невилл-стрит воплощала собой все те особенности, которые превратили Саутпорт в печальный образчик современной туристической достопримечательности в кавычках. В воздухе стоял густой запах жареной рыбы и булочек с рубленным бифштексом. Повсюду торговали пестрыми, полосатыми леденцами в форме крошечных тросточек, глазурированными печеными яблоками и розовой сахарной ватой в целлофановых пакетах, которые шуршали на ветру и елозили по деревянным рамам лотошников. Мужчины в компании со своими многострадальными женами рыскали глазами поверх стаканов, пялясь из окон невеселых, модернизированных баров.

Сузанна прошла по пристани, что тянулась вдоль берега Маринлейк. Отсюда начинались плоские пляжи Саутпорта, выходившие на Ирландское море, чьи неглубокие волны накатывали полосой ленивого прибоя. Мимо проехал трамвай, направлявшийся к дальнему концу пирса. Он был полон улыбчивых туристов, вырвавшихся на один воскресный день. Сузанна помахала карапузу, который махал ей у заднего окна. Прищурилась поверх поручней по правую руку. На той стороне, сквозь летнее марево над соленым болотом, проглядывался силуэт башни Блэкпул-тауэр на полуострове, отстоявшем в тридцати милях.

Добравшись до конца пристани, она вошла в современный и — по ее личному мнению — до абсурда неуместный туристический центр из стекла и стали с большой витриной, посвященной диким пернатым обитателям Файлдкоста. Слева от нее располагалась закусочная, откуда открывался панорамный вид на невыразительную пустоту моря и песка. Справа стояла группа антикварных автоматов, которые, надо полагать, были собраны по развлекательным центрам курорта. Чтобы в них поиграть, требовалось разменять банкноты на старомодные медные монетки из расчета десять

пенсов за фунт, что является грабежом средь белого дня, а не обменным курсом. Впрочем, не грех попробовать повеселиться или, по крайней мере, отвлечься. Словом Сузанна разменяла пару фунтов.

Истратив половину мелочи, она покопалась в монетках, считывая даты. Наконец она добралась до последней, где был вычеканен профиль Георга Пятого — бородатый, стоический, аристократический и чем-то напоминающий изображение убиенного Романова, с которым он, конечно же, состоял в родстве. Сузанна перевернула монету. На реверсе, под фигурой Британии с копьем и щитом, дата гласила: «1927».

Как по заказу. Сузанна даже слегка подпрыгнула. Какой-то мальчик по соседству вложил монету в автомат с куклой смеющегося моряка, и тот, обряженный в запыленный, крапчатый от древности костюм, принялся дергаться в зловещей пародии на веселый танец. Рядом стояла машинка по предсказанию будущего. Ей полагалось скормить мелочь, и взамен она выдавала описание твоего характера и судьбы, аккуратно напечатанное крошечными буквами на розовой картонке. Сузанна провела пальцем по гладкому, затертому ребру монетки. Поднесла ее к носу и вдохнула кислый, медянистый запах. Интересно, побывала ли она в руках Сполдинга? Может, он небрежно кинул этот маленький, в ту пору еще блестящий, свежеотчеканенный диск на стойку бара в «Палас-отеле», следуя обычаю раздавать чаевые? Сузанна убрала монету в карман. Ей не хотелось знать свое будущее, потому что считала его predetermined. Сузанна и без гадательной машины понимала, кто именно участвует в ее судьбе — пусть даже неизвестно, в какой роли и в какой момент.

Еще дальше по правую руку, за древними автоматами, на проекционном экране демонстрировали фильм про историю Саутпорта. Изображения, серые и солнечные одновременно, рассказывали о великих днях открытого плавательного бассейна, цветочных ярмарках и оркестрах, выступавших возле городского памятника Неизвестному солдату, выполненного из благородного портландского камня. В монохромном мире давно минувшей эпохи цвели розы и сияли солнечные блики на воде. Сузанна замерла при виде одной из сценок двадцатых годов. Черные седаны, как пантеры, крались вдоль Лорд-стрит. Женщины в мехах и шляпках «колокол» фланировали под руку друг с дружкой и обсуждали вторжение кинокамеры, с улыбкой поглядывая в объектив. Гарри Сполдинга она не увидела. Ни одна из жительниц не показалась ей похожей на Джейн Бойт. Перекатывая старую монетку в кармане и даже не замечая этого, Сузанна присела перед экраном на один из стульев и стала ждать, когда фильм кончится и вновь перескочит к началу.

На борту «Темного эха»

К моменту, когда я проснулся, вновь стояла ночь. Календарное окошко наручных часов подсказало мне, что проспал я без малого двадцать четыре часа. Одеваться и выскакивать на палубу пришлось с невероятной скоростью. Спустился туман, и море под ним лежало в оцепенении, неподвижностью напоминая заросший кувшинками пруд. Вчера, когда обрушился шторм, я был вынужден полностью взять паруса на рифы и сейчас с великим неудовольствием и раздражением увидел что с тех пор ничего так и не изменилось. Ветра, впрочем, не было. В такой ситуации следовало бы поднять все имеющиеся на борту паруса, чтобы хоть как-то держать заданный курс. Тут я заметил, что мы все же не стоим на месте. Дизель молчал. Однако мы двигались. Яхта вела себя так, словно что-то ее буксировало, причем со скоростью, достаточной для появления кильватерных «усов», проглядывавших сквозь туман. Я бы сказал, мы давали порядка десяти узлов. Я прошел к штурвалу. Авторулевой, разумеется, был включен. Я посмотрел на нактоуз с компасом и лагом. Нечто немыслимое. В отсутствие ветра, парусов и при неработающем двигателе мы действительно шли в юго-восточном направлении со скоростью десять узлов. Может, угодили в какое-то течение? Находясь в тысяче миль от американского побережья, мы быстро возвращались обратным ходом к дому.

Не иначе отец что-то сделал с авторулевым. Но пусть даже так, я все равно не мог понять, что заставляло «Темное эхо» двигаться. Водоизмещение яхты семьдесят тонн. Что за странная сила под прикрытием тумана тянула наше судно, да еще с такой скоростью? Надо поразмыслить. На мореходных курсах, которые я посещал, нам ничего не говорили про подобные явления. Покамест ясно одно: авторулевой испортился. Можно ли его починить или нет — покажет время, но прямо сейчас делать нечего, придется вставать к штурвалу. Надо развернуться на сто восемьдесят, поднять паруса и пересидеть туман, а если возникнет необходимость, то и всю ночь. Северная Атлантика — широкое место. На борту вдоволь еды и воды. Однако чего мы не можем себе позволить, так это потерять момент движения. Надо идти вперед. По идее, именно это и требуется от парусного судна. Если не принимать меры, то ты не просто ляжешь в дрейф, а окажешься беспомощным, что ведет к трагедиям и катастрофам.

Тут я сообразил, что меня мучает голод. Вот уже больше суток во рту не было ни крошки. Да и где там отец? Чем вообще он занят? Такое

чувство, что текущую передрыгу мне приходится расхлебывать в одиночку. А тут вдобавок голод и жажда. Не говоря уже о загадочном поведении яхты, которая упорно рвалась в совершенно неправильном направлении, рассекая туман. Громко чертыхнувшись, я застопорил штурвал. Должен же человек поесть или нет? И отца надо поднимать. Простоять вахту у штурвала я могу, но только после подкрепления чем-то питательным. Отец мог бы приготовить мне миску супа, к примеру. Как минимум.

Из его каюты доносились голоса. Я знал, что отец сидит там в одиночестве, хотя упражнялся, надо полагать, в художественной декламации на разные лады. Я постоял у двери, прислушиваясь. Вроде какие-то клочки произведений имажинистов и вуртуистов. Что-то из Уиндема Льюиса, фрагменты из Т. С. Элиота и, как мне показалось, Э. Э. Каммингса. А также кусочек рассказа Форда Мэдокса Форда. Что интересно, во всем этом наблюдался общий стержень: одно и то же десятилетие, к тому же авторы принадлежали к числу проживавших в Париже экспатриантов. Тут отец принялся цитировать Хемингуэя, точнее говоря, тот отрывок, который начинается словами: «Осенью война все еще продолжалась, но для нас она была кончена».

Я знал, откуда это: из рассказа «В чужой стране». Очень знакомая строка, потому что отец много раз повторял, что этот параграф — самый замечательный образчик прозы на английском языке, написанный в двадцатом веке. И я не взялся бы с ним спорить. Впечатление яркое, оттенено меланхолической каденцией; действительно, очень красиво. Но отец, укрывшись за дверью, повторял это предложение вновь и вновь, как мантру. И, подобно мантре, слова от непрерывного повторения потеряли свой смысл, превратились в абстрактное, непоследовательное нагромождение звуков.

«Осенью война все еще продолжалась, но для нас она была кончена».

И тут из каюты раздался смех — сардонический, чуть ли не ликующий. К тому же прозвучал он на ехидной и высокой ноте, которая ничуть не напоминала хрипловатое рычание отца. Я сразу подумал, что за дверью находится Гарри Сполдинг, обменивается шутками с моим родителем, с видом знатока копается в его оружейном шкафчике..., а в черепе виднеется пулевая дырка, из которой до сих пор сочится кровь.

Я чуть было не дал самому себе пощечину. Ведь дела-то у отца, похоже, совсем плохи. Попахивает сумасшествием. Если я пойду по его стопам, нам обоим конец. Меня охватил большой страх от звуков, доносившихся из каюты, от этого вороха бессмыслицы, чье происхождение, однако, свидетельствовало о наличии некой безумной

логики. В мыслях отец находился в 20-х годах. В десятилетия Линдберга, Демпси, Карпентьера, Бриктоп и Аль Капоне.

Ну и Гарри Сполдинга, разумеется. О котором Сузанна говорила, что он дьявол во плоти.

Если я сейчас поддамся панике, то отца спасти не смогу. И мы оба погибнем. Палуба под ногами подрагивала теперь сильнее, словно яхта набирала скорость и импульс. Я на цыпочках двинулся в сторону камбуза. Пищу придется искать самостоятельно. Надо поесть, или я свалюсь. Хотя сейчас, разумеется, аппетит напрочь пропал.

— Мартин? — Я не ответил. — Мартин? Отчего ты не заглядываешь в наш маленький салон? У нас тут вечер культурных реминисценций. — Вновь смех, на сей раз приглушенный, будто кто-то силился сдерживать веселье, прикрывая рот ладонью. — Очень душевная беседа, никаких формальностей. Иди, будешь дорогим гостем.

Так вот, значит, как ведут себя сумасшедшие... Получается, я в самом деле нахожусь посреди океана в компании с безумцем? Да еще на борту непокорной и своевольной яхты? Добравшись до камбуза, я заметил, что всхлипываю. Слезы капали на поверхности, с которых не успел сойти глянец выставочного зала. В море мы провели менее недели и успели оказаться жертвами катастрофы. Ситуация была безнадежна. Но плакал я вовсе не от ужаса или жалости к собственной персоне. Это была скорбь по отцу, коль скоро я верил, что уступил его тенетам безумия.

В тумане, присев возле штурвала, я съел миску куриного супа с чечевицей, заедая куском размороженного в микроволновке хлеба. Обед увенчался порядочной порцией рома. Этот ром я пронес на борт в качестве своеобразной иронической шутки, направленной в пику морским традициям. Но я очень нуждался в выпивке, и в животе сразу потеплело; накатило чувство уюта, пока «Темное эхо» продолжала ровное и невозмутимое движение, следуя своему собственному курсу. Наверное, спиртное придало мне смелость. Стало ясно, что — хочешь не хочешь — придется в открытую противостоять отцу. В его каюте имелось оружие. В нынешнем иррациональном состоянии он был угрозой для самого себя и подвергал опасности нас обоих. Пожалуй, я буду вынужден его связать. Вот именно. Связать, а затем пошвырять оружие за борт. Потому что закрывать глаза на это нельзя. Речь шла о радикальной перемене наших ролей, однако я обязан это сделать во имя сыновней заботы. К тому же имелся и сугубо практический, причем настоящий императив такого сценария развития событий. Если мне удастся вывести отца из текущего бредового состояния, то он сможет помочь в управлении судном. Его

мореходные навыки не уступали моим, и даже более того. Может, он и впрямь преднамеренно испортил авторулевого, а может, и нет. Как бы то ни было, острота ситуации и спиртные пары в голове сказали мне, что надо действовать решительно.

Я постучался.

— Прошу.

Каюта выглядела нормально. Нет ни резкой табачной вони, ни дыма, так что лампы освещали все помещение с недвусмысленной ясностью. Я бросил взгляд украдкой на оружейный шкафчик. На сей раз никакого зловещего блеска не видно. Своим внешним видом оружие просто напоминало о летальном характере собственного предназначения, однако сейчас в нем читалась некая нейтральность, которая раньше отсутствовала, а потому и наводила на мрачные мысли. Отец тоже был намного спокойнее, выглядел более сдержанным. По-видимому, он не забывал и поесть, раз уж нашел в себе достаточно сил, чтобы принять душ и побриться. Под ногами подрагивала палуба, свидетельствуя о том, что «Темное эхо» продолжает бунтовать. Можно подумать, что в тумане скорость яхты только увеличилась. Необъяснимо.

— Отец, мы идем обратным курсом.

— Знаю.

— Но почему?

— Мартин, ты хороший моряк, я наблюдал за тобой. Ты педантичен до мелочей, терпелив и вынослив. — Он усмехнулся, хотя улыбка вышла натянутой. — Я в восторге. Горжусь тобой, если уж говорить всю правду. Но на твой молчаливый вопрос отвечаю: я никакого отношения не имею к тому, чем занята яхта. Судно само так себя повело. Я тут ни при чем. — Я устало плюхнулся в кресло напротив отцовского письменного стола. — Все наши средства связи не работают. Сотовый телефон, спутниковый... Радиостанция вышла из строя. Эхолот невозможно включить, а электронная почта функционирует как бог на душу положит. Дизель вообще сдох. Единственная вещь, которая ведет себя более-менее нормально, — это компас. Да еще аварийный проблесковый фонарь, но кто его увидит в таком тумане? Нам известно направление движения, однако текущее местоположение мы определить не в состоянии. Да пусть даже и определим, что дальше? Мы ведь не можем подать сигнал бедствия. Словом, выкручиваться придется самим.

— Как ты полагаешь, этот туман, на который мы налетели... Может, он какой-то экспериментальный?

— Ты спрашиваешь, нет ли здесь руки военных? — улыбнулся

отец. — Нет, Мартин, я так не думаю. Да и ты тоже. Слишком много времени утекло с тех пор, как субчик, наставший на нас этот туман, имел прямое отношение к армии. — Отец потянулся к фотографии яхты, которую впервые увидел в детстве. Взял рамку в руки. — Очень хорошо помню тот день, когда я впервые наткнулся на этот снимок. Энциклопедия лежала раскрытой именно на этой странице. В луже солнечного света, на комод, тогда служившем мне письменным столом, за которым я делал школьные уроки. Мать клялась, что не трогала книгу, не клала ее на комод. А в те времена, Мартин, мы и понятия не имели, что такое прислуга. И уж конечно, сам я абсолютно точно не брал том с полки. Ну, как ты думаешь, это судьба? Некий всесильный план, диктующий мои устремления, формирующий текстуру моих грез? — Он поставил снимок на место. Поднял руки к лицу и потер веки: — После сорока жизнь становится труднее...

— В смысле?

— Начинаешь терять гибкость. Подвижность. О, конечно, остается множество способов продолжать лелеять иллюзии молодости. В том-то и дело. Иллюзии, сынок, понимаешь? И твоя мечта, какой бы страстной она ни была, превращается в воспоминание. Приходит усталость. А усталость делает человека уязвимым.

Если честно, я почти и не слушал, чего он там болтает. Просто радовался, что он вновь стал похож на моего прежнего отца. Я имею в виду ту счастливую смесь напыщенной рассудительности, жалости к себе и здравого смысла, которую я с таким удовольствием опять разглядел в его словах. Оставалась, однако ж, проблема, что делать с нашей своевольной лодкой. Я бы назвал яхту хулиганистой, но ведь ей девяносто лет в обед. Такое впечатление, что на ее борту промышляют некие силы, мощь и опасность которых даже сравнивать нельзя с хулиганством. Яхта одержима нечистой силой, не иначе.

В эту секунду я невольно обратил внимание на зеркало. То самое, небольшое зеркало в латунной оправе, в котором я заметил отражение Сполдинга при своем первом и ужасающем посещении яхты. Оно висело на прежнем месте.

— Отец, ты должен прямо сейчас подняться на палубу. Надо попытаться развернуть судно, взять его под контроль. Или ты шкипер, или нет. Я считаю, что да.

— Бог свидетель, так оно и есть, — сказал отец и даже пристукнул кулаком по столешнице.

Челюсть его выпятилась, он прямо взглянул мне в глаза. Похоже, он

настроен серьезно. Может, мне удалось вновь разжечь в его душе пламя гордости? В конце концов, речь шла о давней отцовской мечте, которая вдруг деградировала до уровня кошмара. А может, он вспомнил, что лодку благословил монсеньор Делоне. Как бы то ни было, обретя некое подобие нахальства и надежды на благоприятный исход, мы полезли наверх.

Туман сгустился еще больше, и опять-таки мне показалось, что скорость «Темного эха» возросла. Я крутил штурвал, но яхта упорно не желала сворачивать со своего курса. Мы подняли паруса, пытаясь заручиться поддержкой ветра, раз уж именно на это и рассчитаны яхты. Поддержки, впрочем, никакой не было, потому как ветер отсутствовал. Паруса угрюмо провисли в тумане, напоминая погребальный саван. Мы бросили за борт плавучий якорь, желая хотя бы замедлить движение, погасить импульс. Якорная цепь натянулась, кабестан зазвенел от напряжения, но шхуна как ни в чем не бывало рвалась вперед, рассекая зеркальную океанскую гладь.

— Можно подумать, мы ее только раззадорили, — заметил я.

— Это мы его раззадорили, — возразил отец, склонившись над нактоузом. — Если не свернем с курса, то дней через пять-шесть достигнем ирландского берега. И там пойдем ко дну. Или же налетим на мель. А может, разобьемся о скалы графства Клер.

У меня перед глазами уже стояла картинка, где на переднем плане кипящий прибой мотал доски, измочаленные об исполинские и ко всему безразличные мохерские утесы. И нам предуготовлена такая участь?

Мы стояли друг напротив друга. Туман пощипывал кожу, в легких накапливалась соль, крутом царила тишина, если не считать журчания воды за кормой семидесятитонного судна, на борту которого мы очутились в положении заложников. Или пленников. Несмотря на то что отец упомянул-таки Сполдинга, я не разделял его мнения, будто, дескать, привидение делит с нами этот вояж. Скорее я бы сказал, что во всем мире из людей остались лишь мы двое. Чувство полнейшей оторванности и беспомощности выводило из себя.

— Ладно, Мартин, пойду-ка я вниз. Я тут ничего поделать не могу.

— Можно подумать, там есть что делать.

— Хотя бы напьюсь.

Я промолчал.

— В общем, пошел я.

Я постоял еще с минуту, а затем спустился и сам. Включил компьютер, но электронная почта не желала работать в обе стороны. Тогда я взялся за сочинительство — эта привычка стала чуть ли не маниакальной,

потому как надеялся, что обрету больше спокойствия таким путем, в отличие от отца, который искал бы утешения на дне бутылки.

К изложению этой повести я приступил вечером того дня, когда отец приобрел яхту на аукционе Буллена и Клоура. На протяжении прошедших недель и месяцев добросовестно продолжал печатать. Рукопись — вернее, диск — я захватил на борт «Темного эха», где перенес файл на мой маленький белый ноутбук. Сидя за клавиатурой и наблюдая за тем, как разрастается текст, я порой задавался вопросом, зачем мне это надо. Мое творение напоминало смесь дневниковых записей, исповеди и хроники событий. При перечитывании появлялось ощущение, что тон повествования звучит иногда помпезно, а порой срывается на истерику. Единственным достоинством была неприукрашенная правда. Каждое напечатанное мною слово — что раньше, что секунду назад — являлось точным отражением происходящего. Сейчас, по крайней мере, я наконец понял, зачем это делаю, возлагая надежды на удачу или providение. С другой стороны, уверенности никакой нет. Удача кажется элементом, которого крайне недостает на борту «Темного эха».

Поток мыслей прервался ревом, раздавшимся из отцовской каюты. То ли от боли, то ли в пароксизме триумфального восторга. Как бы то ни было, рев этот прозвучал по причине, которая никак не могла быть объяснена простой выпивкой. Я оторвался от компьютера, прошел в сторону кормы и громко бухнул кулаком в дверь.

— Заходи, Мартин.

На столе стоял некий ларец, вернее даже, рундучок, в котором матросы хранят свои пожитки. Старинный, окованный железом и пошедший пятнами от морской воды. Отец, судя по всему, чуть не надорвал себе жилы, водружая его на столешницу. Я мельком оглядел каюту. Оказывается, он снял одну из деревянных панелей, которыми был обшит правый борт. Внутри образовавшегося темного проема проглядывали шпангоуты и усиленные стяжки на переборке.

— Представляешь, услышал какой-то стук, — сказал отец. — Вот и решил поглядеть, что к чему... Должно быть, эта вещь принадлежала Гарри Сполдингу.

«Или братьям Уолтроу», — молчаливо возразил я и сглотнул. Хотя Габби Тенча тоже нельзя сбрасывать со счетов... Но как вообще такое возможно? Ведь человек, назвавшийся Джеком Питерсеном, обязательно наткнулся бы на рундучок во время ремонта. Я уж не говорю о том, что подобных ремонтов, да еще капитальных, яхта за свой век видела не один раз и не два. Ну и каким образом эта вещь пролежала на борту восемьдесят

с лишним лет? А вот отца эти обстоятельства не смутили. И он был к тому же уверен, что услышал, как рундучок ни с того ни с сего затрясся в своем темном хранилище, когда яхта шла по прямому курсу на гладкой, как стекло, воде.

— Мартин, там в кладовке есть слесарный ящик.

Я кивнул. Знаю-знаю.

— Давай принеси какой-нибудь ломик.

Замок на рундучке был сделан из латуни. Потемневшей от времени, разумеется, но в целом не прокорродировавшей. Я сходил за ломиком и помел замок. Открыл крышку. Изнутри поплыла застоялая, мертвая вонь, которая никак не могла образоваться за несколько недель. Речь шла о годах; десятилетия минули с тех пор, как внутренность рундучка открывалась свету и воздуху.

Мне пришлось даже отпрянуть, иначе мерзкий запах вполне мог спровоцировать рвоту. Даже голова закружилась. Когда вонь немного рассеялась по каюте, я вновь шагнул вперед и заглянул в темную полость. Там лежал продолговатый деревянный футляр, посеревший от древности. Запах, как выяснилось, издавала мягкая обивка, которая истлела до состояния гнилой черной массы.

— Что там?

— Старомодная швейная машинка, — сказал я.

Такие вещи я уже встречал в антикварных лавочках и даже в домах людей, которым нравилось набивать свои жилища разными курьезными штучками.

Но я ошибся. Вынув тяжелый футляр из рундучка и поставив его на стол, я откинул крышку и увидел, что никакой швейной машинки там нет. Речь шла о патефоне, причем до того примитивном, что он проигрывал записи, сделанные на восковых цилиндрах. Таких цилиндров имелось здесь три штуки. Они были аккуратно уложены в обтянутые бархатом гнезда. Тут я, кстати, догадался, что частично вина за отвратительный запах ложилась на восковое покрытие, которое каким-то образом прогоркло и издавало прилипчивое, тошнотворное зловоние.

— Включи какой-нибудь, — предложил отец. — Послушаем, что отыскали. — Голос его звучал ровно и рассудительно. Он не шутил. Наткнулся на тайну. И теперь желал в ней покопаться.

— Да не будут они играть, — возразил я. — Ты разве не чувствуешь запаха? Воск уже разлагается.

— Включай, говорю.

— Отец, да весь аппарат давно проржавел, наверно. Как вообще ты

можешь ожидать, что...

— Тогда я сам все сделаю, — заявил он и плечом отодвинул меня в сторону.

Его рука зависла над цилиндрами; наконец он сделал выбор. В этот миг лампы в каюте мигнули и потемнели. Я бросил взгляд в иллюминатор. Туман был темным, как синяк. Невозможно определить: день сейчас или ночь. Отец поставил запись в гнездо на машинке, опустил иглу и принялся вращать рукоятку. Но я и так знал, что сейчас случится. Аппарат повиновался до того послушно, словно его регулярно чистили, а последний раз смазывали вообще вчера.

Каюту заполнил восьмидесятилетний потрескивающий шорох. И затем зазвучал голос высокий, пронзительный и жестокий. «Магнус, старина, добро пожаловать на борт. И сына твоего я рад поприветствовать. Добро пожаловать и тебе, Мартин. Надеюсь, вы здесь развлечетесь». Смех. До нас через десятилетия добрался сардонический смех. У меня волосы на затылке встали дыбом при этом звуке, который нельзя назвать ни здоровым, ни человеческим.

«Пожалуй, пора рассказать тебе про „Иерихонскую команду“, Магнус. Но ты чувствуй себя как дома, приятель. Присядь. Найди себе табуретку... А насчет машинки не беспокойся. Она будет работать как положено».

Мой отец кивнул. Снял ладонь с заводной рукояти. Отошел к столу, уселся и рассеянно потянулся за стопкой виски. Его лицо не выражало ничего, кроме замороженности. Ясно, отца я потерял.

«Итак, Магнус, ушло несколько недель, прежде чем я смог подыскать двенадцать апостолов с правильным набором качеств. Мне требовались коварные, необузданные и своевольные эгоисты. Лучше всего годятся люди одновременно хитрые и недалекие. И такое сочетание черт характера очень необычно. Весьма уместна и толика малодушия.

Словом, нужны были люди, готовые на что угодно, лишь бы гарантировать собственное выживание. Например, согласиться на участие в кое-каких ритуалах. Имелись также кое-какие... мм... договорные обязательства. Но превыше всего ставилось их желание спасти свою шкуру любой ценой. Это сильно облегчает задачу...

Поначалу, Магнус, дела шли наперекосяк. Передо мной выстроили шеренгу самых храбрых и благородных. Осенью семнадцатого года во Франции имелось вдоволь храбрости и благородства в рядах американских войск. — Восковой цилиндр издал смех. — Качества, можно сказать, столь же привычные, как шоколад и жевательная резинка. Да, все эти парни были вполне замечательны, но только по-своему. Они никак не

годились для того способа, которым я собирался воевать. Храбрость и благородство оказались бы... как бы мне выразиться потолковее... Эй, Магнус, помоги-ка. Ты же был предводителем среди людей».

— Они оказались бы непрактичными... — прошептал отец.

«В точку, — сказал Сполдинг. — Я так и знал, что ты поймешь... Ну вот, ушло несколько недель на подбор группы верных приспешников. Одного, к примеру, я выдернул из импровизированной военной тюрьмы. Напрасно он насилует местных жительниц, не снимая форму союзнической армии. И вдвойне глупо это делать, когда они малолетки. Еще парочка оказалась дезертирами. Их я утащил прямо с расстрела, когда они уже стояли с завязанными глазами. Разумеется, я только-только начинал свою карьеру, Магнус. Был зеленым, незрелым бойскаутом по части убийств. Но как мне кажется — и как доказала история, — я обладал качествами лидера. И аппетитом к такому ремеслу».

Отец кивнул. По-видимому, никакого удовольствия от услышанного он не испытывал, но и завороченность тоже не мог перебороть.

«Так же как и сейчас, Магнус. Я до сих пор испытываю этот аппетит, знаешь ли. Я бы сказал, он только возрос».

Отец обхватил голову руками.

«Нам понравится быть в одной команде на борту, — продолжал Сполдинг. — Тебе, конечно, будет отведена подчиненная роль. Но мальчишку своего тебе придется попридержать, чтобы самому не оказаться на дне всей кучи. — В его голосе звякнула сталь. — И я настаиваю, Магнус держи мальчишку под уздой. На моем судне правила строгие. Ослушания я не потерплю. Братья Уолтроу в свое время это прочувствовали на собственной шкуре. Так же как и прочие члены команды за минувшие годы. Дисциплина в открытом море должна быть железной».

Его голос взмыл до злого, пронзительного визга.

— А почему такое название, «Иерихонская команда»? — спросил я.

Пауза.

«Мальчишка, ты будешь обращаться ко мне, как подобает».

— Капитан, сэр, почему такое название?

«Потому что своих людей я сделал инициатами „Иерихонского общества“. Мы выполнили одну очень важную миссию в Руане. Прибыли туда на барже, в тумане пришвартовались к пирсу. И единой командой мы стали именно на ее борту. Все выросло из шутки капрала Тенча. Впрочем, название прижилось. Мы превратились в „Иерихонскую команду“».

— Но почему Руан? Ведь город всегда находился в руках союзников?

Язвительный смехок.

«Что, мой мальчик любит военную историю? Я тебе покажу, что такое война, Мартин. Жду не дождусь».

Голос притих, стал более спокойным и вкрадчивым.

«Давай-ка, Магнус, я расскажу тебе о нашей базе во Франции. Не отказывай старому гордому солдату потешиться воспоминаниями. Я расскажу, как мы создали свою собственную Голгофу у амбара в окрестностях поселка Бетюн».

Но я-то уже слышал про их Голгофу. Мне сообщила Сузанна, которая, в свою очередь, узнала об этом от Пьера Дюваля. Я не желал больше внимать хвастливому и желчному голосу Сполдинга, а потому просто развернулся, вышел из отцовской каюты, захлопнул дверь за спиной и направился к себе. Тем более что мое повествование еще не закончено, надо допечатать текст.

Пересекая камбуз, я увидел крысу. Вернее, грызун заметил меня первым и попытался смыться через щель частично приоткрытой створки буфета. Однако я в свое время занимался боксом; руки у меня быстрые и слишком проворные для этой крысы. Я схватил ее за хвост, взмахнул рукой и, описав полукруг, размозжил ей голову о край раковины. Металл забрызгало кровью. Отвернув барашковую гайку, крепившую захлопку иллюминатора, я вышвырнул дохлую тварь в море. Здоровенная такая зверюга. Ее толстый, грубоворсистый хвост был толщиной с фалинь, а труп при падении издал довольно сильный всплеск. Намочив бумажное кухонное полотенце, я смял его в горсти и протер раковину, после чего выкинул окровавленный комок, опять-таки за борт.

Ну а сейчас настало время несколько изменить угол зрения, под которым я веду рассказ о случившемся. Если до этого речь шла о прошлом, то прямо в данную минуту я сижу за компьютером и печатаю тщательно подобранные слова, излагающие суть моего повествования. В последний раз.

Итак, все эти события уже имели место. Я понял это подсознательно еще зимой, когда умница Сузанна нашла ту газетную страницу в архивах «Ливерпуль дейли пост», которая огорошила меня невероятной схожестью между Джейн Бойт, прекрасноликой правонарушительницей, и Сузанной. Да и кто бы не удивился? Сходство поистине сверхъестественное. Но я не к тому веду. Здесь главное заключалось в той напряженности и усталости, что была написана на лице ее отца, Патрика Бойта. Такое же выражение я видел и на физиономии Фрэнка Хадли, когда на борту «Темного эха», пришвартованного на его верфи, стали происходить трагедии. Несколько минут назад Сполдинг упомянул о неких «договорных обязательствах».

Похоже, что требовались также и жертвы. И, как мне думается, та же самая мысль мелькнула в головах Фрэнка Хадли и Патрика Бойта, когда их рабочих начали приносить в жертву. Сузанна, по сути дела, именно так и выразилась. Она сказала, что все это уже происходило. Господи, ну почему я не прислушался? Через пару минут я напишу ей письмо. Не исключено, что это последняя возможность обратиться к ней, да еще неизвестно, дойдет ли до нее мое сообщение. Но все равно, написать надо. Я перед ней в долгу.

Я уже говорил, что это можно считать дневником, исповедью и хроникой. Одно из перечисленных слов дало мне ключ к ответу, кому именно следует направить этот текст. Очень похоже, что ничего иного я написать попросту не успею. А посему он для меня очень ценен. Впадаю ли я в грех гордыни? Пожалуй, да. Однако в масштабах всей картины сей грех невелик. И мне хочется, чтобы эта история послужила предостережением. Потому что я и впрямь верю, что такие события уже имели место. И мне не хочется, чтобы случившееся с моим отцом и со мной произошло затем с кем-то еще.

Это вы, монсеньор Делоне? Вы читаете мою рукопись? Очень на это надеюсь. И мне очень жаль, что я обременил вас этой задачей. Но ведь вы уже добрались почти до конца. Впрочем, я должен на минуту прерваться, чтобы написать прощальное письмо Сузанне. Всем своим сердцем надеюсь, что мое послание дойдет до вас. Вы знаете, что делать. Вы назвали «Темное эхо» экстравагантной причудой, прекрасной игрушкой, в которой нет ничего зловещего... Вы горько ошиблись. Но ведь Сполдинг занимался этой игрой очень долгое время. Яхта меняла названия, а ее истинный шкипер — имена. В этом я уверен. Однако судно всегда оставалось одним и тем же, игра не менялась, всегда наступала очередь одного и того же кошмарного вояжа.

До меня вновь доносится плач младенца. Никакая это не чайка. Звук исходит из коридора и, боюсь я, принадлежит моей утраченной сестре, Катерине-Энн. Сполдинг перевел на нас ее страдания.

Благослови вас Бог, монсеньор.

Господи, помилуй наши души.

Мартин

На следующее утро она страдала от похмелья, поджидая Элис Донт за уличным столиком кофейни. Прошлым вечером Сузанна выпила слишком много, ища забвения в спиртном, потому что испытывала одиночество и разочарование от бесплодных поисков и страха за Мартина. По части потребления алкоголя она отличалась умеренностью, но ведь и телосложение ее было хрупким. Так что нынешним утром организм Сузанны мучился вчерашней дозой мерло. Яркие пурпурные полосы уличных тентов кофейни неприятно били по глазам. В жестком солнечном свете они казались пропитаны зловещим ядом пиратских парусов. Все на улице несло на себе тот же недобрый отпечаток. Тени на мостовой расплывались мрачными лужами под ногами ничего не подозревающих прохожих.

Элис Донт присела за столик с минутной пунктуальностью. Сузанна вскинула голову и тут же попыталась — безуспешно, правда, — спрятать невольный зев. Элис улыбнулась через плечо на поляка-официанта. Сняла солнечные очки и положила на стол сумочку. Глянцевая крокодиловая кожа, тускло отливающая золотом застежка.

— Что, милочка, не сумели остановиться после восьмой?

— Не знаю, Элис. Я потеряла счет на шестой, — печально усмехнулась Сузанна.

Не говоря уже про «Мальборо», она почти полностью извела пачку. Тут не помешала бы дублинская пепельница Джейн Бойт. Сузанна заполнила бы ее доверху.

— Женщина, чью биографию вы расследуете, — сказала Элис Донт, — обладала крайне мятежным характером. Она поддерживала суфражисток с момента, когда научилась читать. В политике она не разбиралась, однако высоко ценила внешние проявления. Швыряние кирпичами в оконные стекла. Голодовки протеста. Сидячие демонстрации в Уайт-холле. Такого рода вещи ее заводили. — Сузанна кивнула. — Кстати, это не мое личное мнение. Я унаследовала его от матери, которая была женщиной доброй и судила о людях беспристрастно.

— Да-да, прошу вас, продолжайте.

— Джейн Бойт разочаровалась в движении суфражисток, когда Кристабель Панкхерст начала выступать с патриотическими речами в самом начале Первой мировой.

— Но ведь в ту пору она была лишь девочкой-подростком?

— Разочарованным подростком. Впрочем, ее следующее «дело всей жизни» не заставило себя долго ждать. Пасхальное восстание тысяча девятьсот шестнадцатого года привело к разрушению значительной части центра Дублина. И, добавила бы я, вызвало крайнее неудовольствие большинства жителей. Однако наша мисс Бойт нашла себе очередной боевой стяг.

— Стала фенианкой, — кивнула Сузанна.

— Совершенно верно. В возрасте девятнадцати или двадцати лет она повстречалась с Майклом Коллинзом. Кажется, выполняла для него какую-то работу. Ходили слухи про любовную интрижку, но то же самое говорили и про всех прочих женщин в его окружении.

Сузанна вновь кивнула.

— На мой взгляд, тут он переборщил, — продолжала Элис. — Я имею в виду, что таким способом Коллинз пытался скрыть свою истинную привязанность к мужчинам.

— Сомневаюсь, — сказала Сузанна.

— Вот как?

— Как вы сами выразились, Элис, это мнение не мое. Но источник информации абсолютно надежный. Коллинз действительно предпочитал девушек.

— Хм. Что ж... Джейн Бойт того заслуживала. Здесь я с вами спорить не буду.

— Семья страдала от такой ее преданности Коллинзу?

— Пожалуй, нет... Уж во всяком случае после войны, когда этот факт стал общеизвестным. Движение фениев всегда нашло бы себе сторонников в Ливерпуле, стоило ему только опереться на жителей Дублина. В те дни в Ливерпуле проживало много католиков ирландского происхождения. Даже больше, чем сейчас. И Патрик Бойт, отец Джейн, принадлежал к их числу. А Коллинз всегда пользовался популярностью в Англии. Когда его поезд прибыл в Лондон для проведения мирных переговоров с Черчиллем, толпа его чуть ли не на руках понесла.

Сузанна и так все это знала.

— Элис, а что еще вы можете о ней рассказать?

Старушка задумчиво повертела в руках стакан с ледяным кофе.

— Наверное, ничего. После гибели Коллинза и братоубийственной кровавой бани ирландской гражданской войны Джейн разочаровалась в прежних своих привязанностях.

— А вчера вы намекали, что много чего про нее знаете.

Элис Донт поерзала на стуле.

— В самом деле?

— Да.

На секунду Сузанна подумала, что ее собеседница ничего не добавит к своим словам, но та вдруг пробормотала почти неслышно: «Пожалуй, вреда от этого не будет... Все-таки восемьдесят лет прошло...»

Она разговаривала сама с собой. Именно себя пыталась убедить. Затем старушка вскинула глаза на Сузанну, и та поняла, что внутренняя борьба увенчалась успехом.

— У Джейн были какие-то неприятности с полицией. Она вдруг сделала очень резкие и серьезные заявления в адрес одного известного и богатого иностранца.

— Которого звали Гарри Сполдинг.

Элис Донт действительно передернуло при упоминании этого имени или Сузанне так просто показалось?

— Да. Про него. Выступила с обвинениями.

— А вам известно, о чем шла речь?

— Нет. В ту пору я была совсем маленькой. Мне никогда не рассказывали. Это вам придется выяснять самой.

— Я уже пыталась, — сказала Сузанна и махнула рукой в сторону библиотеки. — Ничего я там не нашла. Все угодило под бульдозер, как вы сами вчера упольянули, когда рассказывали про снос биркдейловской библиотеки.

Элис Донт допила свой кофе. Ледышки звенели и побрякивали при ударах о ее вставную челюсть. Она опустила стакан.

— Есть одно место, где вы могли бы попытать счастья. Музей в черчтаунском Ботаническом саду. Если у Джейн Бойт имелось что сказать, и я в этом ни капли не сомневаюсь, она вполне могла оставить там на хранение кое-какие документы. Думаю, вам стоит попробовать там покопаться.

— Элис, а что с ней вообще случилось?

— Сломали ее, — просто и без обиняков заявила Элис. — Этот случай с американцем сломал ее окончательно.

— Я вижу, вы не хотите произносить его имя?

Элис Донт натянуто улыбнулась. Надела солнечные очки и взяла в руки сумочку.

— Никогда и ни за что. До последнего моего вздоха.

— Говорят, нам следует прямо смотреть в лицо своим страхам, — заметила Сузанна.

— Моего сына звали Дэвид. Он был замечательным мальчиком, который превратился в замечательного мужчину. И мудрым, несмотря на то, что творила с ним опухоль, практически до самой последней минуты. Но когда он произносил эту же фразу, то, как мне кажется, имел в виду страхи земные.

Элис подарила ей свою последнюю улыбку, развернулась и пошла прочь сквозь пляшущие солнечные зайчики и тени, которые отбрасывали кроны деревьев и навесы по обеим сторонам бульвара. Сузанна следила за ее величественной и немного деревянной походкой, пока светлый плащ старушки не затерялся среди вереницы туристов и покупателей. Тогда она тоже встала, пересекла дорогу и в турбюро спросила, в котором часу открывается музей при Ботаническом саду. Снаружи и внутри турбюро напоминало гигантскую теплицу, неизвестно почему возведенную в центре города, однако местные работники оказались весьма любезны. Девушка за информационной стойкой не знала часы работы музея и была вынуждена обратиться к справочнику, наводя тем самым на мысль, что искомое учреждение было, пожалуй, одной из самых непопулярных достопримечательностей этого курортного города. Сузанна решила, что это даже хорошо. Новый, интерактивный, «дружественный к пользователю» тип современного музея был ей неприятен и вместе с тем бесполезен. По мнению Сузанны, хранилище фактов о прошлом должно быть как раз старомодным. Ей распечатали карту-схему. Дорога к музею проходила по Лорд-стрит, затем сворачивала на восток по Роу-лейн. Она спросила, можно ли туда добраться пешком. Девушка скорчила гримаску, задумавшись над ответом. Туда мили три-четыре. Сузанна решила, что есть смысл прогуляться. Физическая нагрузка накажет ее за вчерашнюю выпивку и заодно поможет, наверное, избавиться от ее последствий.

По дороге в Черчтаун она не думала про Джейн Бойт и то, что может там обнаружить. Точно так же она не очень много размышляла на тему Гарри Сполдинга, во всяком случае намеренно. Напротив, Сузанна думала про Мартина, про его любовь и ласку и ту отвагу, которую он проявил еще до того, как узнал ее по имени. Храбрость Мартина произвела на нее очень сильное впечатление, причем Сузанна подозревала, что его отец и не догадывался о наличии такого качества в собственном сыне.

В тот день она ехала в метро по Восточной ветке. Ей требовалось самой ознакомиться с Брюнелевским туннелем под Темзой: готовился документальный сериал о викторианской технологии, и Сузанне поручили набрать материал про этого великого инженера. С собой у нее был ноутбук. В вагон ворвалась шайка хулиганов. Один из них напоказ держал

тяжелый охотничий нож с широким лезвием, как у мачете. Ради устрашения, а может, чего и похуже. Когда вооруженный негодяй попытался выхватить ее компьютер, Сузанна по глупости вцепилась в ноутбук. Лезвие взметнулось, чтобы в следующую секунду полоснуть по лицу.

Удар принял на себя Мартин. Он возник как бы ниоткуда, выбросил руку вперед, желая защитить девушку, и нож со всей силы впился ему в предплечье. От неожиданности хулиган ослабил хватку, Мартин оттолкнул его, выдернул нож из руки и отшвырнул его в другой конец вагона. Затем улыбнулся и нанес серию ударов от себя. Ударов жестоких, проведенных с невероятной точностью и скоростью. По сути дела, он до беспамятства избил всю троицу, пока остальные пассажиры глядели в сторону и делали вид, будто ничего не происходит.

Мартин спас Сузанну от уродства. Это он сделал инстинктивно, не обращая внимания на боль или возможные последствия. После освобождения из-под ареста им занялись врачи и выяснили, что у него повреждено сухожилие. Драка в таком состоянии лишь усугубила тяжесть раны. Потребовалось сделать операцию, а на полное восстановление ушло четыре месяца физиотерапевтических процедур. Шрамы от бандитского лезвия и хирургического скальпеля останутся у него на всю жизнь.

Когда Сузанна попыталась выразить свою благодарность, по реакции Мартина стало ясно, что он не усматривал в своем поступке ничего особенного. Он считал, что в таких обстоятельствах любой человек на его месте поступил бы точно так же. Всегда есть правильный и неправильный способ поведения, и Мартин выбрал себе правильный путь, потому что... потому что так надо. Это была одна из черт его характера, которую любила Сузанна. Благородство — очень привлекательное качество, хотя имелись и другие. Сузанна потом не раз шутила на эту тему: рыцарь в сверкающих доспехах, девица в беде и так далее. Но, как бы то ни было, мужчины от этого только выигрывают. Кроме того, она считала, что подобное качество встречается весьма редко.

Черчтаун возвестил о себе скупенной группой коттеджей; некоторые из них стояли под камышовыми крышами. Неброские, крошечные строения, восходящие — как было известно Сузанне — к началу девятнадцатого столетия. Это была наиболее старая часть всего Саутпорта. Конечно, соседние поселки, например Хандрид-Энд или Ормскирк, брали свое начало вообще в седой древности, будучи основанными в эпоху первого вторжения викингов, однако округ Черчтаун явился самым ранним центром Саутпорта, а посему очень подходил для городского

исторического музея. Некоторые коттеджи превратились в магазинчики сувениров и поделок местных кустарей. Там торговали вручную расписанными игрушками, наборами для вышивания, акварелями и кое-каким антиквариатом. Дорожки узенькие, лавочки живописные, но все впечатление портили огромные грузовики, рыгавшие дизельной вонью под жарким солнцем и придававшие Черчтауну вид лабиринта, по которому снуют жирные крысы.

Ботанический сад был тихим, уединенным уголком, отгороженным от шума и пахучих испарений дорожного трафика, однако ему недоставало живости. Все казалось замшелым и плесневелым. Имелся пруд, зеленый от тины и ряски, со множеством кувшинок. На поверхности воды копошились немногочисленные утки. Через пруд был перекинут деревянный мостик. Его краска облупилась, доски прогнили, и Сузанна ни за что не решилась бы встать на него хотя бы одной ногой. Собственно, музей, располагавшийся по левую руку, занимал здание с классическим портиком. Рядом находилась старая оранжерея, переделанная под магазин сувениров и кафе. Сузанне хватило одного мимолетного взгляда, чтобы дать оценку увиденному: ничто в поле зрения не изменилось за последние полстолетия или, если на то пошло, за восемьдесят лет, минувшие с 1927 года. Она поднялась по ступенькам портика и вошла внутрь.

Первый этаж был по большей части занят судном для ловли креветок с раскинутыми по полу сетями. На носу лодки стоял манекен в брезентовой робе, изображавший рыбака, который невидящими стеклянными глазами смотрел куда-то вперед, по-видимому, на воображаемое море и невод, в котором копошился дневной улов. Из экспонатов представлен был также винтажный мотоцикл на пару с древней чугунной печкой. Предметы мебели старательно воспроизводили обстановку аристократической гостиной Викторианской эпохи. Все очень живописно и любопытно, однако в виду не имелось ни одной книги. Удручающий факт. К тому же ни одного музейного работника поблизости. Откуда-то доносилось тихое бормотание радиоприемника, однако людей не было видно.

Сузанна поднялась на второй этаж. Здесь экспозиция состояла из двух больших разделов: катастрофа с барком «Мексика» и дикая природа Файлдкоста, представленная чучелами животных. Таксидермист постарался на славу. Выпотрошенные и набитые соломой звери производили впечатление живых — по крайней мере, насколько это возможно для любой мертвой твари. Сузанна начала подозревать, что Элис радикально ошиблась в своем мнении, посоветовав заглянуть в это случайное нагромождение местных раритетов и курьезных вещей. Сузанне

же требовались книги. Или микрофиши, или легкодоступная компьютерная база данных. Она нуждалась в фактах и откровениях, а не в пыльных экспонатах или старинных полотнах.

Сузанна пошла на жестяной звук радиоприемника, игравшего композицию «Когда ломается любовь». До чего же назойливая мелодия... Приходилось, однако, прислушиваться внимательно, чтобы понять местонахождение источника. Где-то внизу, на первом этаже. Сузанна начала спускаться. Громкость музыки почти не увеличилась. Кто-то слушал ее как бы украдкой, стараясь не нарушать тишину. Оказавшись на площадке первого этажа, Сузанна огляделась. Справа от викторианской гостиной что-то проглядывало, вернее сказать, чернело на темном фоне. Некий дополнительный оттенок мрака, намек на более глубокую тень или даже дверной проем. Сузанна туда и направилась. Звук усилился, хотя насыщенности при этом не приобрел. Его звенящий, металлический тембр в точности совпадал с характером работы карманных транзисторов шестидесятых или семидесятых годов. Что за удовольствие слушать столь вымученную мелодию? А если песня нравится, то впечатление будет еще более противным...

Прямоугольная тень действительно оказалась дверным проемом чулана. Когда глаза привыкли к темноте, Сузанна увидела там сидящую фигуру. Человек поднял лицо на девушку и тут же вскочил на ноги. Одет он был в форменные брюки и свитер с вышитым названием музея. Стало быть, здешний смотритель. Причем время обеденного перерыва еще не наступило. Он явно лодырничал. Мужчина выключил свой транзистор.

— Вам чем-то помочь? — спросил он, смущенно приглаживая волосы пятерней.

— Я собираю материалы на бывшую жительницу Саутпорта по имени Джейн Бойт. — Сузанна достала журналистское удостоверение от Би-би-си и показала его мужчине.

— Вообще-то у нас принято заранее записываться. Ну... по телефону там или по электронной почте. Если, конечно, речь не идет об обычных посетителях.

— Как вы изволите видеть, я не отношусь к обычным экскурсантам. И к тому же не из Саутпорта. Признаться, я раньше и не подозревала о существовании этого ресурса... я имею в виду ваш музей.

Смотритель окончательно пришел в себя после ее неожиданного появления. Похоже, ему польстило, что место его работы назвали громким словом «ресурс», да еще сделала это всамделишная журналистка. «Вот ведь сачок», — тем временем думала Сузанна, разглядывая радиоприемник

на скамейке. Серебристый, прямоугольный корпус, перетянутый с одного угла клейкой лентой.

— Ну, тут у нас два отдельных архива, — сказал мужчина. — Фотоархив с каталогом по дате и теме. А вот письменный архив вообще не имеет картотеки. Года три-четыре назад собирались нанять архивариуса, который составил бы каталог и привел документы в порядок, но бюджет срезали и...

Сузанна кивнула. Знакомая жалоба.

— Если хотите покопаться, то ради бога. Все стоит на стеллажах, примерно по алфавиту согласно имени автора. — Он начал подыскивать ключ из той связки, что висела у него на поясе. — Только это все находится в подвале. Вам придется пройти туда вместе со мной, а вход с тыльной стороны. Там есть дверь в конце и ступеньки вниз. У вас мобильник с собой?

— Да.

— Тогда запишите мой номер. Потому что я за вами запру дверь. Не обижайтесь, но у нас такие правила.

— Ладно, — пожала плечами Сузанна.

Смотритель пошел вперед.

— Надеюсь, вы не страдаете аллергией?

— Что-что?

— Я про аллергию. На пыль.

Сузанна скорее ожидала наткнуться на плесень, на страницы в разводах, прогнившие книжные корешки, но когда мужчина включил свет, в углу подвального помещения обнаружился тихо урчавший осушитель воздуха. Место выглядело сухим, относительно чистым и незагроможденным. Аккуратно расставленные стеллажи. Лампы яркие, белые. В их ослепительном свете бифокальные очки смотрителя посверкивали жадным блеском. Сузанна сообразила, что намек на пыль был всего лишь попыткой розыгрыша.

— Удачи в поисках.

— Спасибо.

— Мы закрываемся в пять. Буду признателен, если вы позвоните... э-э... минут за пятнадцать. Желательно не позднее.

Сузанна бросила взгляд на часы. Около часа дня. Сегодня она даже не позавтракала, но в такой день и обед может подождать. Пешеходная прогулка по Роу-лейн до Черчтауна, похоже, успешно совладала с похмельем, от которого не осталось и следа. Она ощущала себя бодрой и свежей, чувствовала даже прилив возбуждения оттого, что оказалась в

архиве, которым, несмотря на старательно поддерживаемый порядок, никто почти не пользовался. Здесь вполне могут оказаться секреты, запечатленные на бумаге рукой Джейн Бойт до того, как она утратила свои бунтарские склонности. Ключ, запиравший подвальную дверь, еще проворачивался в замке, а перед глазами Сузанны уже всплыл облик Джейн, стоявшей между братьями Жиро на песчаном пляже в кожаной летной куртке. По-кошачьи гибкая, восхитительная фигура с иссиня-черными волосами и улыбкой, сверкавшей в солнечном свете жизнью и озорством.

Предмет поисков обнаружился минут через пятнадцать. Фотоснимок американской делегации в ирландском парламенте уже намекал на то, что документ окажется напечатанным на пишущей машинке. Так оно и вышло. Восемьдесят страниц с двойным интервалом, профессионально выполненный переплет из плотного картона, обтянутого синим дерматином, чей кобальтовый цвет сильно поблек за прошедшие десятилетия. Обложка без каких-либо надписей, но вот на узком корешке имелась строчка слов: «Джейн Элизабет Бойт. Мое свидетельство. 12 августа 1927 г.».

В углу подвального помещения стоял письменный стол. Сузанна подвинула себе стул и присела. Она не захватила перчаток, чтобы переворачивать страницы, не оставляя на них вредных для бумаги следов. С другой стороны, она была уверена, что оказалась первым человеком, который за минувшие восемьдесят лет удосужился раскрыть этот томик. Ничего страшного, древние страницы переживут прикосновение ее рук. Она откинула обложку и бегло пролистнула документ. Бумага оказалась весьма плотной, скорее машинописной, чем писчей, и, наверное, даже похрустывала, когда Джейн заправляла ее в свой «Ремингтон» или «Ройял». Буквы напечатаны ровно, вмятины от индивидуальных литер аккуратно заполнены краской. Судя по всему, Джейн Бойт была опытной машинисткой, печатала быстро, уверенно и чисто. Ни одной ошибки. Судя по проставленным датам, эти «свидетельские показания» можно скорее считать дневниковыми записями. По крайней мере, они следовали строгому хронологическому порядку. Текст охватывал период с 10 мая по 8 августа. И речь в нем шла исключительно о периоде между двумя этими датами 1927 года.

Итак, все «свидетельские показания» Джейн Бойт были сделаны в течение саутпоровского лета Гарри Сполдинга.

Имелось нечто вроде вступления. Джейн подписала его перьевой ручкой, указав полное имя. Это обстоятельство несло с собой намек на

необычную и мрачноватую официозность. Да решила Сузанна, здесь наверняка кроются какие-то тайны. Она поднесла томик к носу. Слабый запах древнего табака и дорогих духов. Сузанна была практически уверена, что в ту пору Джейн пользовалась духами «Шалимар». Мисс Бойт была протофеминисткой, привилегированной революционеркой, которая пилотировала аэропланы и курила на публике. Умная девушка. И прославленная красавица. В возрасте девятнадцати или двадцати лет вполне могла разделять ложе с Майклом Коллинзом.

Сузанна приступила к чтению вводной страницы.

«Каждое написанное здесь слово продиктовано искренностью. Вы, читатель, можете самостоятельно сделать умозаключение о достоверности моего рассказа. Не было ни пересмотра, ни переделки, ни ретроспективного редактирования. Я описывала события именно так, как они происходили. Мой собственный вывод основан на убедительных свидетельствах. Эти доказательства носят косвенный характер, однако после прочтения вы, возможно, согласитесь, что сей досадный факт продиктован вовсе не моим личным желанием скрыть улики. Напротив, я попыталась сделать все, чтобы этого не случилось. Увы, даже в наши дни богатство обладает большей притягательностью, нежели истина. А мнение женщины и ее обоснованные подозрения до сих пор весят меньше, чем слово мужчины. Порой я задаюсь вопросом, суждено ли такому порядку вещей продолжаться вечно.

Когда вы все это прочтете, то, наверное, задумаетесь над персоной автора. Что я могу сказать вам честно? Я впечатлительна и импульсивна. Мои этические взгляды могут вас несколько покоробить. Я хорошо обеспечена. Обладаю независимым характером и до самого последнего времени не знала, что такое страх. Мне довелось видеть настоящее и захватывающее благородство. Этого человека я знаю очень близко, но такое знание ни в коей мере не умалило впечатление от его величия.

Однако, читатель, я познакомилась также и с самим дьяволом. Именно об этой встрече и пойдет речь на последующих страницах».

Сузанна набрала номер, который ей дал лодырничавший смотритель.

Ей не хотелось читать повествование Джейн в этом утилитарном, залитом ярким светом, набитом книгами помещении. Своей интуиции, которая привела ее в Саутпорт, она следовала в надежде отыскать недостающую информацию о Гарри Сполдинге и его проклятой яхте. Что ж, ожидания оправдались, но при этом Сузанна желала бы ознакомиться с находкой в обстановке по собственному выбору. Конечно, дело срочное, однако Сузанна полагала, что в этом случае вынесет из свидетельства Джейн больше. Если ей позволят, то она заберет томик с собой, чтобы прочитать его за столиком «Приюта рыбака». Она ничуть не сомневалась, кого имела в виду мисс Бойт, когда говорила про дьявола. «Приют рыбака» был в свое время расположен по соседству с ныне снесенным «Палас-отелем» и буквально в нескольких сотнях футов от спрятанного на Роттен-роу особняка, где когда-то проживал тот дьявол. Словом, она собиралась прочесть дневник Джейн там, где сильнее всего чувствовались воспоминания о Гарри Сполдинге и оставленные им следы.

— Алло?

— Я нашла, что искала.

Транзистор зрителя вновь оказался включен. Музыка группы «Колдплэй» звучала тихим, чуть ли не дистрофичным фоном. Лодырь, надо полагать, вновь прятался в своем чулане.

— Что ж, поздравляю.

— Можно мне это с собой взять?

Пауза.

— Категорически нет.

— Почему?

— Потенциально ценная вещь.

Саутпортовский акцент придавал его словам невыразительность. В нем не содержалось той относительной гнусавости, которая характерна для жителей Манчестера. Речь зрителя была более медленной и размеренной, нежели у ливерпульцев, и звучала окончательным и бесповоротным вердиктом. Сузанна, однако же, не уstraшилась.

— Но мы же не про Великую хартию говорим...

— Можете ее скопировать.

— Это совсем другое. Да мне бы только на двадцать четыре часа, а?

Музейный лодырь уперся:

— Нет.

— Я вам оставляю депозит. Пятьдесят фунтов. Можно не возвращать. Всего-то на двадцать четыре часа...

Пауза.

— Хм. А я вот за день куда меньше зарабатываю.

Сузанне пришло в голову, что пауза была не случайной.

— Как насчет сотни?

— Договорились.

Она покинула музей при Ботаническом саду с повествованием Джейн Бойт в сумочке. Проходя сквозь Черчтаун в направлении Роу-лейн, она остановилась возле уличных столиков живописного паба под названием «Хескет-армс». Нет, здесь она не читала, просто перекусила. Часы показывали половину третьего, и Сузанна успела очень проголодаться. Солнце нагрело потертую столешницу, за которой она пристроилась. На стенах паба ярко зеленел плющ. Цветы, вывешенные за окна в ящиках с недавно политой зелглей, пахли пряной сладостью. Сузанна заказала сырный салат, и он оказался превосходным: свежий хлеб с хрустящей корочкой, рассыпчатый ланкаширский сыр и сочные помидоры, недавно собранные в теплицах на одной из загородных ферм, что располагались на равнинах Южного Ланкашира. Сцена была бы идиллической, кабы не грузовики, чьи выхлопы клубились в летнем свете, коверкая виды.

Сузанна вернулась тем же путем, которым пришла. Оказывается, в Саутпорте нет такси. Вернее, как таковые такси-то есть, однако они не останавливаются на улице, если просто поднять руку. Они наблюдались в большом количестве — и ни одна машина не притормозила возле Сузанн за минувшие дни, сколь отчаянно она бы ни махала. По-видимому, пассажиров им разрешалось брать только на строго отведенных стоянках, но где они, эти стоянки, она не знала. Конечно, можно было заказать машину по телефону, однако Сузанна понятия не имела, куда звонить. Ясное дело, в «Хескет-армс» не отказались бы вызвать для нее такси, но погода стояла изумительная, незнакомые улочки выглядели живописно и напрочь отличались от того, к чему она привыкла. Саутпорт был по своей сути викторианским городом и, если вести речь об архитектуре, практически не затронут современными веяниями. Сузанне понравилось ходить пешком, понравилось ждать новых впечатлений. Словом, пешком она и отправилась.

К четырем часам она добралась до того места на Роттен-роу, где, как ей было известно, располагался холм с особняком Сполдинга. Она посмотрела на свою сумочку. Дневник Джейн находился под защитой крупноформатного конверта с пластиковой пузырчатой пленкой. Конверт ей дал музейный смотритель, настаивавший, что обложку тома надо предохранить от солнечных лучей. Так он хотел продемонстрировать — запоздало, правда, — свой профессионализм вкупе с совестью и

компетентностью. Сузанна мучилась желанием поскорее взглянуть на содержимое конверта, однако дом на вершине крутого травянистого склона притягивал ее внимание с необъяснимой силой. Надо бы посмотреть на него еще разок. Просто кинуть взгляд — и все. Сузанна саму себя уговорила, что сейчас, в ярком солнечном свете, когда школьницы, помахивая ракетками, стайками идут к цементным теннисным кортам в парке «Виктория», не случится ничего страшного, если она украдкой поглядит на особняк.

На сей раз Сузанна вела себя нахальнее. Она поднялась по каменным ступеням, украшенным терракотовой мозаикой, сняла щеколду калитки на вершине лестницы, сделала глубокий вдох и направилась к дому через сад. Удар — психологический — последовал тут же. Его можно было уподобить арктической перемене погоды или кулаку под дых. Все здесь выглядело иначе, причем с неправильной стороны. Сузанну охватила дрожь, на лбу и висках влажно замерцал холодный пот. С каждым шагом неприятное чувство лишь усугублялось. Ее окружала тишина, про которую предчувствие говорило, что в любой момент глухое молчание разорвется отчаянным криком, куда вольется и голос Сузанны. Чувство уже знакомое. Она его помнила. Тот же инстинкт ужаса, который она испытывала в амбаре Дюваля и на подходе к нему, пока сам Дюваль не появился в дверях — грубоватый, уверенный, вооруженный и очень надежный после потусторонних опасностей амбара.

Что натворил здесь этот Сполдинг? Сузанна пошла назад. Поневоле. Она не могла заставить себя сделать еще хотя бы шаг. Почва словно прогнила под ногами. Запашок смерти висел над землей зеленоватой бледностью. Сузанна бегом кинулась к воротам, вынырнула наружу и понеслась по кирпичным ступеням обратно к здравому рассудку, улыбающимся прохожим, кавалькаде любителей верховой езды и к машинам, которые медленно двигались по Роттен-роу, стараясь подальше объезжать лошадей в атмосфере безопасности, надежды и ярких цветов восхитительного июньского вечера.

На борту «Темного эха»

Похоже, от привычки записывать мысли трудно избавиться. Сейчас я это делаю не с помощью клавиатуры, а собственной рукой, да еще на страницах одного из переплетенных в сафьян томов, которые отец планировал использовать для ведения судового журнала. Аккумулятор моего ноутбука сел, а поскольку у нас больше нет электричества, я пишу эти строки при свете керосиновой лампы, пользуясь авторучкой отца. Даже

скипер «Андромеды» не смог бы превзойти меня в этот момент по части аскетичности и приверженности к традициям. Капитан Штрауб, однако, вряд ли бы мною гордился. Он передал мне предупреждение, которое я решил проигнорировать. Конечно, в ту минуту я уже не был под его командованием, но все равно мне бы следовало прислушаться. Узнав о моем нынешнем затруднительном положении, он был бы разочарован. И оказался бы совершенно прав, считая, что я сам в этом повинен.

Я сижу в своей каюте, за запертой дверью, и пишу, пристроившись за письменным столом. Отец лежит в беспмятстве на моей койке. Снаружи порой доносятся звуки, словно что-то ползает по коридору. По крайней мере, такое возникает впечатление. Слышится собачье рычание, иногда младенческое хныканье. Гораздо реже и поэтому всегда неожиданно и страшно звучат истерические вопли до смерти перепуганной женщины. Эти крики раздаются в отцовской каюте, которую, конечно же, правильнее назвать каютой Сполдинга. Часто звучит смех, но он всегда мрачный. Порой я различаю мольбу шепотом, которой отвечает тишина. И еще надо сказать про запах. Оттенков в нем больше, чем разнообразия в звуках. Иногда запах превращается в едкую вонь, иногда он становится гораздо тоньше, намекая на духи — цветочные и тяжелые, как «Арпеджио» или «Мицуко». Время от времени его сменяет аромат крепкого табака, а порой и рома. В отдельные минуты мне кажется, что я чувствую зловоние кордита, резкое и свежее, словно поблизости выстрелила гаубица. Часто появляется медянистый привкус только что пролитой крови. Кислые испарения страха. Но хуже всего непреодолимый запах смерти, который испускает труп самоубийцы по имени Габби Тенч, разлагающийся в тухлой жаре Гаванского залива.

Таковы воспоминания яхты, все эти разнообразные и случайно возникающие запахи и звуки, их сила и резкость только возрастают по мере нашего приближения к точке встречи с истинным хозяином судна. Гарри Сполдинга можно уподобить парадоксальному привидению, потому что мне почему-то кажется, что он вовсе и не призрак.

Помнится, Сузанна рассказывала, что еще в январе встретила привидение в Дублине. Ее визитер оказался безобидным. Подозреваю, что она видела его еще раз, однако меня в известность не поставила. При жизни ее потусторонний гость был порядочным волокитой. Сузанна в тот период усиленно разыскивала его следы, и, по-видимому, он счел этот факт достаточным основанием для того, чтобы посмотреть на нее повнимательней. Как бы то ни было, он не желал ей ничего плохого вне зависимости от того, заметит его Сузанна или нет. Да и вообще, мертвецы

не вредят. Вот не верю я, что мертвец способен причинить физический вред живому человеку.

Ничего безобидного в Сполдинге не было. Никогда. Над этим вопросом я много размышлял после длительных и безуспешных попыток отправить свое изложение событий монсеньору Делоне, пока отец упорно пьянел все больше, а яхта покачивалась под моими ногами, продолжая следовать своему непреклонному курсу. Сполдинг применил оккультные знания, чтобы не дать смерти подступиться к нему во время войны. Он организовывал варварские и богохульные ритуалы, гарантировавшие его выживание. Устраивал — вновь и вновь — человеческие жертвоприношения. Я подозревал, что та женщина, которая якобы покинула Сполдинга сразу после швартовки в Римини, на самом деле была первой его жертвой в мирное время. А Тенч и братья Уолтроу? Ведь то же самое, похоже, случилось и с ними. Очередное жертвоприношение состоялось недавно. Погиб мужчина, который истек кровью из-за невероятного несчастного случая на верфи Фрэнка Хадли. И еще мне кажется, что в утраченном судовом журнале «Темного эха» можно было найти документальные свидетельства о значительно большем числе смертей, которые произошли на борту яхты за те годы и десятилетия, что разделяли Габби Тенча и злосчастного рабочего. Однако сам Сполдинг покончил с собой в 1929 году. Спрашивается, с какой стати давно скончавшийся человек до сих пор вынужден оплачивать дьяволу цену бессмертия? Бессмыслица. Он не должен этого делать. И какой отсюда вывод? Моя собственная логика заставляла прийти к умозаключению о том, что Сполдинг на самом деле никогда и не умирал.

Иконка «Отослать» до сих пор мигала на компьютерном экране. Провидение само решит, получит ли Делоне мое электронное завещание. Сейчас оно находится вне моего контроля, вышло в киберпространство за пределы досягаемости моих рук. Я поднялся и, окончательно решившись, приблизился к отцу. Надо спросить про судовой журнал, ведь однажды он упомянул, что прочел его. Вообще говоря, к этому утверждению я отнесся скептически: он мог заявить так из простого желания заставить меня замолчать, когда на верфи Хадли появились подозрения, что «Темное эхо» проклята. С другой стороны, не исключено, что он и впрямь просматривал судовой журнал. Отец всегда был ненасытным читателем и крайне любознательным человеком, а яхта была его долгожданным призом.

Выяснилось, однако, что от отца ничего добиться невозможно. Он лежал без сознания на полу. Поначалу я даже испугался, что у него инсульт, но потом сообразил, что черты лица выглядят симметрично, а в

распластанном теле нет той характерной деревянности, свидетельствующей о частичном параличе. Дыхание тяжелое, но ровное. Я пригнулся послушать биение сердца. Ритм устойчивый. Младенческий плач на борту подверг его страшной пытке. Наверное, так оно и было задумано. С тупой уверенностью я понял, что плакала вовсе не моя младшая сестра, а какой-то другой ребенок, жертва кровавой истории яхты. Отец же считал, что это была Катерина-Энн, явившаяся в наказание за какое-то прегрешение, которого он никогда не совершал.

Итак, отец из-за глубокого потрясения спрятался внутрь себя, оставив меня бороться в одиночестве. Я поднял его на руки и перенес в свою каюту, где уложил на койке. Поцеловал в щеку и накрыл одеялом до подбородка. Пригладил растрепанные волосы, чтобы вернуть отцу хоть какое-то подобие достоинства. Помолился за него. А затем, заперев за собой дверь, вернулся в капитанскую каюту. Машинка с восковыми цилиндрами, которую я достал из прогнившей упаковки, стояла в прежнем положении. Такое впечатление, что она больше никогда не сможет играть. Но я все же вынул уже прослушанный цилиндр из гнезда и вставил новый — вонючий и скользкий от жирной гнили.

— Зачем вы инсценировали собственное самоубийство?

Игла упала на восковую поверхность, и цилиндр начал вращаться.

— Ты будешь обращаться ко мне, как подобает, — приказал голос Сполдинга. — Со словами «капитан» или «сэр». Нарушения субординации я не потерплю. Этот урок может обойтись тебе очень дорого.

— Сэр, зачем вы инсценировали собственное самоубийство?

Продолжительная тишина, настолько глубокая, что я мог слышать посвистывание кончика иглки на восковом цилиндре. Происходящее нарушало законы физики, однако Гарри Сполдинг сумел-таки проложить собственную мрачную дорожку сквозь рациональный мир, взнуздав для этого законы магии.

— Мои родители следовали пути, на который очень косо поглядывали в «земле отважных и доме свободных». Наша вера преследовалась, была поставлена вне закона. Человек от ФБР по фамилии Грэй организовал уничтожение нашего храма. Родители молились за отмщение.

«Интересно — кому», — подумал я. Хотя ответ и так знал.

— У Грэя была дочь. Мечтала стать танцовщицей. Я за ней приударил. Да, дружище Мартин, принялся ухаживать. Взял с собой в Европу, которую она видела в грезах о сцене, оvationях и цветочных венках. Зарезал я ее мясницким ножом. Разделал на куски и, привесив тяжести, утопил в гавани Римини.

— И ее отец об этом узнал...

— Ее отец к этому моменту был мертв. У него, однако же, был верный и давний друг из числа сослуживцев, по имени Джиафранко Дженелли. Весь клан Дженелли состоял в рядах сицилийской мафии. Один лишь Джиафранко был белой вороной. Впрочем, он поддерживал добрые отношения с людьми по обеим сторонам закона. После Римини почва под ногами старого Гарри Сполдинга стала слишком горячей. Он менял местожительство, но люди Дженелли следовали за ним по пятам. Портили мне весь стиль, я бы сказал. Наконец Гарри был вынужден сказать «прости-прощай» в несколько экстравагантной манере.

Должно быть, предположил я, это было не так уж и сложно проделать в Нью-Йорке в 1929 году. Во всяком случае, для умопомрачительно богатого человека, которым являлся Гарри Сполдинг. И уж конечно, не сразу после колоссального биржевого краха, когда Великая депрессия, казалось, будет продолжаться и углубляться вечно.

— Значит, все-таки сошло вам с рук...

— Что именно?

— Убийство той девушки.

— Да мне вообще все сошло с рук.

— Сполдинг, где вы сейчас?

— А это, старина, ты скоро сам узнаешь. И зови меня либо «капитан», либо «сэр». Я, понимаешь ли, с Хемингуэем боксировал. И одержал верх. А Скотта Фицджеральда обставлял по части выпивки так, что он под стол съезжал.

— И еще вы посулили Бриктоп сотню тысяч долларов за ночь... а она вас послала куда следует.

Недовольное мычание, затем душная тишина. Наконец:

— До скорой встречи, юнга. Жду не дождусь.

Пусть моя храбрость и была напускной, я все же не пал духом окончательно. Я вернулся в полутемное убежище, где беспокойным сном спал мой больной отец. Ничего на борту яхты не случится — по крайней мере, вдали от суши. Вплоть до того момента нам не грозит никакая реальная опасность. А вот когда мы достигнем берега, то окажемся поблизости от Гарри Сполдинга, который никогда не умирал. Он поднимется на борт и возьмет командование в свои руки. И мы отправимся в свой истинный вояж. «Темное эхо» начнет играть ту роль, для которой и была предназначена. А уж что тогда случится... тут и гадать нечего.

«Саутпорт, 10 мая 1927 г.

Мне все-таки предстоит с ним встретиться. Риммеры устраивают вечеринку в саду. Приглашение я получила сто лет назад, а сегодня обнаружила, что человек, которого все называют несносным американцем, также числится в списке гостей. Томми Риммер очень извинялся, когда позвонил сегодняшним утром, но сказал, что не думает, что он придет. В конце концов, за ним водится репутация непредсказуемого человека. Наверное, он специально культивирует такой свой образ, чтобы казаться интересным, а не просто неотесанным. Впрочем, я лично полагаю, что он заявится. Встреча с ним казалась неизбежной уже с той минуты, когда его разбитая гоночная шхуна приплелась в ливерпульскую гавань. Про меня он не знает. Странное и жутковатое совпадение, что его лодку поставили на ремонт в верфи моего отца. Отцу же, как мне представляется, даже не пришло в голову упомянуть о нем, а я, в свою очередь, не собиралась ничего рассказывать отцу.

К Риммерам придется пойти. Отказаться сейчас было бы слишком неприлично. И я не желаю, чтобы какой-то мужчина диктовал мне, что, как и когда делать. А конкретно этому типу я не позволю, чтобы он вынуждал меня действовать из чувства страха. Боюсь ли я его? Пожалуй. Даже через восемь лет накопления жизненного опыта и зрелости, после всех событий, воспитавших во мне упорство, я до сих пор боюсь Гарри Сполдинга. Но было бы абсурдом из-за него пропустить вечеринку у Риммеров.

Может статься, он меня и не узнает. Я не стану напоминать, если моя внешность и имя уже выскользнули из его памяти. Я всегда смотрела в лицо своим страхам, однако на сей раз положение иное. Если он меня позабыл, я буду вести себя прагматично. Как утверждает поговорка, „главное достоинство храбрости — благоразумие“, и мне придется хотя бы раз согласиться с этим мнением, пусть даже в обычной ситуации я сочла бы достойной презрения подобное малодушие.

А что, если он меня не забыл? В чем будет заключаться смысл нашей сегодняшней встречи? Я уже говорила, что от нее веет роковой неотвратимостью. Ну конечно же, он меня вспомнит. Я лишь надеюсь, что он достаточно повзрослел, чтобы испытывать стыд и раскаяние, которые некогда были ему чужды.

Гарри Сполдинг пытался меня изнасиловать. Выбил дверь моего

гостиничного номера в „Шелбурне“ и захотел взять меня силой. Я сопротивлялась, но он, несмотря на худощавое телосложение обладал чудовищной силой, просто невероятной. Возможно, это была сила сумасшедшего. Я переодевалась к ужину, когда он ввалился. Сорвал с меня платье, швырнул на постель и заломил руки. Я укусила его так, что брызнула кровь, но это, кажется, его только подстегнуло. Наверное, я кричала. В комнату прибежал Боланд с пистолетом в руке. Он ткнул дуло под нижнюю челюсть Сполдинга и очень спокойным тоном заявил, что вышибет ему мозги, если тот меня немедленно не отпустит. Клянусь, ухмылка ни на секунду не сошла с лица Сполдинга. Даже не ухмылка, а оскал мертвеца, гротескно перекосивший его черты. Он сполз с кровати, однако Боланд по-прежнему держал его на мушке. Сполдинг выглядел опасным человеком. И, как я уже говорила, напоминал умалишенного.

Вошел Мик Коллинз. Наверное, до него донеслась суматоха. Он сбросил плащ, прикрыл им меня и спросил, как я себя чувствую. Потом он сказал Боланду отвести меня в его комнату, а затем заказать на мое имя другой номер. „Здесь вам находиться нельзя“, — сказал он. Когда Боланд прикрыл дверь, я услышала звук пощечины. Мик Коллинз был тогда на пике физической формы, и каждая унция его репутации боксера была честно заработана. Я думала, он сделает из Сполдинга отбивную. Надеюсь на это. Увы... Вскоре после того как Боланд отвел меня в номер Коллинза, появился и сам Мик. Он прошел в ванную, до отказа отвернул кран с горячей водой и этим кипятком принялся отмывать руки. Когда он вошел в комнату, кулаки его были разбиты, а костяшки пальцев отчетливо вздулись. Под глазом темнел синяк.

Позднее, покидая гостиницу под присмотром двух людей Мика, я мельком заметила Сполдинга. У него был разбит рот, лицо распухло и было усеяно кровоподтеками, однако следы побоев исчезали чуть ли не на глазах. Под запекшейся раной на верхней губе играла полуулыбка.

— Наверное, проще самого Люцифера отдубасить, — заметил Мик, наливая себе бренди из бутылки, которую принес Боланд. — Пожалуй, его надо было просто пристрелить.

— Не позволю, чтобы вы в кого-то стреляли из-за меня, — запротестовала я.

— Да и все прочие американцы такой вой поднимут... — сказал Боланд.

— Все прочие американцы вполне достойные люди, — ответил Мик.

— Нет, не позволю, чтобы вы в кого-то стреляли, — повторила я.

— Что ж, придется нам этого мерзавца посадить на первый же

пароход из Дублина. Боланд позвонит и все организует. — Мик отставил бокал и подошел ко мне.

На мои плечи по-прежнему был накинут его плащ, и от воротника исходил запах, который помогал успокоиться и перестать дрожать. Он улыбнулся и погладил меня по щеке. Прикосновение оказалось бесконечно ласковым, несмотря на то что рука его была повреждена.

И на этом все кончилось. Я больше не думала про Гарри Сполдинга, вернее, вплоть до того момента, когда его лодка притащилась на отцовскую верфь, а в газетах появились заметки про шторм».

«12 мая 1927 г.

Сегодня вечером Риммеры устраивают вечеринку. Их дом — один из самых внушительных на всем Вестбурнском шоссе. Он выходит на гольф-площадку, где Томми встретился с моим омерзительным американцем. Я несколько удивлена тем, что прием вообще состоялся, хотя Сполдинг тут ни при чем. Я имею в виду, что из „Палас-отеля“ пропала горничная. Та же девушка раньше работала у Риммеров, помогала Норе присматривать за младшей дочерью, пока Бонни не пошла в школу. Ушла она потому, что — по ее словам — искала разнообразия и хотела попробовать себя на гостиничной работе. Расставание вышло вполне сердечным, тем более что у Риммеров она прослужила без малого год. По сообщениям газет, полиция подозревает, что за ее исчезновением стоит некий преступный умысел. Бонни была к ней очень привязана, и мне представляется, что вечеринка неуместна, по крайней мере пока девушка не объявится в целости и сохранности. А может, все дело просто во мне и в тех чертах моего характера, которые Томми Риммер называет „претенциозными потугами на фабианство“. Фабианство или социализм. Не думаю, что люди вроде Томми умеют различать два эти понятия. Когда человек живет лишь ради того, чтобы его гандикапный счет в гольфе стал равен нулю, безделье обязательно начинает сказываться на его умственных способностях».

«13 мая 1927 г.

Вечеринка прошла без инцидентов. По крайней мере, если иметь в виду несносного американца. Сполдинг очень изменился, в нем мало что осталось от того худосочного юнца в полосатом костюме, каким он был в 1919 году в Дублине. Сейчас он международный плеейбой и яхтенный гонщик. Очень загорелый, физически заматеревший. На нем совсем нет жира. Этими мускулами, как я подозреваю, он обязан ежедневным упражнениям по поднятию парусов и затаскиванию якоря. Его светлые

волосы до такой степени выгорели от солнца и морской воды, что стали практически белыми. Одет он был безукоризненно, с жемчужными запонками и заколками на манжетах и воротнике. Не думаю, что мне когда-либо раньше доводилось оказаться поблизости от столь отталкивающего человека.

Он меня не узнал. А если и узнал, то не смог припомнить. Таких умелых актеров не бывает, а его манеры на протяжении всего вечера были непринужденными и благодушными. Перед аудиторией из самопровозглашенных представителей саутпортской богемы он разглагольствовал о парижской жизни. Даже издали я могла его слышать. Его голос отличается той пронзительной тональностью и типичными для Новой Англии резкими гласными, которые в летнем воздухе выбиваются из общего шумного фона, будь то внутри помещения или снаружи. Он знаком с Хемингуэем и Скоттом Фицджеральдом. С Браком, Пикассо и Делоне. Во всяком случае, так он утверждает. Сухопутный мир Сполдинга, судя по всему, состоит из ночного клуба Бриктоп, ипподрома в Огей и первого ряда мест возле монпарнасского боксерского ринга на матчах с участием Джорджа Карпентьера. Все это наводит на мысль: а здесь-то что он делает? Ну конечно, к нам он попал случайно, а вовсе не преднамеренно. Авиаклуб, гольф в Биркдейле и скачки в Эйнтри должны занять его время, пока рабочие моего отца чинят его яхту, силясь уложиться в те удивительно поспешные сроки, о которых отец объявил газетчикам.

Ему нравится и Дублин. Он с увлечением разглагольствует об Ирландии. Я бы скорее решила, что та взбучка, которую он претерпел от рук Мика Коллинза и Гарри Боланда в отеле „Шелбурн“, уничтожила бы в зародыше любую возможную привязанность к ирландцам, но Мик и Боланд давно мертвы, оставив по себе лишь примечания к кровавой саге ирландской политической истории. Только примечания, если вычесть все сантименты. Получается, последним-то рассмеялся как раз Сполдинг, и сейчас он может позволить себе кое-какую душевную щедрость в отношении Ирландии вообще и Дублина в частности.

Не думаю, что моя оценка отвратительных качеств Сполдинга нашла бы широкий отклик. Он богат, необычен, атлетически сложен и любит земные радости. И этот коктейль вполне достаточен, чтобы вскружить голову многим дамам. Окружавшие его толпы состоят не только из местного бомонда, привлеченного надеждой уловить крохи со стола светских сплетен из жизни великих художников или писателей. В течение этого вечера в сферу его притяжения оказались вовлечены некоторые

незамужние женщины. Впрочем, несмотря на его присутствие, общая атмосфера была приятной. Погода стояла великолепная, угощение достойно всяческих похвал, а сам Томми Риммер находился в необычайно приподнятом настроении. В конце концов, Сполдинг был лишь одним из сотни гостей. Риммеры пригласили джаз-банд. Воду в плавательном бассейне засыпали восхитительным ковром из лепестков орхидей и роз. На столах стояли хрустальные вазы с глянцевыми горками черной икры во льду. Два лондонских профессионала провели показательный теннисный матч, после чего преподали наиболее отважным гостям несколько уроков, как улучшить технику подачи. Впрочем, имел место один неприятный инцидент, несколько подпортивший — по крайней мере, в моих глазах — ход вечеринки.

Томми Риммер обладает счастливым свойством делать деньги. Этот талант он обнаружил в себе во время войны, которую провел в ничтожном звании младшего лейтенанта. Служить его поставили в тыловое обеспечение, потому что он отличается педантичностью, вниманием к деталям — и имеет врожденный порок сердца. В конце концов его списали после одного из германских артобстрелов, когда, вместо того чтобы ударить по переднему краю, снаряды накрыли склад Томми. Он получил ранения, но выжил. За тот период, что он провел в полевом лазарете, а затем и в настоящей французской лечебнице, куда его отправили на реабилитацию, он разработал более эффективный подход к армейскому снабжению по сравнению с той хаотической моделью, которой его заставляли следовать.

Томми не был столь глуп, чтобы применить свое открытие к конфликту, из-за которого едва не лишился жизни. Выйдя в запас после объявления перемирия, он сумел уговорить один из комитетов военного министерства выслушать его соображения. Умозаключения оказались настолько впечатляющими, что его поставили на должность советника по закупкам военных материалов. В качестве вознаграждения Томми получал по одному шиллингу с каждого сэкономленного фунта. Подписав контракт, он встал на верную дорогу к приобретению очень внушительного богатства.

Политические воззрения Томми остаются для меня загадкой, как, впрочем — подозреваю я, — и для него самого. Не говоря уже про его жену Нору, которую он боготворит. Есть, однако же, одна область, в которой он проявил себя закоренелым либералом: это воспитание детей. Младшее поколение Риммеров безраздельно господствует в их доме. Такое впечатление, что вся семья считает ересью идею о том, что ребенка должно

быть видно, но не слышно.

По крайней мере, так они считали вплоть до сегодняшнего дня.

Вечеринка состоялась в саду. Поэтому, разумеется, там же находились и дети. Майские сумерки в Саутпорте наступают довольно поздно, и в девять вечера, когда троих детей Риммеров повели укладываться по кроватям и колыбелям, было еще светло. К этому часу они падали с ног от изнеможения. Родители, любящие своих собственных детей, склонны сентиментально сюсюкать по поводу детей своих друзей. Это дорогой сердцу инстинкт. Одна из вещей, которая делает нас людьми. Играя роль тетушки Джейн, я подарила каждому ребенку по поцелую, прежде чем их — усталых и тихих — отправили в страну зевков и клюющих носов.

Однако Бонни потом вернулась. Можно сказать, это я сначала услышала, а не увидела, потому что разговоры вдруг смолкли, пока девочка ковыляла по саду. Только потом я нашла ее взглядом. Так же как и все остальные гости. Вся толпа замерла с бокалами и сигарами в руках, и присутствующие, будучи сами не вполне трезвыми, ошеломленно следили за неловкой поступью Бонни. Воцарилось полное молчание. Девочка вскинула руку и обернулась. Вернее сказать, развернулась. Как флюгер на ветру. И куда-то показала пальцем, после чего испустила вопль, от которого даже у спящего человека кровь немедленно застыла бы в жилах.

Затем она упала в обморок. Отец подхватил ее на руки и отнес в кровать. Вечеринка же успела набрать такой размах, что продолжалась, несмотря на детский лунатизм. Мой же аппетит к развлечениям, и без того ослабленный присутствием Сполдинга, из-за этого события угас окончательно. Я попыталась развеяться беседой с одним из братьев Жиро, который предвкушал открытие новой фешенебельной купальни на саутпортском взморье. Успев облететь на своем аэроплане почти готовое строение с водяными горками и вышкой для прыжков, он то и дело вставлял словечко *magnifique*.^[7] Однако мой былой энтузиазм в отношении пересудов и сенсаций полностью испарился. Я откланялась и нашла себе убежище в автомобиле, который вместе с шофером прислал отец. Я не была пьяна и могла бы самостоятельно сесть за руль или просто отправилась бы пешком потому что особняк Риммеров находился едва ли в миле от моей квартиры. С другой стороны, было бы глупо планировать обратную прогулку домой, не выяснив перед этим, как Гарри Сполдинг отнесется к моему присутствию.

Когда Бонни закричала, я тут же оглянулась в его сторону. И увидела, что он смотрит на меня. Я ничего не смогла прочесть в выражении его лица. Ничего очевидного, никакой похотливости или открытого

любопытства. Он словно был глух и слеп, совершенно не реагировал на необычное поведение маленькой девочки. А затем какая-то женщина в палантине с яркими перьями подошла к нему, и он весь расцвел улыбками, внимая ее словам и, по-видимому, напрочь забыв обо мне.

Я допустила изрядную глупость, упомянув людям о том, что уже знакома с этим человеком, хотя и сделала это мимоходом, когда прочитала о шторме и приключениях Сполдинга в газете. Обстоятельств нашей встречи я не разглашала, просто сказала, что в Дублине имел место неприятный инцидент. Напрасно. Следовало бы все оставить в тайне. Под изысканным флером разговоров про Хемингуэя и Пикассо скрывается, как мне кажется, холодный и опасный человек. Полировка камня придает глянец граням, вызывает яркий блеск на поверхности, но ничуть не уменьшает жесткость и не меняет его фундаментальную природу. Жаль, что я не позволила Мику Коллинзу его застрелить. А больше всего жаль, что я не догадалась тогда выхватить у Боланда пистолет и самой выбить ему мозги».

Сузанна оторвалась от страниц и, помаргивая, оглядела небо. Смеркалось. Вечер обещал ыть долгим, жара и напряжение успели покинуть день. Стрелки показывали шесть часов. Она уже симпатизировала Джейн Бойт и жалела ее. Джейн даже не довелось утешиться реабилитированной репутацией Майкла Коллинза, признанием его достижений: ведь это случилось сравнительно недавно. Своекорыстные ирландские политики, недовольные прозябанием в тени великого человека, на многие десятилетия после гибели Коллинза подорвали его образ в глазах широкой публики. В 1971 году, когда умерла Джейн Бойт, он по-прежнему являлся примечанием к ирландской истории, как об этом она и писала в 1927-м. Словом, не удалось ей облегчить свою скорбь.

Сузанна отложила рукопись на стол, открыла сумочку, достала пачку «Мальборо» и затянулась сигаретой. Она была слишком ответственным человеком, чтобы обкуривать дымом драгоценные страницы. С чтением придется немного повременить. Сузанна отпила из стакана. Из всех посетителей паба — три-четыре человека, не больше — она оказалась единственной, кто решил усесться за уличный столик. На другом торце щебеночной площадки находилась цементированная лунка для барбекю, испещренная ржавыми потеками. Конечно, дожди здесь не редкость, однако сегодня ей повезло с погодой. Сузанна бросила взгляд в ту сторону, где некогда располагался «Палас-отель», помпезное здание с высоким фронтоном и королевскими башенками. Ничего не дошло до наших дней; не сохранилось даже намек на существование гостиницы, где между

этажами сновали лифты с привидениями, где собирались сверкающие толпы гостей и где произошли смерти, чей печальный мартиролог до сих пор требует своего объяснения.

Позади Сузанны, примерно в сотне ярдов, начиналась улица Роттенроу, отходившая от Уэлд-роуд. Даже здесь чувствовалось присутствие особняка Сполдинга вместе с его призраком — на редкость сильное, контрастное ощущение, проявлявшееся зудом между лопаток, от которого никак не удавалось отделаться, сколько себя ни почесывай. Сузанна раздавила окурок в пепельнице и выдохнула дым в небо, с тоской думая о том, до чего же приятен вкус табака.

«26 мая 1927 г.

Сегодня мы впервые посетили вновь открытый плавательный бассейн. Очередь к входным турникетам тянулась извилистой пестрой змейкой из веселых, разряженных купальщиков. Я подумала было, что мы простоим в ней целую вечность, хотя на самом деле ждать пришлось едва ли минут десять. Бассейн поистине удивителен: исполинский овальный пруд с морской водой в окружении живописных камней и сидений, чьи ряды образуют амфитеатр. Ближе к берегу расположен высокий купол кафетерия, на вершине которого поместили стеклянную сферу с изображением континентов. Я уже знала, что меня ждет, потому что неделю назад облетела бассейн на аэроплане, однако с земли впечатление получилось более грандиозным. Кабинки для переодевания с противоположного торца своими гребенчатыми фасадами и колоннами напоминают храмы. Это зрелище наполняет мое сердце гордостью за наш Саутпорт. Признаться, такое чувство для меня в диковинку, и лет десять назад я бы с ходу отмела любые проявления гражданской гордости, как буржуазную кичливость. Должно быть, с тех пор я просто повзрослела, к тому же этот великолепный пример благоустройства доступен любому желающему, способному оплатить скромную цену за входной билет. Здесь есть трамплины для прыжков, металлический лоток для скатывания в воду... Словом, чудесное место. Люди его заслужили. Мой энтузиазм не ослаб даже при виде Гарри Сполдинга. Он сидел в купальном костюме на корточках, втирая масло в спину женщины, которая разговаривала с ним на вечеринке у Риммеров. На нем были солнечные очки, а загар, кажется, потемнел еще больше. Он невероятно мускулист, и в резком свете дня его тело смахивало на хитиновый панцирь какой-то крупной и опасной твари. Я даже поежилась от такой мысли. Что-то в нем напомнило мне краба или богомола.

В бассейн я отправилась вместе с Хелен Сайкс и Верой Чедвик. Хелен отдаленно знакома с той девушкой из Ормскирка, которая пропала неделю назад. За Верой ухаживает инспектор, работающий в отделе убийств ливерпульского департамента, и, словно одной лишь романтической связи с офицером полиции ей недостаточно, Вера, к моему прискорбию, так и сыплет словечками, связанными с преступностью и расследованиями. Она рассказала Хелен, а я волей-неволей должна была выслушивать за компанию, что это происшествие полиция рассматривает в одном ряду с исчезновением горничной из „Палас-отеля“. Наверное, им двоим представляется вполне естественным обсуждать такие вещи, раз Хелен это интересует, а у Веры есть свой собственный источник, однако мне подобный разговор кажется слишком уж одиозным на фоне посетителей, расслабленно загорающих под визг детей, съезжающих с водяной горки.

Я курила сигарету, пытаюсь не прислушиваться. Наблюдала за прыгунами в воду, которые тилились продемонстрировать акробатическую грациозность, соскакивая с трамплинов в надежде поразить своих обожаемых дам. Затем в очереди на прыжки я вновь увидела Сполдинга. На нем была голубая резиновая шапочка — под резкий цвет его собственных глаз. Он идеально исполнил прыжок с прогибом и вошел в воду настолько чисто, что вместо брызг поднял лишь рябь на поверхности. В эту минуту я подумала, что по справедливости этому человеку следовало бы лежать на дне дублинского дока, а не пачкать своим темным присутствием наш городок.

Хотя, как следовало ожидать, сам Саутпорт против него ничего не имеет. Город с распростертыми объятиями встретил Сполдинга со всеми его экстравагантными замашками. Похоже, что при виде его мрачнеет лишь мое настроение.

Вера тем временем уверяла Хелен, что двумя исчезновениями дело наверняка не ограничилось. Так сказал ей тот полицейский ухажер. Если уж поступили сообщения о двух пропавших девушках, то обязательно найдутся и другие случаи, которые люди попытались объяснить, не поднимая шума.

— И какой же за всем этим стоит мотив? — спросила Хелен.

— Он думает, что сексуальный, — непринужденно ответила Вера, хотя и понизила голос.

Я подумывала, не сходить ли искупаться, но вместо этого закурила очередную сигарету. Горничная, работавшая у Риммеров, была далеко не красавица. А газетный снимок девушки из Ормскирка дал понять, что она ничем не примечательна, к тому же слишком полная. Не думаю, что их

обеих можно причислить к категории тех женщин, которые привлекли бы сексуального хищника. Я огляделась вокруг себя. Немедленно последовал вывод о том, что потенциальных жертв особенно много именно здесь, среди хорошо сложенных и соблазнительных посетительниц. Не самое достойное умозаключение, и было в моей жизни такое время, когда я и помыслить не могла о столь вопиющем предательстве женской солидарности. Вместе с тем размышления о летальных преступных актах требуют незамутненного сознания, а вовсе не слепой приверженности своему полу. Одним словом, имелось изрядное число куда более привлекательных целей, нежели те две дурнушки. Может стать, горничная из „Палас-отеля“ попросту распечатала свою кубышку и смотала удочки, купив билет на пароход в Америку. Женщины способны на самостоятельное мышление, а эта служанка была неугомонной любительницей действий и смены обстановки.

Остается все же открытым вопрос с девушкой из Ормскирка.

Я пошла купаться. Вода в бассейне оказалась освежающе прохладной на фоне дневного пекла. Еще весна не кончилась, но нас уже накрыла летняя жара. Я сделала пять кругов. Наплававшись, я замерла на спине с закрытыми против ослепительного солнца глазами, пока вода плескала вокруг моей головы, заставляя волосы извиваться подобно водорослям. Надеюсь, что пропавшие девушки все-таки пребывают в безопасности. Надеюсь, что тот полицейский решил просто преувеличить, чтобы своими сенсационными откровениями впечатлить Веру. Хотя и сомневаюсь в этом.

После бассейна мы устроили себе променады вдоль пристани. Меня всегда изумляло число мужчин-инвалидов, которые появляются на улице в хорошую погоду. Почти через десять лет после войны ее жертвы, перенесшие ампутации, до сих пор живут среди нас в нищете и убогости — на той земле, которая пообещала к их возвращению стать страной, где каждому герою уготовлено почетное место. Я остановилась, чтобы бросить полкроны в одну из мисок для пожертвований. На шее этого человека висел плакат, объяснявший, что он ослеп от газовой атаки. Верхнюю половину лица закутывала повязка, скрывавшая уродливые шрамы на месте глаз. Это был настоящий фронтовик, без обмана. Кое-какие мерзавцы попрошайничают, прикидываясь инвалидами, но, нагнувшись, чтобы положить монетку, я собственными ушами услышала, как хрипят и клекочут его сожженные легкие. Мои полкроны присоединились к позеленевшему трехпенсовику. Я замерла на секунду, затем достала из кошелька гинею, вложила золотой кружочек ему в ладонь, а он благословил меня за подаяние и потом вскинул ладонь, отдавая честь.

— Он все спустит на выпивку, — заявила Вера Чедвик. Похоже, общение с полицейским сделало ее очень уж черствой, лишив той сострадательности, которая-то и привлекала меня в ней в первую очередь.

— Надеюсь, что так, — сказала я. А Хелен Сайкс расхохоталась. — И еще надеюсь, что он найдет себе на ночь счастливое забвение за мой счет, — добавила я. — Нам бы следовало склонить голову перед храбростью и самоотверженностью таких людей, как он.

— Я так и думала, что ты фенианка, — заметила Вера.

Но я не стала ей отвечать. Возможно, она обсуждала меня со своим инспектором, однако я не хотела ввязываться в неприятности, могущие поставить отца в неловкое положение. Политика окончательно покинула мое сердце со смертью Мика Коллинза, хотя, если быть откровенной, я и до его гибели уже начинала испытывать к ней отвращение из-за бессмысленных убийств гражданской войны.

В конце пристани давали кукольное представление, где главными персонажами были Панч и Джуди. Вот пример курортного развлечения, к которому я всегда питала неприязнь. Насилие над женщиной со стороны мужчины, пусть и карикатурное, не может, как мне кажется, быть предметом юмора. Нет ничего смешного в Панче, который колошматит сварливую супругу. Эта комедия дошла до нас из более варварских времен, но все равно она жестокая и грубая. Панч избивает Джуди, потому что та уродлива. Я следила за его выходками, чувствуя угрызения совести за свои недавние мысли по поводу малосимпатичных девушек.

По соседству располагалась сцена, где выступал Пьеро. Чуть подальше — духовой оркестрик, чьи музыканты обливались потом в униформе из плотной саржи, выдувая звуки из начищенных инструментов. В их числе я заметила пару совсем молоденьких парнишек, не старше четырнадцати-пятнадцати лет. Во время перерыва Вера Чедвик купила сладкого льда для самых юных музыкантов оркестра и поздравила их с музыкальными успехами. Я вновь испытала к ней прилив нежности, когда моя подруга вернулась со счастливой улыбкой, но полная задумчивости.

Затем мы сходили попить коктейлей в гостиницу „Принц Уэльский“. Наши одеяния не годились для ресторана, поэтому мы заняли столик в баре, где подавали также сэндвичи и фрукты. Купание и долгая прогулка на солнце заставили нас проголодаться, а я хоть и умею сохранять ясность мысли за выпивкой, после двух розовых джинов почувствовала легкое головокружение.

— Балласт! Вот что тебе нужно, подруга, — заявила Хелен Сайкс и заказала фисташек с присоленными крекерами.

Упоминание балласта отозвалось неприятным чувством, и через секунду я поняла почему. Вещи, связанные с мореходством заставили вспомнить про отцовскую верфь и ту спешку, с которой он пытался отремонтировать шхуну Сполдинга. Сейчас установленный срок казался как никогда коротким и невозможным. Вчера двое рабочих получили серьезные травмы на борту „Темного эха“. Они покрывали трюм каким-то защитным лаком, которым не следует пользоваться в замкнутых пространствах, поэтому работу вели при открытом люке, но тот почему-то захлопнулся да еще заклинился при этом. К тому же жара еще больше усугубила токсическое действие этой краски. Отец сказал, что на палубе было под девяносто градусов, ^[8] а в запертом трюме, конечно же, царило и вовсе настоящее пекло. У одного рабочего кожа пошла пузырями, а его напарник, которому досталось еще больше, до сих пор лежит без сознания в ливерпульском госпитале, и врачи не надеются на его выздоровление.

Хелен с Верой попытались было высмеять меня за те деньги, что я дала герою фронтовику. Они хихикали и спрашивали, не привел ли мой импульсивный позыв к полному опустошению кошелька, смогу ли я уплатить свою долю, когда принесут чек, и готова ли я поработать судомойкой в гостиничной поварской. На меня, однако, нашло мрачное настроение, которое отказывалось рассеиваться.

Вчера Томми Риммер рассказал мне, что его новый партнер по гольфу — другими словами, Гарри Сполдинг — был настоящим военным героем. Судя по всему, он командовал неким необычным отрядом под названием „Иерихонская команда“. Им поручались особо опасные задания за линией фронта. Они проявили себя очень успешно и наводили на врага ужас. Не могу сказать, что сильно удивилась этой новости. Храбрость многолика. Она может быть благородной и бесшабашной, как, например, у Мика Коллинза. А еще она может быть функцией пещерной дикости. Кто решится отрицать, что и змея полна храбрости, когда сражается с мангустой не на жизнь, а на смерть? Сполдинг был душегубом. Это знание я ношу в своем сердце с той самой ночи, когда потребовался пистолет Боланда, чтобы не дать ему меня изнасиловать. Он бы не остановился только на этом. Вечер в гостинице стал бы моим последним. Как, должно быть, он обожает войну и ту кровавую баню, которой она позволила ему насладиться всласть».

«10 июня 1921 г.

Утром позвонила Вера Чедвик и рассказала, что пропала девушка с одной из ферм в Берскафе. Сегодня в „Палас-отеле“ городской бал. Мне не

хочется идти из-за намеков, что смерть облюбовала тот район. Вера говорит, что полицейский кавалер предупредил ее по секрету, будто ни одна тамошняя жительница не находится в безопасности. „Если три, значит, пять“, — сказал он. Этот детектив — опытный охотник за убийцами, так что к его мнению следует прислушаться. Три, значит, пять. Его теория гласит, что если полиции известно про трех, то очень вероятно, что должны иметься еще как минимум две жертвы, о чьем исчезновении не сообщалось.

Вера спросила почему. А я спросила у Веры.

„От стыда“, — ответил он. Родители считают, что их малышка просто сбежала. Им не хочется привлекать внимание полиции. Еще меньше им хочется внимания прессы. Что подумают соседи? Как тревожную новость воспримет паства их прихода? Может быть, они сами повинны в том, что вынудили родную дочь бежать из дома. Полиция тоже решила бы прижать их поплотнее, а ведь эти люди знают, как вести безжалостные допросы.

„Три, значит, пять“, — говорит поклонник Веры. И я склонна считать, что он прав. Его психологические навыки меня впечатляют. Однако до сих пор нет подозреваемого в тех преступлениях, которые, как ему кажется, он расследует. Еще он сказал Вере, что ей самой и ее подругам лучше всего было бы ходить теперь в сопровождении мужчин или вообще не показываться на улицах, двери запирать на два замка. Это заявление мне нравится куда меньше. Мы платим за работу полиции из своих налогов. Имеем право на защиту. Идея стать затворницей в собственном доме меня не прельщает. Моя квартира в Биркдейле просторна и комфортабельна. Хорошая мебель, мраморная ванная комната и полотно Боннара на стене. Но я не хочу, чтобы место, где я живу, стало моим узилищем.

Этому не бывать. В отличие от тех злосчастных девушек у меня есть одно преимущество: собственный маузер. Пистолет подарил мне на память — много лет тому назад — Мик Коллинз. Все это время он был в моих глазах лишь сувениром, а не оружием, но я регулярно чищу и смазываю свой маузер, хотя бы из уважения к его функции. Мне нравятся механические вещи. Нравится работать с ними, будь то штурвал „тайгер-мота“ или рулевое колесо спортивного „моргана“. И, разумеется, маузер в первую очередь является инструментом. Это мощное и надежное оружие. Мик тоже обладал практическим складом ума. Да, мой пистолет — подарок на память, однако с самого начала предполагалось, что он послужит моей защите, если в ней когда-либо возникнет необходимость.

Пистолет смазан и снаряжен магазином с восемью пулями калибра девять миллиметров в мягкой оболочке. Не могу сказать, что я показывала

наилучшие результаты в парболдском тире, где сама научилась стрелять, но мазилой меня тоже назвать нельзя. Мои очки оказались достаточно внушительными, чтобы сбить спесь с некоторых мужчин. И я хорошо помню советы, которыми поделился со мной Боланд. „Целиться надо в середину мишени“, — говорил он. И нажимать на спусковой крючок, пока магазин не опустеет. Нельзя полагаться на точность выстрела. Верь только в общий результат. Выбей все, что можно, из типа, которого хочешь прикончить. Не останавливайся до тех пор, пока патроны не кончатся.

Мне нравился Гарри Боланд. Это был добрый и одухотворенный человек. Я симпатизировала ему еще до того вечера, когда его вмешательство спасло мне жизнь. Мик повел себя неправильно, они рассорились, и, как я точно знаю, Мик сильно потом переживал. Как бы то ни было, Боланд преподавал уроки, которые, возможно, сохранят мне жизнь. Если так и выйдет, я схожу в биркдейловский храм Святой Терезы и поставлю там свечку за упокой его души. Надо ли это делать? Пожалуй, обе их души уже упокоились. Это были хорошие люди. „Лучших уже не встретишь“, — говорю я, вновь столкнувшись с худшим.

После звонка Веры я чувствую себя дерганой и разбитой. В жизни мне не доводилось с таким неудовольствием думать про предстоящий бал. Но я пойду. Таков нынешний порядок вещей. В известном смысле, думается мне, современный век ничего другого для нас и не подготовил. В одной из комнат аткинсонской галереи висит картина: карусель безумцев. Людишки на ней впали в маниакальное неистовство, их улыбки застыли умалишенным оскалом, кулаки побелели от напряжения, с которым они вцепились в поручни, чтобы не слететь на землю. Не помню имени художника. Кто-то из модернистов. Но этой метафорой из краски и холста он дал всем нам оценку. Это мы: истеричные, друг на друга насакивающие и не могущие существовать без новых впечатлений, которых ждем от будущего».

Сузанна простонала. На улице, где она сидела возле «Приюта рыбака», уже темнело, ползли ночные тени. В ее руках находился документ, который за один вечер рассказал ей о характере Майкла Коллинза больше, чем она смогла раскопать за год по известным ей источникам. Причем вовсе не Коллинз был причиной знакомства с этой рукописью. Стакан давно опустел. Ей хотелось выпить еще. Впереди ждало не меньше трети текста.

— Господи, Джейн, ты просто молодец, — удивила она саму себя, произнеся эти слова вслух. — Честное слово. — Сузанна смахнула слезу,

от которой не смогла удержаться. — Отважная и непреклонная...

Она склонилась над машинопечатными страницами и продолжила чтение.

«15 июня 1927 г.

Бал произвел настоящий фурор. Главный зал „Палас-отеля“ украсили надувными шарами, тафтой, шелковыми лентами всевозможных расцветок и оттенков, а на вращающейся сцене расположились два оркестра, каждый из которых развлекал гостей половину вечера. Вторым по счету выступил джаз-банд с неистовой музыкой Нового Орлеана. Из-за жаркой погоды внутри было душновато, и кому-то из работников гостиницы пришла в голову счастливая мысль немножко охладить разгоряченную танцующую толпу, расставив в зале ледяные скульптуры. Их разместили с двух противоположных сторон: по одну руку стоял четырехтрубный океанский лайнер, а напротив него — зализанный и стремительный локомотив. Кто-то сказал мне, что ледяной локомотив был точной копией того прототипа, который сейчас собирали в Нью-Йорке для установления нового мирового рекорда скорости. К концу вечера от этих скоропортящихся шедевров осталась только пара луж на паркетном полу. Но сделаны они были с большой любовью и тщанием и действительно поддерживали воздух прохладным и пригодным для дыхания, несмотря на плотный сигарный дым, стоявший облаком под пронзительным светом электрических шаров испанской люстры.

Я пришла туда вместе с отцом, который последнее время выглядит донельзя усталым и печальным. На верфи вновь произошло несчастье, и рабочие перешептываются, дескать, лодка Сполдинга проклята. До забастовки вряд ли дойдет, потому что заказов в ливерпульских доках сейчас мало, но люди, связанные с морем всегда суеверны. Как бы то ни было, проект стоит моему отцу душевного спокойствия и, как мне кажется, изрядной толики здоровья. Он почти не спит. Отец любит подшучивать по поводу моей прически или выбора платьев, не говоря уже про мою привычку курить на публике. Делает это он добродушно; можно сказать, его шутки давно превратились в некий юмористический ритуал. Однако на сей раз он вроде бы совсем не обратил внимания на мой внешний вид.

С другой стороны, везение Сполдинга до сих пор ему не изменило. Он вообще не появился в зале, хотя и находился в этой гостинице. Конечно, он здесь больше не проживает, однако его часто можно застать среди картежников. В этот вечер за столом в блек-джек он выиграл пять тысяч фунтов. Колоссальные деньги. Столь удивительная удача в картах не

может быть благосклонна к человеку, который плавает на злосчастном судне. Если его яхта в самом деле проклята, она ни за что бы не вышла победительницей в шторме, который все называют страшнейшим за всю местную историю. Лодка просто-напросто затонула бы. Впрочем, до меня донеслись слухи о бедственной судьбе его команды. Сам Сполдинг уверяет, что совершал одиночное плавание, но вот дублинский портмейстер упорно считает, что на борту находились еще два французских моряка. Точку в споре может поставить судовой журнал, однако Сполдинг до сих пор его не представил властям. Возможно, откроют следственное дело, а может, и нет. Наверняка нет. Чья юрисдикция распространяется на судьбу двух французов на борту судна с американским флагом в Ирландском море? Не исключено, что Сполдинг говорит правду и действительно управлял „Темным эхом“ в одиночку. Ведь он очень опытный яхтсмен. Единственное, что я знаю со всей определенностью, — это тот простой факт, что отец с облегчением распрощается с этой шхуной, как только завершатся ремонтные работы. Пусть лично я не верю в ее проклятие, но отец, судя по всему, придерживается иного мнения.

Пьер Жиро прислал шампанского к нашему столу. Любезный жест со стороны сентиментального человека, который сильно расстроился бы, услышав о себе такую оценку. Я не хочу, чтобы это звучало снисходительно, но он и впрямь сентиментален. Кроме того, он превосходный авиатор, отличается высоким ростом и симпатичными, типично галльскими чертами лица. Однако Мик Коллинз оставил длинную тень. Романтические связи, которые были у меня после возвращения из Ирландии, можно назвать в лучшем случае тепловатыми. Нигде в них не проявилось мое сердце. Надеюсь, это будет длиться не вечно, и я полностью отдаю себе отчет в том, что скоростные автомобили и аэропланы служат мне компенсацией тех чувств, которыми люди наслаждаются между простынями. Нет, это не навсегда, но бедняжка Пьер напрасно теряет свое время и деньги на „Моэт-э-шандон“ в надежде завоевать сердце этой девушки».

«13 июля 1927 г.

Я нарочно не бралась за дневник целых четыре недели, обнаружив при перечитывании, что мое отношение к Гарри Спеллингу производит впечатление нездоровой, маниакальной одержимости. Сегодня, однако же, произошло из ряда вон выходящее событие, которое потрясло меня до глубины души. Кроме того, оно утвердило во мне самые темные

подозрения, что я питаю в отношении чудовища, расхаживающего под личиной человека по улицам Саутпорта. Все случилось неподалеку от перекрестка Лорд-стрит и Невилл-стрит, когда я пересекала центр города с запада на восток, забрав у часовщика мою отремонтированную браслетку с часами. Я едва не столкнулась с ним лицом к лицу. В тот момент я возилась с застежкой и, ступив на тротуар, даже не обратила внимание на то, что находится передо мной. Секундой позже я замерла как вкопанная при виде широкой спины Сполдинга и его светлой шляпы-трилби. Он стоял перед кенотафом и постукивал тросточкой по каблук своего ботинка. Не знаю, каким образом, но он понял, что я за ним наблюдаю. Он застыл, потом неторопливо снял шляпу свободной рукой, однако оборачиваться не стал, а вместо этого издал смешок и заговорил:

— Этот монумент, Джейн, поставлен во славу великих дней, и я искренне полагаю, что превозносит он меня.

Я не шевельнулась. Солнце изливалось жгучим огнем. Белый камень мемориала слепил глаза, и Сполдинг в своем светлом костюме и кремовых башмаках расплывался на его фоне, приобретая призрачные очертания. Разумеется, он жестоко заблуждался. Кенотаф ничего не прославлял. Он просто напоминал о самопожертвовании. Чтил память павших.

— Самопожертвование... — произнес тут Сполдинг, будто умел читать мысли. — Но ответьте мне, какой смысл обретаться в прошлом? — Он лениво взмахнул тростью. — Человек должен жить настоящим, — затем сказал он. — А человек мудрый обязан позаботиться о своем будущем.

В его обтекаемых фразах таился холод зловещего предупреждения, чувствовавшийся даже в душном воздухе. Все в этом человеке носило на себе налет угрозы. Меня передернуло.

— Ах, бедняжка Мик Коллинз, какая жалость... — продолжал он, по-прежнему не поворачиваясь ко мне лицом. — Да, он умел воевать. Было бы несправедливым не признавать очевидного факта. Но умел ли он любить? А, Джени? Вот вопрос, которым стоит задаться.

„Дженни“. Так меня называл только Мик, да и то в самые нежные минуты. Только тут я заметила, что Гарри Сполдинг не отбрасывает тень на мостовую.

Я бросилась прочь, однако у него был припасен еще один фокус. Он остановил мои часы. Позднее в тот же день я отнесла браслетку в ювелирную лавку, но там не нашли никакой поломки. Мастер снял заднюю крышку, дунул на механизм — и тот, к его полнейшему изумлению, вновь пришел в движение. Я испытала облегчение, что фокус Сполдинга носил

лишь временный характер, что его волшебство было всего лишь насмешливой проделкой. Но я понимала, что он настоящий монстр. Он все это время знал, кто я такая, и забавлялся, разыгрывая меня. Он злой, могучий и сумасшедший. В самом ли деле можно считать простым совпадением тот факт, что за то время, которое он провел среди нас, успели исчезнуть три женщины?

Мне представляется, что намек, который проигнорировали все, кроме меня, был сделан еще в мае, на вечеринке у Риммеров. Крошка Бонни спустилась на лужайку, вскинула руку, показывая на кого-то, и завизжала. Конечно, Томми давно успел оправиться от потрясения. А Бонни, к счастью, совсем не помнит о случившемся. Ее отец даже шутит на эту тему, утверждая, что Бонни показывала на Блэкпул-тауэр. Томми не перестает повторять, что башня до того мозолит глаза, что даже малые дети не выдерживают. Он прав, Бонни действительно вытянула руку в том направлении. Но мне кажется, что показывала она на нечто гораздо более близкое к нам, нежели постройка на той стороне залива. Я не раз осматривала город с воздуха и отлично знаю его расположение. Могу с закрытыми глазами нарисовать карту, а посему имею полное право утверждать, что Бонни показывала в сторону особняка на улице Роттенроу, который Сполдинг снял на лето. Если провести линию между пальцем Бонни и башней, то она пересечет сад этого особняка. Что за секреты он там прячет? Что именно вынудило маленькую девочку-лунатика выступить с неосознанным обвинением? Что заставило ее так страшно кричать?»

«16 июля 1927 г.

Я чуть не рассорилась с Верой Чедвик. Она никак не хочет соглашаться, что мои подозрения достаточно обоснованны, чтобы идти с ними в полицию. Ее ливерпульский детектив, видите ли, рассмеется мне в лицо. Я возразила ей, что никаких обвинений не выдвигаю. Просто выражаю обоснованные подозрения. Разве полиция не обязана проверять все ниточки, если расследуется тайна исчезновения трех пропавших девушек?

А вот Вера утверждает, что нельзя бросаться обвинениями в адрес одного из самых богатых и популярных гостей нашего города. Нет никаких доказательств. Еще она говорит, что я буду выглядеть фанатичной дурочкой, настраивая людей против чужестранца только оттого, что он прибыл издалека и не является уроженцем Саутпорта. Жених Веры считает, что преступник наверняка из местных. Лишь тот, кто хорошо знает здешнюю обстановку, способен удачно выследить жертву и

спрятаться, не оставив никаких следов или хотя бы намеков. Он, должно быть, из Эйнсдейла или Кроссенса, отлично знает местность. Некто незаметный, внешне ничем не примечательный. Да-да, конечно, все это очень хорошо и даже разумно, но не будем забывать, что Сполдинг менее десяти лет назад проникал за линию фронта, сея панику и хаос в стане врага. И никто его не поймал. Похищение беспомощных женщин — детская забава для человека, обладающего навыками и повадками смертельно опасного хищника.

Зря я разоткровенничалась с Верой, надо было помалкивать. Ведь я-то надеялась, что в этом детективе найду себе союзника или, как минимум, он сочувственно и с пониманием отнесется к словам одной из ближайших подруг его нареченной. Боюсь, на самом деле проблема кроется в том, что Веру скорее волнует не проблема Гарри Сполдинга, а мое фенианское прошлое. Она достаточно лояльна чтобы продолжать оставаться моей подругой, однако не хочет, чтобы об этом прознал ее полицейский кавалер. Не исключено, что она опасается за его карьеру. Как я и говорила, надо было мне держать язык за зубами. С другой стороны, есть нечто вполне конкретное, что я могла бы предпринять. Прямо завтра. Вера не ошиблась в одном: у меня нет неоспоримых улик. Завтра, надеюсь, их удастся раздобыть.

Я уже предприняла кое-какие подготовительные шаги, когда разругалась с Верой. Я села в автомобиль и доехала до ангара братьев Жиро, где обряженный в замасленный комбинезон Пьер вновь возился с мотором „сопвита“, который они купили на свою голову. По идее, эта модель аэроплана не требует значительного технического обслуживания, однако в их случае все вышло ровно наоборот.

— Вы пришли выразить благодарность за шампанское? — спросил меня Пьер.

В синем комбинезоне, с перепачканным лицом, он смотрится куда лучше, чем во фраке с черной бабочкой. Сразу видно, что это мужчина действий. Так же как и его родной брат.

— Я хотела бы взять аэроплан ранним утром, — сказала я.

— Разумеется. Раннее утро... это конкретно во сколько?

— На рассвете.

Не знаю, как это у них называется, но его губы сделали что-то такое французское. Он словно пожал губами, а не плечами, но все же кивнул:

— „Тайгер-мот“?

Я помотала головой.

— „Хокерсиддли“, — сказала я. — И чтобы на борту было все, что

полагается.

— Прикажете установить пулемет? — усмехнулся он.

Почти все их аэропланы некогда принадлежали Королевскому летному корпусу. Братья Жиро на удивление удачно погрели руки, когда армия распродавала излишки имущества по бросовым ценам. Меня удивляет, почему они не купили себе танк, чтобы буксировать аэропланы по мягкому песку до взлетно-посадочной полосы на пляже.

— Нет, Пьер, я не про оружие. Просто мне нужен полный бак и так далее.

— Разумеется, — вновь кивнул он. — Встретимся завтра на рассвете. „Сиддли“ будет вас ждать».

«28 июля 1927 г.

Я только что вернулась из Ливерпуля. В жизни так не выматывалась. Старший детектив-инспектор Белл из ливерпульского полицейского управления наконец снизошел до моих прошений об аудиенции. Не исключено, что полчаса своего драгоценного времени он согласился выделить благодаря сенсационным газетным заголовкам. Три дня назад Хелен Сайкс стала четвертой женщиной, исчезнувшей в нашем уголке Южного Ланкашира. Три другие женщины сами по себе не удостоились упоминания в прессе. Слишком бедны и невзрачны, надо полагать. Однако Хелен красива и происходит из состоятельной семьи. Я пользуюсь настоящим временем, потому как надеюсь, что она жива. Однако с каждым проходящим днем надежда на это тает, и даже старший инспектор Белл вынужден тут согласиться. У Хелен не имелось причин инсценировать собственное исчезновение. Точно так же она ни за что не проигнорировала бы призывы объявиться, опубликованные во всех выпусках „Дейли пост“ и „Эхо“, которыми торгуют мальчишки-разносчики на каждом углу.

Белл занимает более высокую должность, чем ухажер Веры. Он, кстати, ничем не дал понять, что слышал мое имя, когда я вошла к нему в кабинет после длительного ожидания. С другой стороны, я сидела в его приемной, а не в главном зале, где пол застлан зеленым линолеумом, повсюду разбросаны раздавленные окурки, а в воздухе стоит запах пота, страха и отчаяния. Впрочем, ждать в приемной ничем не лучше. У них на двери стоит внушительный латунный замок, а сама створка с угрожающим шипением скользит по тяжелой стальной раме, вделанной в пол и потолок. Стулья с зеленой обивкой, темно-коричневый лак и тишина этой приемной символизируют арест столь же убедительно, как если бы в комнате вместо двери стояла решетка, а я сидела в наручниках. Единственный путь на

свободу лежал через кабинет Белла.

Здесь все четыре стены были украшены полицейскими жетонами, дипломами и грамотами за безупречную службу. Ливерпуль — портовый город, а значит, и преступлений в нем предостаточно. Инспектор выглядел ему под стать: такой же непреклонный и жесткий, словно его высекли из гранита. Хотя я думала, что Белл окажется коренастым и воинственным, на деле выяснилось, что он худощав, спокоен, но глаза его были холодны, а в ладони чувствовалась сталь, когда он пожал мне руку, приподнявшись из-за стола. Затем он пригласил меня присесть. „Прошу“, — сказал он, показывая на один из стульев с жесткой, высокой спинкой. Хватило одного этого слова, чтобы я распознала густой, гнусавый скаусский говор: его я порядочно наслушалась на отцовской верфи. Тут же стало ясно, что мистер Белл происходит из низов, начинал с патрулирования улиц и поднялся по служебной лестнице исключительно благодаря своим качествам. У стены я заметила стеклянную витрину с дубинкой и шлемом констебля. Не сомневаюсь, что именно с ними он начинал свою карьеру. Не требовалось большого воображения, чтобы представить его на Скотленд-роуд в час закрытия пивных, когда он, залитый жидким светом уличного фонаря, учил буянивших пьянчужек уму-разуму с помощью вот этой дубинки из тяжелого, плотного дерева.

Мистер Белл предложил кофе, но я отказалась. Тогда он налил нам по стакану воды из графина, что стоял у него на столе, развел руками и сказал:

— Меня, конечно же, заинтересовало ваше заявление, будто вы обладаете определенными сведениями о пропавших женщинах.

— Хелен Сайкс — моя подруга, — ответила я.

— Наши саутпортовские коллеги предпринимают все возможные усилия к ее розыску, — заявил он.

— Да, но у них недостает вашего опыта и ресурсов. К тому же они занимают не столь высокую должность. И хотя две пропавшие женщины являются жительницами Саутпорта, еще два случая касаются других населенных пунктов в нашем районе. Все это подпадает под вашу юрисдикцию. Правда ведь?

Он не ответил на мой вопрос, а просто сидел и разглядывал меня поверх сцепленных пальцев.

— Что ж, мисс Бойт, слушаю вас внимательно.

В кабинете инспектора стояла духота. Хотя на одном из шкафов я заметила вентилятор с загнутыми лопастями, напоминавшими пропеллер „сопвита“, Белл почему-то его не включил, а, напротив, держал распахнутым окно, откуда вливалась уличная жара. С моего места я могла

видеть вдохновляющий пейзаж: глухая кирпичная стена, за многие десятилетия пропитавшаяся копотью дымовых труб ливерпульских фабрик. На Белла дневное пекло, судя по всему, не действовало. На нем был костюм из плотной габардиновой шерсти с галстуком, который безжалостно стягивал его шею у самого подбородка. Право носить цивильную одежду вместо униформы он заработал тяжелым трудом и не собирался расставаться с ней в угоду метеорологическим прихотям.

Я рассказала ему про инцидент с участием Гарри Сполдинга, что произошел семь лет тому назад в гостинице „Шелбурн“. Ни про Мика, ни про Боланда я не упомянула, потому что не хотела объяснять, чем же я занималась тогда в Дублине.

Он ни разу не спустил с меня глаз. Когда я закончила, он сказал:

— Семь лет назад... Порядочно воды утекло.

Я открыла портфель, который захватила с собой, и вынула оттуда заранее припасенную фотографию.

— Что это?

— Аэрофотоснимок лужайки того особняка, который Сполдинг снял на лето на улице Роттен-роу. Сделан неделю тому назад. Недвусмысленное и ясное доказательство того, что землю недавно разрывали. Он прячет трупы, господин старший инспектор. Закапывает женщин у себя под окнами.

Белл уставился на фотографию, но брать в руки не стал. Это мне не понравилось.

— Откуда это у вас?

— Я авиатор, господин старший инспектор. Арендовала один из аэропланов, который во время войны применялся для разведки с воздуха. Облетела дом Сполдинга с фотокамерой, установленной на фюзеляже.

Белл по-прежнему не сводил глаз с фотографии.

— Закон не возбраняет копать в саду, — сказал он.

— Сполдинг — чудовище!

Тут он наконец посмотрел мне в лицо. Взгляд неприятный. Затем он улыбнулся, и в этой улыбке не было ничего обнадеживающего.

— Несколько недель тому назад мистер Сполдинг выиграл пять тысяч фунтов в очко, — сказал он. — И всю эту сумму — до последнего пенни! — отдал местным благотворительным обществам. Детский приют получил тысячу фунтов. Такие деньги способны изменить всю их жизнь. Они отремонтируют себе кровлю. Купят учебники и одежду для воспитанников. Зимой в их печах будет гореть уголь, знаете ли. Хорошая еда для сирот, которые ходили голодными всю свою жизнь.

Я даже задалась вопросом, не воспитывался ли сам Белл в одном из таких приютов.

— Господин старший инспектор, выслушайте меня...

— Отдал деньги за спасибо. Попросил только, чтобы это не сообщалось широкой публике.

— Прошу вас, просто послушайте...

— Нет, мисс Бойт, это вы меня послушайте. Вы фенианка. Являлись помощницей убийц и предателей. Кое-кто мог бы списать ваше поведение на романтику независимости и мятежного духа. Другие же вполне обоснованно могут указать на факт государственной измены. Вам еще крупно повезло не попасть на виселицу за мерзкие делишки!

Его трясло от ярости. На меня в жизни никто голоса не повышал. Не секрет, что полиция вербует порой членов „Оранжевого ордена“.^[9] Тут все понятно. Сердце Белла принадлежало Ольстеру вне зависимости от конкретного места службы.

— Дерьмо всегда всплывает наверх, — сказала я, вставая со стула. — И вы, сэр, тому доказательство.

Он осклабился, разорвал фотографию и швырнул клочки мне в лицо.

— Уж не знаю, по каким таким мотивам вы хотите очернить щедрого и достойного человека, — заявил он, — но вам, мисс Бойт, следует убратся домой и найти себе более дельное занятие, чем шпионить с неба за ни в чем не повинными людьми.

Всю дорогу от полицейской штаб-квартиры до гавани я проделала пешком пытаясь стряхнуть оцепенение. Путь лежал сквозь сумрачные и душные ливерпульские улицы, замощенные осклизлыми булыжниками. Наконец я добралась до портовых кранов и оживленной, грязной от промышленных стоков дельты Мерсея. Над доками высились громадные пароходные трубы, тут и там ухали сирены буксиров, то и дело поверх головы проносились поддоны с неизвестными грузами. В нос была вонь от разогретого солнцем лошадиного навоза, уши закладывал рев грузовиков, терпеливо ожидавших своей очереди. Всю мою жизнь эта сутолока поднимала лше настроение, заполняя душу коктейлем ощущений и ожиданий. Всю мою жизнь я считала, что обладаю привилегированным правом доступа ко всем этим вещам благодаря статусу и профессии отца. Но только не сегодня. Сегодня я нашла себе пустую скамейку возле чугунных швартовых тумб, присела, вынула из портфеля обрывки драгоценной фотографии и попыталась сложить их неловкими пальцами. Неловкими потому, что я была уверена, что Хелен мертва. Она мертва. Этот монстр, эта улыбчивая тварь Сполдинг, чью морду я увидела возле

саутпортского кенотафа убил ее. Интересно, какую часть своих пожертвований он внес в фонд вспомоществования семьям ливерпульских полицейских? Впрочем, мистеру Беллу было все равно. Мое фенианское прошлое заранее предопределило исход нашей встречи.

Придавленная унынием и жарой, я смахнула слезу. Наверное, плаксивость вызвана скорее разочарованием, чем жалостью к себе или скорбью за злосчастную участь Хелен. Но результат получился один и тот же. Я сунула обрывки драгоценного снимка обратно в портфель и поднялась. Остаток пути до отцовской верфи я проделала как сомнамбула.

Отца на месте не нашлось. Секретарша сказала, что он уехал на лесопилку, чтобы купить партию твердой древесины. Однако „Темное эхо“ никуда не делась. Яхта по-прежнему стояла на громадном деревянном стапеле сухого дока, но уже с новым рулем и мачтами. Она напоминала исполинскую игрушку из игротки самого дьявола, как мне думается. Ее латунь сияла под солнцем, а краска и лак не имели ни единого изъяна. Судно было почти готово к выходу. Совсем скоро док заполнят водой и выведут яхту на ласковую волну речной дельты, чтобы проверить, как она сбалансирована и слушается руля. Не сомневаюсь, что результаты окажутся выше всяких похвал. Отец знает свое дело.

По трапу я поднялась на борт. Ни единого человека. Судно выглядело так, словно в любой момент было готово пуститься в плавание. Осталось только навесить паруса, и эту операцию Сполдинг, вне всякого сомнения, возьмет под личный контроль. Яхта невозмутимо и торжественно покоилась в свете жаркого дня, а у меня в душе ярилась буря после разговора с оранжистом и лицемером по имени Белл. Перед глазами же стояло великолепие глянцевого тика и обольстительность обводов шхуны, пахнувшей полиролью и восковой мастикой. Никакой угрозы на палубе не чувствовалось. Звездно-полосатое пестрое полотнище обвивало короткий флагшток на корме. Да, она и впрямь почти готова.

Я спустилась вниз и скользнула в капитанскую каюту. Все предметы обстановки уже успели забрать со склада и вернуть на место, чтобы они теперь верой и правдой служили своему хозяину. На книжных полках я обнаружила первые издания Элиота, Форда Мэдокса Форда, Майкла Арлена и Паунда. Томик Хемингуэя с его романом „И восходит солнце“. Нашлись также „Великий Гэтсби“ Скотта Фицджеральда и „Улисс“, запрещенный роман Джеймса Джойса. Книги Паунда и Элиота оказались потрепанными. Как видно, он питает вкус к поэзии.

В каюте стоял шкаф, заполненный его военными трофеями. Несколько „люгеров“, зазубренных штыков и пара гранат с длинной ручкой, которые

применяла немецкая пехота. Имелись диковато выглядящие ножи и дубинки: импровизированное оружие „Иерихонской команды“, не иначе. Они скорее смахивали на реликвии средневековых войн, а не на продукцию военных заводов Круппа. К моему удивлению, я увидела также распятие. Что еще более странно, оно было воткнуто вверх ногами в небольшой холмик из черной замазки, а на вершине висело кольцо из ржавой траншейной проволоки, безвкусно намекая на терновый венец Христа. Надеюсь, у этого распятия есть и другие функции, кроме святотатства. Впрочем, секундой позже эта удивительная смесь сувениров вылетела у меня из головы, потому что я наконец-то обратила внимание на запах, стоявший в каюте Сполдинга.

Поначалу он был слабым, но с каждой минутой отчего-то усиливался. Горьковатый аромат турецкого табака сливался с духами, которые показались знакомыми. Запахи словно боролись друг с другом на фоне чего-то более низменного и примитивного. Чего-то природного, а не сделанного руками человека. Пот? Хотя нет, здесь читалось нечто более острое. Похоже на мускусный запах крупного, испуганного зверя.

На столе обнаружилась машинка для записи звуков. Возле нее в бархатных гнездах лежали цилиндры, на чьей восковой поверхности дрожащая игла прочерчивает свои дорожки. Я чуть не улыбнулась. Эта машинка была символом гордыни и тщеславия. Конечно, ему бы очень понравилось слушать собственный пронзительный голос с резкими гласными. Перед глазами так и стояла картинка, как Сполдинг вникает непостижимым стансам Паунда. Еще одним свидетельством суетности было зеркало в латунной оправе на стене каюты. Я подошла поближе. Что это? Пыль? Хотя нет, отражение получилось неясным из-за табачного дыма. В следующую секунду оно прояснилось. Позади себя я увидела лицо Хелен Сайкс, застывшее в гримасе животного ужаса. Кожа белая до синевы, глаза выпучены. Я обернулась. Никого. Мигом позже я уже неслась по коридору и пулей выскочила на пристань, поняв наконец, чем пахло в капитанской каюте. Там стоял запах смертельного страха, который несчастная Хелен испытывала в последние минуты жизни.

Я бежала по брусчатке, отчаянно надеясь отыскать такси. Когда удача наконец смилостивилась, я сказала водителю отвезти меня в Саутпорт, а по дороге все пыталась сформулировать план, каким образом справиться с собственным потрясением и паникой. Мне не хватало воздуха, по лицу струился пот, портфель в руках казался вымазанным жиром, я дрожала от холода в душной жаре, пока такси потряхивало на неровной мостовой. Надо мчаться в Лондон, поговорить там с Симусом Девлиным. Надо

раздобыть взрывчатку. Да, я куплю у него динамитных шашек, соберу бомбу и взорву Гарри Сполдинга вместе с его проклятой яхтой к чертовой матери. Если закон не хочет мне помогать, я сама стану законом. У меня нет навыков сборки „адских машинок“, зато Девлин в таких делах дока. Я ему заплачу, он сделает мне бомбу. Заплачу любую цену».

«4 августа 1927 г.

Сегодня на рассвете, пролмаявшись всю бессонную ночь в номере гостиницы „Адельфи“, я пришла на верфь с тяжелым саквояжем. Разумеется, о своем визите я никого в известность не ставила. Отец был на месте, но взъерошенный и рассеянный, с грязным криво сидящим воротничком. Он даже не удосужился поухаживать за своими любимыми усами. Увидев меня, отец сильно удивился и не выразил никакого удовольствия. Впрочем, подозрительности я в нем не заметила. Он давно махнул рукой на мои непредсказуемые наклонности, но, даже признав поражение, до сих пор меня любит.

А вот яхта Сполдинга исчезла. Я опоздала на полчаса. Стараясь, чтобы мой голос звучал непринужденно, я спросила, куда он отправился.

— Понятия не имею, — ответил отец, а потом что-то буркнул себе под нос.

— Что-что?

— Я говорю, пусть катится хоть в пекло. Он исчадие ада, и там ему самое место.

Я стояла на пристани, почти не замечая, как смертельная начинка саквояжа оттягивает мне руку. Задумчиво кивая собственным мыслям, я сердцем поняла две вещи. Во-первых, отец был прав. Во-вторых, я потерпела неудачу в самом важном деле моей жизни. Видит Бог, я старалась. Но все пошло крахом».

Уже почти совсем стемнело, когда Сузанна добралась до последней страницы рукописи Джейн. Чувствуя озноб, несмотря на ласковое тепло летнего вечера, она поспешила в паб. У барной стойки купила себе выпить, присела за свободный столик, набрала номер нортумберлендской семинарии и попросила к телефону Делоне.

— Монсеньор, мне кажется, я знаю, где находится ваша поруганная святыня, — сказала она иезуиту.

Он молчал так долго, что Сузанна подумала было, что связь оборвалась. Наконец Делоне заговорил:

— Я рад слышать, что с вами все в порядке. Не было ли новых покушений на вашу жизнь?

— Нет. Когда я привезу эту реликвию, вам, монсеньор, надо будет немедленно освятить ее... или совершить обряд очищения, не знаю... Потому что необходимо устранить все последствия этого богохульства.

— Любой священник должен поступить именно так, поскольку речь идет о его прямых обязанностях, — ответил Делоне.

Сузанна не слухавила: новых покушений на нее действительно не было. Не наблюдалось также зловредного вмешательства привидений, что странно. Впрочем, эта загадка разрешилась сама собой, когда Сузанна проснулась следующим утром от звонка из Нортумберленда.

— Через полчаса после нашего вчерашнего разговора я получил электронное письмо с борта «Темного эха», — сообщил Делоне. — К нему был приложен весьма объемистый текстовый файл. Я только что закончил его читать. Последняя дюжина страниц касается непосредственно вояжа. Думаю, вам тоже следует с ними ознакомиться.

— Письмо от Магнуса? Что-то вроде судового журнала?

— Нет, его написал Мартин. Своего рода дневник. Сейчас я вам его перешлю на мобильник.

Сузанна прочитала письмо, не выходя из номера, устроившись возле открытого окна. Закончив, она включила свой компьютер. Мартин сделал двойную рассылку, отправив сообщение одновременно священнику и ей. В адрес Сузанн имелась приписка.

Я любил тебя. Любил недостаточно долго, но всем сердцем.
И с этим чувством я умру.

Мартин

Она взглянула на часы. Музей при Ботаническом саду откроется минут через пятьдесят. Сузанна заказала такси через гостиничную дежурную, полагая, что Мартин ни за что не умрет, если есть хоть какая-то надежда повлиять на события. Теперь дело за ней. Она любила его, и он был прав. Слишком короткий срок довелось прожить им вместе.

— Как вы сказали? Бойс?

— Бойт.

Сузанна улыбнулась музейному лодырю. Взятый вчера документ она успела вернуть, не нарушив данного обещания. До истечения двадцатичетырехчасового периода еще масса времени. Теперь стояла задача узнать, не оставляла ли несчастная, отчаявшаяся Джейн что-либо на хранение в здешнем архиве. Что-то настойчиво внушало Сузанне, что так оно и было.

— Да, есть одна коробка, — сказал смотритель, отрываясь от гроссбуха. — Содержимое не указано.

— Можно посмотреть?

— Да ради бога. На коробку можете смотреть сколько угодно. Но только не внутрь. По крайней мере, до тех пор, пока кто-то из сотрудников не составит опись содержимого. За подписью и печатью. Таковы правила.

Сузанна вынула из портмоне пять десятифунтовых банкнот и выложила их веером на конторке.

— Десять минут.

Мужчина задумчиво посмотрел на деньги.

— Пять, — наконец сказал он. Похоже, ему во всем надо иметь последнее слово.

— Договорились.

Он смел банкноты жестом заправского крупье.

— Ладно, схожу за ключом.

Сузанна взяла то, что требовалось, из коробки, которую Джейн оставила на попечение музейного хранилища. Сделала она это не раздумывая и без всяких сантиментов. В иных обстоятельствах она бы мучилась угрызениями совести за столь бесцеремонное обращение с наследием, оставшимся после человека, к которому она успела искренне привязаться. Нет, она бы открыла коробку с пиететом бережно и аккуратно, устроив даже нечто вроде небольшой церемонии. В конце концов, речь шла о темных секретах и восьмидесятилетней истории. Но на это не было времени. Если «Темное эхо» сохранит свою текущую скорость,

то суши они достигнут через пару дней. Магнус Станнард ошибся. Яхта шла отнюдь не к побережью Западной Ирландии. Она изменит курс, обогнет остров и ничуть не пострадает на местных рифах или мелях. Пункт назначения судна лежит на берегу Ланкашира. Где-то здесь, между Саутпортом и мысом Формби, она бросит якорь. После чего, со следующим приливом, навсегда уйдет в море. Именно здесь на ее борт поднимется существо, некогда бывшее человеком по имени Гарри Сполдинг, и станет ее капитаном, а Магнус и Мартин будут порабощены, играя роль матросов. А за Сполдингом водилась не самая хорошая репутация, когда речь шла о его методах обращения с командой.

Сполдинг был здесь. Она видела его — пусть мимолетно — за окнами старого особняка. Из трусости убедила саму себя, что в доме всего-то прибирается некая служанка. Сузанна почувствовала его присутствие, до сих пор его ощущает. Вряд ли он способен навредить. Попытка раздавить в ней жизнь на дороге в Нортумберленде была первой и последней. Нет, он не мог этого сделать, потому что вся его сила в данный момент уходила на приманивание яхты. Он сбил с толку и подчинил себе Мартина с отцом. Каким-то образом блокировал работу приборов на борту. Посредством некоей демонической магии передвигал семьдесят тонн дерева и стали по молчаливому океану, да еще на достаточно высокой скорости. Но вот когда он поднимется на борт «Темного эха», то — и в этом Сузанна была уверена — его сила вернется вновь. Сполдинг разомнет свои инсектоидные мускулы, о которых говорила Джейн, а затем, неторопливо и со вкусом, наконец займется ею.

Короткий путь от музея до паба «Хескет-армс» Сузанна проделала пешком. Присела за столик и с мобильного позвонила в справочную службу, чтобы узнать номер полицейского управления Саутпорта. Связавшись затем с дежурной частью, она спросила, имеется ли у них какой-нибудь сотрудник, который занимается давними преступлениями, после чего зажмурилась и скрестила пальцы.

— Насколько давними? — поинтересовался насмешливый голос.

— Восемьдесят лет.

Пауза.

— Ничего себе... Мадам, это уже вряд ли можно назвать преступлением, это скорее принадлежит истории.

— Убийство всегда останется убийством, — сказала Сузанна. Наверное, ее голос сумел передать всю серьезность положения и испытываемый гнев.

— Хорошо, — ответил голос. — Подождите-ка, я соединю вас с

мистером Ходжем.

Готовясь к разговору, Сузанна надеялась, что встретит кого-нибудь по фамилии Райт, Риммер или Халсалл, потому что эти имена помнила еще со времен работы над генеалогией одного из местных комедийных актеров. Она про себя прочитала коротенькую молитву, чтобы ее рассказ выслушал действительно здешний уроженец. Впрочем, Ходж — это тоже очень неплохо, и слава богу. Местные Ходжи упоминались еще в Книге Судного дня.^[10] Они возделывали поля в Хандрид-Энде и Ормскирке еще тысячу лет тому назад. Сама фамилия восходила к языку викингов и означала «крестьянин». Когда собираешься рыться в земле, не помешает быть с ней хорошо знакомым. Встреча с мистером Ходжем из саутпортовского отдела при архивном департаменте Мерсисайда была назначена на девять тридцать утра.

Она сходила в библиотеку, где в справочной секции села за компьютер. Баллада Пэдди Макалуна «Когда ломается любовь» появилась в списке шлягеров в сентябре 1985 года. Именно в тот период она пользовалась популярностью, звучала на радио и могла запомниться Гарри Сполдингу. У дежурного библиотекаря Сузанна спросила, нет ли у них микрофишей. Восемьдесят пятый год показался ей седой стариной, когда она стала разглядывать газетные страницы и фотографии. Искомое обнаружилось в одном из октябрьских выпусков «Саутпорт визитор».

Двое парнишек пропали на рыбалке в районе мыса Формби. По-видимому, утонули, хотя тела так и не были найдены. Обоим по семнадцать лет. Ходили в одну школу. Их увлечение рыбной ловлей выросло из сидения с удочкой возле ручейков и прудов, затем они стали наведываться на лидский и ливерпульский каналы, потом на саутпортовский пирс, где водилось нечто покрупнее. Злосчастная рыболовная экспедиция, в которую родители их отпустили ночью на ялике, была всего лишь второй по счету в жизни этих мальчишек. Погода стояла безветренная. Синоптики не обещали никаких сюрпризов. И все же юные рыболовы исчезли вместе с лодкой. Их семьи передали газетчикам портретные фотографии. Модные челки, плащи... ни дать ни взять маленькие рок-звезды. Они совсем не напоминали Пэдди Макалуна. Скорее, их внешний вид был срисован с групп типа «Баннимэн» или «Смитс». Сузанна и минуты не сомневалась, что ребята утонули вовсе не случайно. И она знала, какая именно композиция звучала из их транзистора или магнитофона, когда над крошечной лодочкой внезапно вырос форштевень «Темного эха».

— А почему его разорвали? — спросил Ходж.

Он разглядывал аэрофотоснимок, который Сузанна нашла в коробке Джейн. На инспекторе были бифокальные очки. Он сидел за столом в ярком свете утра, вливавшемуся сквозь окно. Сузанна дала бы ему пятьдесят с чем-то. Внешность непримечательная. Волосы из светлых превращались в седые, но шевелюра была плотной и коротко подстриженной. Сетка морщин вокруг голубых глаз. Костюм из шерсти казался слишком уж теплым для июня и, так же как его клетчатая фланелевая рубашка, производил впечатление покупки, сделанной в универмаге типа «Маркс энд Спенсер». На момент выхода в отставку он занимал должность детектива-инспектора. Не исключено, что ему просто было скучно сидеть без дела. А может, пенсия оказалась маловата. Или он искал себе занятие, чтобы не поддаваться искушениям местного паба. Впрочем, Ходж не был похож на любителя выпить. Он выглядел собранным, компетентным и, несмотря на вежливое обхождение, недоверчивым. Вряд ли его можно за это винить в текущих обстоятельствах, подумала Сузанна.

Она изложила мистеру Ходжу подоплеку дела — правда, не полностью. Рассказала ему о пропавших женщинах. О подозрениях, которые Джейн питала в отношении Гарри Сполдинга. О дублинском инциденте с попыткой изнасилования и о том, как был сделан этот аэрофотоснимок.

Затем она рассказала ему про беседу Джейн с инспектором Беллом.

Ходж просто кивал, не делая никаких замечаний. Он вообще пока что ничего не прокомментировал, а ограничился лишь парой вопросов по уточнению хронологии и фактов. Наконец он нашел что сказать:

— Да, помнится, мой дед что-то такое говорил про исчезновения.

— Он тоже был полицейским?

— Нет-нет, он работал старшим барменом в «Палас-отеле». Был знаком с той горничной. — Ходж положил клочки фотографии на стол. — Знал Хелен Сайкс и людей из ее круга. Мисс Сайкс была очень щедра на чаевые. Дед не раз об этом вспоминал... Не желаете ли чаю или кофе? Может, что-то заказать?

— Пожалуйста, зовите меня просто Сузанной. Да, кофе был бы очень кстати.

А сигарета еще лучше, но с этим удовольствием придется повременить.

— Мне нужно отлучиться на несколько минут в компьютерный отдел, — сказал Ходж. Он закрыл КПК, куда впечатывал выжимку из

монолог Сузанны, и сунул аппарат в карман пиджака. — Вы можете попить кофе в нашей столовой. А если хотите, чашку вам принесут на задний дворик участка, где разрешается курить.

— Да, так будет еще лучше, — благодарно отозвалась Сузанна.

Ходж улыбнулся — вполне тепло и дружелюбно, хотя взгляд по-прежнему оставался прохладным. Вряд ли он решил заняться этим делом лишь из желания держаться подальше от пива или подзаработать. Его пригласили оттого, что он был мастером по таким вопросам.

Прошло минут тридцать пять, прежде чем он вернулся в кабинет. С собой он принес пачку каких-то документов. «Стало куда проще работать, когда все введено в компьютеры», — сказал инспектор. Она кивнула. Без современной техники ее работа оказалась бы практически невыполнимой. С другой стороны, сейчас она практически лишилась места, потому что — потрясенно поняла вдруг Сузанна — борьба за избавление Мартина из-под влияния призрака Гарри Сполдинга заполнила собою всю ее жизнь.

Ходж присел за стол, жестом предложил ей последовать его примеру, затем опустил жалюзи, чтобы солнечные лучи с улицы не слепили глаза. Впрочем, в кабинете и сейчас было достаточно светло благодаря щелям между планками. Инспектор задумчиво побарабанил пальцами по столешнице, втянул воздух сквозь зубы и принялся рыться в стопке компьютерных распечаток.

— Сузанна, вы верите в реинкарнацию?

— Нет. — Молчание. — А вы?

— В свое время не верил, — ответил Ходж и пустил по столу черно-белый снимок какой-то женщины, сидящей в кафе. Сузанна пригляделась, и в следующий миг кровь бросилась ей в лицо. Все равно что наткнуться на собственную фотографию, о существовании которой тебе ничего не было известно. — Снимок сделан службой наружного наблюдения в 1925 году на Лорд-стрит. Мисс Бойт проходила по делу о дублинском бомбисте по фамилии Девлин. Неудивительно, что Белл на нее накричал. Кстати, он не состоял в «Оранжевом ордене», а был франкмасоном. Впрочем, неважно. Масоны среди офицеров полиции и по сей день не редкость. Главное, что его родной брат погиб в Типперэри, когда служил там в составе «черно-рыжего» корпуса.^[11] Капрал Дэвид Белл был разорван на куски подложенным взрывным устройством республиканцев.

Сузанна воздержалась от комментариев.

— Пожалуй, никто не был столь очарован Майклом Коллинзом, как ваша мисс Бойт.

— Получается, полиция за ней следила...

— О, на нее собрано внушительное досье. Время от времени ее вызывали в участок... А вы знаете, что у нее была дочь?

— Подозревала. В своем дневнике она упоминала о детях и тех чувствах, которые к ним питают родители. Мне даже показалось, что такие слова могла написать только мать, потому что лишь женщина, у которой самой есть ребенок, способна их разделять... А скажите, фамилия по мужу у ее дочери... случайно, не Донт?

— Верно. Так оно и было. Элис Эммелина Донт. Она скончалась года три тому назад. В возрасте восьмидесяти четырех лет.

Сузанна нервно сглотнула.

— То есть родилась она в тысяча девятьсот двадцать первом году. И ее отцом был Майкл Коллинз...

— Сузанна, а у вас есть более практичная пара обуви, чем вот эта?

— А что?

— Да потому что даже в нынешнюю ясную погоду копание в земле — дело очень пачкотное.

— Так вы сегодня собираетесь копать?

— Ну, положим, сам я за лопату браться не буду, но зато успел договориться со специальной бригадой. Они придут после обеда. Наши криминалисты, гражданские судмедэксперты... экскаватор, чернорабочие... И вы, буде появится такое желание.

— Как это вам так быстро удалось?

— Сполдинг был либо крайне омерзительной личностью, либо ему невероятно «везло» на различные несчастные случаи, которые он словно притягивал. Тот снимок, что вы мне показали, действительно выглядит очень подозрительно. Я не склонен верить в совпадения. А если те женщины действительно там лежат, то, полагаю, они уже достаточно долго прождали, чтобы заслужить хотя бы права быть достойно погребенными, как вы считаете?

Сузанна покрутила в руках обрывки фотографии, сложила их вместе и уставилась на изображение: зернистую реальность нарушенной почвы и дерна.

— А что конкретно вам кажется здесь подозрительным, господин инспектор?

— Уж очень время сходится. Да и сам факт, что в саду копались. Плейбои вроде Сполдинга не склонны развлекаться устройством ям таких размеров, чтобы их можно было заметить с воздуха. Если, конечно, он не питал ностальгию по войне и окопам.

— А как насчет обитателей особняка? Они-то возражать не будут?

— Да никто там не живет, — отмахнулся Ходж. — Дом числится по категории второстепенных архитектурных памятников и стоит пустым. Вот уже многие годы. Людям там не нравится. Говорят, в нем водятся привидения.

Сузанна поднялась. На секунду она почувствовала легкую растерянность.

— А что мне сейчас надо делать?

— Ну, Лорд-стрит отсюда недалеко. Вы могли бы пока погулять, походить по магазинам, потом перекусить. После этого советую вернуться в гостиницу и переменить ваш замечательный наряд, который вы с таким вкусом выбрали для нашей встречи. Наденьте что-нибудь более практичное. Я вас буду ждать возле особняка в два часа дня. Не забудьте накрыть голову. Июньское солнце коварно. Да, и захватите что-нибудь попить. Работа предстоит долгая.

Сузанна покинула полицейский участок и отправилась на Лорд-стрит. За последние дни она неплохо узнала Саутпорт. Прошное этого города постоянно прорывалось в настоящее, но своим особенным путем, отчего такие вторжения казались вполне уместными. Один раз ей почудилось, что изнутри одного фешенебельного универмага на нее смотрит Джейн Бойт, но, приглядевшись, Сузанна поняла, что увидела собственное отражение в витринном стекле: та же самая прическа, узкая серая юбка и пошитая на заказ черная жакетка — словом, весь тот наряд, в котором она пришла к ветерану полиции.

Она остановилась возле кофейни «Коста». Одиннадцать часов, время ланча, порядочная очередь. В глаза вновь бросился фотоколлаж, который напомнил ей о ламбетской квартире, где они жили с Мартином Станнардом. Уж не в последний ли раз она его там видела? Тот вечер выдался неловким, вымученным. Она держала себя прохладно, потому что не одобряла идею всего этого вояжа, и оказалась права. Увы, сейчас ее холодность вызывала глубокие сожаления. Никто из них не сделал попытки к интимной близости. Теперь же всем своим закаленным сердцем она желала еще одного шанса, чтобы скомпенсировать такое поведение.

Сузанна отнесла кофе к одному из уличных столиков. За шеренгой старых деревьев на бульваре проглядывалось светлое величие кенотафа. Отсюда памятник смотрелся особенно величественно: гладкие, тщательно пригнанные блоки портландского гранита образовывали два массивных параллелепипеда с высоким обелиском посередине. Она подумала про Сполдинга, который стоял у постамента, помахивая тросточкой и разыгрывая злую пародию на почитание памяти павших, пока

сам с издевкой обращался к Джейн Бойт. Сейчас возле кенотафа было безлюдно. Плиты на площади словно шевелились от игры света и теней, которые бросала на них летняя листва в кронах деревьев. Сузанна вздохнула, отпила кофе и перевела взгляд на свою сторону Лорд-стрит. Здесь бульвар был заполнен людьми в ярких и легких одеждах. Тут ей пришло в голову, что в толпе она пытается высмотреть Элис Донт, хотя и сама понимала, что уже видела Элис в последний раз — так же как и ее отца.

Раскопки привели к обнаружению пяти тел. Скелетов, разумеется. К окончанию работ успели спуститься сумерки, и кости казались выбеленными в резком свете прожекторов, которые сражались с наступающей ночью. Останки лежали в необычной позе, напоминающей полураскрытый перочинный нож, касаясь вытянутыми руками ступней соседней жертвы. Смысл этого геометрического рисунка был ясен с первого взгляда Пентаграмм, пятилучевая звезда. Получается, убийства носили ритуальный характер. Но вот вопрос: как именно эти женщины умерли?

— В страшных муках, — сказал ей Ходж. По сравнению с сегодняшним утром он выглядел постаревшим лет на десять. Инспектор пил кофе из стального термоса. — Конечно, подробности станут известны лишь после того, как поработают криминалисты и составят полный патологоанатомический отчет. Однако, если судить по следам на шейных позвонках, им всем перерезали глотку. Думаю, орудием убийства послужил зазубренный нож, а может стать, какой-нибудь немецкий штык, который сохранил себе Сполдинг в качестве военного сувенира. Мне кажется, они сначала истекли кровью, а уже потом их уложили вот таким образом. Впрочем, если говорить откровенно, я в толк не возьму контекст преступления. За всю свою карьеру мне не доводилось видеть хотя бы нечто подобное, и — Бог свидетель — не хочу увидеть вновь.

Женщин закопали глубоко. Пентаграмма находилась в двенадцати футах под поверхностью земли, вот почему раскопки заняли столько времени. Круглый котлован, сделанный полицией, пришлось укреплять сваями, поставив за ними доски на ребро. Несмотря на подпорные стенки, грунт так и норовил просочиться внутрь щели. Доски выгнулись и угрожающе потрескивали, словно яма была живым организмом, который хотел спрятаться от людских глаз.

— По крайней мере, ясно, что могилу копали вручную, киркой и лопатой, — продолжал Ходж. — Если трудился только один человек, он

должен был обладать колоссальной силой. Перенести сюда трупы — детская игра для него. Да такой силач вообще, наверное, мог их носить по двое за раз.

Из центра звезды, образованной мертвыми женщинами, достали бронзовый цилиндр длиной около трех с половиной футов. Он был завернут в брезент. Обертку осторожно сняли. За все время, проведенное под землей, металл почти не пострадал. Поначалу Сузанна подумала на подозрительную трубу, однако поверхность оказалась гладкой и сплошной, не имела отдельных секций, как в раздвижном тубусе. Вся эта труба заканчивалась крышкой. При внимательном рассмотрении стало ясно, что она сидит на резьбе, предохраняя то, что находится внутри.

Все присутствующие столпились в кружок, когда начали отвинчивать крышку. Сузанна встревоженно наблюдала за происходящим. Операция совершалась с невероятной осторожностью, однако Сузанна уже знала, что прячется в трубе, а посему серьезно опасалась, что содержимое попросту рассыплется под невыносимо ярким галогеновым светом. От этой мысли она пришла в ужас. Мало того, здешний воздух напитан морской влагой, в нем масса соли и озона. Сузанна сжала кулаки, зажмурилась и пробормотала молитву, но когда вновь открыла веки, то увидела, что объект извлечен без повреждений.

Догадки поскакали неудержимым галопом. Предмет напоминал обломок рукоятки от метлы, но чуть ли не окаменел от древности, а если присмотреться, то в резком свете прожекторов различались кольцеобразные вмятины в том месте, где когда-то была плотно намотана веревка или кожаный ремень.

— Посох какой-то... — пробормотал Ходж.

— Не посох, господин инспектор, а древко, — возразила Сузанна.

Он обернулся к ней. За прошедшие часы из его глаз напрочь пропали подозрение и враждебность. Должно быть, Сузанна полностью доказала свою правоту, хотя трудно себе вообразить более печальный и ужасный способ.

— Зовите меня Бернард, — сказал он и вытянул ладонь вперед. Только сейчас Сузанна сообразила, что он откладывал этот жест с самого утра. Они обменялись рукопожатием.

— И что сейчас?

— Целая куча формальностей. И не в последнюю очередь придется известить американское посольство. Отчета о криминалистической экспертизе придется еще подождать, к тому же нет гарантий, что там найдется что-нибудь полезное. Если только не удастся эксгумировать

Сполдинга и сравнить ДНК. Однако косвенных улик слишком много, чтобы их игнорировать.

— Так оно всегда и было.

— Да, Сузанна. Тут Джейн Бойт оказалась права. Так оно и было.

«Да и вообще, — подумала Сузанна, — гроб на нью-йоркском кладбище все равно пуст. Потому что Гарри Сполдинг никогда не умирал».

— Так что получается, Сузанна, вы знаете, что это за объект?

— А вы сами как думаете, что это такое?

— Я мало знаком с ритуалами сатанистов. По крайней мере, так считал до сегодняшнего дня, — ответил Ходж. Он отпил кофе из стальной крышки термоса. Говорил он сейчас тихо, чтобы его слова не донеслись до чужих ушей. — Думаю, речь идет о священной реликвии, которую подвергли чудовищному осквернению. Но, опять-таки, это во мне говорит интуиция старой полицейской косточки. Хотя, в общем-то, это просто деревяшка.

— Бесценная, — сказала Сузанна.

— Все равно, палка есть палка.

— Я знаю одного иезуита, который с огромным облегчением передал бы ее обратно в лоно Церкви, откуда ее и похитили.

— Тогда пусть мне позвонит. На мобильник.

— То есть это не улика?

— Если вы имеете в виду оружие убийства, то нет. Я ничуть не меньше других хотел бы перевести стрелки часов назад в этом деле, но даже если я оставлю у себя эту палку, она не вернет к жизни убитых женщин. Пусть ваш священник мне позвонит.

— А отпечатки пальцев?

— Есть очень хорошие на латуни. Сдается мне, мы оба знаем, кому они принадлежат. Эта палка нам не нужна.

— Но никто не заметит пропажу?

— Какая такая пропажа? Я своими руками подложу вместо нее обломок сухой ветки вон из того парка. — Ходж перешел на шепот. — Строго говоря, в данном расследовании она не играет никакой роли. Какими бы свойствами в ваших глазах она ни обладала, злосчастных девиц к жизни не вернешь.

Сузанна кивнула. Тут он прав.

— Бернارد, если вы согласитесь отдать древко мне, я клянусь, что сама доставлю его священнику.

Инспектор внимательно взглянул на нее:

— Хм. А вам, кстати, надо будет написать мне заявление по всей

форме. Придется сейчас поверить вам на слово, если вы пообещаете прийти ко мне в течение нескольких дней.

Она вновь кивнула.

— Советую заказать такси. Встретимся у входа через пять минут. До свидания, Сузанна. Да пребудет с вами Бог.

Она рискнула в первый раз поближе познакомиться с домом. Окна смотрели на нее темными глазницами. Сузанну мучил страх, что вот-вот кто-то выглянет из-за стекла. Но его здесь не оказалось. Особняк стоял пустым. Она совсем не ощущала его присутствия. Сполдинг находился где-то еще, в каком-то другом своем месте. Намеренно прячется, как об этом уже упоминала Джейн. За долгую и чудовищную жизнь он узнал много разных мест, повсюду расточая свои миазмы, как заразу.

Сузанна потратила всю ночь, чтобы добраться до Нортумберленда в автомобиле, который взяла напрокат возле ливерпульского аэропорта, добравшись туда на такси. Впрочем, дело того стоит, подумала она, сворачивая к готическому убежищу монахов в пять часов утра. Делоне уже поджидал ее в составе группы высокопоставленных католических клириков с мрачными, напряженными лицами. Интересно, как давно они ждут? Их облегчение и радость бросились в глаза, когда Сузанна из багажника достала завернутую в газеты реликвию.

Ей хотелось немедленно сесть за руль и пуститься в путь, но Делоне заглянул в открытое окно дверцы с водительской стороны, и выражение его лица сказало ей, что такой поступок был бы крайне неблагоразумным. Она опустила стекло по дороге, потому что едва не заснула за баранкой. Слишком давно не позволяла себе поспать. Никогда в жизни ей не требовалось быть более внимательной, иметь ясность мысли и инстинкт опасности. Время еще есть. Она подсчитала. На скорости в десять — двенадцать узлов «Темному эху» потребуется не меньше двух суток, чтобы достичь пункта назначения. По предложению Делоне, вернее по его настоянию, она съела тарелку супа и провела в сонном забытии пару часов в гостевой комнате, прежде чем отправилась в дорогу.

Делоне поджидал ее возле выхода.

— Монсеньор, надо поскорее заново освятить то, что я вам привезла.

— Уже сделано, — просто и лаконично ответил он.

Сузанна добралась до Дувра за пять часов, заставив сработать, наверное, все контрольные видеокамеры по дороге. Она молилась, чтобы ее не остановили раньше времени за превышение скорости, и ее мольба была услышана. К тому же она знала, что и другие люди молятся за нее. Теперь ей потребуется вся возможная помощь, каждый огонек пламени на

свечах, поставленных за ее успех. Погода стояла благоприятная, а трафик, по крайней мере до лондонской кольцевой дороги, был незначительным. В Кенте пришлось сбросить скорость, но все же она с пятиминутным запасом поспела к одиннадцатичасовому парому. На сей раз ей не требовалось терять время на расспросы, как проехать. Сузанна отлично знала, куда лежит ее путь. Разумеется, радио она не включала. Впрочем, одна вещь осталась неизменной. Небо нахмурилось, затянулось темно-лиловыми тучами, и милях в десяти от конечного пункта Сузанна въехала в полосу дождя.

Поле Дюваля она пересекла по грунтовке, что тянулась вдоль межевой канавы, и, приближаясь к амбару, надеялась, что дождь пошел недавно, а посему машина не утонет в трясине французской грязи. Верхний слой почвы успел размокнуть, но сразу под ним находилась щебенка, которая скрипела и скрежетала под колесами, вклиниваясь в рисунок протекторов. В лобовом стекле неторопливо вырастал амбар, который из нелепого и отдаленного монумента превращался в нечто более близкое и пугающее. Сузанна почувствовала, как от сверхъестественной и колоссальной угрозы поднялись дыбом волоски на запястьях. Как и в первый раз, вся ее интуиция кричала о том, что надо уносить ноги с этого странного и зловещего места. Но она не могла себе этого позволить.

Она ударила по тормозам, щебенка в последний раз взвизгнула под машиной — и Сузанна посидела несколько секунд в тишине. Все, приехали. По крыше стучал дождь. Заглушенный двигатель чем-то потрескивал, остывая. Массивная дверь в амбар слегка приоткрыта, но внутри царит пустота чернильного мрака. Когда она выбралась из автомобиля, колени вдруг сделались ватными, а решительность начала резко слабеть, утопая в потоке чистого ужаса. Дождь отбивал чечетку на летних лужах. Ко лбу липла мокрая челка. Все шло наперекосяк — и тут она вспомнила про Мартина, его располосованную в подземке ладонь. Подстегнув дрожащую волю, она собрала в кулак остатки сил.

Из багажника Сузанна достала лопату, которую позаимствовала в монастыре. Зашла в амбар и услышала коллективный шепот от армии призрачных шинелей, которые висели на дальней стене, подрагивая от неоощаемого сквозняка. Вслед за шепотом пришел и негромкий, но отчетливый свист. Она узнала мелодию: «Кемптаунские скачки». Фальшивые ноты сочились брезгливым напоминанием о последних крупницах человеческой сущности. Хриплый смех, краткая вспышка веселья. И аккордеон, чьи звуки доносились будто сквозь мутно-зеленое море. «Розы Пикардии», мелодия искажена, тонет в воздухе.

— Да пошли вы все к черту, — буркнула Сузанна. — А ты, Гарри Сполдинг, в первую очередь.

Перехватив лопату понадежнее, она начала вгрызаться в основание свекольной пирамиды. Корнеплоды повалились на нее лавиной, подскакивая от ударов о землю и друг о друга. В ушах вдруг гроыхнуло, словно от сдвоенного ружейного залпа, но Сузанна лишь крепче стиснула зубы. Ее решимость была столь отчаянной, что из десен начала сочиться кровь, которую пришлось угрюмо глотать, не прерывая работу.

Сняв макушку пирамиды, она ногой разбросала свеклу, добралась до земли и стала рыть дальше. На глубине всего лишь одного фута обнаружилась кость, вернее череп. Продолговатый, со зловеще вытянутыми глазницами и узкой челюстью. Череп козла, поняла Сузанна. Искала же она тот предмет, которым, скорее всего, это животное и умертвили. Затем выскребли мозг изнутри, устроив мрачную церемонию жертвоприношения, атрибуты которой нашлись среди прочих останков: сожженная Библия, церковная свеча, разбитая статуэтка Беспорочной Девы и неопорожненный ночной горшок, в чью застарелую мерзость положили четки. Распятие, обмазанное калом. В общем, святотатство, но наивное. Главной же проблемой было то лезвие, которое воткнули в козлиный череп. Недостающая половина дротика, древко от которого она уже разыскала.

Тут ей почудилось, что с улицы донесся какой-то шум. Ничего, это может обождать. Все, что вне этого амбара, может обождать. Основное дело здесь. На свете нет другого более важного занятия. Зная, что это такое, она не решалась прикоснуться к лезвию. Проблема не в брезгливости. Сузанна никогда этим не страдала. Благоговейный трепет — вот что она сейчас испытывала. Ей рассказали о значимости, как символической, так и фактической, этого древнего, тускло отсвечивающего куска кованого и заточенного железа, который она извлекла из козлиного черепа и теперь держала измазанными землей пальцами. Опустившись на колени, она поцеловала металл, как этого требовал Делоне. И, следуя его наставлениям, она осенила себя крестным знаменем, сжимая лезвие в правой руке.

В следующий миг ее захлестнула невероятная вонь. Из ящичков, горой высившихся вдоль стен, раздался свист истекающих гнилостных газов. Мгновенно истлевшие фрукты лопались зловонными пузырями. Вокруг нее исходили паром, сплющивались, скукоживались противоестественные корнеплоды, которые наконец оказались подвержены действию неумолимых законов природы. Сузанна раскашлялась, подавилась рвотой,

вскочила на ноги и обернулась к неровной шеренге шинелей «Иерихонской команды»: их ткань распадалась на нити, бледнела и растворялась на глазах, обращаясь в пыль, как оно и должно было случиться десятилетия тому назад. Сузанна фыркнула от удовольствия. Впрочем, до момента подлинного триумфа еще далеко. Какой-то глубоко запрятанный инстинкт говорил ей, что испытывать гордость в подобной ситуации опасно, такое потворство собственным слабостям может быть даже губительно. Прижимая к груди находку, Сузанна пошла на выход.

Снаружи стоял Дюваль, тот самый фермер, который, судя по всему, даже спал с ружьем. Он поджидал свою непрошеную гостью. Нарушение границ его участка никогда не проходило незамеченным, это Сузанна поняла еще во время первого визита. На сей раз, впрочем, ружье оказалось непорочным. Дождевая вода лилась с полей его шляпы; губы вытянулись в узкую полоску под щеткой усов. Капли стекали и с ружейного дула; из обоих стволов курился дымок. Рядом со своей машиной Сузанна увидела микроавтобус. Трепыхнулось сердце, когда она узнала нанесенную на борт надпись, золотую вязь «Мартенс и Дегрю». Она обошла черный автомобиль спереди. Внутри находились двое мужчин в светло-коричневых комбинезонах. В лобовом стекле, напротив сидящих, имелись два отверстия.

Мертвы. На груди каждого расцветало пятно, оставшееся после дуплета, полученного в упор.

Сузанна посмотрела себе под ноги. Окинула взглядом небо.

— У вас что, всегда так дождливо?

Дюваль пожал плечами.

— Зато для овощей полезно.

Сузанна кивнула. Оказавшись рядом со смертью, чуть ли не столкнувшись с ней лицом к лицу, у нее никак не получалось улыбнуться.

— Должен признать, что вы, мадам, отличаетесь неимоверной отвагой. Вы очень решительны. И сумели наконец снять проклятие.

— То есть вы тоже пытались?

— Отец. Но у него ничего не вышло. Только сам погиб.

Она показала в сторону микроавтобуса.

— А как быть с ними?

— Сормлю свиньям, — ответил он. — Мое преступление. Мой грех, не ваш, и разбираться с ним я буду сам. А они этого заслужили.

Стало быть, он уже начал подыскивать оправдания...

— Что ж, спасибо вам, Пьер, — сказала она. — Спасибо, что спасли мне жизнь.

Он подарил ей долгий, внимательный взгляд.

— Это самое меньшее, что я мог для вас сделать.

Сузанна обернулась к амбару. Здание до сих пор производило странное впечатление, однако сейчас оно казалось просто архитектурным курьезом, а вовсе не угрозой.

— *Bonne chance!*^[12] — крикнул Дюваль вслед отъезжающей машине.

Лезвие, заботливо уложенное в бархатный мешочек, лежало на соседнем сиденье. Делоне умолял ее ни за что не класть реликвию в багажник. Легко выполняемая просьба. Сузанна и не собиралась легкомысленно или бесцеремонно обращаться с артефактом, ради обретения которого пришлось подвергнуться столь тяжелому испытанию. Да он просто не позволил бы этого сделать: от металла исходила столь же явная эманация его священной природы, как если бы его держали перед этим в горниле или на лютom морозе.

Сузанна была убеждена в том, что тварь, которая некогда являлась человеком по имени Гарри Сполдинг, держалась за жизнь хваткой, чья сила то возрастала, то убывала. Самоубийство в Манхэттене в 1929 году было попыткой проверить заявку на бессмертие. В ту пору эта особь — нет, уже не человек — была очень могучей. Впрочем, дьяволом, как это утверждала Джейн Бойт, его тоже назвать нельзя, хотя дьявол и принял участие со своей стороны сделки. За осквернение святыни в амбаре тварь приобрела нечто вроде неуязвимости, чья черная мантия в 1917 году распространилась и на остальных членов «Иерихонской команды». В определенной степени их лидер сохранил гарантию личной безопасности и после войны, однако Сузанна полагала, что к этому времени эффект стал ослабевать. Несмотря на кулаки-кувалды, у Майкла Коллинза не получилось нанести Гарри Сполдингу серьезных увечий в гостинице «Шелбурн», хотя дуло револьвера Боланда, уткнувшееся Сполдингу под челюсть, заставило того призадуматься.

Затем, уже в Саутпорте, он устроил вторую богохульственную церемонию. На сей раз жертвоприношение, а вместе с ней и степень осквернения носили более масштабный характер. Джейн сама стала свидетелем превращения Сполдинга в нечто более сатанинское. Его сила возросла. Изменился даже внешний облик.

Но нет более требовательного и безжалостного партнера, чем дьявол. В конечном итоге пришлось принести в жертву всех членов «Иерихонской команды» до последнего. Таковой оказалась судьба братьев Уолтроу, а также Габби Тенча, который за игорными столами катался на везучей волне Сполдинга, пока его бывшего командира не призвали погасить долг.

Все они были невольниками Сполдинга. А тот являлся рабом сатаны. Когда сатана поймет, что богохульные поднесения больше не работают, что принятые обязательства не выполняются, Сполдинг вновь станет человеком, другими словами, потеряет способность обманывать смерть. Сейчас, однако, он был силен. Да, его сила сохранится до тех пор, пока дьявол не узнает, что из расходного счета Гарри Сполдинга нельзя больше извлечь ни крохи.

Такова была логика Сузанны. Ее разумное обоснование, выработанное за рулем прокатного автомобиля по дороге в Кале сквозь французский дождь. Она рассмеялась. Когда на соседнем сиденье лежит сверток с реликвией, когда ноздри до сих пор щекочет запах крови убийц, присланных от «Мартенса и Дегрю», она не нашла ничего лучше, чем рассмеяться. Потому что иначе придется просто разрыдаться. Ее логика принадлежала миру кошмаров, и сам кошмар еще далеко не кончился.

Вернувшись к Нортумберленду и Делоне, Сузанна все же расплакалась, передавая находку.

— Монсеньор, отчего эта вещь столь важна?

— Сим копьём умертвили Иисуса.

Это она знала. Помнила историю. Римляне распяли Христа, и пока он висел на кресте, изнывая в долгой агонии, один из римских солдат взял копье и пронзил им его бок, жестоким актом милосердия источив последнюю каплю жизни. Однако христиане не верили в милосердие убийства. По смерти Иисуса этот римлянин, коего звали сотник Лонгин, раскаялся и сам принял христианство. Однако этот факт Сузанна не считала значительным.

— Прободение копьем ознаменовало собой последний момент жертвы Господней, который отдал собственного сына на заклятие во имя человека, — сказал Делоне. — Это единственный физический артефакт, который дошел до нас от Искупителя. Лезвие пронзило его плоть, было омыто кровью Христовой.

— Да, но разве не имеется гвоздей от того распятия? А как же деревянные фрагменты, которые сохранились от истинного креста?

Делоне улыбнулся. Покачал головой.

— Средневековые фальшивки, — сказал он. — Подделки, состряпанные ради обогащения нечистоплотных людей за счет тех, кто отчаянно нуждается в вере. Но вот это... — Он поцеловал металл.

В чем бы ни заключалась подлинная причина значимости этого копья, Сузанна не питала никаких сомнений относительно его власти. Имелись и другие реликвии, претендующие на роль Копья Лонгина. Например, в

музее Кракова. Еще одно копьё Гитлер перевез в Германию из Австрии после аншлюса. Вслед за падением Берлина генерал Паттон предпринял все усилия, чтобы его найти. Однако истинной реликвией было вот это лезвие. Доказательством служил сам факт чрезмерно длительного существования Сполдинга вкупе с его пагубным влиянием. Она вспомнила про ту вещь, которую нашла в коробке Джейн и вчера ночью спрятала в гостевой комнате семинарии.

— Монсеньор, я прошу вас освятить вот это.

Он нахмурился.

— Не могу.

— Но вы должны...

— Сузанна, я благословил яхту. И что из этого вышло?

— И все же, я прошу вас. Сейчас дела пойдут иначе. Изменились обстоятельства. Я сама их изменила, собственными руками. И сделайте это лезвием копья, взяв его в руку. Сделайте это... Ради Магнуса и Мартина.

Священник поколебался, но затем кивнул, смягчившись. И когда все закончилось, Сузанна на восемь часов погрузилась в беспокойный, мучительный сон, где видела заживо погребенных женщин, истекавших кровью.

Сузанна знала, что яхта подойдет к берегу в ночи. Сполдингу нравилось считать себя солнечным богом, ярким бульварным франтом «Джазового века», который вслух читает стихи, обладает сияющей утонченностью и ошеломляет белоснежной невинностью улыбки. Это был щеголь — богатый, щедрый и влиятельный благодаря умелым знакомствам. Однако при всем при этом он являлся созданием ночи. Вещью, принадлежащей дьяволу. Вся его наиболее выдающаяся работа была проведена во мраке. «Иерихонская команда», которая первой сделала ему имя и позволила получить статус в обществе, носила ночной характер. Лишь после того как солнце садилось, «иерихонцы» выползали из своих ям, чтобы убивать и калечить. Такими же были и его личные привычки и предпочтения. Землю в саду на Роттен-роу он рыл в темноте, в этом Сузанна ничуть не сомневалась. Потехе Сполдинг отводил день, а делу — ночь. При свете дня он играл в гольф с Томми Риммером в Саутпорте или сидел на ипподроме в Эйнтри, а ночи отдавал убийствам и ритуалам. Словом, окутанная саваном тумана, яхта неслышно пристанет к берегу, когда солнце будет сиять на противоположной стороне мира.

Сузанна стояла в ожидании на ночном пляже в Биркдейле. В полнейшем одиночестве. По правую руку искорки света обрисовывали

контур пирса. В пальцах она крутила пенни из 1927 года, ставший ее талисманом. Кажется, встреча со счастливой монеткой произошла немыслимо давно. Этот пенни она получила вон на том пирсе, но носила его словно бы вечно, хотя на деле едва минула пара дней. На горизонте, за песчаным пляжем и полоской залива, проглядывались огни морской бурильной платформы. Отсюда, с расстояния многих миль, она виднелась неясным светлым пятнышком, хотя установленные на ней прожектора наверняка оснащены колоссально могучими электрическими лампами. Но вот этого плотного песка их свет едва-едва достигал.

Сузанна помучилась ожиданием еще с минуту, а затем на нее обрушилось осознание всей бесполезности этого занятия. Яхта не появится. Она затонула в бездонных, ко всему безразличных пучинах Северной Атлантики, потому что в момент катастрофы ее беспомощная команда была потеряна в обоюдной, безнадежной иллюзии. Сузанна не способна сражаться с Гарри Сполдингом. Он призрак и чудовище. У нее нет таких средств, которыми можно было бы его встретить и побороть. Нет ни сил, ни знаний. Ее колени подкосились, заставив рухнуть на землю. Сузанна и не пробовала подняться. Песок был мягким и до сих пор исходил теплом после долгого и жаркого летнего дня. Небольшое утешение, проникавшее в кожу через одежные покровы. Сузанна сквозь пальцы пропустила поток крошечных, неисчислимых песчинок. Скорее можно догадаться об их точном количестве, чем противостоять Гарри Сполдингу...

Сузанна расплакалась. Повернулась к морю и попыталась сморгнуть слезы — на горизонте все расплывалось. Она вытерла глаза обратной стороной ладони, однако облако исчезать отказывалось. Хотя нет, речь шла вовсе не об облаке. На Сузанну шла волнистая полоса тумана, которая словно перекачивалась через себя, разрастаясь с каждой секундой. Неумолимо и молчаливо серая пелена сближалась с берегом. Сузанна с опаской поднялась на ноги. Шмыгнула носом. Отряхнула песок с ладоней. Покрепче сжала счастливый пенни и вцепилась в ремень сумки на плече. Осмотрелась было вокруг, однако шестым чувством поняла, что здесь она находится в полнейшем одиночестве. Сузанна пошла в ту сторону, куда, судя по всему, стремился попасть туман. Песок под ногами постепенно плотнел, пока наконец не превратился в неподатливую, запекающуюся на солнце массу, исчерченную рисунком последнего отлива. А вот сейчас надвигался прилив. И «Темное эхо» шло к берегу на этой волне.

Тут Сузанна услышала шаги, ритмичное хлюпанье, словно кто-то выдергивал ступни из засасывающей грязи. Она вспоминала, что где-то

рядом находятся зыбучие пески. Уже не раз в этом месте проваливались машины тех дурачков, которые по дороге в Блэкпул решались срезать угол сквозь предательскую иллюзию надежного грунта. Сузанна напряглась, готовясь встретить атаку зверя, и обернулась. Однако к ней приближалась женщина, а не мужчина. С меховым боа, в шляпке «колокол», она продиралась сквозь грязную жижу и водоросли, не жалея своих сапожек с пуговками.

— Джейн?

— Я не Джейн.

Женщина подошла ближе. Глаза под насурьмяненными бровями были налиты кровью, но лицо выглядело бледным. В темноте губная помада смотрелась совсем черной, и эта женщина была мертва.

— Ты знаешь, кто я?

— Вы Вера Чедвик.

— Джейн, я пришла просить прощения. О, если б я только к тебе прислушалась... Может, и удалось бы спасти бедняжку Хелен...

Сузанна кивнула. Она уже видела останки Хелен в яме. То, что здесь лежит богатая женщина, было ясно из ювелирных украшений, оставшихся на костях. К тому же Хелен была выше остальных жертв, выше и стройнее. И, как заметил Бернارد Ходж, смерть ее была страшной.

Вера Чедвик вздохнула. В свежести ночного пляжа ее дыхание отдавало прелым холодом гробницы.

— Джейн, твое фенианство было тут ни при чем. Я просто так это ляпнула. Семья Филиппа — католики из Бутла. Он, наверное, ничуть бы и не возражал...

Сузанна промолчала.

— Я отговаривала тебя от встречи с ним... потому что боялась. Он мог тобой увлечься. Все мужчины тобой увлекались, ты сама это знаешь... Джейн, ты очень красива. Всегда была красива. И это несправедливо. Почему все так несправедливо?

— По-другому не бывает, — сказала Сузанна.

— Ну, все равно, — промолвило привидение Веры Чедвик. — Я очень сожалею о случившемся. Очень-очень. — Она достала перчатки из кармана пальто и неловко натянула их на бледные дрожащие ладони. Затем повернулась и исчезла в темноте, оставив за собой лишь затихающее хлюпанье грязи под ногами.

Сузанна оглянулась на море, в направлении, откуда пришла яхта. Сейчас вокруг ее щиколоток обвивались щупальца тумана, ползущего по песку. Глаза уже различали силуэт «Темного эха». Полуразмытое в дымке,

судно неподвижно стояло у берега.

Подойдя ближе, Сузанна увидела веревочную лестницу, свисавшую с кормы. Она обогнула яхту вдоль борта, не в силах поверить собственным глазам, до какой степени та за один-единственный вояж успела обрасти ракушками, приобретя неимоверно запущенный вид. В отдельных местах дерево выглядело губчатым и податливым. От потемневшей обшивки несло мокрой плесенью. Из доброго десятка щелей сочилась какая-то жижа. Магическая сила, приведшая яхту сюда, нанесла страшный урон корпусу шхуны, подвергнув ее невыносимому напряжению своей хваткой. Судно явно оказалось здесь не по своей воле, постарев и одряхлев в ходе извращенного тысячемильного путешествия сквозь неохотно расступавшийся океан.

По веревочному трапу Сузанна опасливо взобралась на палубу. Никто ее не встречал. Сквозь открытый кормовой люк она спустилась по ступенькам, которые вели к капитанской каюте Магнуса Станнарда. В коридоре царило сумрачное, желтушное освещение, характерное для керосиновых ламп, тем более что в воздухе действительно пахло чем-то нефтяным. Дверь в капитанскую каюту оказалась открыта. Сузанна вошла. И увидела, что гниль, затронувшая «Темное эхо», одной лишь наружной обшивкой не ограничилась.

Стены каюты были увешаны плесневелыми черно-белыми фотографиями в рамках. Многие снимки истлели до такой степени, что на них ничего нельзя было разобрать. Впрочем привыкнув к сумраку, глаза начали различать кое-какие детали. Невероятная масса фотографий, должно быть, целая сотня. Сузанна решила приглядеться к ним повнимательней.

Вот снимок Сполдинга на боксерском ринге, напротив ухмыляющегося, косматого Хемингуэя. Противники запечатлены у стены с рекламой сигарет «Капрал». А вот, залитый резким солнечным светом, Сполдинг держит гоночный кубок на фоне ослепительно-белого, вздувшегося пузырем паруса. Еще один снимок: в черном фраке с галстуком-бабочкой он беседует с женщиной в меховом палантине у колес громадного локомотива, высеченного из глыбы льда. На соседней фотографии он стоит на цыпочках на краю трамплина для прыжков в воду — в старомодном купальном костюме, темный от загара и мускулистый. Вот, судя по всему, полицейский фотоснимок Габби Тенча, скалящего зубы под изломанным костяным венцом на месте макушки. Зубы залиты кровью, глаза распахнуты, рука на коленях до сих пор держит ракетницу, которой он поставил точку в своей жизни. Еще на одной фотографии был

изображен обезглавленный, безрукий и безногий женский труп, лежащий в запекшейся темной луже на брезентовой подстилке; рядом аккуратно сложенное, пропитанное кровью купальное полотенце. Жертва юна, с осиной талией и высокими, дерзкими грудями; из подгрудинной впадины торчит рукоятка тяжелого ножа. А вот фотопейзаж с тремя подсвеченными факелами крестами, на которых вверх ногами висят распятые люди в военной форме. В запястья и ступни по самые черенки вбиты штыки вместо гвоздей. Отрубленными левыми ладонями казненных им заткнули рты, откуда бледными паучьими ногами торчат пальцы. Выражение лиц этих людей дало понять Сузанне, что все происходило, пока они были еще живы.

Она инстинктивно отпрянула от зрелища гнусных зверств и едва не потеряла равновесие. В следующий миг Сузанна замерла: справа, со стороны книжного шкафа, донесся шорох, но она не решилась повернуть голову.

— Джейн, не покидайте нас так поспешно, — раздался оттуда высокий пронзительный голос. Сузанна знала, что принадлежит он Гарри Сполдингу. Получается, хозяин уже на борту?

Сузанна все же рискнула бросить взгляд в ту сторону. Никого. Раздался смешок, сухой и резкий, напрочь лишенный веселости. Исходил он от звукозаписывающей машинки. Восковой цилиндр вращается на оси; заводная рукоятка медленно крутится сама по себе, извлекая слова. Вновь слышится смех. Бесплотный и жуткий.

— Что ж, Джейн, до скорой встречи. Даже передать не могу, с каким нетерпением я ее поджидаю.

— Где вы?

Пауза.

— В номере «Палас-отеля».

— Гостиницы больше не существует. Ее снесли. Лет сорок тому назад.

— О нет-нет, Джейн. Она на месте. Надо только правильно присмотреться.

Сполдинг проскальзывал между мирами, путешествовал сквозь прошлое. Но после сегодняшней ночи он уже не сможет это повторить: Сузанна приняла необходимые меры.

Она повернулась к выходу. На стене, по правую руку от дверного проема, висело небольшое зеркало в латунной раме. Металл потемнел, стекло пошло трещинами, однако отражение было полно шикарной, детализированной роскоши.

В желтовато-жирном свете дюжины толстых свечей Сполдинг

выглядел изящно и утонченно. На нем были белые перчатки, монокль и полосатый костюм-тройка. Волосы тщательно уложены и от какого-то крема или масла поблескивают, как черепаховый панцирь. Он стоял возле письменного стола, щелкая замками круглой коробки, обтянутой дорогой кожей с давленным рисунком. В свете свечных фитилей замки отливали серебром. Наконец он поднял крышку и улыбнулся. Никакого звука не последовало, хотя, как была уверена Сузанна, Сполдинг наверняка удовлетворенно хмыкнул. Не сейчас, потому что позади нее никого не было. Все это действительно случилось, но только в прошлом.

Сполдинг аккуратно положил крышку на стол, сунул руку внутрь коробки и извлек человеческую голову, держа ее за волосы. Сузанна сразу узнала угловатые черты лица той женщины, которая беседовала со Сполдингом на фоне ледяного локомотива на одной из фотографий. Ей уже не требуется меховое боа. Волосы рыжеватые, пышные, неровная линия основания шеи оканчивается пустотой. Улыбаясь, Сполдинг неторопливо повертел голову в руках. В свете свечей кожа до сих пор казалась кремовой и полной жизни. Он сомкнул веки, поднес голову ближе и чувственно поцеловал в губы.

Сузанна отвела взгляд. Повернулась спиной к зеркалу, но увидела в каюте лишь сумрак. Один из снимков сорвался со стены и упал на пол комком сырой гнили.

Зеркало за спиной мигнуло резким, ослепительным огнем, словно сработала фотовспышка. Повинуясь неодолимой силе, Сузанна заглянула в отражение.

Сцена изменилась. Сполдинг одет в вечерний костюм. Каюта залита ярким светом внушительной люстры. На кожаном диване, откинувшись на подушки, с бокалом в руке сидит женщина, и Сузанне показалось, что это мисс Сайкс. Да-да, это Хелен. Сузанна узнала ее по ювелирным украшениям, которые сверкали из могильного котлована в жестком свете полицейских прожекторов.

Сузанна простонала. Хелен, одетая в атласное платье цвета слоновой кости, смотрела прямо в зеркало. Блондинка, красивая до умопомрачения. Неудивительно, что Вера Чедвик чувствовала неуверенность рядом с подругами вроде Джейн и Хелен. Она сидела, закинув ногу на ногу, и смеялась какой-то шутке Сполдинга, который стоял позади нее, возясь с шейкером. Девушка выглядела расслабленной и довольной.

Тут Сполдинг обернулся и что-то сказал. Хелен вдруг спала с лица и оцепенела, словно услышанное поразило ее ужасом. В два быстрых шага Сполдинг оказался рядом с ней, нагнулся, полоснул ножом по обнаженной

шее и столь же мгновенно отпрянул назад. Он двигался с проворностью атакующей гадюки. Бокал Хелен выскользнул из ослабевших пальцев. Еще секунду ничего не происходило. Затем кровь хлынула на платье пурпурной волной, девушка беспомощно вскинула руки к горлу и засучила ногами по полу.

Сполдинг обошел диван, встал напротив. Сейчас его движения были более размеренными. Он успел снять пиджак и держал в руке коктейль. Через плечо свешивалось полотенце. Он скинул его на пол и ногой принялся затирать кровь. Рассеянно прихлебывая из стакана, Сполдинг спокойно прибирал за собой следы убийства, пока его жертва еще дергалась в последних спазмах, не успев истечь жизнью окончательно.

Зеркало потемнело. Теперь оно вновь отражало сырой сумрак за спиной Сузанны. Она опустила глаза и передернула плечами. Патефонная игла глухо ткнулась в гнилой восковой цилиндр, и тишина застонала, превращаясь в звук. Артиллерийская канонада, вопли и мольба солдат. Обрывок военного марша. Жесткие, короткие ноты джазового пианино, негромкий разговор, хлопанье парусов на ветру, звучный голос, читающий стихи, затем вновь вопли, на сей раз женские. Дребезг доски для прыжков в воду, дробь шарика в рулеточном колесе, сухой щелчок взводимого курка и тонкоголосый, горький смех. Опять стоны — мучительные, младенческие. Плеск воды о кафельные стенки бассейна в солнечном свете. Треск раздираемой материи, стук рассыпавшихся молитвенных четок и шипение податливой взрезываемой плоти. Звяканье льдинок в стакане, тихое бормотание соблазняющих уговоров. Сузанна слышала саундтрек длинной, разрушительной жизни Сполдинга, и музыка, которую эта жизнь производила, звучала зловеще, но бодро.

— Какое было время, Джейн! — прошептал бестелесный голос. — Ах, какое время!

«Ничего, кончилось твое время, — подумала она, прижимая к себе сумочку и судорожно тиская медный талисман, ее счастливый пенни, запятанный глубоко в кармане. — Сейчас ты вновь человек. Ты этого просто еще не знаешь. Так что теперь ты можешь умереть, как и все остальные. Видит бог, так оно и случится».

Она вышла и направилась в сторону каюты Мартина. Повернула ручку, и та охотно поддалась. Сузанна слегка приоткрыла дверную створку. Внутри темно и тихо. В воздухе стоит запах тления, кислый и сладкий одновременно. Впрочем, на запах разлагающегося человеческого тела не похоже. Скорее, воняла испорченная пища, как если бы здесь хранился гнилой провиант. Сузанна вошла в каюту, на ощупь отыскивая

путь. На стуле кто-то спит. Еще один человек распростерт на койке. По седоватому отливу шевелюры стало ясно, что это Магнус. Человек на стуле заерзал. Мартин проснулся и увидел ее глазами, которые, должно быть, полностью привыкли к отсутствию обычного освещения.

— Сузанна?

Голос его походил скорее на шепот, хриплый, недоверчивый и испуганный.

Она бросилась к нему и заключила в объятия.

— Как ты здесь очутилась?

— Мы уже на земле.

— Уходи! Вот-вот появится Сполдинг. Сузанна, ты должна бежать. Тебе нельзя здесь быть. Он жив, полностью реален и идет сюда...

Мартин поднялся на ноги и потащил ее из каюты в сторону палубного люка. Сузанна уперлась, стряхнула его руку и затем со всей силы хлестнула Мартина по лицу. Ладонь обожгла жесткая щетина, и Сузанна поняла, что он давно не брился. Что-то скользнуло по ее ногам.

— Что это?!

— Крыса... — глухо отозвался Мартин.

— Очень мило!

— Это еще полбеды... Сузанна, он идет к нам.

— Мартин, я получила тот дневник, который ты выслал Делоне. Прочла его. Разыскала яхту. И пришла сюда намеренно, так что уходить в одиночку не собираюсь.

— Он и тебя к рукам приберет. Господи, только не это.

Она вновь дала ему пощечину. Сузанна была очень испугана, любила Мартина больше жизни, но порой он вел себя слишком уж благородно. Нет, отсюда она не побежит, во всяком случае без Мартина. Да и вообще выбираться надо сообща.

— Что с твоим отцом? — Она знала, что Магнус всегда спал чутко, однако сейчас даже не шевелился. — Апоплексический удар?

— Вряд ли. Мне кажется, это шок, а не паралич. Он как-то раз попытался подняться, но сразу упал в обморок, ушел в себя еще глубже. Я его кормил... разжевывал за него пищу... Он почти ничего не принимает, его рвет...

Мартин с тревогой и нежностью смотрел на обездвиженного отца.

— А здесь можно зажечь свет?

Он схватил ее за плечи.

— Нет времени. К нам идет Сполдинг.

— Спички, свечи... Мартин, встряхнись! Пусть он придет, так надо. Я

хочу, чтобы на яхте горели все огни! Пусть он мчится сюда со всех ног! Его торопливость будет нам только на руку.

Мартин горько улыбнулся. Похоже, он заранее сдался.

— Что-то я сомневаюсь... — сказал он, но все же принялся разыскивать свечи.

Глаза Сузанны к этому моменту тоже привыкли к полумраку и даже заболели, когда вспыхнула найденная свеча. Она взглянула на Магнуса: седая шевелюра старика почти сливалась с его посеревшим лицом, хотя дыхание все же не было натруженным, пока он прятался от внешнего мира внутри самого себя.

Фотография, висевшая в рамке на стене, привлекла ее внимание. Сузанна пригляделась. Она знала содержание по рассказам Мартина: черно-белый снимок, где они запечатлены вдвоем на какой-то вечеринке. Магнус щелкнул их без предупреждения, однако сейчас на фото она видела Джейн Бойт с Майклом Коллинзом во время пикника на дублинской Колледж-грин.

— Марти?

— Да?

«А эта борода ему очень идет», — подумала Сузанна.

— Ты помнишь, что я тебе рассказывала? Когда собиралась уехать якобы в Дублин?

— Помню. Ты сказала, что в твоей жизни нет места привидениям.

— Ну... в общем, это не вполне правда. Когда я так говорила, то, скорее, на это надеялась. Зато теперь я всем сердцем хочу, чтобы так оно и было.

— Может, надо хотеть сильнее...

Сузанна, однако же, понимала, что простого хотения здесь недостаточно.

— Он идет к нам, — сказал Мартин.

— Ты можешь нести Магнуса на руках?

— Разумеется. Он же мой отец.

— Тогда бери его и следуй за мной. Мы уходим.

Мартину пришлось обвязать веревку вокруг груди отца и в таком виде спускать его на песок, где ждала Сузанна. Пока он завязывал узел и пропускал трос через такелажный шкив, Сузанна осматривалась. Увы, туман не рассеивался. Пелена была по-прежнему плотной, обволакивающей.

Ноги успели промокнуть, пока она бродила вокруг корпуса судна. Поднимался прилив, чтобы унести «Темное эхо» прочь. В скором времени

прибудет Сполдинг, поднимется на борт. Хозяину захочется самому задать курс и встать к штурвалу, когда яхта оторвется от песка.

Мартин с трудом переставлял ноги под грузной ношей. Он был силен, но пережитое подточило его силы. Сузанна всем сердцем надеялась, что в нем еще осталась воля к борьбе.

Что-то крупное зашуршало в тумане, то ли какая-то ползучая тварь, то ли нечто вроде краба. Должно быгть, и Мартин это слышал, потому что замер на полушаге.

— Джейн! — позвал мужской голос.

Мартин осторожно спустил отца на сухую полосу песка, к которой уже подбиралась кромка наступающего прилива. Шуршание и костяное постукивание вновь донеслись из тумана.

— О, как я рад вас видеть, Джейн! Вы и вообразить не можете, что за веселье нас поджидает.

Пронзительный голос Сполдинга дребезжал в дымчатом воздухе. Мартин Станнард стянул с себя рубашку, швырнул ее на песок и вскинул кулаки. Сузанна обмерла, увидев, что старая рана на его руке вновь открылась. Разрез был глубоким, загноившимся. Ладонь побагровела, набухла и отливала синевато-желтым глянцем. Удар пришел из тумана неожиданно, попав точно в подбородок. Мартин пошатнулся, однако не упал. Его противник стремительно сменил позицию, готовясь к новой атаке.

— Джейн, нам предстоит закончить славное дельце, начатое еще в «Шелбурне». Заверяю вас, что с той поры я изрядно поднаторел. Мы сольемся в объятиях друг друга. Вы насладитесь мною, а я — вами. Теперь я знаю, как все сделать с толком и расстановкой. Знаю, как доставить женщине удовольствие.

Вслед за рукой последовал удар ногой, от которого Мартин сложился пополам. Он простонал, но вновь собрался с силами, принимая защитную стойку.

— Наказание по необходимости, — пояснил голос. — Ты возмутительно непослушен.

— Да? Ну иди тогда, накажи меня.

— Тебе со мной все равно не справиться, — насмешливо процедил Сполдинг где-то поблизости.

— Ты старый и дряхлый, — сказал Мартин. — А эта забава для молодых. — Он выплюнул на песок выбитый зуб.

Сузанна видела, что ненависть и презрение придают ему сил и выносливости. Он достаточно настрадался на борту яхты. В руке вообще,

похоже, начинается гангрена. От жалости к нему она была готова разрыдаться. Готова оплакать судьбу всех троих в столь тесной близости к Гарри Сполдингу. Но ей требовалось выждать.

Кулак поршнем вылетел из тумана и угодил Мартину в лицо, размалывая носовые хрящи. Мартин пошатнулся, еле удержавшись на ногах. Могучая, подвижная тень навалилась на него, но все же не сбила на песок: Мартин сделал финт, выскальзывая из-под удара. В вихрящемся мареве Сузанна услышала, как легли в цель его первые, точно выверенные хуки, отзываясь плотным чмоканьем. Она скорее слышала, чем видела попадание. Сполдинг по-прежнему напоминал полуразмытую, опасную и внушительную тень, однако Мартин знал, как бить и такого противника. Сузанна уже была свидетельницей той сокрушительной мощи, с которой Мартин разил хулиганов в ярком свете метропоезда. А сейчас из темной и непроницаемой пелены до нее донеслось стаккато ответных ударов, нанесенных Мартином. Она была уверена, что Сполдингу уже не удастся избежать возвращения в человеческую ипостась. Она сама приняла к этому все необходимые меры.

Сполдинг контратаковал могучим ударом, и Мартин вновь зашатался. Туман, впрочем, потихоньку начинал рассеиваться, истончаться. Мартин получил еще одно попадание и на сей раз все же опустился на колени, на быстро уходящий под воду песок. Сузанне показалось, что у него обмякло пол-лица, словно воздушный шарик проткнули шилом; красивые черты искажены, скула разбита.

В поле зрения скользнул Сполдинг; сначала в глаза бросились истлевшие парусиновые туфли под истрепанной каймой некогда белых штанин, а затем он мыском ударил Мартина в подбородок и навалился сверху, погружая голову противника в накат прибоя. Мартин до плеч ушел в кипящую взвесь водяных пузырьков и крови. Грязная пена липла к его волосам. Сузанна следила за происходящим и думала, что все это не имеет значения. Неважно, что Мартин проиграл схватку. Ему достало сил выполнить главнейшую задачу: он вынудил Гарри Сполдинга показаться у нее на глазах. И в этом заключалась его победа. Ничего другого сейчас и не требовалось.

Из сумочки Сузанна достала пистолет Джейн Бойт. Тот самый маузер, который она нашла в музейной коробке и который затем благословил монсеньор Делоне. Она сняла предохранитель, вскинула оружие и аккуратно прицелилась, наизусть помня заботливые советы Боланда на тему, как именно следует стрелять в людей. Гарри Сполдинг повернул лицо в ее сторону и ухмыльнулся, потому что ничего этого не знал.

Сузанне хватило времени понять, что десятилетия жажды крови превратили его глаза из ярко-синих, как свидетельствовала Джейн, в темно-бурые и что зубы в его улыбчивом черепе были практически черными. Сразу после этого она разрядила весь восьмипатронный магазин в его тело.

Сузанна бросила пистолет на песок. Вытащила Мартина из полосы прибоя. Когда его глаза распахнулись, в них уже читалась работа мысли. Сразу после выстрелов туман начал рассеиваться куда быстрее, однако на пляже не обнаружилось трупа: лишь лохмотья да кости, которые уже тонули в песке, пока бурные волны уносили в море остатки истлевшей ткани.

— Бери отца, Мартин, — скомандовала Сузанна. — Мы возвращаемся домой.

Мартин опасливо пощупал ввалившуюся после удара скулу. На лице читалась мука. Он силился обуздать боль, но повреждения оказались очень серьезными. Когда он заговорил, голос его прозвучал невнятно, слова давались с трудом.

— Отец знал, что Сполдинг придет за яхтой...

— Тсс!

— Вчера на краткий миг он пришел в сознание и...

— Мартин, молчи!

— Он надеялся, что Сполдинг еще вернется. Не знаю, он, наверное, считал его кем-то вроде Джея Гэтсби...

— Тебе нельзя разговаривать.

— Но я должен это сказать...

Она кивнула. Несмотря на боль, Мартин спешил изложить ей нечто важное.

— Отец думал, что Сполдинг поделится с ним секретом общения с мертвыми. Он так и не сумел оставить прошлое прошлому. Не простил себе потерю жены. И дочери. Он так и не оставил надежду...

— Его все равно постигло бы разочарование.

— То есть?

— Я про общение с мертвыми.

Мартин внимательно взглянул на нее.

— А ведь он думал, что ты Джейн Бойт.

— Да, я с ней познакомилась.

— И какая она?

— Отважная и красивая.

— Я тоже вроде бы знаю одну такую женщину.

Мартин улыбнулся. Выглядел он ужасно. Челюсть вздулась, скула раздроблена. Одного зуба не доставало, кровь, струившаяся из носа, капала на грудь с подбородка. Слова он произносил невнятно, как пьяный.

— Как твоя рука?

— Ну... Уже заживает.

В воде под ногами Сузанны сверкнул какой-то отблеск, и она подумала было, что встает солнце. Впрочем, обернувшись, она поняла, что свет исходит вовсе не с востока. Нет, это не рассвет. Еще слишком рано. Огонь свечей, зажженных на борту «Темного эха», превратился в могучее пламя. В воздухе растекся запах керосина. Сейчас яхта пылала от носа до кормы, напоминая плавучий погребальный костер, подхваченный волной, — оранжевый, неистово пылающий шар, означающий окончательную гибель судна.

«Самое время», — подумала Сузанна.

Никто не проронит и слезинки. Жаль только, рядом нет людей, заслуживших стать свидетелем этого радостного события. Ах, если бы только это могли видеть Фрэнк Хадли и Джек Питерсен. И Патрик Бойт, Бернارد Ходж и монсеньор Делоне. Да и тот мужественный и малоразговорчивый фермер по фамилии Дюваль. И капитан Штрауб, шкипер гордой и запущенной «Андромеды». И конечно же, Магнус Станнارد. Погруженный в лечебный сон на берегу, отец Мартина пропустил все драматические события. Имелись, впрочем, и другие люди — давно умершие, — которым наверняка понравилось бы это зрелище. А вообще-то, пришло Сузанне в голову, они, наверное, все же следили за происходящим, не будучи скованными теми ограничениями, что распространяются на живых людей. Она, однако, уже махнула рукой на привидения. И искренне надеялась, что они, в свою очередь, забыли про нее.

Сузанна шагнула к Мартину и обняла его, не обращая внимания на кровь и грязь.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— И слава богу, — ответил он.

— Забирай отца, Мартин. Подними его ласково и осторожно. Мы все возвращаемся домой.

ЭПИЛОГ

Я едва не лишился руки. Некоторое время все висело на волоске. По счастью, хирург был опытным, настойчивым и сумел ее спасти. По сравнению с тем случаем, когда я впервые получил рану, физиотерапия оказалась намного более мучительным и тоскливым процессом. Впрочем, мышцы оправились, пересаженная кожа прижилась, и я в конце концов выздоровел. Рука уже никогда не сможет наносить удары с прежней силой и скоростью, однако я питал искреннюю надежду, что мои боксерские дни закончились и про них можно забыть.

Ситуация с отцом выглядела более сложной. Вплоть до начала вояжа я и понятия не имел, до какой степени его подсекла скорбь. Дух его был сломлен с первых минут путешествия. Мне думается, уход от дел дал ему время задуматься о тех людях, которых он любил, ценил в своей жизни, а затем потерял. Последний по счету отцовский брак распался. Чичестер оказался лишь поверхностной вещью, развлечением, которое на самом деле его ничуть не отвлекло от внутренней боли и одиночества. Он все поставил на яхту, надеясь, что она даст ему не просто вызов, но и новый путь в жизни. Все поставил на нее. И разумеется, проиграл.

Я надеялся, что возвращение к бизнесу, пусть и частичное, повлияет на него благотворно. Или, скажем, он мог бы посвятить себя благотворительности. Отец всегда был щедр к нуждающимся. Он мог бы принять на себя более яркую роль, продвигая достойное во всех отношениях дело.

Как гласит поговорка, «добродетель сама себе награда». На деле все получилось иначе, потому как он нашел себе новое жизненное призвание. Он до сих пор время от времени предается «чичестерству» в ходе своих распутных поездок в Бат, Эдинбург или тот же Чичестер. По крайней мере, мне так кажется. Его горничная, отправляя костюмы в чистку, постоянно находит в карманах корешки железнодорожных билетов первого класса. С другой стороны, подобное времяпрепровождение уже не имеет для него былой важности.

Вскоре будет два года с того дня, когда нас с Сузанной обручил монсеньор Делоне. Свадьбу сыграли, как только залечилась моя рука, а лицо перестало напоминать отбивную. Сузанна понесла почти сразу. Нашего сына зовут Майкл. Мне нравится это имя. Я вообще люблю имена простые, традиционные. А Сузанна, покончив с привидениями, все же

считает, что кое-какие долги заслуживают особого к себе отношения.

Магнус Станнард — дедушка. Эту роль он принял на себя со всей присущей ему энергией и бесконечной радостью. Внук стал, по сути дела, причиной его окончательного выздоровления.

Делоне оказался прав, предсказав такое развитие событий... о, целую жизнь тому назад. Да, было бы преувеличением заявить, что нет худа без добра. Но ведь мы пережили нечто на редкость жуткое и вынесли из него кое-что получше простого добра. Что еще нужно человеку? Мы исполнены подлинной и бессмертной надежды. В своей жизни мы все стремимся вырваться из темноты на свет.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

notes

Примечания

Брюнель Изамбард Кингдом (1806–1859) — выдающийся британский инженер, прославившийся постройкой железных дорог, мостов, туннелей и крупнотоннажных судов. Умер от апоплексического удара, случившегося с ним во время подготовки колоссального парохода «Грейт Истерн» к ходовым испытаниям. *(Здесь и далее прим. перев.)*

Разговорное название Портсмута.

Барон Джон Рит (1889–1971) — первый генеральный директор корпорации Би-би-си.

13 марта 1996 г. шестнадцать учеников младших классов и одна учительница в шотландском городке Дунблан погибли от рук вооруженного маньяка.

Фений — член тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии из-под английского владычества.

Драматический тенор (нем.).

Потрясающе (фр.)

8

32 градуса по Цельсию.

Протестантское братство, преимущественно базирующееся в Северной Ирландии и Шотландии. Названо так в честь Вильгельма Оранского.

Первая всеанглийская перепись населения и земельных наделов, проведенная Вильгельмом Завоевателем в 1086 году. Такое название укоренилось в народе по ассоциации с книгой, по которой на Страшном суде будут судить людей.

Разговорное название английских карательных отрядов, подавлявших ирландское восстание в начале 1920-х годов. Солдаты носили желтовато-коричневую униформу с черными ремнями.

Удачи! (фр.)